3 1761 07035062 4

347/512
2 vol in 1
50.-
287, 235 p.
1867

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/samozvantsy00mord

САМОЗВАНЦЫ

и

ПОНИЗОВАЯ ВОЛЬНИЦА.

ТОМЪ I.

САМОЗВАНЦЫ.

Mordovtsev, Daniil Lukich
III

САМОЗВАНЦЫ

и

ПОНИЗОВАЯ ВОЛЬНИЦА.

Samozvantsy
„КУЛЬТУРА"
Русскій Книжный Магазинъ
БИБЛІОТЕКА И ГАЗЕТНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ
Г. Л. ПАХАЛОВА
383, Grand rue de Péra, 385
CONSTANTINOPLE
1344-a
t. 1-2

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ

Д. МОРДОВЦЕВА.

ТОМЪ I.

Самозванецъ Степанъ Малый. — Дополнительныя данныя о Степанѣ Маломъ. — Самозванецъ Богомоловъ. — Пугачовъ. — Пугачовъ до самозванства и первыя дѣйствія самозванца до взятія Татищевской крѣпости. — Самозванецъ Ханинъ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Гостиный Дворъ, № 18, 19 и 20.

МОСКВА.
Кузнецкій Мостъ, д. Рудакова.

1867.

DK
183
M6

790746

Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.
На углу Могилевской и Канонерской, № 7/2.

САМОЗВАНЦЫ.

Самозванецъ Степанъ Малый.

Явленіе Пугачова, какъ самозванца и претендента на всероссійскій тронъ, подготовлено было цѣлымъ рядомъ одинаково смѣлыхъ и рѣшительныхъ, но и одинаково несчастныхъ искателей русскаго престола, изъ которыхъ одинъ, солдатъ Кремневъ, появившійся много лѣтъ раньше Пугачова, цѣлые годы высидѣлъ въ воронежскомъ острогѣ и пережилъ знаменитаго Емельяна, другой — Богомоловъ, схваченный въ волжскомъ козачьемъ войскѣ за годъ до Пугачова, умеръ, на дорогѣ въ Нерчинскъ, въ то самое время, когда Пугачовъ имѣлъ уже свое войско, артиллерію и крѣпости и успѣлъ наполнить ужасомъ цѣлую треть населенія Европейской и Азіятской Россіи. Но въ то время, когда Кремневъ сидѣлъ въ тюрьмѣ въ ожиданіи казни, а Пугачовъ былъ еще не больше какъ новопроизве-

денный казацкій офицеръ (хорунжій), но уже мечтавшій о многомъ, — третій самозванецъ, никогда не бывшій въ Россіи и не русскій по происхожденію, но славянинъ, вдали отъ Россіи, но именемъ давно умершаго русскаго императора Петра III, приводилъ въ трепетъ и разбивалъ огромныя турецкія арміи, уничтожалъ всѣ планы и распоряженія сената Венеціанской республики, обращалъ въ бѣгство ея войска и не боялся ея флота, еще страшнаго въ то время. Судьба этого самозванца замѣчательна въ высшей степени: слава объ немъ прошла по всѣмъ государствамъ, и цѣлая Европа говорила о его побѣдахъ, какъ о чемъ-то необыкновенномъ; его именемъ взволнована была большая часть Турецкой Албаніи, Адріатическое поморье, нѣсколько городовъ и селеній территоріи Венеціанской республики и вся Черногорія: черногорцы, албанцы и венеціане неудержимо шли подъ его знамена, поднятыя во имя свободы.

Личность этого замѣчательнаго человѣка принадлежитъ не столько намъ, сколько Черногоріи; однако, она должна быть занесена на страницы русской исторіи, потому что черногорскій самозванецъ дѣйствовалъ именемъ Россіи и, по-видимому за Россію, приводя въ исполненіе, быть можетъ, ложно и необдуманно, но, можетъ быть, и искренно тѣ идеи, которымъ давно сочувствовали лучшіе люди славянскаго міра. Не его вина, если средства, которыми онъ располагалъ, были ничтожны, а сосѣди и тѣ, которые должны были быть его друзьями, боялись его и не задумались въ выборѣ средствъ погубить опаснаго для нихъ человѣка.

Еще до разрыва дружественныхъ сношеній между Россіею и Оттоманскою Портою, въ концѣ 1767 года, когда даже въ Россіи, не только за границею, пять лѣтъ громкаго царствованія императрицы Екатерины II давно могли заставить забыть покойнаго императора Петра Ѳедоровича, не долго царствовавшаго и не успѣвшаго оставить по себѣ памяти, — по Черногоріи мгновенно прошла вѣсть, что онъ живъ и явился у Адріатическаго поморья, чтобы, соединивъ славянскіе народы, томившіеся подъ ярмомъ турецкаго покровительства и составлявшіе часть владѣній вольной Венеціи; образовать, вмѣстѣ съ Россіею и Черногоріею, одно великое славянское государство, съ господствующею греческою религіею. Не знаемъ, могли ли понимать идею этого смѣло задуманнаго или, просто, нечаянно создавшагося плана юнаки-горцы и забитыя славянскія племена Адріатическаго прибрежья, воодушевляла ли ихъ идея соединенія съ Россіею на столько, какъ можетъ намъ это казаться, или кругъ ихъ юнацкихъ понятій единственно ограничивался мечтою о близкой возможности подраться съ притѣснителями — «са турцима и съ вѣромъ латинскомъ», — только вѣсть о появленіи между ними русскаго царя встрѣтила горячее сочувствіе въ бѣдныхъ славянахъ.

Виновникомъ этого движенія былъ юноша, по-видимому, лѣтъ осьмнадцати, появившійся въ Черногоріи вскорѣ послѣ обнародованія въ Россіи манифеста о смерти императора Петра III и поступившій въ услуженіе къ одному богатому черногорцу, хотя благородная наружность и горделивые пріемы не соотвѣт-

ствовали его низкому званію. Никто не зналъ, кто онъ и откуда: знали, или, напротивъ, говорили только, что онъ пришелъ изъ Крайны. Пришлецъ былъ, повидимому, богатъ, но никто не зналъ, откуда онъ имѣлъ деньги; видно было, что онъ получилъ хорошее образованіе, потому что зналъ нѣсколько языковъ и слылъ въ народѣ подъ именемъ врача. Въ одно время пришлецъ передалъ своему господину за тайну, что онъ — русскій императоръ Петръ Третій, что вѣсть о его смерти распущена русскимъ правительствомъ ложно и такъ далѣе. Намъ знакомы эти пріемы: такъ Димитрій, будущій царь Россіи, слуга Вишневецкаго, открывается своему господину, что онъ сынъ московскаго царя и что вѣсть о его смерти распущена тѣми, которые покушались на его жизнь; такъ Пугачовъ, будто противъ воли и съ горестью, повѣряетъ тайну одному яицкому казаку, у котораго былъ работникомъ, что онъ — царь, котораго давно поминаютъ за упокой въ церквахъ, не вѣдая, что онъ живъ и пришелъ спасти Россію, и т. п.

Этотъ новый самозванецъ слылъ въ народѣ подъ именемъ Степана Малаго. Какимъ образомъ въ молодой головѣ его родилась мысль сдѣлаться славяно-русскимъ царемъ; былъ ли онъ къ тому настроенъ и воодушевленъ греческимъ духовенствомъ и православными славянскими монахами, которымъ опротивѣла роль рабовъ и безотвѣтныхъ жертвъ мусульманскаго начальства; помнилъ ли онъ старую дружбу сербскаго народа съ русскимъ и вѣрилъ возможности соединенія съ Россіею; была ли это тайная, глубоко скрытая, интрига Австріи,

Пруссіи, наконецъ, какой-либо другой державы или никому неизвѣстной партіи въ Польшѣ, даже въ Россіи,— мы не имѣемъ на это положительныхъ доказательствъ: но что онъ имѣлъ партизановъ въ калугерахъ и другихъ представителяхъ Черногоріи, былъ подготовленъ къ избранной роли, — это несомнѣнно. Онъ увѣрилъ тѣхъ, съ кѣмъ прежде столкнула его судьба, что вѣсть о его мнимой смерти и погребеніи была выдумана русскимъ правительствомъ, что онъ бѣжалъ изъ заключенія и пришелъ спасти славянскія племена и ихъ вѣру отъ турецкаго и латинскаго насилья, — тѣ же пріемы, какіе употреблялъ въ свое время Пугачовъ, лаская народъ обѣщаніями свободы и облегченія податей, а раскольникамъ суля свободу вѣры и совѣсти. Черногорцамъ хотѣлось вѣрить словамъ самозванца, и они вѣрили имъ. Всего естественнѣе, что желанія ихъ не простирались вдаль; они не думали да, быть можетъ, и не были на столько развиты политически, чтобы думать о славянской федераціи: было бы имъ хорошо да вѣру ихъ не трогали, жить не мѣшали,— вотъ и все, чего желали они. Вѣроятно также, что и самъ Степанъ Малый не былъ такой энтузіастъ, чтобы мечтать о русской коронѣ; его мечты, быть можетъ, не то обѣщали ему, хотя самъ онъ и сулилъ скромнымъ калугерамъ много несбыточнаго.

Въ сентябрѣ 1767 года, изъ черногорской провинціи Майны, самозванецъ, какъ царь русскаго народа, послалъ въ Будву, въ одинъ изъ приморскихъ городовъ, принадлежавшій тогда Венеціи, прокламацію или манифестъ, съ тѣмъ, чтобы онъ прочитанъ былъ въ городѣ.

«Мы, Степанъ Малый (говорилось въ этомъ странномъ манифестѣ), который скоро будетъ *Великимъ*, возвѣщаемъ народу, что плоды не созрѣли еще; но когда настанетъ время, и созрѣютъ плоды, въ нихъ найдетъ народъ неисчерпаемыя сокровища — драгоцѣнные камни, рубины, смарагды, сапфиры, алмазы, золото и серебро, — и каждый, кто увѣруетъ въ насъ, будетъ имѣть все, чего пожелаетъ. Миръ и благоденствіе тѣмъ, которые покорятся намъ, и горе невѣрующимъ и непокорнымъ: они погибнутъ отъ меча и будутъ брошены въ море, которое ждетъ только нашего голоса, чтобы встать и поглотить все живущее.»

Съ манифестомъ отправленъ былъ монахъ Василій Марковичъ, въ то время канцлеръ и секретарь черногорскаго владыки Саввы Петровича. Странныя, довольно витіеватыя, но самоувѣренныя выраженія этой прокламаціи, которую жизнеописатель Степана Малаго называетъ «нѣсколько сумасбродною», произвели на жителей Будвы сильное впечатлѣніе. Марковичъ читалъ воззваніе вездѣ и всѣмъ, кто могъ его слушать, грозилъ и пугалъ именемъ Степана Малаго, ласкалъ обѣщаніями Богъ-вѣсть какого благополучія, — и скоро молва о появленіи въ Черногоріи русскаго царя прошла такъ далеко, какъ едва ли могъ разсчитывать смѣлый самозванецъ. Народъ вездѣ болѣе или менѣе довѣрчивъ, особенно тогда, когда ему тяжко жить, и тамъ особенно, гдѣ, при безвыходности положенія настоящаго горя, ему сулятъ и перемѣну горькой жизни, довольство и счастье въ будущемъ; довѣрчивъ онъ къ этимъ обѣщаніямъ потому, что ему терять нечего, кромѣ

жизни, между тѣмъ какъ въ душѣ у бѣдняка еще остается надежда на лучшее. Особенно вѣритъ всякимъ нелѣпостямъ доброе сердце славянина, котораго вся историческая, долговременная жизнь не успѣла много ознакомить съ тѣмъ, что другіе народы называютъ гражданскимъ благосостояніемъ. Понятно, что если русскаго мужика могъ увлечь Пугачовъ, и онъ шелъ подъ его бѣлое съ крестомъ знамя на встрѣчу смерти, не боясь ни кнута, ни Нерчинска, ни даже московской волокиты, то съ подобнымъ же чувствомъ ожиданія лучшей жизни отозвалась Черногорія на зовъ какого-то русскаго царя, котораго она никогда не видѣла; можетъ быть, къ этому примѣшивалось и другое чувство, даже страхъ, внушаемый именемъ самозванца. Наконецъ, однимъ изъ сильнѣйшихъ побужденій стать подъ знамя Петра III была разнесенная по Черногоріи вѣсть, что уполномоченный русскимъ императоромъ калугеръ ихъ, Василій Марковичъ, возбуждавшій народъ къ возстанію, навлекъ на себя месть венеціанскаго правительства, которое старалось схватить отважнаго монаха. Встревоженный сенатъ оцѣнилъ даже его голову. Подобныя оскорбительныя распоряженія венеціанской полиціи не могли не напомнить народу цѣлаго ряда старинныхъ, кровныхъ обидъ, за которыя Венеціи еще не заплачено. Воззванія Марковича сдѣлали то, что все поморье встало поголовно и пошло на встрѣчу русскому царю. Марковичъ увидѣлъ себя во главѣ многочисленнаго народнаго ополченія.

Жители пришли къ Степану съ поклономъ и поздравленіемъ; явились и чиновники изъ Каттаро, чтобы

имѣть честь представиться императору, — такъ велико было всеобщее воодушевленіе! Приморскія пространныя общины венеціанской Далмаціи, цѣлыя провинціи Албаніи и пограничныя сербскія общины, находившіяся подъ властію турокъ, узнавъ о прокламаціяхъ Марковича и слыша изъ устъ народа о появленіи Петра III, о томъ, что скоро настанутъ войны съ притѣснителями, что настанетъ скоро и свобода, — послѣдовали общему увлеченію и шли соединиться съ черногорцами. Вотъ почему такъ встревожился венеціанскій сенатъ; не менѣе того ошеломлено было и черногорское правительство, въ главѣ котораго находился тогда митрополитъ Савва, изъ рода Петровичей, человѣкъ добрый, но слабый, почитаемый народомъ болѣе изъ приличія, чѣмъ по внутреннему чувству любви и уваженія къ престарѣлому владыкѣ, который жилъ уединенно и ни во что не вмѣшивался. Тотъ, кѣмъ могуча была Черногорія, владыка Василій Петровичъ, племянникъ Саввы, умеръ въ Петербургѣ въ 1766 году. Около самозванца образовался дворъ, свита, назначены министры и генералы. Знаменитый Симо-Суцца, который давно былъ грозою турокъ, даже черногорцевъ, и всѣхъ, кто только могъ показать ему видъ сопротивленія, пожалованъ званіемъ великаго вииочерпія царскаго и генераломъ его арміи. Напрасно старые, липенные народнаго довѣрія, приверженцы правительственныхъ сторонъ Венеціи, Турціи и самой Черногоріи старались остановить волненіе населенія, увѣряя его въ неосновательности слуховъ, распущенныхъ партизанами самозванца, и представляя неопровержимыя доказательства, что Петръ

III дѣйствительно умеръ и погребенъ: народу было все равно, что ему ни говорили. Напрасно Венеція, ставъ за свои права, которыя сама давно разучилась уважать въ другихъ, силилась доказать, пуская въ народъ свои казенныя объявленія, что возмутившій его спокойствіе пришлецъ — не царь, а обманщикъ: сербъ не вѣрилъ уже въ то время ни венеціанскому сенату, ни его полиціи, тѣмъ менѣе могъ вѣрить дожу, потому что искони сербъ не любилъ «дужда млетачкога» и въ своихъ пѣсняхъ далъ ему мѣсто малымъ чѣмъ почетнѣе, какое отвелъ «проклетому» турку. Что же касается тогдашней главы Венеціанской республики, дожа Мочениго, то ни черногорецъ, ни далматинецъ не имѣлъ никакого повода любить его особенно, тѣмъ болѣе, что и въ самой Венеціи его не ставили ни во что, называя въ насмѣшку «догарессой» [1]). Напрасно престарѣлый владыка старался вразумить своихъ подданныхъ письмами и словесными увѣщаніями, представляя сильныя доказательства въ подтвержденіе самозванства Степана Малаго. Тщетными, наконецъ, оказались и послѣднія мѣры къ подавленію возстанія: нашлись люди, которые сами были въ Петербургѣ, при жизни Петра Ѳедоровича, и лично имѣли случай бесѣдовать съ покойнымъ императоромъ; они клялись, что видѣн-

---

[1]) Вотъ эпиграмма, сравнивающая двухъ послѣднихъ дожей Венеціи съ двумя римскими папами.

Gran doge Foscarini,
Gran papa Lambertini;
Ma Rezzonico papessa,
Moncenigo dogaressa.

Hist. de la répub. de Venise, P. Daru. V. 47.

ный ими царь нисколько не похожъ на того, который теперь пришелъ въ Черногорію. Тогда явились другіе свидѣтели: они стали увѣрять народъ, что ни указы венеціанскаго сената, ни внушенія владыки, ни показанія лицъ, бывшихъ при русскомъ дворѣ и лично видѣвшихъ императора, никакъ не могутъ быть доказательствами самозванства явившагося между ними русскаго царя; что и сенатъ, и владыка, и всѣ, свидѣтельствующіе противъ Петра III, — его недоброжелатели и клевреты русскаго двора; что всѣ ихъ показанія и клятвы еще болѣе обнаруживаютъ ту таинственную нить интригъ, посредствомъ которыхъ Петръ III лишился престола; что все это ковы его враговъ, новыя преслѣдованія, отъ которыхъ несчастный императоръ не можетъ укрыться даже въ своемъ послѣднемъ убѣжищѣ, у добрыхъ черногорцевъ, «своихъ друзей и братьевъ», у которыхъ онъ пришелъ просить защиты и помощи. Какъ самый сильный и неопровержимый аргументъ того, что явившійся среди ихъ народа странникъ есть дѣйствительно изгнанный изъ Россіи Петръ III, они представляли его любовь къ вину и водкѣ, къ *ракіи*, которую царь охотно пьетъ съ своими новыми министрами и генералами [1]). Наконецъ, не замедлилъ явиться еще одинъ свидѣтель въ пользу самозванца.

Въ Майнѣ, гдѣ прежде всего появился самозванецъ и открылся въ томъ, что онъ царь, былъ тогда сердарь Марко Тановичъ, который пользовался уваженіемъ и

[1]) Подлинныя слова жизнеописателя Степана Малаго.... son amour pour le vin et le *rachia* ou eau-de-vie qu'il buvoit en abondance avec ses nouveaux ministres d'état et ses généraux d'armée (Stiépan-Mali, p. 21).

полнымъ довѣріемъ какъ между своими близкими соотечественниками, такъ и между всѣми черногорцами; онъ имѣлъ вѣсъ въ народѣ и по своему происхожденію, и по родственнымъ связямъ, наконецъ, по богатству своихъ стадъ, и особенно потому, что былъ когда-то въ Петербургѣ, именно въ царствованіе Петра III, и былъ принятъ ко двору. Говорили, что онъ имѣлъ аудіенцію у покойнаго императора, часто былъ приглашаемъ къ его столу и много разъ пилъ тосты съ нимъ за здоровье и благоденствіе самого государя, его имперіи, за здоровье всѣхъ черногорцевъ, его друзей и братьевъ. Пользуясь такимъ авторитетомъ, Марко Тановичъ былъ первый изъ мірянъ, который поклялся передъ черногорцами своею жизнію и имуществомъ, что находящійся между ними странникъ — точно императоръ Петръ III, — въ то время, какъ извѣстный калугеръ Василій Марковичъ, который объявилъ въ Будвѣ манифестъ самозванца, самое уважаемое лице между своими монахами и всѣми священниками греческаго исповѣданія, говорилъ вездѣ, призывая Бога въ свидѣтели, что его слова и клятва Марка Тановича не ложны. Чтобы болѣе убѣдить народъ въ томъ, въ чемъ, кажется, онъ и безъ того убѣждался, Марко Тановичъ не смѣлъ отказаться отъ чести служить Степану Малому, когда самозванецъ, желая видѣть себя царемъ Черногоріи, назначилъ его своимъ великимъ канцлеромъ. Въ качествѣ канцлера, онъ носилъ государственную печать, которую будущій императоръ вручилъ ему, возлагая на него званіе перваго своего министра. Всего удивительнѣе то, — восклицаетъ по поводу этого обстоя-

тельства жизнеописатель Степана Малаго, — что великій канцлеръ Черногоріи, который долженствовалъ быть впослѣдствіи канцлеромъ всей имперіи россійской — имперіи, въ настоящее время, самой обширной, какая только существовала со временъ древней Римской имперіи, — не умѣлъ ни читать, ни писать даже на своемъ родномъ языкѣ [1]). Можетъ быть, Марко Тановичъ былъ прежній господинъ Степана Малаго, раньше всѣхъ признавшій въ своемъ слугѣ развѣнчаннаго императора, когда онъ пришелъ въ Майну; какъ бы то ни было, но это свидѣтельство и клятва рѣшили дѣло: черногорцы созвали вѣче и единодушно признали незнакомца своимъ и русскимъ царемъ. Энтузіазмъ и слѣпая вѣра въ лучшее будущее, подъ державой помазанника, котораго права они признали и готовились защищать, были такъ сильны, радость ихъ такъ обаятельна, что не только свободные черногорцы, но и другія общины, расположенныя по рѣкамъ Зетѣ и Морачѣ, — Бѣлопавличи, Пиперы и Кучи, находившіеся подъ властью турокъ, — отложились отъ султана и присягнули на подданство Россіи, въ лицѣ Петра III [2]).

Что касается до наружности и пріемовъ этого загадочнаго лица, то въ немъ, по-видимому, не было ничего общаго съ покойнымъ царемъ русскимъ. Очевидецъ такъ его описываетъ: самозванецъ былъ молодъ,

---

[1]) Stiép.-Mali, p, 24-52. Для насъ это неудивительно, потому что и у Пугачова всѣ члены его военной коллегіи и государственнаго совѣта, даже предсѣдатели и самъ императоръ, не умѣли ни читать, ни подписывать своего имени.

[2]) Путешеств. въ Черногор., Попова, 64.

имѣлъ прекрасные и живые глаза; онъ не былъ высокъ, но превосходно сложенъ; онъ говорилъ на многихъ языкахъ съ легкостію и большимъ изяществомъ. Несходство ли съ наружностію государя, имя котораго онъ принялъ, или другія причины заставляли его, особенно въ началѣ своего царственнаго поприща, принимать нѣкоторыя предосторожности съ лицами, съ которыми онъ имѣлъ сношенія: онъ старался держать себя нѣсколько въ сторонѣ, и такъ, чтобы всегда находиться въ полусвѣтѣ; «калпакъ» свой (черногорская шапка, родъ фески) онъ надѣвалъ очень низко, надвигая къ самымъ глазамъ; его никто не видѣлъ неодѣтымъ, кромѣ развѣ самыхъ приближенныхъ лицъ и тѣхъ слѣпыхъ фанатиковъ, которые свято вѣрили его царственному происхожденію и неотъемлемымъ правамъ на русскій престолъ [1]).

Было еще много другихъ обстоятельствъ, которыя ясно говорили, что Степанъ Малый вовсе не былъ той особой, за которую выдавалъ себя. Но — прибавляетъ его жизнеописатель — умъ человѣческій, по какимъ-то непостижнымъ законамъ противорѣчія, часто вѣритъ тому именно, что всего менѣе вѣроятно, и нерѣдко цѣлыя массы, не имѣя силъ, а, можетъ быть, даже и охоты противостоять общему увлеченію, когда оно уже началось такъ или иначе, по чьей-либо прихоти, или просто по ошибкѣ или недосмотру, — покорно склоняются передъ тѣмъ, что̀ создано и возвеличено ихъ же собственною фантазіею. Тѣмъ обаятель-

[1]) Stiép.-Mali, 21-22.

нѣе становится это увлеченіе, иногда, по-видимому, самое безсмысленное, чѣмъ болѣе оно соединено съ положительными ожиданіями и требованіями массы и ведетъ къ цѣли, къ которой хотѣлось бы дойти тѣмъ или другимъ путемъ, только бы скорѣе и вѣрнѣе, или хотя бы какъ-нибудь и когда-нибудь. При Пугачовѣ, русскій народъ видѣлъ вдали не Пугачова на тронѣ, а свои мелкія, можетъ быть, безумныя и даже положительно незаконныя, требованія и ожиданія дошедшими, наконецъ, до цѣли; изъ-за релей, на которыхъ самозванецъ вѣшалъ всѣхъ, кто шелъ на перекоръ его, по-видимому, сумасброднымъ домогательствамъ, народу свѣтились давно ожидаемыя льготы, довольство жизни, и мало ли еще что. Не за Пугачова онъ шелъ умирать. Черногорскій самозванецъ не могъ не сознавать этой простой истины, быть можетъ, угадывая ее чутьемъ своего генія, потому что онъ именно такъ взялся за дѣло, какъ слѣдовало: онъ явился какъ-будто олицетвореніемъ народной воли, ясно указавъ черногорцамъ на то, что они, конечно, сами сознавали въ глубинѣ души, но пока безотчетно,—и увлекъ все за собою.

Между тѣмъ, какъ новоизбранный царь Черногоріи разсылалъ вездѣ свои горячія воззванія, прокламаціи, наконецъ, манифесты, держа народъ въ постоянной лихорадкѣ ожиданія чего-то сверхъестественнаго и волнуя обѣщаніями всего, что только было ему любо, голосъ его великаго канцлера раздавался у воротъ и подъ стѣнами Будвы, куда прежде посланъ былъ манифестъ еще съ монахомъ Василіемъ, и которая те-

перь заперлась въ своихъ укрѣпленіяхъ, у стѣнъ Зупани и, наконецъ въ самой средѣ населенія, подвластнаго Венеціанской республикѣ. Марко вездѣ, куда ни приходилъ, кричалъ къ окружавшимъ его толпамъ народа: *дѡбра вѣра!... дѡбра блага!...* и толпы эти увеличивались при всякомъ произнесеніи Маркомъ этихъ магическихъ словъ и росли съ каждымъ днемъ, чѣмъ дальше шелъ Марко. Едва ли проповѣдь первыхъ апостоловъ могла производить на слушателей такое магическое дѣйствіе, какъ жаркія и отчасти мистическія рѣчи этого черногорца, говорившаго народу, что настало время освобожденія и мести за старые долги сильныхъ сосѣдей Черногоріи. Вѣсть о воззваніяхъ Марка достигла, наконецъ, Венеціи. Венеціанское правительство немедленно приказало поймать и арестовать канцлера-возмутителя, а въ скоромъ времени оцѣнило его голову. Такъ опасно было для болѣзненнаго организма старой, начинавшей уже внутренно распадаться республики вліяніе возмутительныхъ рѣчей этого человѣка. Натурально, что казенныя фразы указовъ венеціанскаго сената и мѣстныхъ властей, какъ бы онѣ ни были энергичны, не могли произвести на черногорцевъ того впечатлѣнія, какое испытывали они, слушая воззванія Марка и читая манифесты Степана Малаго; указы эти были безсильны подавить волненіе даже въ тѣхъ изъ подданныхъ республики, которые увлечены были примѣромъ свободныхъ черногорцевъ и начинали волноваться. Произошло даже то, чего не ожидала республика: простой народъ переходилъ толпами на сторону самозванца; являлись къ нему и офи-

церы венеціанской службы. Впереди не видно было ничего хорошаго. Тогда Венеція поспѣшила привести въ оборонительное положеніе всѣ пограничные съ Черногоріею города и гавани; военные отряды, поставленные въ разныхъ мѣстахъ Далмаціи, вошли въ крѣпости и заперли ихъ. Между тѣмъ самозванецъ съ каждымъ днемъ дѣлалъ удивительные успѣхи; уже нѣсколько разъ, съ своимъ великимъ канцлеромъ и другими генералами своей свиты, между которыми было нѣсколько храбрыхъ венеціанскихъ офицеровъ, онъ подходилъ къ самымъ укрѣпленіямъ городовъ Будвы и Каттаро; республиканскіе начальники этихъ городовъ, не смотря на свои грозные декреты противъ возмутителей, дрожали отъ страха въ своихъ укрѣпленныхъ и наполненныхъ солдатами городахъ, между тѣмъ какъ мнимый Петръ III, его офицеры и солдаты, обвиняемые республикою въ измѣнѣ законной власти и заочно осужденные на казнь, — уничтожали ихъ виноградники и сады оливковыхъ деревьевъ и грабили всякое попадавшееся имъ жилье по окрестностямъ этихъ городовъ [1]).

Митрополитъ Савва, при всей своей нравственной слабости и потерявъ всякое значеніе въ странѣ, не переставалъ, впрочемъ, безъ всякой пользы, возставновлять народъ противъ Степана Малаго, тщетно называя его похитителемъ царской власти. Зимой, около Рождества, пріѣхалъ въ Черногорію сербскій патріархъ Василій Іоанновичъ Берчичъ, сверженный съ патріаршаго престола, по приказанію турецкаго правитель-

[1]) Stépan-Mali, 25—26.

ства, и заключенный на островъ Кипръ. Ему удалось бѣжать изъ заключенія и пробраться въ Печъ; но тамъ турки узнали его, хотѣли убить, и только особеннымъ счастьемъ онъ успѣлъ бѣжать оттуда въ единственное безопасное для него мѣсто. Онъ явился въ Черногорію. Митрополитъ Савва принялъ его и просилъ поставить владыку Черногоріи, потому что, по смерти послѣдняго владыки, Василія Петровича, любимца императрицы Елисаветы Петровны, Черногорія оставалась безъ правителя; самъ же онъ былъ слабъ и старъ, а Степанъ Малый отнялъ у него, вмѣстѣ съ волей, и послѣднее значеніе, какое онъ имѣлъ до появленія этого загадочнаго человѣка среди управляемаго имъ народа. Изгнанный патріархъ рукоположилъ во владыки Черногоріи Арсенія, изъ рода Пламенацъ. Это страннное разъединеніе власти между новопоставленнымъ владыкою, митрополитомъ Саввою, на которомъ все еще оставалась слабая тѣнь прежняго господства надъ страною, и Степаномъ Малымъ — породило новые безпорядки въ Черногоріи, но не уменьшило вліянія послѣдняго: оно росло съ каждымъ днемъ и съ каждымъ днемъ умалялось значеніе двухъ владыкъ-монаховъ, а Черногорія становилась все страшнѣе для сосѣдей.

Встревоженная и чувствовавшая свое безсиліе Венеція писала Портѣ, предвѣщая ей возстановленіе Сербскаго царства, если она не обратитъ вниманія на происшествія въ Черногоріи [1]).

---

[1]) Путешест. въ Черногор., 95.

Дѣйствительно, страшный призракъ могущественнаго Сербскаго царства, какимъ оно было при Душанѣ, начиналъ уже носиться передъ испуганными глазами Венеціи и Порты. Съ самыхъ первыхъ дней управленія Черногоріею, Степанъ Малый сдѣлался неограниченнымъ ея властелиномъ. Государство это, управлявшееся до того времени патріархально, въ обычаяхъ старины, представляло видъ большой нестройной общины, которая умѣла отстаивать свою независимость въ борьбѣ съ внѣшними посягателями на ея свободу, но внутренно страдала болѣзнью полной неурядицы, совершенной безправностью и какой-то запутанностью отношеній разныхъ общинъ между собою; права и личныя отношенія гражданъ-общниковъ также не были опредѣлены: все спутано, перемѣшано; каждый дѣлалъ, что хотѣлъ, живя грабежемъ и съ полной безпечностью полудикаго горца: пилъ «руйно вино и ракію», если то и другое заводилось въ его жалкой хижинѣ; зналъ только свою «бритку саблю» и любилъ своего «дјога пеливана», если былъ у него конь, хотя краденый. Неуважая ничего, кромѣ силы, и признавая только нѣкоторые пустые обычаи наружнаго почтенія въ отношеніи къ владыкѣ и старинѣ, черногорецъ ничего и никого не боялся, слушаясь только голоса внутреннихъ побужденій, которыя не всегда могли быть чисты и честны, особливо у народа полуразвитаго, видѣвшаго примѣры жизненныхъ гражданскихъ отношеній только въ туркахъ, плохихъ учителяхъ этой науки. — Степанъ Малый заставилъ уважать въ себѣ и силу, и права. Приказанія его исполнялись свято; его слово было страшно для

самаго отчаяннаго «деліи» — разбойника, не боявшагося ни общины, ни владыки. Сила воли этого человѣка была такъ обаятельна для всѣхъ, его крутыя мѣры имѣли такую власть надъ черногорцами, что никто не смѣлъ даже подумать сдѣлать то, что не нравилось этому новому, молодому владыкѣ. Степанъ Малый съ намѣреніемъ бросалъ на скалахъ и клалъ на деревьяхъ, у большихъ дорогъ, кошельки съ золотомъ, и эти черногорцы, неуважавшіе ни чьихъ правъ, не знавшіе ни чьей собственности, которую нельзя было бы украсть, отнять и т. д., не смѣли дотронуться до этихъ денегъ, помня хорошо, что Степанъ Малый найдетъ виновнаго; а если кто и рѣшался взять брошенный кошелекъ, то за тѣмъ только, чтобы принести и отдать въ руки царю [1]). Разсказываютъ, что онъ бросилъ нѣсколько цехиновъ на дорогѣ близъ Каттаро, и въ продолженіе долгаго времени никто ихъ не тронулъ [2]). До его прихода въ Черногорію, право родовой мести, какъ вообще у полудикихъ народовъ, оставалось во всей силѣ; а при такомъ состояніи общественныхъ отношеній сильный могъ всегда убивать слабаго; никто не имѣлъ права судить равнаго себѣ, даже самаго послѣдняго нищаго и открытаго вора и убійцу, какимъ бы то ни было положительнымъ закономъ: смерть за смерть — и дѣло кончено, никакихъ тяжбъ и споровъ. Месть была господствующимъ началомъ черногорскаго права. Слабая женщина, дряхлая

---

[1]) Stiépan-Mali, 16 — 17.

[2]) Путешест. въ Черногор., 96.

мать, или безсильный старикъ сохраняли, иногда нѣсколько десятковъ лѣтъ, окровавленную рубашку своего сына, или мужа, или брата, для того, чтобы передать ее по наслѣдству ребенку, какъ неотъемлемое достояніе своего дома; возмужавъ и будучи въ силахъ взять отцовскую саблю и карабинъ, онъ обязанъ запачкать — по ихъ понятіямъ умыть — руки въ крови убійцы своихъ родственниковъ, а за смертью убійцы мстить на его сынѣ, внукѣ, на его родѣ и потомкахъ. Степанъ Малый едва только провозглашенъ былъ царемъ Черногоріи, созвалъ народъ на вѣче и уговаривалъ бросить этотъ варварскій обычай кровавой мести, совѣтовалъ прощать другъ другу обиды, раны и убійства. До его появленія, между черногорцами самыя жестокія гражданскія преступленія оставались не наказанными, если виновный былъ увѣренъ въ быстротѣ ногъ своего коня, имѣлъ при себѣ саблю, пистолеты, винтовку и мѣтко стрѣлялъ; Степанъ Малый жестоко наказывалъ самые легкіе, по-видимому, ничтожные проступки, не принимая ничего въ оправданіе вины. Онъ старался ввести между своими подданными устное судопроизводство, но чтобы оно основывалось на твердыхъ законныхъ началахъ. Онъ назначалъ особыхъ исполнителей своихъ распоряженій и народныхъ судей по уголовнымъ преступленіямъ, которые обязаны были доводить до его свѣдѣнія о всѣхъ безпорядкахъ страны, убійствахъ, обидахъ, грабежахъ, и онъ самъ уже опредѣлялъ мѣру наказанія. Потому ли, что онъ слишкомъ хорошо понималъ духъ этого народа, который нельзя было полумѣрами подвинуть на радикальныя перемѣны

въ государствѣ и на искорененіе самыхъ непростительныхъ гражданскихъ пороковъ, или только по сознанію необходимости заставить черногорцевъ уважать законъ и бояться его больше турецкой неволи, — только наказанія его были иногда слишкомъ неумѣренны, и сами черногорцы, конечно противной, консервативной партіи, обвиняли его въ жестокости. Въ числѣ другихъ случаевъ излишней суровости правосудія Степана Малаго, особенно одинъ надѣлалъ много шуму и толковъ по цѣлой Черногоріи. Въ нахіи (провинціи) Чермницкой братъ убилъ роднаго брата. Стѣпанъ Малый принудилъ всѣхъ черногорцевъ искать «новаго Каина». Убійца бѣжалъ изъ своей общины за рѣку Морачу, черезъ горы, къ Подгорицамъ, и скрылся въ церкви, считая себя совершенно безопаснымъ отъ преслѣдованія. Еще по законнику сербскаго царя Стефана Душана и по народному обычаю всякій преступникъ становился неприкосновеннымъ лицемъ, если успѣвалъ скрыться въ храмѣ у престола; никакая власть, ни воля царя, ни голосъ всего народа, ни самое высокое духовное лице, — ничто не имѣло права требовать преступника изъ этого священнаго убѣжища, а тѣмъ менѣе переступить порогъ храма и коснуться бѣглеца. Степанъ Малый зналъ, что этотъ, освященный временемъ, обычай, хотя и трогательный, былъ сильнымъ потворствомъ преступленіямъ всякаго рода. Онъ приказалъ взять бѣглеца изъ убѣжища. Убійца приведенъ былъ въ домъ своихъ родителей, и тамъ принудили самого роднаго отца его и оставшихся родныхъ братьевъ несчастнаго повѣсить братоубійцу на деревѣ, передъ

самой дверью дома [1]). Въ памяти самыхъ престарѣлѣхъ черногорцевъ не нашлось другаго подобнаго примѣра: это былъ первый, что убійца осужденъ на смерть по закону преобразователя Черногоріи, а не наказанъ по обычаямъ кровавой мести, если только было кому въ семействѣ мстить смертью сыну или брату за убійство другаго близкаго существа.

Неудивительно, что при видѣ того, что теперь дѣлалось въ Черногоріи, передъ Венеціею и Турціей всталъ призракъ того Сербскаго царства, которое давно погибло, одними своими силами отстаивая (на Косовомъ полѣ) Европу и ея цивилизацію отъ напора турокъ съ ихъ восточнымъ деспотизмомъ и которое таки не пустило ихъ далеко за Дунай. Для того, чтобы остановить въ самомъ началѣ быстрые и опасные успѣхи молодаго черногорскаго царя, нарушившіе покой самого султана, лѣтомъ 1768 года дано было приказаніе визирю Босніи и Румеліи, а также пашѣ скутарійскому двинуться съ войсками къ границѣ Черногоріи. Собрана была громадная, 180 тысячная армія. Такія силы были въ то время страшны самой Россіи и могли задавить не одну Черногорію. Вышло напротивъ. Въ августѣ войска обложили Черногорію съ трехъ сторонъ, съ юго-востока вдоль по восточной границѣ до самыхъ сѣверныхъ оконечностей новосформированнаго царства. Прежде, чѣмъ начались военныя дѣйствія, визирь вступилъ въ переговоры съ черногорцами и требовалъ выдачи мнимаго Петра III и бѣжавшаго изъ ссылки сербскаго

[1]) Stićpan-Mali, 16—18.

патріарха Берчича; но черногорцы отказали въ этомъ, увѣряя, что у нихъ нѣтъ ни того, ни другаго [1]). Война началась. Выступили первые эскадроны спаевъ, встрѣтились съ черногорцами и въ сраженіи, гдѣ юный лжеимператоръ Петръ лично распоряжался ходомъ битвы, спаи были разбиты. Венеціанцы, подозрѣваемые константинопольскимъ диваномъ, Богъ-вѣсть на какомъ основаніи, въ дружественныхъ сношеніяхъ съ черногорскимъ царемъ, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ они боялись его едва ли не больше, чѣмъ сами турки, — чтобы отклонить подозрѣнія Порты и успокоить ее, а также и для собственнаго спасенія, отправили всѣ свои регулярныя войска противъ царя и его подданныхъ. Но этихъ войскъ было не достаточно. Тогда сенатъ далъ приказаніе формировать новыя войска: собраны были отряды солдатъ въ континентальныхъ провинціяхъ республики и въ Далмаціи. Проведиторъ этой провинціи Доменико Кондульмеръ, котораго резиденція находилась въ Зарѣ (Сполатро), прибылъ въ Каттаро со всѣми принадлежностями войны самой грозной. Употреблены были всѣ усилія, пошли въ дѣло всѣ средства, какими только могла располагать республика. Но истощенная, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, войною съ Тунисомъ и Триполи, пострадавшая на морѣ, гдѣ ея флоты уступили морскимъ силамъ африканскихъ пиратовъ и она заплатила имъ тяжкую контрибуцію, внутренно разбитая, наконецъ, деспотизмомъ кастъ [2]), раздиравшихъ одна другую, она чувство-

[1]) Путешест. въ Черногор., 95.

[2]) «Despotisme de la république»..., Daru, V, 58.

вала, что ослабѣвшій механизмъ ея не въ состояніи будетъ выдержать продолжительную и упорную войну, которую, можетъ быть, пришлось бы вести даже съ своими подданными, внутри своихъ собственныхъ владѣній. Доменико горько убѣдился, что его армія слишкомъ слаба и ничтожна, хотя и не малочисленна, чтобы бороться съ силами черногорскаго царя, постоянно новыми и постоянно возраставшими. Сенатъ, возбуждаемый и угрожаемый Портою и предчувствуя, по началу грозныхъ событій въ Черногоріи, близкую опасность для своего собственнаго спокойствія и цѣлости республики, и безъ того внутренно распадавшейся, отозвалъ Доменика Кондульмера, а на его мѣсто послалъ Цуанне Цусто, съ предоставленіемъ ему неограниченной власти въ дѣлѣ войны, и подчинилъ ему, въ качествѣ генералиссимуса войскъ республики, графа Карла Вирцбурга, нѣмца, бывшаго прежде генераломъ австрійской службы [1]).

Военные корабли всѣхъ размѣровъ, линейные, фрегаты и другіе, покрыли Адріатическое море [2]); арсеналы съ трудомъ могли снабжать оружіемъ солдатъ какъ изъ итальянцевъ, такъ и изъ морлаковъ. Медлить было невозможно, потому что молва о черногорскихъ событіяхъ, какъ электрическая искра, пробѣжала изъ одного конца Адріатическаго поморья въ другой; всѣ народы, сосѣдніе съ Черногоріею, которыхъ, конечно, не могло услаждать владычество надъ ними Венеціи,

---

[1]) Stiépan-Mali, 27 — 28.

[2]) См. Daru. Histor. de la rép de Ven. V. о морскихъ силахъ Венеціи.

Турціи и даже Австріи, могли встать за свою свободу, и дѣло, начатое Степаномъ Малымъ, не кончилось бы въ предѣлахъ одной Черногоріи, — отголоски его слышались уже далеко отъ Будвы и Каттаро: европейскія газеты, занятыя болѣе важными политическими событіями, происходившими въ то время во Франціи, Индіи и на Средиземномъ морѣ, заговорили и о черногорскомъ царѣ, какъ не говорили никогда ни о. митрополитѣ Саввѣ, ни о другихъ владыкахъ. Около октября 1768 года венеціанская армія, состоявшая изъ 15 тысячъ человѣкъ и подкрѣпляемая якорнымъ флотомъ, который имѣлъ стоянку у Будвы, близь острова Саввы, расположилась лагеремъ и развернула свои знамена въ самой равнинѣ города Будвы, между горою С.-Сальвадоръ, Меренъ и небольшою рѣчкой, которая вливается въ море и чрезъ которую перекинутъ мостъ въ предмѣстьи Будвы; другіе отряды потянулись по западной границѣ Черногоріи до самаго Грахова; третьи заняли приморскія скаты горъ и доходили до самаго города Бара, ниже Скутарскаго озера. Съ остальныхъ сторонъ облегала Черногорію огромная турецкая армія, о которой мы сказали выше. Степанъ Малый явился къ венеціанскому войску, съ своимъ великимъ канцлеромъ. Если Марко Тановичъ, говоритъ очевидецъ всѣхъ битвъ Степана Малаго, не умѣлъ ни читать, ни писать, подобно великимъ канцлерамъ другихъ государей, то взамѣнъ всего этого онъ умѣлъ сражаться, какъ Геркулесъ; а при случаѣ эта способность стоитъ всѣхъ другихъ. Съ 5-ю тысячами черногорцевъ, которыхъ Степанъ Малый привелъ съ собою къ Будвѣ, онъ

напалъ такъ стремительно и такъ неожиданно на венеціанскую армію, произвелъ такую страшную бойню, что венеціанцы смѣшались; отрывая съ самыхъ вершинъ горъ, подъ которыми расположено было войско республики, огромные камни и обломки скалъ, черногорцы пускали ихъ на головы несчастныхъ солдатъ. Съ страшнымъ шумомъ скатывались съ горъ груды камней въ самую середину непріятельскаго войска, и все смяли, разстроили и перебили. Къ довершенію несчастія, поднялась ужасная буря, хлынулъ дождь, заблистали молніи, ударилъ громъ; черногорцы такъ и засыпали камнями, увѣчили и давили все, что было подъ горою. Буря помогла имъ. Венеціанское войско пришло въ такой ужасъ, что едва успѣло заклепать свои пушки и бѣжало въ безпорядкѣ; обезумѣвшіе отъ страха итальянцы и морлаки, бросали оружіе, покинули лагерь со всѣми припасами и пожитками; все войско сѣло на корабли, чтобы принести сенату печальную вѣсть о своемъ пораженіи. Храбрый нѣмецкій генералъ, графъ Вирцбургъ, нравственно убитый, уничтоженный мыслью, что его побѣдилъ этотъ новый, таинственный Петръ III, которому не было 18 лѣтъ отъ роду, и его капцлеръ, котораго всѣ познанія ограничивались умѣньемъ владѣть саблей, — мучимый стыдомъ, просилъ отставки и, спустя не много времени, умеръ въ Падуѣ отъ тоски и отчаянія [1]).

Народная пѣсня сохранила воспоминаніе объ этой битвѣ, и слѣпой бандуристъ, играя на своемъ не

---

[1]) Stiépan.-Mali, 28 — 30.

хитромъ и мало музыкальномъ инструментѣ *(пъва узъ гусле)*, поетъ и теперь про Степана Малаго:

Паде страшна киша изъ облака,
Ударише мунье и громове
Усредь войске дужда млетачькога,
Близу Будвы града млетачькога,
И у таборъ други громъ удри,
Ударіо паши Скадраскога
На дно равна поля Церницкога:
Разагнаше войска обадвіе.... [1]).

Народная фантазія соединила здѣсь двѣ битвы при Будвѣ и слѣдующую, которая дана была при Скутарскомъ озерѣ. Дѣйствительно, почти въ одно время черногорцамъ приходилось отражать двухъ сильнѣйшихъ враговъ: оставивъ одну часть границъ незащищенною, они были въ опасности видѣть непріятеля въ своихъ родныхъ горахъ, — а этого имъ не хотѣлось. Въ то время, когда венеціанскія войска стянуты были къ Будвѣ, турки обложили восточныя границы владѣній Степана Малаго, и какъ волки (*вуци*, по выраженію черногорцевъ) стремительно врывались въ порубежныя нахіи. Послѣ пораженія венеціанской арміи, нужно было много усилій и средствъ, чтобы отбивать напоръ 180-тысячнаго турецкаго войска. Былъ ли Степанъ Малый все еще подъ Будвой, или внутри Черногоріи, только войско его вступило въ бой съ турками не подъ его начальствомъ. Имъ командовалъ какой-то

[1]) «Полился страшный дождь изъ облаковъ, ударили молніи и громы въ середину войска дожа венеціанскаго, близъ Будвы, города венеціанскаго, и другой громъ ударилъ въ лагерь паши скутарійскаго, вглубь Черницкой долины: громы разогнали оба войска». Путеш. въ Черног., 95.

генералъ его свиты, имени котораго мы не знаемъ [1]). Битва была продолжительная и упорная; она длилась цѣлыхъ пять часовъ, отъ десяти утра до трехъ по полудни. Наконецъ, турки дрогнули и отступили. Армія ихъ потянулась къ берегамъ Скутарскаго озера. Въ этомъ сраженіи черногорцы, говорятъ, дрались, какъ арабы пустынь и древніе парѳяне. Но въ пылу битвы, увлеченные побѣдой и упорствомъ турокъ, они не умѣли да и не могли остановиться вѡ-время: сошли съ горъ и ударили снова на отступавшаго непріятеля. Завязалось новое сраженіе, и можетъ быть снова побѣдили бы черногорцы, если бы битва шла въ горахъ, между скалъ и пропастей, гдѣ черногорцы непобѣдимы; но сраженіе дано было на равнинѣ; горсть храбрыхъ юнаковъ была вся на виду; турецкая кавалерія и пѣхота могла развернуться и задавить не такого малочисленнаго противника; наконецъ, пушкамъ турецкимъ легко было дѣйствовать на равнинѣ. Рѣзня была ужасная, и черногорцы остались скорѣе побѣжденными, чѣмъ побѣдителями. Можетъ быть, не видя впереди своего царя, который такъ умѣлъ воодушевлять свои войска и наводить неописанный ужасъ на турокъ, гдѣ ни показывался; можетъ быть, потому, что правильныя битвы, на равнинахъ, безъ пушекъ, никогда не могли быть выгодны для черногорцевъ, — только они отступили. Говорятъ также, что у нихъ не достало

---

[1]) Жизнеописатель Степана Малаго говоритъ о немъ: Ce général est fort connu aujourd'hui en Europe et au de là de l'Océan par ses projets politiques et ses ouvrages de poésie, d'histoire et surtout de philosophie etc. etc. etc. Stiép.-Mali, 30.

пороху. Какъ бы то ни было, но и турецкая армія, которая находилась уже въ Чермницѣ, наводнивъ почти всю нахію, принуждена была ретироваться къ Скутарскому озеру и тамъ осталась. Скутарійскій паша Мегметъ-Кюръ показывалъ видъ, что торжествовалъ побѣду. Турки хвастались. Паша поспѣшилъ даже отправить въ Константинополь курьера съ депешами и варварскими изъявленіями сомнительнаго торжества: курьеръ повезъ съ собою знамена, значки, головы, отрѣзанныя у мертвыхъ, усы, носы, и уши черногорцевъ, какъ трофеи великой побѣды. Но побѣда была далеко не полная. Замѣтимъ только слѣдующее: паша Мегметъ-Кюръ, который отчасти былъ причиною войны турокъ съ черногорцами, въ скоромъ времени принужденъ былъ принять ядъ и отравился, чтобы избѣжать болѣе постыдной участи—быть удавленнымъ, по приказанію султана. Мустафа, вѣроятно, зналъ больше, чѣмъ предполагалъ несчастный паша.

И такъ, первыя двѣ битвы стоили венеціанцамъ и туркамъ жизни двухъ полководцевъ: одинъ умеръ, конечно, не отъ торжества, да и другой отравился не съ радости.

Было и еще много сраженій между черногорцами и турками, но они кончались менѣе счастливо, чѣмъ первыя: казалось, счастіе оставило Степана Малаго. У черногорцевъ не доставало средствъ вести войну; напротивъ, турки не имѣли недостатка ни въ чемъ, и хотя войска ихъ, расположенныя въ Албаніи и около Скутарскаго озера, не были уже страшны, особенно послѣ трагической смерти Мегмета-Кюра, но остава-

лась еще сильная армія визиря Босніи и Румеліи, которую не легко было отодвинуть. Въ частыхъ схваткахъ съ передовыми его отрядами черногорцы не смѣли даже стрѣлять въ турокъ, боясь истратить лишній зарядъ, потому что у нихъ вышелъ весь порохъ; ихъ еще спасали горы, но и горы не всегда же можно было отстаивать саблею и камнемъ, потому что другаго оружія они не имѣли. Визирь успѣлъ завоевать всю Берду, и только западныя нахіи оставались во власти Степана Малаго, да и тамъ онъ не былъ безопасенъ. Казалось, его дѣло, начатое такъ славно, должно было погибнуть въ самомъ началѣ. Только отчаяніе еще поддерживало черногорцевъ и давало имъ новыя силы не падать духомъ въ такія минуты, когда другой на ихъ мѣстѣ давно бы кончилъ эту утомительную войну. Самозванецъ вѣрилъ, кажется, въ свое счастіе и въ свои нравственныя силы — и спасъ Черногорію. Передъ началомъ зимы этого года, къ визирю, который находился въ Кчевѣ, везли обозъ съ порохомъ и свинцемъ. Черногорцы отбили его и начали снова ожесточенную войну съ своими притѣснителями. Поражая непріятеля вездѣ, гдѣ бы онъ ни встрѣчался, пробираясь между скалъ и пропастей, которыя изучили въ дѣтствѣ, черногорцы вознаграждали потерянное въ бездѣйствіи время, тревожили врага на всѣхъ пунктахъ, выбивали его изъ всѣхъ позицій и, наконецъ, принудили сойти съ горъ и укрыться въ долинахъ. Визирь, смущенный потерею обоза съ порохомъ и новыми успѣхами царя, наконецъ, видя приближеніе зимы, прекратилъ войну и удалился.

Такъ кончился первый періодъ войнъ Степана Малаго съ сосѣдями и первые мѣсяцы его царствованія.

Идея, во имя которой дѣйствовалъ Степанъ Малый, была такъ обаятельна для всѣхъ подавленныхъ народностей Балканскаго полуострова, Мореи и острововъ Архипелага, успѣхи его западали въ душу угнетенныхъ племенъ юговосточной половины Европы такой живительной надеждой на возрожденіе всего, что̀ было безжалостно разбито и уничтожено чуждыми элементами не только тюрской, но и романо-нѣмецкой преобладающей расы, — что молва о черногорскомъ царѣ — не изъ газетъ, конечно — наполнила собой все восточное побережье Средиземнаго моря, и имя его стало у всѣхъ идеаломъ возрожденія къ лучшей долѣ. Сербскіе славяне, жители Нижней Албаніи, майноты, обитатели древняго Лакедемона, наконецъ, іерусалимскіе греки начали открыто выражать свою вражду къ Турціи и готовились къ возстанію на всѣхъ пунктахъ. Петербургскій кабинетъ, искавшій, какъ нѣкоего блага, случая впутать Турцію въ какія-либо политическія дрязги, былъ бы совершенно счастливъ, видя такое движеніе на югѣ, если бы, въ крикѣ волновавшихся племенъ, не звучало имя Петра. Отъ Венеціи до мыса Матапана въ Мореѣ, между именами Степана Малаго и Стефана Пикколо (такъ итальянцы называли Степана Малаго), слышалось также имя Петра III. Конечно, нѐ это имя надѣлало столько шума, а слухи о томъ, что оно соединено съ другимъ именемъ — именемъ свободы и борьбы съ притѣснителями. Турція, понимавшая, безъ сомнѣнія, виды петербургскаго кабинета

и косвенное участіе его во всѣхъ смутахъ на югѣ,— озлобилась до того, что посадила нашего посланника въ Константинополѣ, Обрѣзкова, въ семибашенную крѣпость за то будто бы, что, во время извѣстной «Уманьской рѣзни», гдѣ такую горькую славу пріобрѣли себѣ герои малороссійскаго простонародья, Желѣзнякъ и Гонта, одинъ отрядъ гайдамаковъ перешелъ турецкую границу и напалъ на Балту, куда скрылись преслѣдуемые имъ паны и жиды. Оскорбленная, въ лицѣ своего посланника, императрица Екатерина II объявила султану войну, призывая Бога въ свидѣтели правоты своего дѣла и называя Мустафу, въ письмѣ къ Вольтеру, деспотомъ и выжившимъ изъ ума старикашкой; въ то же время она приглашала Вольтера погостить въ новой ея столицѣ — Константинополѣ. Въ газетахъ между тѣмъ, трубили о предсказаніи одного англійскаго ученаго, бристольскаго епископа, доктора Невтона, доказывавшаго неизбѣжную гибель Порты многими разумными данными и словами пророка Даніила: *И соберется на него царь сѣверскій съ колесницами и съ конники и съ корабли многими, и внидетъ въ землю, и сокрушитъ, и мимо идетъ* (гл. XI, с. 40) [1]). Въ манифестѣ, объявлявшемъ русскому народу о причинахъ разрыва мира съ Портою, ни слова не было сказано о Степанѣ Маломъ, ни о черногорскомъ народѣ; на самомъ же дѣлѣ императрица сильно расчитывала на помощь этого народа и отправила въ Черногорію князя Юрія Владиміровича Долгорукаго, съ знаками

[1]) С.-Петербургскія Вѣдомости, 1769 г., № 85.

самаго дружественнаго расположенія, — но только не въ пользу мнимаго Петра III.

Этотъ эпизодъ изъ русско-черногорской исторіи имѣетъ высокій интересъ, хотя, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны ни секретная переписка петербургскаго кабинета, ни словесныя, конфиденціальныя приказанія самой императрицы относительно черногорскаго Петра Ѳедоровича, ни личныя распоряженія Долгорукаго; мы не знаемъ ни того, что̀ и въ какихъ выраженіяхъ говорилъ князь съ черногорцами о самозванцѣ, ни того, что̀ они ему отвѣчали: знаемъ только, изъ разсказа самовидца, что̀ происходило въ самой Черногоріи во время этого таинственнаго посольства, какъ принятъ былъ князь, и какой имѣло результатъ посѣщеніе Черногоріи русскимъ сановникомъ.

Князь Долгорукій отправился изъ Россіи во флотѣ, который посланъ былъ въ Средиземное море, подъ начальствомъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова (будущаго Чесменскаго) и Спиридова. Въ то время, когда графъ Орловъ, какъ говоритъ Шлоссеръ, «проводилъ карнавалъ въ Венеціи, не переставая волновать майнотовъ и пелопонезскихъ жителей, посредствомъ ихъ собственныхъ начальниковъ, или черезъ своихъ лазутчиковъ, которые, переодѣвшись священниками, избѣгали всякихъ подозрѣній» [1]), князь Долгорукій тайно пробрался въ Черногорію, какъ говорятъ, на рыбачьей лодкѣ. Онъ пристalъ въ Спицѣ и выгрузилъ на берегъ подарки, которые императрица посылала черногорцамъ

[1]) Шлоссеръ, Истор. XVIII в. т. 3.

и которые состояли преимущественно изъ пороха, свинца и звонкой монеты, въ чемъ черногорцы наиболѣе нуждались.

Въ высшей степени занимателенъ разсказъ о пріѣздѣ въ черногорію русскаго посольства, записанный, болѣе двадцати лѣтъ назадъ, со словъ черногорца, бывшаго въ экспедиціи князя. Долгоруковъ ночью вышелъ изъ лодки и, въ сопровожденіи одного иллирійца, пошелъ въ горы, по направленію къ Кастель-Ластвѣ. Ночь была темная и ненастная. Недалеко отъ берега путешественники встрѣтили избушку черногорца (кучу). Черногорецъ, старикъ лѣтъ за семьдесятъ, сидѣлъ съ семьей у своего бѣднаго очага и ужиналъ. Вдругъ раздался стукъ въ двери.

— Кого бы Богъ принесъ въ такую пору? сказалъ старикъ. Не «чéта» ли (непріятельскій набѣгъ)?

— Нѣтъ, бàбо, чéта не просится, а ломится въ двери, — отвѣчалъ старшій сынъ, которому было лѣтъ пятнадцать. — А вотъ посмотрю, да впущу гостей, коли они хоть незваные, да желанные.

Онъ отворилъ дверь, и двое незнакомыхъ, не дожидаясь приглашенія, вошли въ избу. Одинъ, по одеждѣ по рѣчи и по складу лица, походилъ совсѣмъ на черногорца; другой, только одной рѣчью, хотя не совсѣмъ понятной, нѣсколько напоминалъ одноплеменника: онъ, безъ околичностей, отряхнулъ свой широкій охобень, окативъ всѣхъ водой, и молча сѣлъ къ огню. Товарищъ его повелъ бесѣду съ старикомъ.

— Изъ Анконы сюда прибыли мы въ рыбачьей лодкѣ, — говорилъ онъ, — турки и венеціанцы сторо-

жили насъ, да проглядѣли, и мы пристали безпрепятственно у Спица, близь самой границы вашей съ турками и Бокою; товарищи наши еще въ лодкѣ, стерегутъ пожитки, но Боже сохрани, если утро застанетъ ихъ въ лодкѣ, — ты понимаешь! Не станемъ терять времени. Ты христіанинъ, нашъ по крови и по вѣрѣ, — дай намъ проводника, или проводи самъ до берега и укрой насъ потомъ, на время, здѣсь.

Старикъ задумался.

— Сколько васъ всѣхъ? спросилъ онъ.

— Человѣкъ двадцать, большею частію иллирійскіе славяне.

— А этотъ кто?

— Это нашъ начальникъ, русскій, изъ знатнаго рода князей Долгорукихъ; онъ сердарь и воевода въ своемъ краю.

— Русскій... знаю! У нихъ былъ великій царь, Петръ Первый. Отецъ мой видѣлъ его, когда былъ на Руси съ владыкою Даніиломъ; а теперь на Руси вѣдь нѣтъ царя: царь ея, Петръ Третій, теперь правитъ Черногоріею.

— На Руси есть царь великій, Екатерина Алексѣевна, — сказалъ другой пришлецъ, гордо поднимаясь съ мѣста, — и правитъ она Русью, потому что Петръ Третій волею Божіею помре. А тотъ, что у васъ, не царь, а лжецъ и самозванецъ.

Старикъ нахмурилъ брови; но, вспомнивъ долгъ гостепріимства, побѣдилъ себя.

— Кто бы вы ни были, зачѣмъ бы сюда ни пришли, я дамъ вамъ порводника и пристанище; никто

не скажетъ, чтобы христіанинъ выдалъ своихъ единовѣрцевъ туркамъ или венеціанцамъ, а въ случаѣ нужды сумѣетъ защитить васъ и отъ своихъ, — сказалъ онъ, сурово поглядывая на русскаго князя. Радованъ (такъ звали его сына), ступай съ ними и не приходи безъ нихъ.

Они отправились и до разсвѣта достигли бухты, гдѣ человѣкъ пятнадцать, притаясь и на-сторожѣ, ждали ихъ. Князь сказалъ что-то одному спутнику, который потомъ былъ неотлучно при немъ, и они пошли назадъ въ горы, по направленію къ Цетинскому монастырю, гдѣ Долгорукій велъ свои переговоры съ черногорцами [1]). Или Степанъ Малый былъ предувѣдомленъ заранѣе о присылкѣ изъ Россіи кораблей, или по рѣдкому провидѣнію свѣтлаго ума этого человѣка, или просто по счастливому стеченію обстоятельствъ, которыми такъ умѣлъ пользоваться его геній, только посольство это, которое могло имѣть для него гибельный исходъ, онъ обратилъ въ свою пользу. Степанъ Малый еще до прихода русскихъ въ Средиземное море объявилъ своему народу, а въ особенности приближеннымъ лицамъ, что въ скоромъ времени его вѣрные подданные, въ Россіи, должны прислать къ нему нѣ-

---

[1]) Этотъ разсказъ записанъ знаменитымъ нашимъ путешественникомъ Ег. П. Ковалевскимъ со словъ черногорца, бывшаго въ молодости проводникомъ князя Долгорукаго. Разскащикъ былъ тотъ самый Радованъ, сынъ стараго черногорца, принимавшаго князя въ своей кучѣ, который провелъ его въ горы. Радовану, во время посѣщенія г. Ковалевскимъ Черногоріи, было уже лѣтъ девяносто. Мы помѣстили его разсказъ безъ перемѣны — такъ драгоцѣнны для русской исторіи малѣйшія свѣдѣнія объ этой интересной эпохѣ. См. Четыре мѣсяца въ Черногоріи. Спб., 1841 г., стран. 40 — 43.

сколько кораблей, чтобы перевести на нихъ своего царя въ его имперію со всѣми друзьями, которыхъ онъ, Степанъ Малый, еще въ Россіи пожаловалъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго и многими другими титулами и званіями при дворѣ и арміи; онъ говорилъ, что корабли эти будутъ нагружены золотомъ, серебромъ, свинцемъ, порохомъ, зелеными и красными суконами и драгоцѣнными камнями всѣхъ цвѣтовъ. Потому, появленіе русскихъ и князя Долгорукаго, казалось, нисколько не смутило и не удивило его. Напротивъ, говоритъ очевидецъ, служившій въ свитѣ Степана Малаго, князь Долгорукій показался слишкомъ ничтожнымъ и смущеннымъ въ присутствіи самозванца. Дѣйствительно, когда князь предъявилъ грамоту къ черногорскому народу отъ своей императрицы, въ которой она приглашала его вмѣстѣ воевать противъ турокъ, черногорцы съ радостью приняли предложеніе; но когда этотъ посолъ обратился къ народу съ увѣщаніями и увѣреніями, что Степанъ Малый, царь ихъ — самозванецъ, и когда самъ Степанъ показался народу, — все собраніе обратилось къ нему съ привѣтствіемъ, какъ къ своему императору, а Долгорукій былъ всѣми оставленъ. Не смотря на то, что князь былъ присланъ отъ русской императрицы, какъ ея генералъ и ея уполномоченный министръ въ Черногоріи, онъ, по словамъ современника, послѣ нѣсколькихъ дней своего тамъ пребыванія, раньше чѣмъ черезъ недѣлю, ушелъ изъ этой страны тайно, какъ бѣглецъ, такъ что растерялъ свои деньги, которыя были у него въ карманахъ, ночью пробравшись черезъ

горы, чтобы только успѣть отыскать свою лодку и плыть въ Ливорно, гдѣ его дожидался графъ Алексѣй Орловъ [1]).

Но вѣроятно Долгорукій умѣлъ подѣйствовать на митрополита Савву, врага Степана Малаго, или на немногихъ партизановъ митрополита, потому что старый владыка сдѣлался еще злѣйшимъ противникомъ самозванца и уже старался открыто вредить ему. Черногорское духовенство всегда пользовалось расположеніемъ русскаго двора, который не забывалъ посылать въ даръ церквямъ богатые вклады; безъ сомнѣнія, Долгорукій имѣлъ много средствъ привлечь митрополита на сторону императрицы и не оставилъ церкви безъ щедраго приношенія; иначе, слабый Савва не рѣшился бы дѣйствовать такъ смѣло, какъ онъ началъ дѣйствовать по отъѣздѣ изъ Черногоріи русскихъ. Притомъ, вѣроятно, его увѣрили, что самозванцу не устоять противъ всей Россіи; что самозванцы являлись и у нихъ, дома, но всѣ переловлены и сидятъ по острогамъ; что законная власть восторжествуетъ и въ Черногоріи, и что Степану Малому никогда не видѣть Русскаго трона и шапки Мономаха, и проч.

Однако, при всемъ томъ, Степанъ Малый, освободившись отъ присутствія русскихъ, не могъ не видѣть, что могущество его возрастаетъ съ каждымъ днемъ и довѣріе къ нему народа такъ упрочено, какъ

---

[1]) Stiépan-Mali, 33 — 34. *Въ сказаніи о родѣ князей Долгорукихъ* мы читаемъ, что кн. Ю. В. Долгорукій — «былъ отправленъ въ Черногорію, для приведенія полудикаго черногорскаго народа въ подданство Россіи», за что получилъ Георгія на шею и Александра Невскаго (стр. 189).

только можетъ быть прочна вѣра самая слѣпая и любовь совершенно самоотверженная. Народъ видѣлъ, что къ нему, Степану Малому, пріѣзжали русскіе его подданные, которые, не смотря на измѣну къ своему законному государю, не могли не чувствовать страха и невольнаго къ нему уваженія. Но между тѣмъ митрополитъ съ горестью смотрѣлъ на возрастающее могущество самозванца, которое, въ равной степени, уменьшало и совершенно парализировало его собственную власть; онъ такъ боялся быть жертвою этого человѣка, котораго, въ ослѣпленіи антагонизма или по естественному чувству самосохраненія, считалъ способнымъ на всякое гнусное дѣло и такъ трепеталъ за церковныя сокровища, сохранявшіяся у него въ деревянныхъ кадкахъ, которыя можно было зарыть въ землю, — что рѣшился вывезти ихъ изъ Черногоріи и передать въ вѣрныя руки; онъ отправилъ также изъ Черногоріи всѣ бумаги, хранившіяся въ его кладовыхъ, въ монастырѣ Станевичъ. Наконецъ, онъ громко объявилъ себя врагомъ Степана Малаго; онъ проповѣдывалъ противъ него публично, и въ церкви, съ амвона, съ крестомъ въ рукѣ, не переставалъ увѣщевать черногорцевъ возвратиться отъ своихъ заблужденій на путь истины и покинуть этого новаго Гришку Отрепьева, который погубитъ Черногорію въ войнѣ равно гибельной и своими ужасными послѣдствіями, и по своей цѣли: ибо, прибавлялъ онъ, всѣ его намѣренія, всѣ желанія, вся цѣль его честолюбивыхъ дѣйствій, очевидно, клонятся къ тому, чтобы сдѣлаться самовластнымъ повелителемъ свободной Черногоріи и, можетъ

быть, даже всей Албаніи. Самозванецъ, какъ ни вѣрилъ въ свои нравственныя силы и привязанность народа, сталъ тревожиться, что проповѣди митрополита могутъ сдѣлаться источникомъ гибельныхъ послѣдствій, какъ для его царства, такъ и для безопасности его собственной жизни. Справедливо опасаясь, чтобы страстныя рѣчи этого, нѣкогда уважаемаго всѣми старца не превозмогли его вліянія на народъ, не охладили того энтузіазма, который онъ вдохнулъ въ своихъ подданныхъ, и чтобы онъ самъ не сдѣлался жертвою народнаго мщенія, онъ не колеблясь рѣшился на самыя отчаянныя мѣры, на какія способна была его пламенная, честолюбивая душа. Ему оставалось только заставить молчать митрополита и лишить всякой возможности дѣйствовать во вредъ его началамъ. Тогда онъ явился къ нему въ Станевичъ и заключилъ его подъ стражу въ самомъ монастырѣ, а монаховъ всѣхъ разогналъ. А между тѣмъ его великій канцлеръ, съ саблею въ рукѣ, появлялся вездѣ, гдѣ только могъ найти жилище черногорца, прошелъ всю страну изъ конца въ конецъ, провозглашая вездѣ эти многознаменательныя для черногорца слова — *дѹбра вѣра! дѹбра блага!* которыми онъ началъ свою проповѣдь въ пользу самозванца и которыя производили на народъ такое всемогущее вліяніе. Воззванія эти дѣлали то, что и греки, жившіе въ Дубровникѣ (Рагуза), въ Венеціи, наконецъ, въ Австріи и даже въ Неаполитанскомъ королевствѣ, стали вѣрить своему возрожденію, видѣли, что Степанъ Малый скоро явится ихъ освободителемъ отъ обиднаго и тяжелаго ига иновѣрцевъ;

они посылали въ помощь ему все, что имѣли, — оружіе, деньги и проч. Европа съ удивленіемъ смотрѣла на это всеобщее броженіе умовъ, произведенное волею одного человѣка, — юношею, которому едва было двадцать лѣтъ. Въ это время перепечатывалось во всѣхъ европейскихъ газетахъ, въ томъ числѣ и въ нашихъ русскихъ, что «около Монтенегро недавно показалось нѣсколько греческихъ судовъ съ *іерусалимскими флагами*»; что «какъ скоро съ оныхъ судовъ данъ былъ знакъ о ихъ приближеніи, то нѣкоторый корпусъ монтенегринцевъ, выступя изъ горъ, учинилъ нападеніе на разставленныхъ тамъ по берегу турокъ и оныхъ всѣхъ порубилъ»; что послѣ того «нѣсколько греческихъ офицеровъ, вышедъ изъ оныхъ судовъ на берегъ, выгрузили не малое число всякихъ военныхъ снарядовъ и денегъ», и что «монтенегринцы, учинивъ потомъ набѣгъ на турецкія земли, разбили тамъ и сожгли всѣ деревни» [1]). Что это были за греческія суда, съ іерусалимскими флагами, откуда они пришли, и что за офицеры, — мы рѣшительно не понимаемъ; можетъ быть даже, — это приставало къ берегу русское посольство съ княземъ Долгорукимъ, о чемъ и сами русскіе въ то время ничего не знали, потому что все это дѣлалось секретно. Какъ бы то ни было, но Европа еще не все знала, что дѣлалось тогда въ Черногоріи и въ сосѣднихъ съ нею земляхъ [2]). Волненіе грековъ

[1]) С.-Петербургскія Вѣдом., 1769 г., № 84.

[2]) Въ тогдашнихъ газетахъ публиковались самыя отрывочныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Степана Малаго; свѣдѣнія эти заходили и къ намъ въ Россію, но чрезвычайно поздно; такъ напримѣръ, во второй половинѣ

и славянъ, не подвластныхъ Степану Малому, а жившихъ въ другихъ государствахъ, навлекло только на нихъ жестокое преслѣдованіе со стороны тѣхъ правительствъ, подъ властью которыхъ они находились; множество несчастныхъ, поддавшихся этому увлеченію, кончили жизнь въ ссылкахъ, другіе погибли на эшафотѣ. Но ни преслѣдованія, ни ссылки, ни тюрьмы, ни самая смерть, со всѣми ужасами пытокъ и истязаній, не могли, по словамъ современника, остановить народа, который цѣлыми толпами стремился отдать себя подъ власть могущественнаго императора Петра III. Тщетно старались изыскивать средства убить въ зародышѣ эту пробуждавшуюся всюду жизнь: митрополитъ грозилъ народу отлученіемъ отъ церкви, предалъ самозванца проклятію. Въ другихъ обстоятельствахъ, проклятіе владыки повергло бы всю Черногорію въ ужасъ и отчаяніе; но въ настоящее время оно возбудило только насмѣшки и презрѣніе (собственныя слова современника). Черногорцы говорили, что Степанъ Малый, какъ императоръ Черногоріи и всея Россіи, а слѣдовательно глава грековосточной церкви, имѣетъ власть разрѣшать проклятіе и слагать отлученіе. Они явились къ нему, — и самозванецъ сложилъ съ нихъ проклятіе владыки, благословивъ подданныхъ своею рукою. Несчастный Савва долженъ былъ повиноваться и молчать, боясь погибнуть отъ руки какого-

---

1769 года, извѣщалось изъ Венеціи, отъ 1 Августа: «Сказываютъ, что извѣстный Стефанъ Пикколо (такъ называли итальянцы Степана Малаго) учинилъ опять набѣгъ въ турецкую землю и отогналъ отъ оной великое множество скота.» С.-Петерб. Вѣдом., 1769 г., № 69.

нибудь фанатика. Степанъ Малый увидѣлъ себя полнымъ и неограниченнымъ государемъ всей Черногоріи, — видѣлъ покорность владыки, всего духовенства, священниковъ и калугеровъ и всѣхъ свѣтскихъ властей государства. Прежде вся нація оказывала владыкѣ глубочайшее уваженіе, по крайней мѣрѣ, наружно: при встрѣчѣ съ нимъ, черногорцы падали ницъ и цѣловали край одежды митрополита; они не смѣли встать и продолжать путь, пока не получатъ позволенія и благословенія владыки. Теперь все это вмѣщалъ въ себѣ самозванецъ, — и власть владыки, и самовластіе государя: видѣли только его, повиновались только ему одному.

Степанъ Малый думалъ о возстановленіи сербскаго царства. Еще въ концѣ 1768 года, когда венеціанскія войска были разбиты, а турки отражены отъ границъ Черногоріи, онъ намѣревался предпринять походъ въ Сербію. Приготовленія начались въ началѣ декабря этого года; его войско готово было оставить горы и идти въ глубь материка: однако, новыя вооруженія со стороны Венеціи, приготовленія къ войнѣ на морѣ и на сушѣ и, наконецъ, приближеніе 150-тысячной турецкой арміи принудили его остаться въ своихъ владѣніяхъ и защищать горы. Онъ намѣревался строить крѣпости, проводить дороги, улучшать пути сообщенія; но у него не было ни матеріаловъ, ни опытныхъ техниковъ; всѣ его предпріятія ограничивались укрѣпленіемъ границъ: въ необходимыхъ мѣстахъ дѣлались огромныя насыпи изъ камней, которыя защищали бы входъ въ Черногорію; нагромождены были цѣлыя горы земли и

обломковъ скалъ, которыя онъ взрывалъ порохомъ, дѣлая завалы тамъ, гдѣ непріятель могъ пробраться внутрь страны. Эти работы заняли все время отъ декабря 1768 до половины іюня 1769 года. До того времени столица его находилась въ Майнѣ, гдѣ домъ великаго канцлера, Марка Тановича, обращенъ былъ во дворецъ; Степанъ Малый останавливался иногда также въ селеніяхъ Побори и Браича, въ той части Черногоріи, гдѣ началъ свою политическую дѣятельность. Но лѣтомъ 1769 года онъ переселился въ нахію чермницкую и занялъ подъ свое помѣщеніе домъ новаго владыки Черногоріи, поставленнаго патріархомъ Берчичемъ, Арсенія, изъ рода Пламенацъ. Арсеній былъ другъ Марка Тановича. Степанъ Малый потому избралъ для своей резиденціи чермницкую нахію, что она была безопаснѣе отъ нечаянныхъ вторженій непріятеля. Здѣсь онъ всей душой предался устройству своего маленькаго государства, чтобы, сдѣлавъ необходимыя преобразованія въ Черногоріи, выступить на болѣе широкое политическое поприще.

Но ему не суждено было сдѣлаться освободителемъ Сербіи и другихъ славянъ отъ иноплеменниковъ и творцемъ великой славянской федераціи. Въ то время, когда его политическая дѣятельность могла уже быть связана съ судьбою всей Европы и имѣть міровое значеніе, одно несчастное обстоятельство лишило его всякой возможности дѣйствовать. Степанъ Малый ослѣпъ. Проводя повую дорогу въ свою столицу, онъ приказалъ взорвать нѣсколько утесовъ, стоявшихъ на пути въ Чермницу; во время подкоповъ, онъ самъ

попалъ въ середину одного пороховаго взрыва и едва остался живъ: но его изувѣчило обломками скалы такъ, что на тѣлѣ его найдено было 62 раны, и глаза несчастнаго были такъ повреждены, что Степанъ Малый навсегда лишился зрѣнія.

Съ этой минуты Степанъ Малый жилъ въ совершенномъ уединеніи, проводя дни въ маленькой келіи чермницкаго монастыря, куда помѣстили больнаго и слѣпаго царя Черногоріи и — какъ думали бѣдные его подданные — императора и самодержца всея Россіи. Несчастный находилъ развлеченіе въ бесѣдѣ друга своего, митрополита Арсенія, который почти никогда не покидалъ его.

Въ это время русскіе, на сушѣ, подъ предводительствомъ графа Румянцева, отнимали у турокъ одинъ городъ за другимъ, а на морѣ нашъ флотъ, подъ начальствомъ графа Алексѣя Орлова, заслужилъ громкую извѣстность уничтоженіемъ турецкаго флота при Чесмѣ. Хотя, по словамъ знаменитаго Шлоссера, «ни Алексѣй, ни его братъ не заслужили здѣсь никакой славы», однако, великодушная императрица повелѣла прибавить къ фамиліи перваго эпитетъ *Чесменскаго*, а Херасковъ написалъ цѣлую поэму, прославившую его подвиги. Несчастный султанъ Мустафа III, въ страхѣ за цѣлость своей имперіи, раздираемой и внутренними смутами, и русскими войсками, и черногорцами, думалъ самъ ѣхать къ арміи, съ своею сералъскою гвардіею, «опасаясь, чтобы не началась другая война въ Далмаціи» [1]), гдѣ еще живъ былъ Степанъ Малый. Но,

[1]) С.-Петербург. Вѣдом., 1769 г., № 85.

желая покончить прежде всего съ черногорцами, развлекавшими его многочисленныя силы, онъ рѣшилъ во что бы то ни стало погубить слѣпаго царя Черногоріи, который, и въ своемъ жалкомъ положеніи, былъ страшенъ султану. Султанъ не безъ основанія думалъ, что, и лишившись зрѣнія, Степанъ Малый способенъ былъ стать во главѣ сильной арміи и идти внутрь владѣній Порты. Преступная воля деспота нашла исполнителей его гнуснаго намѣренія. Выискался бѣглый грекъ изъ Мореи, по имени Станко Класомунья, который за пятнадцать кошельковъ золота рѣшился — или пожертвовать жизнью, или убить черногорскаго царя. Жизнеописатель Степана Малаго, разсказывая объ этомъ грекѣ-ренегатѣ, приводитъ слѣдующій стихъ изъ Тасса о греческомъ вѣроломствѣ:

La fede greca a chi non é palese?

Станко Класомунья пришелъ въ Чермницу, чтобы, какъ онъ говорилъ, найти убѣжище отъ турокъ «у славнаго Петра Третьяго.» Онъ разсказалъ ему цѣлую исторію своихъ несчастій, выдумывая обстоятельства, которыя никогда не существовали, и такъ вкрался въ довѣріе Степана Малаго, что тотъ припялъ его къ себѣ въ услуженіе. Этотъ грекъ умѣлъ хорошо играть на лирѣ, и за такое искусство слѣпой царь имѣлъ несчастіе привязаться къ ренегату, который своею игрою и пѣніемъ развлекалъ больнаго въ его горькомъ уединеніи. Тотъ же жизнеописатель не могъ и при этомъ не вспомнить извѣстнаго стиха Виргилія о предательствѣ грековъ: Timeo Danaos et dona feren-

tes. Одинъ Станко Класомунья своими пѣснями умѣлъ отгонять тоску, которая часто овладѣвала душой несчастнаго слѣпца; въ особенности Степанъ Малый любилъ слушать въ такія минуты одну греческую пѣсню, которая начиналась словами:

Καλὴ ἑσπέρα, ματτιά μοῦ, и проч.

Кромѣ того, Класомунья употреблялъ всѣ способы, чтобы только заслужить довѣріе больнаго: онъ приносилъ иногда въ даръ ему свѣжіе плоды изъ Спалатро и разныя вина, до которыхъ, особенно до кипрскаго, Степанъ Малый былъ большой охотникъ.

Наконецъ, наступило 25 августа 1769 года (такъ изображаетъ послѣднія минуты жизни Степана его біографъ) [1]), день, который избранъ былъ измѣнникомъ для выполненія своего гнуснаго замысла, и это же былъ послѣдній день царствованія и краткой, но замѣчательной жизни черногорскаго Петра III. Чтобы ничто не мѣшало его предпріятію, Станко Класомунья все устроилъ такъ, что одинъ могъ остаться съ своей жертвою. Митрополитъ въ этотъ день отправился въ Цетинье навѣстить владыку Савву Петровича; прочіе монахи пошли стеречь стада; наконецъ, стража, которая всегда стояла у дверей кельи Степана Малаго, заснула. Такимъ образомъ, благодаря своему врагу, оставленъ былъ всѣми этотъ необыкновенный человѣкъ, и тотъ, который заставлялъ трепетать цѣлыя тысячи своихъ противниковъ, палъ отъ руки презрѣннаго игрока на лирѣ. Степанъ самъ ускорилъ свою гибель, попросивъ

[1]) День смерти Степана полагаютъ также 15 августа.

грека взять лиру и спѣть, говоря, что онъ успетъ легче и спокойнѣе. Но онъ уже не просыпался. Измѣнникъ отрубилъ спящему голову и въ тотъ же часъ скрылся изъ Черногоріи, пробравшись въ Румелію къ Бегперъ-Бею, отъ котораго долженъ былъ получить плату за убійство. Ему заплатили столько фунтовъ золота, сколько вѣсила голова несчастнаго царя. Останки его тѣла были съ честью преданы землѣ въ чермницкой церкви митрополитомъ Арсеніемъ, любившимъ покойнаго, котораго онъ до сихъ поръ не перестаетъ оплакивать [1]).

Непродолжительно было политическое поприще Степана Малаго; но и въ теченіе трехъ лѣтъ онъ много сдѣлалъ для Черногоріи: правда, съ его смертію страна эта испытала внутренніе раздоры партій; но при немъ партіи слились бы въ одно нераздѣльное цѣлое, и его власть, быть можетъ, сдѣлала бы благопріятный поворотъ въ исторіи Черной Горы. Вся жизнь этого человѣка покрыта непроницаемой тайной: выходецъ изъ Крайны, въ которой никто не зналъ и не слыхалъ объ немъ, слуга, знавшій въ совершенствѣ нѣсколько европейскихъ языковъ, двадцатилѣтній юноша, вводившій гуманныя начала въ народное право Черногоріи и запретившій кровавую месть, думавшій о возстановленіи независимости Сербіи, получившій свѣдѣнія въ медицинѣ и имѣвшій, Богъ-вѣсть откуда, большія деньги, знавшій, наконецъ, исторію Россіи и помышлявшій о русскомъ престолѣ, мало того — о великой

[1]) .... «qui le pleure et le regrette encore aujourd'hui.» Stićp.-Mali.. 44.

славянской федераціи, — онъ невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе, хотя, къ сожалѣнію, нѣтъ надежды когда-либо знать всю исторію этого человѣка, который никому не повѣрялъ своихъ тайнъ. Въ этомъ случаѣ едва ли въ состояніи помочь изученію этой замѣчательной личности всѣ архивы Черногоріи, Венеціи, Австріи, Турціи и Россіи, потому что все, касавшееся его судьбы, дѣлалось секретно и почти безъ всякой переписки. Съ своей стороны и мы оставляемъ всякія догадки и предоставляемъ ихъ читателю. Въ свитѣ Степана Малаго находились иностранцы, изъ которыхъ одинъ оставилъ намъ описаніе жизни своего государя. Степанъ былъ ужасомъ мусульманъ: не было никого, говоритъ современникъ, ни въ Черногоріи, ни въ Албаніи, ни даже въ сосѣднихъ провинціяхъ, кто бы не трепеталъ при одномъ его имени.

Всѣ, кто слышалъ о его подвигахъ, особенно враги Черногоріи въ торжественныхъ молебствіяхъ просили Бога спасти ихъ отъ страшнаго черногорскаго царя, точно такъ, какъ христіане молились нѣкогда объ избавленіи Европы отъ нашествія Могомета II. Что же касается собственно личности Степана Малаго, то его всѣ необыкновенно хвалятъ: въ немъ было столько деликатности и граціи, какъ ни въ одномъ изъ тогдашнихъ государей, и если кто изъ подданныхъ и оставлялъ его по какимъ-либо неудовольствіямъ, то всегда былъ въ восторгѣ отъ самого Степана, его доброты и благородства.

Жизнеописатель Степана Малаго оставилъ намъ эпитафію въ честь своего государя. Вотъ она:

Il etoit généreux, noble, vaillant et sage,
Ami des beaux-esprits:
De son siècle inégal et le calme, et l'orage
Attiroient son mépris:
Et si la mort pouvoit épargner la vertu,
Il eut toujours vécu.
Avec ses ciseaux outrageans,
La mort en coupant cette vie,
Coupe la bourse à bien des gens.

Степанъ Малый былъ покинутъ почти всѣми своими генералами еще при жизни, именно — послѣ той несчастной минуты, когда лишился зрѣнія: его великій виночерпій, Симо-Суцца, оставилъ даже Черногорію и утвердился въ Албаніи; прочіе министры возвратились въ свои нахіи; иностранцы выѣхали изъ Черногоріи и отправились искать счастья по бѣлу свѣту, въ томъ числѣ и часто упоминаемый нами біографъ Степана Малаго, который, какъ видно, служилъ послѣ въ Индіи у знаменитаго набоба Гейдеръ-Али, гдѣ и напечаталъ біографію своего прежняго государя. Не покинули Степана Малаго только митрополитъ Арсеній, великій канцлеръ, Марко Тановичъ, и нѣсколько генераловъ, увлеченныхъ новыми воззваніями Марка. Судьба этого послѣдняго и его необыкновенная привязанность къ своему несчастному царю интересны въ высшей степени. Марко Тановичъ никакъ не хотѣлъ помириться съ мыслью, что Степанъ Малый умеръ, и умерла съ нимъ его идея. Мало того, онъ не переставалъ проповѣдывать вездѣ, что его великій императоръ никогда не умиралъ, и что молва о его смерти распространена ложно съ намѣреніемъ, чтобы только успокоить турокъ и венеціанцевъ.

Онъ говорилъ всѣмъ, что Степанъ Малый отправился въ Россію и что онъ скоро придетъ оттуда съ безчисленною арміею и съ флотомъ, несравненно могущественнѣйшимъ того, который былъ подъ начальствомъ графа Орлова и который уничтожилъ турецкую флотилію при Чесмѣ. Онъ увѣрялъ, что Степанъ Малый снова станетъ въ главѣ черногорскаго народа, съ помощію котораго онъ *выгонитъ изъ Европы всѣхъ турокъ и утвердитъ свой тронъ и резиденцію въ самомъ Константинополѣ*, давъ черногорцамъ столько золота и серебра, сколько можетъ помѣститься въ цѣлой кучѣ (хижинѣ). Онъ всегда показывалъ при этомъ государственную печать, вѣря въ нее, какъ въ могущественный талисманъ, способный возбудить народъ къ войнѣ, пока не воротится его герой или не пришлетъ о себѣ извѣстія. Въ продолженіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ онъ проповѣдывалъ черногорцамъ, что воскреснетъ его великій государь, и никакія убѣжденія, никакія доказательства, самыя очевидныя и несомнѣнныя, которыя ему представляли со всѣхъ сторонъ, ни даже угрозы и безпрестанно повторяемые декреты объ изгнаніи Марка изъ Черногоріи, которые издавала противъ него Венеція, — ничто не могло ни остановить его проповѣдь, ни разбить его вѣру въ возможность возрожденія Черногоріи: Венеція была безсильна въ горахъ его родины; ея декреты и угрозы производили то же дѣйствіе, какое, по словамъ жизнеописателя Степана Малаго, производятъ угрозы черныхъ обитателей верхняго Нила, которые посылаютъ свои проклятія солнцу и бросаютъ въ него каменьями, когда лучи его жгутъ ихъ болѣе

обыкновеннаго. Марко Тановичъ рѣшился даже отправиться въ Ливорно, къ графу Орлову, чтобы лично увѣрить его, что Степанъ Малый не умиралъ и что онъ когда-нибудь опять придетъ въ Черногорію болѣе могущественный и славный, чѣмъ былъ когда-либо. Онъ даже требовалъ отъ графа признанія его правъ. Орловъ, чтобы привлечь на свою сторону черногорцевъ и избавиться отъ этаго упорнаго фанатика, вручилъ ему значительную сумму денегъ голландскими имперіалами и отослалъ отъ себя, увѣряя, что Степанъ Малый умеръ, и что онъ никакъ не долженъ надѣяться ни на его возвращеніе, ни на званіе великаго канцлера Черногоріи и Россіи. Марко Тановичъ взялъ деньги отъ Орлова, но не думалъ слѣдовать его совѣтамъ. Возвратившись въ Майну, онъ снова увѣрялъ соотечественниковъ, что Степанъ живъ, что онъ отправился путешествовать въ чужіе края для своего собственнаго образованія и что онъ привезетъ съ собою несмѣтныя сокровища, обѣщанныя имъ прежде. Но черногорцы уже мало вѣрили проповѣдямъ своего бывшаго великаго канцлера. Время его славы прошло. Между тѣмъ, Марко узналъ, что венеціанцы снова осудили его на казнь, какъ нарушителя общественнаго спокойствія и оскорбителя высочайшей власти, и снова оцѣнили его голову въ 5,000 дукатовъ. Декретъ, которымъ Марко Тановичъ приговоренъ къ смертной казни, написанъ былъ на итальянскомъ языкѣ и потому онъ не произвелъ ровно никакого дѣйствія, да и не могъ ничего сдѣлать въ Черногоріи. Между тѣмъ, часто видѣли, какъ Марко, съ этимъ декретомъ въ карманѣ, съ

карабиномъ на плечахъ, съ своей длинною саблею, огромнымъ ножемъ и парою пистолетовъ за поясомъ, прогуливался въ самомъ предмѣстьи Будвы, въ сопровожденіи семи или осьми генераловъ свиты убитаго самозванца, какъ бы вызывая на бой изъ крѣпости весь венеціанскій гарнизонъ. Иногда онъ заходилъ даже въ самую Будву, пробирался въ Албанію, не переставая волновать народъ несбыточными обѣщаніями. Дѣлали все, чтобы лишить этаго несчастнаго его безумныхъ надеждъ; но ничто не помогало. Ему показывали, наконецъ, ту самую саблю, которою была отрѣзана голова страстно любимаго имъ государя, надежды Черногоріи, и на которой видны еще были слѣды крови; показывали могилу, гдѣ онъ погребенъ, бумаги, которыя онъ оставилъ... Все было напрасно: ничто не могло убить въ немъ этой безумной вѣры и смутныхъ ожиданій. «Нашъ владыка, говорилъ онъ, велитъ намъ поститься восемь разъ въ году и не ѣсть ничего, кромѣ хлѣба, винограду и масла: онъ обѣщаетъ намъ въ будущемъ рай, миръ съ турками и такое блаженство, котораго мы никогда не знали, но которому мы вѣримъ. *Я же возвѣщаю вамъ, что придетъ нашъ царь, Степанъ Малый, котораго вы видѣли и которому повиновались: и вы послѣ этаго не вѣрите моимъ обѣщаніямъ? И вы не ожидаете его?*»

Слова его не сбылись: не пришелъ освободитель и царь Черногоріи; не дождались свободы бѣдные славяне. Такъ не придетъ ли этотъ освободитель послѣ? Не явится ли съ сѣвера?

Правда, и послѣ имя Петра III не разъ связыва-

лось съ именами Кремнева, Богомолова, Пугачова, Ханина; но не ту цѣль имѣли они, какую имѣлъ черногорскій самозванецъ, и не ихъ ожидалъ Марко Тановичъ [1]).

---

[1]) Главнѣйшія біографическія свѣдѣнія о Степанѣ Маломъ заключаются въ изданномъ вскорѣ послѣ его смерти анонимномъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: Stiépan-Mali, c'est-à-dire Etienne Petit ou Stépano Piccolo, le pseudo-Pierre III, empereur de Russie, qui parut dans le Grand-Duché de Monténégro, entre la Mer Egée, l'Albanie Turque et le Golfe Adriatique en 1767, 1768 et 1769. Сочиненіе это довольно рѣдко. Мы пользовались *пятымъ* изданіемъ его, напечатаннымъ въ 1784 году въ Индіи, въ Мангалфѣ, принадлежавшемъ тогда знаменитому набобу Индійскому Гейдеръ-Али, на берегу Малабара (à Mangalor, Forteresse du Nabab Hyder-Haly, sur les côtes du Malabar). Достойно замѣчанія, что книга эта, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, имѣла пять изданій. Эпиграфомъ къ своему сочиненію авторъ избралъ 59 ст. 1-й сатиры Ювенала:

Aude aliquis brevibus gyaris et carcere dignum,
Si vis esse aliquid.

Сочинитель, какъ видно, самъ находился въ свитѣ Степана Малаго, потому что, въ концѣ книги, въ приложеніяхъ или историко-политическихъ замѣткахъ о Черногоріи, сказано, что онѣ составлены par un officier général, qui a servi dans l'armée de l'Empereur Stiépan-Mali, l'année 1768 et jusqu'à sa mort. Впрочемъ, можетъ быть и то, что біографія написана однимъ лицемъ, а notes historiques-politiques — другимъ. Къ сочиненію приложенъ портретъ Степана Малаго, литографированный въ Парижѣ въ 1774 году. Вокругъ Степана видны изображенія: три города съ надписьми — Monténégro, Babylonia и Albania; съ одной стороны горящія зданія, а на верху надпись Linda, съ другой — изображена битва между черногорцами и турками, а сверху надпись Plaine de Zenta. На верху картины надпись гласитъ: Stiépan etc. etc. combattant les Turcs, l'année 1769. Внизу эпиграфъ изъ трагедіи Mahomet:

Le droit qu'un esprit vaste et ferme en ses desseins
A sur l'esprit grossier des vulgaires humains.

Дополнительныя данныя о Степанѣ Маломъ.

Черногорскій Лжепетръ III или самозванецъ Степанъ Малый, кратковременно царствовавшій въ прошломъ вѣкѣ надъ черногорскими славянами, возбуждалъ въ свое время много толковъ въ Европѣ и занималъ С.-Петербургскій кабинетъ тою странною таинственностію, которою окружена была до могилы неразгаданная личность этого замѣчательнаго юноши, мечтавшаго сдѣлаться всеславянскимъ царемъ и выгнать турокъ изъ Европы. Тайну его происхожденія и главную цѣль, къ которой онъ стремился, до сихъ поръ не разоблачила исторія, да едва ли и разоблачитъ когда-либо. И, къ сожалѣнію, у исторіи много такихъ эпохъ, событій и личностей, которыя остаются непроницаемою тайной: отъ того-то такъ много лжи, конечно, въ большей части случаевъ неумышленной, разсказывали и будутъ разсказывать историки, которые, развѣ случайно и то съ большимъ трудомъ, могутъ попасть въ архивы, гдѣ гніютъ кипы любопытнѣйшихъ бумагъ и гдѣ похоронены тайны прошедшаго, дѣлаю-

щія или великую честь, или великій позоръ человѣчеству, — о которыхъ никогда, можетъ быть, никто не узнаетъ!

О черногорскомъ Лжепетрѣ III до сихъ поръ извѣстно было очень мало, особенно въ Россіи. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи не такъ чувствителенъ количественный недостатокъ свѣдѣній о Степанѣ Маломъ, сколько противорѣчіе этихъ свѣдѣній, которое смущаетъ историка. По однимъ — молодой черногорскій царь представляется замѣчательною личностью, выходившею изъ ряда обыкновенныхъ баловней счастья, человѣкомъ, у котораго въ головѣ созидались и приводились въ исполненіе довольно обширные планы, и который, еслибы хоть сколько-нибудь менѣе враждебно сложились для него условія его политической дѣятельности, далеко бы ушелъ съ своими широкими замыслами; по другимъ — это былъ просто смѣлый самозванецъ, на которымъ историкъ едва ли можетъ остановиться съ особеннымъ любопытствомъ или сочувствіемъ. Замѣчательно только, что первое мнѣніе о черногорскомъ Лжепетрѣ III мы узнаемъ отъ людей, лично и близко его знавшихъ и имѣвшихъ всѣ средства оцѣнить достоинство его замысловъ и его искусство въ ихъ выполненіи. — Напротивъ того, свѣдѣнія, ходившія о немъ по Россіи (да и то, какъ можно догадываться, только въ извѣстныхъ кружкахъ тогдашняго высшаго общества), были очень односторонни,— и до сихъ поръ русская историческая литература не касалась этого любопытнаго эпизода. Было бы неудивительно подобное равнодушіе русскихъ историковъ,

еслибъ Степанъ Малый принадлежалъ только Черной Горѣ; но онъ столько же принадлежитъ Россіи, сколько тѣ идеи, во имя которыхъ дѣйствовалъ, составляли достояніе всего славянскаго міра и почти въ одно и то же время волновали честолюбивую душу Потемкина: и тотъ, и другой мечталъ объ изгнаніи турокъ въ Азію, но Степанъ Малый, кромѣ того, думалъ надѣть на свою голову корону всеславянскаго царства.

Наша первая статья о Лжепетрѣ III, черногорскомъ, далеко не исчерпываетъ этого занимательнаго предмета. Мы имѣемъ подъ руками новыя данныя о Степанѣ Маломъ, важныя потому, что они ставятъ насъ отчасти на ту точку зрѣнія, съ которой смотрѣло на черногорскаго самозванца русское общество того времени, а, можетъ быть, и само правительство, и потому, думаемъ, не безынтересно будетъ сравнить эти свѣдѣнія съ тѣми, которыя уже извѣстны. Новыми данными о Степанѣ Маломъ обязаны мы благосклонности М. П. Погодина, который получилъ ихъ отъ Н. В. Всеволожскаго. Г. Всеволожскій передалъ все, что зналъ о черногорскомъ Лжепетрѣ III, въ разсказѣ, писанномъ по-французски, съ заглавіемъ «Stephan Maloy», и изъ этого разсказа видно, въ какомъ видѣ извѣстія о Степанѣ Маломъ достигли предѣловъ Россіи. Мы передадимъ по-русски записку г. Всеволожскаго:

«Степанъ былъ боснякъ, пашалыка скутарійскаго, другіе полагаютъ — австрійскій славянинъ. Какъ большая часть молодыхъ людей его родины, онъ ходилъ съ караванами контрабандистовъ, служилъ даже на

рагузанскомъ корсарѣ и всегда отличался своею дѣятельностію и храбростію. Принужденный оставить свою страну, онъ пришелъ къ черногорцамъ и, чтобы привлечь на себя ихъ вниманіе и расположеніе, далъ имъ понять, что онъ былъ Петръ III, развѣнчанный Россійскій Императоръ. Черногорцы, которые имѣютъ общее происхожденіе съ русскими и говорятъ однимъ съ ними языкомъ (ибо ихъ нарѣчіе есть чистое наше церковнославянское), приняли его сначала нѣсколько подозрительно. Между тѣмъ вскорѣ между ними болѣе и болѣе распространился слухъ, что императоръ великаго народа (такъ они всегда называютъ Россію) скрывается среди нихъ. Они сходились изъ всѣхъ деревень, чтобы его видѣть, и были очарованы его пріятнымъ видомъ и особенно добротою и простотою, съ какою онъ обращался съ ними. Такъ какъ черногорцы вѣчно воюютъ противъ турокъ, которые никогда не могли совершенно покорить ихъ, то Степанъ Малый [1]), какъ онъ тогда назывался, становился всегда предводителемъ отряда, дѣлалъ набѣги на пашалыкъ Скутари, гдѣ грабилъ деревни, уводилъ скотъ и никогда не встрѣчалъ отрядовъ паши безъ того, чтобы не разбить ихъ. Эта храбрость и хорошія распоряженія, которыя онъ дѣлалъ, вскорѣ привлекли къ нему избранную молодежь страны. Сформировавъ изъ нея гвардію, Сте-

---

[1]) Здѣсь г. Всеволожскій, въ сноскѣ, дѣлаетъ истолкованіе имени «Стефанъ Малый».—«Стефанъ, говоритъ онъ, значитъ по-гречески корона, и этимъ именемъ черногорцы называютъ государей. Maloy signifie petit: ainsi Stephan Maloy veut dire le petit souverain, pour le distinguer du souverain Russe, qu'ils appellent Stephan Velkie — le grand souverain».

панъ вскорѣ завладѣлъ всею властью и кончилъ деспотическимъ царствованіемъ надъ черногорцами. Онъ уже не стѣснялся ничѣмъ: отнималъ сыновей у отцевъ и приказывалъ казнить ихъ, дѣлалъ судъ безъ апеляціи и часто съ пристрастіемъ, — но, окруженный многочисленною гвардіею, которую привязалъ къ себѣ благодѣяніями, онъ не боялся никого, — даже патріарха и духовенства, всегда столь могущественнаго у нихъ. Между тѣмъ начинали уже роптать, глухо сомнѣваться въ его происхожденіи и даже подозрѣвать, что онъ, быть можетъ, не былъ свергнутымъ императоромъ ихъ братьевъ — великаго народа.

«Все это происходило въ 1770, году, въ эпоху, въ которую между Россіею и Оттоманскою Портою вспыхнула война.

«Въ 1770 году, Екатерина II,ославъ въ Средиземное море флотъ, снабженный нѣсколькими отрядами подъ командою графа Алексѣя Орлова, приказала сему послѣднему въ то же время развѣдать, кто былъ этотъ Степанъ Малый, посмотрѣть, что можно извлечь изъ черногорцевъ, такъ всегда привязанныхъ къ Россіи, постараться отсовѣтовать Степану называться Петромъ III и, въ случаѣ если онъ будетъ въ этомъ упорствовать, вразумить на этотъ счетъ народъ и заставить его присягнуть императрицѣ. Графъ Орловъ, прибывъ въ Ливорно, составилъ планъ — организовать съ этой стороны возстаніе противъ турокъ. Онъ хотѣлъ послать нѣсколько отрядовъ къ черногорцамъ, чтобы помогать имъ въ дѣйствіяхъ противъ скутарійскаго паши и Албаніи, дабы привлечь вниманіе турокъ на эту

сторону, тогда какъ онъ самъ нападетъ на Пелопонезъ и постарается поднять остальную часть Греціи. Этою сѣверною экспедиціею долженъ былъ командовать генералъ-маіоръ, князь Юрій Долгорукій. Дѣйствительно, онъ послалъ его въ эту страну, сначала какъ парламентера, сопровождаемаго только четырьмя или пятью офицерами [1]) и двумя сержантами. Князь, прибывъ въ Монтенегро, которое жители называютъ Черногоріею, призвалъ къ себѣ патріарха, собралъ свѣдѣнія о Степанѣ Маломъ, увѣрился въ расположеніи жителей, прочелъ имъ манифестъ Екатерины, въ которомъ она увѣряла ихъ въ своемъ покровительствѣ, обѣщала имъ помощь и приглашала ихъ присоединиться къ своимъ братьямъ, русскимъ, чтобы воевать съ турками. Черногорцы выказали большой энтузіазмъ къ общему дѣлу, дали присягу на вѣрность императрицѣ и обѣщали все, чего отъ нихъ требовали. Когда князь Долгорукій говорилъ имъ о Степанѣ Маломъ и сказалъ имъ, что его очень удивило, какъ они могли принять этого человѣка за покойнаго императора, что это былъ не кто иной, какъ самозванецъ, — они всѣ закричали: «повѣсить его! повѣсить!... Мы не хотимъ его больше!...» Семейства, которыя онъ угналъ, отцы, которыхъ дѣтей онъ казнилъ, и особенно духовенство — требовали его смерти громкими восклицаніями. Степанъ находился тогда близко оттуда. Узнавъ, что происходило,

---

[1]) Офицеры эти были — гг. Розенбергъ, впослѣдствіи генералъ-аншефъ, Гердорфъ, Малявскій, Войновичъ и еще пятый, котораго имя я позабылъ. Войновичъ, родомъ Сербъ, служилъ въ то же время переводчикомъ.

Прим. г. Всеволожскаго.

онъ собралъ вокругъ себя своихъ вѣрнѣйшихъ слугъ, сталъ во главѣ ихъ и пошелъ на монастырь, въ которомъ находился русскій генералъ. Князь Долгорукій, между тѣмъ, взялъ въ свою службу 26 славянъ и образовалъ изъ нихъ стражу: — это было все войско, какое онъ имѣлъ, вмѣстѣ съ десяткомъ русскихъ офицеровъ, сержантовъ и слугъ. Приближаясь къ монастырю, Степанъ замѣтилъ, что расположеніе къ нему народа измѣнилось; даже многіе изъ тѣхъ, которые слѣдовали за нимъ, уже колебались въ томъ, что имъ дѣлать. Самъ онъ гарцовалъ передъ своимъ отрядомъ, старался его ободрить, далъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ на воздухъ, чтобы напугать князя и его свиту; но черногорцы все кричали: «повѣсить его!» — Въ это время монастырь, что называется, трещалъ отъ народа; всѣ толпились на крыльце. Тѣ, которые были ближе къ князю, кричали: «повѣсить его!», тѣ, что стояли внизу, не знали еще, его ли это требуютъ смерти, или Степановой. Положеніе обоихъ было критическое. Наконецъ, князь показался передъ черногорцами и сказалъ имъ, что никогда императрица, ихъ общая государыня, не наказывала никого не выслушавъ; что, слѣдовательно, Степанъ долженъ быть судимъ, и что онъ приказываетъ, именемъ императрицы, чтобы онъ предварительно былъ приведенъ къ нему. Всѣ затихли и повиновались. Тотчасъ же всѣ побѣжали къ Степану и объявили ему, что онъ долженъ явиться къ русскому генералу, если не желаетъ быть тотчасъ казненъ. Степанъ покорился и былъ приведенъ къ князю Долгорукому. Онъ явился самоувѣренно

и отвѣчалъ съ большимъ присутствіемъ духа и твердостію. Когда князь спросилъ его передъ всѣмъ міромъ, какъ онъ осмѣлился принять имя Петра III, онъ ему отвѣчалъ, что это не самъ онъ, а они его такъ назвали, — что, правда, онъ не старался ихъ разубѣдить, но что не имѣетъ болѣе нужды носить это имя, потому что царствуетъ надъ ними по ихъ собственному избранію, что онъ заслужилъ это по тѣмъ услугамъ, которыя онъ постоянно оказывалъ народу, и по тому ужасу, какой его имя внушаетъ туркамъ. Князь велѣлъ отвести его въ тюрьму, въ монастырь, гдѣ имѣлъ пребываніе, и поставилъ четверыхъ изъ своихъ славянъ часовыми, чтобы стеречь его.—Онъ разсыпалъ народу щедроты, обѣщалъ ихъ еще болѣе и распустилъ сборище, которое разошлось въ добромъ порядкѣ, и каждый возвратился въ свою деревню.

«Въ то время какъ все это происходило въ Черногоріи, скутарійскій паша, который со дня на день ожидалъ высадки русскаго флота и диверсій черногорцевъ, оцѣнилъ головы князя Долгорукаго и Степана Малаго и послалъ эмиссаровъ, чтобы посѣять раздоръ между черногорцами. Князь Долгорукій, спокойный со стороны Степана Малаго, занялся сначала организаціей всеобщаго возстанія. Онъ употребилъ на это патріарха, который пользовался большимъ уваженіемъ, и офицеровъ, которыхъ имѣлъ при себѣ; но онъ скоро увидѣлъ, что партія Степана гораздо значительнѣе, нежели онъ прежде думалъ: ошеломленные въ началѣ, они покорились всему; но скоро начали сожалѣть о немъ и даже искали средствъ освободить его.

Князь, имѣя только 26 славянъ, которыхъ могъ имъ противопоставить, и не имѣя основанія слишкомъ полагаться на вѣрность этого дикаго и непостояннаго народа, искалъ уже средства все примирить, освободивъ Степана, предварительно заставивъ его присягнуть на повиновеніе и вѣрность императрицѣ и дать обѣщаніе служить ей всѣми способами и со всѣмъ усердіемъ противъ общаго врага — турокъ. Этотъ планъ во всѣхъ отношеніяхъ годился для Степана Малаго: онъ возвращалъ свое могущество и бралъ всю свою власть, будучи сверхъ того поддерживаемъ русскими. Передъ нимъ развертывалось болѣе обширное поле для его честолюбія и болѣе отрадная будущность въ случаѣ неудачи, ибо тогда онъ нашелъ бы убѣжище и покровительство въ Россіи. — Между тѣмъ къ князю присланъ былъ курьеръ отъ графа Орлова. Извѣстія, которыя онъ привезъ ему, заставили его измѣнить всѣ свои распоряженія и подумать объ отступленіи, которое сдѣлалось для него даже довольно опаснымъ.

«Графъ Ѳедоръ Орловъ, братъ генерала-аншефа Алексѣя, забралъ себѣ въ голову командовать черногорской экспедиціей и упрашивалъ о томъ своего брата; но тотъ никакъ не хотѣлъ на это согласиться, во первыхъ, — не желая удалить его отъ себя, во вторыхъ, — боясь пустить его въ предпріятіе, столь рискованное, съ небольшими отрядами, которые онъ могъ ему дать; короче, — онъ начисто отказалъ. Графъ Ѳедоръ, не успѣвъ получить этого командованія, старался съ тѣхъ поръ заставить брата совсѣмъ отмѣнить эту экспедицію. Онъ представлялъ ему, что имѣя мало войска въ своемъ рас-

поряженіи, онъ только можетъ обезсилить себя, какъ бы мало ни отдѣлилъ въ горы; что тогда предполагаемыя высадки въ Морећ очень рисковали быть неуспѣшными; что, такъ какъ въ одно и то же время, должны быть исполнены два предпріятія такъ далеко одно отъ другаго, то будетъ невозможно помогать взаимно, въ случаѣ несчастія которой-либо стороны; что, кромѣ того, нельзя никоимъ образомъ полагаться на черногорцевъ, народъ дикій, который не зналъ никакой субординаціи, былъ очень непостояненъ и, сверхъ того, способенъ лишь къ партизанской войнѣ, да и то только въ горахъ; что, вышедши оттуда, они не устоятъ противъ одного турецкаго кулака, и что въ такомъ случаѣ — значило бы принести въ жертву малое число русскихъ, которыхъ можно было послать къ нимъ.—Если хорошенько разсудить, то замѣчанія графа Ѳедора были вѣрны; но я думаю, что онъ долженъ былъ дѣлать ихъ раньше. — Какъ бы то ни было, но экспедиція была отмѣнена, и рѣшились предоставить этихъ горцевъ самимъ себѣ, ограничиваясь на ту минуту только тѣмъ, чтобы послать имъ пороху, свинцу и нѣсколько ружей. — Такимъ образомъ, князь Долгорукій, проведя среди ихъ три мѣсяца, получилъ приказъ возвратиться. Онъ тотчасъ же увидѣлъ опасность своего положенія: цѣна, которую скутарійскій паша положилъ за его голову, искушала уже многихъ черногорцевъ; они нѣсколько разъ приходили къ нему депутаціей просить его распустить свою славянскую стражу, говоря, что имъ обидно видѣть своего генерала охраняемымъ иностранцами, что это доказываетъ

недовѣріе и что они не думали, что заслужили его; съ другой стороны, приверженцы Степана волновались и громко жаловались на его долгое заключеніе. — Тогда князь рѣшился отправить одного изъ своихъ офицеровъ съ нѣсколькими славянами въ ближайшій портъ тайно запастись судномъ и, когда оно было готово, велѣлъ привести къ себѣ Степана Малаго и объявилъ ему, что императрица не только прощаетъ ему, что онъ осмѣлился взять имя послѣдняго императора, но что, во вниманіе къ раскаянію, имъ показанному, она жалуетъ его офицеромъ на службѣ имперіи.

«Князь передалъ ему тотчасъ же дипломъ и мундиръ и вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ, что онъ назначаетъ его главнымъ правителемъ народа и страны, съ условіемъ, что отнынѣ онъ будетъ служить своей новой повелительницѣ съ усердіемъ и вѣрностію противъ турокъ. Степанъ возобновилъ свои увѣренія, снова далъ присягу въ вѣрности и воротился къ себѣ, счастливый, что отдѣлался такъ дешево. Всѣ его сторонники обнаружили величайшую радость и давали пиры и праздники по своему обычаю. Духовенство и тѣ, которые требовали его головы, находились въ ужасномъ смущеніи, не смотря на забвеніе прошлаго, котораго русскій генералъ отъ него требовалъ и которое онъ торжественно обѣщалъ, — ибо они не полагались на его слово. Тогда-то князь Долгорукій тайно пустился въ путь, чтобы отправиться въ гавань; однако, объ этомъ пронюхали, — патріархъ и нѣкоторые изъ главныхъ враговъ Степана прибѣжали на берегъ, умоляя князя взять ихъ съ собою, что̀ затруднило его тѣмъ болѣе,

что шлюпка едва могла вмѣщать въ себѣ его людей, а между тѣмъ въ нее бросилось болѣе 60 человѣкъ. Такимъ-то образомъ, безъ воды, безъ провизіи, въ черезъ-чуръ нагруженной лодкѣ князь оставилъ сторону Далмаціи; однако, благодаря постоянно-хорошей погодѣ и попутному вѣтру, онъ счастливо высадился въ Анконѣ; оттуда отправился къ графу Орлову въ Ливорно. Онъ не нашелъ уже тамъ флота и графа Ѳедора, который отплылъ въ Архипелагъ; но генералъ-аншефъ оставался еще тамъ съ однимъ линейнымъ кораблемъ. Онъ взялъ съ собой князя Долгорукаго и черезъ нѣсколько дней уѣхалъ, чтобъ соединиться съ своимъ флотомъ.

«Возвратимся къ Степану Малому.

«Тотчасъ послѣ отъѣзда русскихъ онъ снова вступилъ въ свои права; но скоро увидѣлъ, что много потерялъ въ общественномъ мнѣніи: — онъ никогда не могъ успѣть сдѣлать всеобщее возстаніе, чтобы произвести диверсію, которую обѣщалъ русскому генералу. Такимъ образомъ, онъ ограничился тѣмъ, что укрѣпился въ своихъ горахъ противъ нападеній скутарійскаго паши. Онъ не выдумалъ для того ничего лучше, какъ проложить въ своей странѣ удобные пути. Но однажды, когда онъ осматривалъ мины, одну взорвало такъ несчастливо, что у него лопнули оба глаза. Съ той минуты онъ заперся въ монастырѣ, куда не допускалъ къ себѣ никого; оттуда онъ разсылалъ свои приказанія и часто его именемъ совершались жестокости, которыя заставляли ненавидѣть его съ каждымъ днемъ болѣе, до тѣхъ поръ, пока шпіонъ скутарій-

скаго паши, грекъ, который успѣлъ овладѣть вполнѣ его довѣріемъ и одинъ не оставлялъ его ни днемъ, ни ночью, не умертвилъ его въ его комнатѣ, чтобы получить деньги, обѣщанныя пашою. Онъ спокойно вышелъ потомъ изъ монастыря, заперевъ комнату Степана на ключъ и сказавъ стражѣ, что король (царь) почиваетъ, и запретилъ кому бы то ни было входить къ нему прежде, чѣмъ онъ позоветъ. Привыкнувъ видѣть, что грекъ свободно входилъ къ Степану и выходилъ, никто не думалъ остановить его, и онъ успѣлъ переѣхать черезъ озеро (Скутари), которое одно отдѣляло турецкія владѣнія отъ монастыря, и спастись у своего патрона.

«Такъ кончилъ Степанъ Малый, который, еслибъ былъ поддерживаемъ и направляемъ русскими, сдѣлался бы, вѣроятно, вторымъ Скандербекомъ, и которому всѣ окружныя славянскія націи не преминули бы подчиниться [1])».

Все содержаніе записки г. Всеволожскаго группируется, такимъ образомъ, около одного событія— посольства князя Долгорукаго въ Черногорію. Степанъ Малый выступаетъ, какъ лице второстепенное и только по отношенію къ сущности и цѣли русскаго посольства, а потому и является въ этомъ разсказѣ чѣмъ-то недорисованнымъ. Изъ разсказа не видно, какое значеніе имѣлъ этотъ человѣкъ среди окружныхъ славянскихъ племенъ и какое значеніе придавали ему со-

[1]) .... qui s'il avait été soutenu et dirigé par les Russes serait probablement devenu un second Scanderbeg et auquel toutes les nations slaves des environs auraient certainement fini par se soumettre.

сѣднія съ Черногоріею государства. Одно надо сказать, что Степанъ Малый, сдѣлавшись черногорскимъ царемъ, такъ умѣлъ поставить себя, что казался страшнымъ и грознымъ не одной Венеціанской республикѣ, уже безсильной въ то время, хотя и гремѣвшей прошедшею славой, но и Турціи, бывшей тогда, до войны съ Россіею, въ апогеѣ своего могущества, Турціи, ни на минуту не дававшей Европѣ забыть, что войска султана могутъ наводнить всѣ цивилизованныя государства того времени. Объ этомъ значеніи Степана Малаго записка г. Всеволожскаго умалчиваетъ, потому что, какъ видно изъ всего, на черногорскаго самозванца смотрѣли у насъ въ Россіи, какъ на личность неважную. Но записка указываетъ на происхожденіе самозванца, о которомъ до сего времени ничего положительнаго не было извѣстно; говорили только, будто онъ пришелъ изъ Крайны еще юношей и былъ богатъ; но никто не зналъ, откуда онъ имѣлъ это богатство и гдѣ получилъ образованіе, которое проявлялось отчасти въ томъ, что самозванецъ, поступившій въ услуженіе къ одному богатому черногорцу, зналъ нѣсколько языковъ и имѣлъ свѣдѣнія въ медицинѣ. Записка г. Всеволожскаго говоритъ, что онъ былъ или боснякъ, или австрійскій славянинъ, т. е. или турецкій или австрійскій подданный, но во всякомъ случаѣ славянинъ и, кромѣ того, занимался контрабандой и пиратствомъ вмѣстѣ съ дубровничанами (рагузане). Но ни записка г. Всеволожскаго, ни прежнія извѣстія о Степанѣ Маломъ не разъясняютъ главной темной стороны этаго дѣла: почему именно молодой пиратъ вздумалъ назы-

ваться русскимъ царемъ и почему думалъ онъ, что ему повѣрятъ, когда онъ скажетъ, что Петръ III не умеръ? — Явленіе самозванцевъ — это русская національная черта, выработавшаяся въ народномъ характерѣ вслѣдствіе особенныхъ историческихъ условій, о которыхъ мы не говоримъ; но почему молодому пирату Адріатическаго моря пришла идея, которую могъ переварить въ своей головѣ только Пугачовъ, — это не легко объяснить. Въ запискѣ г. Всеволожскаго мы находимъ объясненіе самаго имени Степанъ: это значитъ «малая корона», т. е. царь малый, владыка Черногоріи, въ отличіе отъ «царя большаго», русскаго императора. Сербы, дѣйствительно, обращаясь къ своимъ царямъ, называютъ ихъ иногда «крунами», какъ напримѣръ —

Царь Лазаре, србска круно златна!
Ти полазиши съ ютра у Косово и т. д., —

однако, едва ли Степанъ Малый назывался такъ именно въ этомъ смыслѣ.

Разсказъ о томъ, какъ князь Юрій Долгорукій выполнилъ свое посольство въ Черногоріи, у г. Всеволожскаго совершенно противорѣчитъ тѣмъ извѣстіямъ, какія мы имѣли до сихъ поръ. Столкновеніе князя Долгорукаго и Степана Малаго принимаетъ у него другой видъ, такъ что личность черногорскаго царя какъ-то стушевывается передъ русскимъ генераломъ. По словамъ г. Всеволожскаго, черногорцы тотчасъ же отступились отъ мнимаго царя, лишь только князь Долгорукій прочелъ имъ манифестъ императрицы и увѣрилъ, что Степанъ Малый — самозванецъ. Черно-

горцы, такъ храбро и счастливо сражавшіеся подъ его знаменами, теперь кричали: «повѣсить его!» — Между тѣмъ, по словамъ жизнеописателя и современника Степана Малаго, князь Долгорукій игралъ самую жалкую роль въ Черногоріи, и появленіе самозванца передъ Долгорукимъ, въ виду народа, было торжествомъ для перваго и позоромъ для послѣдняго. Всеволожскій говоритъ, что Долгорукій велѣлъ посадить самозванца въ заточеніе и приставилъ къ нему караулъ, какъ къ арестанту. Напротивъ, у жизнеописателя Степана Малаго, лично знавшаго царя и служившаго въ его свитѣ, мы находимъ не совсѣмъ лестныя для Долгорукаго извѣстія, о томъ напримѣръ, какъ этотъ князь бѣжалъ изъ Черногоріи и не только не думалъ о поддержаніи своего достоинства, но не имѣлъ даже возможности скрыть свой срамъ, потому что деньги, растерянныя имъ изъ кармановъ по дорогѣ, по которой онъ бѣжалъ къ морю, означили слѣдъ его и прямо указывали на бѣгство, которымъ онъ спасался отъ самозванца, будто бы имъ арестованнаго [1]). Изъ записки г. Всеволожскаго мы узнаемъ также имена офицеровъ, сопровождавшихъ князя Долгорукаго во время его посольства въ Черногорію.

[1]) Stiépan Mali, c'est-à-dire Etienne Petit ou Stepano Piccolo, le pseudo-Pierre III, empereur de Russie,—сочиненіе, писанное офицеромъ, служившимъ при дворѣ Степана Малаго, прямо говоритъ о князѣ Долгорукомъ и его бѣгствѣ: Quoiqu' envoyé de la part de l'Impératrice de Russie, comme son général et son ministre plénipotentiaire à Monténégro, Dolgorouki après un séjour de peu de semaines, quitta le pays en fugitif et perdit même l'argent, qu' il avait dans ses poches, en se glissant du haut des montagnes dans la nuit, pour pouvoir joindre les vaisseaux et passer à Livourne où Alexis Orloff l'attendait (p. 34).

Какъ бы то ни было, но свѣдѣнія, сообщенныя намъ М. П. Погодинымъ, проливаютъ новый свѣтъ на отношенія черногорскаго самозванца къ Россіи, которыя, безъ сомнѣнія, уяснятся болѣе, когда вопросъ о черногорскомъ предшественникѣ Пугачова, будетъ разработанъ по современнымъ документамъ, вѣроятно, хранящимся въ архивахъ Москвы и Петербурга. Тогда, быть можетъ, живѣе выступитъ передъ нами этотъ загадочный двадцатилѣтній царь, котораго, еще въ прошломъ вѣкѣ, волновала идея всеславянскаго единенія.

Самозванецъ Богомоловъ [1]).

Въ 1771 — 72 году по станицамъ волжскаго войска и въ Дубовкѣ формировался Московскій легіонъ генералъ-маіора князя Прозоровскаго. Легіонные офицеры разъѣзжали по станицамъ и хуторамъ и записывали въ свои команды казаковъ-охотниковъ.

Сформированные отряды размѣщались по квартирамъ. — Въ это время въ команду ротмистра Григорія Персидскаго записался одинъ неизвѣстный молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти.

При спросѣ онъ показалъ, что зовутъ его Ѳедотомъ Ивановымъ Казинымъ, родомъ изъ донской Веманской станицы, сынъ служилаго казака, который умеръ назадъ тому лѣтъ двадцать.

---

[1]) Царствованіе императрицы Екатерины II богато самозванцами. Судьбу одного изъ нихъ, еще неизвѣстнаго исторіи, мы намѣрены разсказать по подлиннымъ документамъ того времени, извлеченнымъ изъ Царицынскаго архива. Бумаги переданы намъ Н. И. Костомаровымъ. Эти бумаги, вмѣстѣ съ другими неизданными архивными дѣлами второй половины XVIII в., заключаютъ богатый матеріалъ для исторіи смутной эпохи Пугачова, разработкою которой мы и заняты въ настоящее время.

Авт.

Его такъ и записали.

Это было 16 января 1772 года.

Вскорѣ между казаками прошли странные слухи.... Говорили за тайну, что въ легіонѣ одинъ изъ казаковъ признанъ за покойнаго императора Петра Третьяго. Указывали на Ѳедота Казина. Казаки стали сходиться и толкавать объ этомъ странномъ обстоятельствѣ: во время одной сходки, двое изъ нихъ, Марусенокъ и Лучинкикъ, а за ними и другіе говорили, что хотя этотъ незнакомецъ и не похожъ на бывшаго государя, но, какъ тому прошло уже много лѣтъ, когда объявлено было о кончинѣ Петра Ѳедоровича, то онъ могъ и перемѣниться.

За нѣсколько мѣсяцевъ до этого, именно въ октябрѣ 1771 года, являлся въ Дубовку къ ротмистру Персидскому другой охотникъ, еще моложе перваго, и записался въ легіонъ подъ именемъ Спиридона Долотина. Въ немъ признали *государственнаго секретаря*.

Между тѣмъ, по Илавлѣ расположились на постой три набранныя роты. Тутъ были Казинъ и Долотинъ. Они жили въ одной избѣ. Роты, расположенныя по Илавлѣ, находились одна отъ другой верстахъ въ пяти. Зимой по ночамъ казаки сходились и разсуждали о появившихся между ними великихъ особахъ. Число вѣровавшихъ постоянно возрастало. Одна рота собралась какъ-то у Казина. Думали идти въ Дубовку.

Въ это время, именно 30 марта, когда умы казаковъ уже достаточно были взволнованы слухами и ночными бесѣдами, одинъ изъ нихъ, по фамиліи Буренинъ, просилъ своего командира о жалованьѣ. Прапорщикъ

Терскій сказалъ ему вслухъ при всѣхъ казакахъ: «ты отъ боярина еще недавно, а уже требуешь себѣ жалованья».

Казаки услышали: это ихъ обидѣло, и они закричали въ одинъ голосъ: «Поэтому мы всѣ боярскіе!... Зачѣмъ насъ въ казаки принимали?»

Въ порывѣ увлеченія они объявили, что съ ними находится бывшій императоръ Петръ Третій, что они намѣрены забрать казенныхъ лошадей и все необходимое къ походу и ѣхать въ Дубовку для охраненія его величества.

Дали знать въ Дубовку. Прискакалъ ротмистръ Персидскій съ прочими офицерами и войсковымъ старшиною Поляковымъ. Персидскій увѣщавалъ казаковъ смириться; его не слушали. Наконецъ, онъ объявилъ, что будетъ стрѣлять по нимъ изъ пушекъ.

Казаки собрали кругъ и тутъ же на общемъ совѣтѣ порѣшили: идти всѣмъ въ Дубовку и объявить находящагося между ними незнакомца императоромъ, а офицеровъ арестовать.

Такъ и сдѣлали. Посадили подъ караулъ офицеровъ, въ томъ числѣ ротмистра Персидскаго, и стали готовиться къ походу: осѣдлали казенныхъ лошадей и вооружились. Но одинъ изъ офицеровъ, Степанъ Савельевъ, выпросился изъ-подъ караула повидаться будто бы съ государемъ. Его отпустили. Онъ ворвался въ избу, гдѣ сидѣлъ названный императоръ, ударилъ его по лицу и закричалъ, чтобъ взяли его подъ караулъ: «Какой онъ государь!» Казаки оробѣли. Сами схватили самозванца и заковали въ кандалы. Съ нимъ заковали и

молодаго государственнаго секретаря, казака Долотина, и обоихъ съ конвоемъ препроводили въ Дубовку. Едва успѣли довезти ихъ туда, прямо ввели въ войсковую канцелярію и, допросивъ секретно, въ тотъ же день немедля отправили за бесопаснымъ конвоемъ въ Царицынъ, куда долженъ былъ пріѣхать тогда астраханскій губернаторъ генералъ-поручикъ Бекетовъ.

Это было 1-го апрѣля. На другой день, 2-го апрѣля, ихъ допрашивали: что они показали, это было тайною для народа и казаковъ. По снятіи допросовъ, арестантовъ посадили подъ крѣпкій караулъ, что у Царицынскихъ воротъ.

Съ тѣхъ поръ прошло около трехъ мѣсяцевъ. Утромъ 25-го іюня, въ 8-мъ часу, къ правящему должность адъютанта прапорщику Худякову, явился царицынскій баталіонный солдатъ Петръ Шедруновскій и донесъ, что въ ту ночь, часу въ двѣнадцатомъ, баталіонный барабанщикъ Тимоѳей Лобановъ, ходя по квартирамъ, говорилъ солдатамъ, чтобъ всѣ были въ готовности и не спали; что будетъ ночью у Царицынскихъ воротъ тревога.

Барабанщика сыскали и привели въ баталіонную канцелярію. Онъ не запирался и показалъ, что наканунѣ, часу въ одиннадцатомъ ночи, когда онъ стоялъ у воротъ квартиры, подошелъ къ нему тамошній соборный священникъ Никифоръ Григорьевъ и сказалъ, что въ ту ночь у Царицынскихъ воротъ будетъ тревога.

Какъ бы то ни было, однако, нужно было принять мѣры на всякій случай. Доложили губернатору, который тогда былъ уже въ Царицынѣ. Губернаторъ приказалъ

перевести самозванца въ другое мѣсто, подъ караулъ гауптвахты; попа Никифора, отыскавъ, заковать въ желѣза и держать подъ карауломъ, а между тѣмъ принять надлежащія предосторожности.

Когда маіоръ Титовъ явился къ самозванцу въ караульню, чтобы перевезти его на гауптвахту, колодникъ сказалъ ему: — «Куда ты меня хочешь везти? Суди здѣсь». Но, когда караульные взяли его и силою привели къ телѣгѣ, самозванецъ закричалъ: — «Міряне, не выдайте!..» Но больше ему не дали кричать: зажавъ ротъ, бросили въ телѣгу и повезли. Впрочемъ, на этотъ разъ народу тамъ вовсе не было.

Послѣ того, взяли попа въ его собственномъ домѣ, пьянаго, и привели въ гражданскую канцелярію; оттуда онъ посланъ былъ въ полицейскую избу съ караульными, которые должны были заковать его въ желѣза и посадить въ особое мѣсто. Тогда около гауптвахты, куда перевезли за нѣсколько часовъ самозванца, въ разныхъ мѣстахъ началъ показываться народъ; сначала онъ собирался небольшими кучками; потомъ сталъ прибывать значительными массами. — Караульные начали разгонять сборище; — но напрасно: толпы увеличивались. Въ первомъ часу, на Спасскомъ мосту, у волжскаго взвоза, мгновенно собралось разнаго народу человѣкъ до двухъ сотъ. Въ это время изъ канцеляріи вывели попа на крыльце. Вырвавшись у караульныхъ солдатъ, онъ бросился къ народу и просилъ помощи: — «Братцы! православный народъ, не выдайте!»

Но караульные схватили его, силою увели въ полицейскую избу и заковали въ цѣпь. Народъ пришелъ

въ смятеніе: всѣ бывшіе на базарѣ и толпы, собравшіяся у Спасскаго моста и вокругъ гауптвахты, чернь, рекруты и артиллеристы, бросились на базарные шалаши, обломали загородки и, схвативъ въ руки колья, шесты и полѣнья всей массой двинулись къ гауптвахтѣ и, подаваясь по фронту, приблизились къ плацу саженъ на двадцать.

Ударили тревогу. Въ это время въ толпѣ показался царицынскій комендантъ полковникъ Цыплетевъ, маіоры Анненковъ и Титовъ и инженеръ-подпоручикъ Мухановъ. Они бросились къ гауптвахтѣ, пробираясь межъ народомъ; комендантъ приказалъ стрѣлять въ толпу; потомъ, вмѣстѣ съ Анненковымъ, Титовымъ, Мухановымъ и съ ними купеческій депутатъ Оловянишниковъ, кинулись въ самую середину скопища, начали бить и ловить всѣхъ въ толпѣ, кто попался. Народъ смѣшался и разсыпался въ разныя стороны: иные бѣжали по улицамъ, прочь отъ гауптвахты; другіе, побросавъ колья, кинулись въ народъ, толпившійся на базарѣ, и мгновенно скрылись; иные расходились по домамъ тихо, не оказывая никакого сопротивленія. Въ пылу свалки Цыплетевъ получилъ нѣсколько сильныхъ ударовъ въ спину и въ руку, которою долго потомъ не могъ владѣть. Многихъ забрали подъ стражу.

На другой день началось слѣдствіе. Привели къ допросу капрала Васильева и другихъ солдатъ, которые стояли на караулѣ у Царицынскихъ воротъ, когда тамъ сидѣлъ самозванецъ. Изъ показаній ихъ объяснилось слѣдующее:

Однажды, стоя въ караулѣ, Васильевъ и прочіе ча-

совые вступили въ разговоръ съ самозванцемъ. Арестантъ спрашивалъ ихъ: «Знаете-ль вы государя Петра Ѳедоровича и гдѣ онъ нынѣ находится?» Солдаты отвѣчали, что государя не видали и не знаютъ, а слышали, что онъ скончался. Черезъ два дня послѣ этого разговора, одинъ изъ часовыхъ подошелъ къ капралу и сказалъ ему за тайну, что колодникъ показывалъ имъ на груди у себя изображеніе креста на тѣлѣ [1]) и объявилъ о себѣ, что онъ императоръ Петръ Третій. Слова эти смутили Васильева; но онъ недолго оставался въ такомъ положеніи и черезъ нѣсколько часовъ былъ уже вполнѣ увѣренъ, что находящійся у нихъ колодникъ — дѣйствительно государь. Съ тѣхъ поръ въ караульнѣ стали появляться разныя подозрительныя лица. Молва, что императоръ содержится въ Царицынѣ подъ стражею, ходила уже по базарамъ и площадямъ; сначала говорили шопотомъ, а потомъ заговорили громко.

18-го іюня впущенъ былъ къ арестанту донской казакъ Семенниковъ. Въ разговорѣ онъ называлъ колодника государемъ и просилъ караульныхъ, чтобъ поберегли его. Онъ подговаривалъ весь караулъ бѣжать къ нимъ на Донъ вмѣстѣ съ колодникомъ, чтобы тамъ провозгласить его государемъ. Потомъ, оборотясь къ Васильеву, спросилъ: «Нельзя ли его какимъ бы нибудь случаемъ изъ-подъ караула украсть?» Но Васильевъ не согласился и вытолкалъ его въ зашей, какъ самъ выразился на допросѣ. Послѣ того Семен-

---

[1]) «Подъ грудью бѣлымъ видомъ крестъ». Ср. Пугачова. Народное повѣрье.

никовъ былъ у самозванца раза три и опять склонялъ караулъ къ побѣгу. «Ежели онъ подлинно государь», сказали солдаты, «и придетъ время, то можетъ о себѣ объявить не стыдясь и здѣсь въ городѣ, чего мы всѣ отъ него и ожидаемъ, а побѣга не учинимъ.» Съ тѣмъ Семенникова и отпустили. Когда же онъ отказывался, колодникъ просилъ, чтобъ онъ объявилъ объ немъ въ войскѣ донскомъ, чтобы собрали на Дону нѣсколько полковъ и освободили его изъ неволи. Семенниковъ сказалъ: «Я по станицамъ съ казаками совѣтывать буду и надѣюсь, что они узнавъ за тебя вступятся и, согласясь съ яицкими казаками, середи бѣла дня тебя, государя, возьмутъ.»

Нѣсколько разъ приходилъ и барабанщикъ Лобановъ, но никакихъ тайныхъ и важныхъ словъ не произносилъ; а 24-го іюня, по пробитіи «тапты», зашелъ и объявилъ какъ самозванцу, такъ и капралу, что наступающую ночь будетъ тревога. «Берегитесь, сказалъ, дабы при взятьѣ государя васъ не перекололи.» И когда Васильевъ спросилъ у него, почему онъ это знаетъ, Лобановъ отвѣчалъ: «Слышалъ я о томъ отъ священника Никифора Григорьева.»

Нѣсколько разъ былъ у арестанта и тамошней соборной церкви священникъ Никифоръ; однажды приходилъ съ просфорою, а 24-го числа, ночью, взойдя въ караульню, объявилъ, что въ самую ту ночь будутъ за городомъ бить тревогу, на которую изъ города побѣжитъ народъ. Говорилъ, чтобы поберегли государя: «Хотятъ его отбить дубовскіе казаки.» «А вашъ бы караулъ былъ крѣпокъ», прибавилъ онъ: «а я стараться

буду сколько возможно.» А о чемъ стараться будетъ, того не объявилъ.

24-го же іюня, до пробитія тапты, зашелъ въ караульню драгунъ Некрасовъ и, разговарпвая съ самозванцемъ, спрашивалъ, какимъ онъ случаемъ попался въ такую бѣду: «Что-жъ, братъ, дѣлать! Такъ тому и быть....», отвѣчалъ самозванецъ.

Наконецъ, къ нему приходило много неизвѣстныхъ людей: иные подавали милостыню и проходили мимо, другіе стояли и сидѣли противъ караульни. Ихъ отгоняли. — Этимъ пока и кончился допросъ караульныхъ.

Между тѣмъ въ Царицынѣ происходило слѣдующее:

26-го іюня, рано утромъ, еще до свѣту, когда народъ спалъ, на Волгѣ, отъ царицынской пристани тихо отчалили двѣ лодки: въ каждой было по двѣнадцати гребцовъ, одѣтыхъ въ казацкое и солдатское платье, по шести тѣхъ и другихъ на лодку. На передней сидѣлъ офицеръ. На днѣ каждой лодки лежало по человѣку, оба связанные и закованные. То были Казинъ и Долотинъ.

Когда потушено было народное возмущеніе въ Царицынѣ, губернаторъ Бекетовъ, опасаясь новыхъ волненій въ массѣ, если арестанты будутъ оставаться въ Царицынѣ, приказалъ тайно перевезти ихъ въ Черный Яръ. Ночью взяли ихъ, ночью вывезли изъ города и поплыли по Волгѣ. Колодники лежали молча. На другой день, вечеромъ, обѣ лодки приплыли въ Черный Яръ. Верстъ за пять до города, тотъ изъ арестантовъ, который лежалъ во второй лодкѣ, проговорилъ: «Какъ бы въ Царицынѣ не было кровопро-

литія.... Потому что донскихъ казаковъ семь сотъ, да яицкихъ семь же сотъ пріѣдутъ выручать насъ и государя требовать станутъ.... А что онъ въ допросѣ показалъ себя другимъ, а не государемъ, оное учинилъ, не стерпя побой.»

Капралъ, находившійся въ лодкѣ, крикнулъ на него, чтобъ тотъ замолчалъ; а солдатъ, сидѣвшій въ греблѣ около самаго арестанта, такъ что Долотинъ лежалъ головою къ его ногамъ, услышавъ такія рѣчи, замахнулся на него весломъ и хотѣлъ ударить. Арестантъ замолчалъ и до самаго Чернаго Яра лежалъ уже тихо.

Произнесенныхъ Долотинымъ словъ не слыхалъ никто изъ бывшихъ въ лодкѣ, кромѣ капрала и солдата, потому что всѣ прочіе работали на веслахъ и ничего не видѣли. Считая рѣчи арестанта пустыми, капралъ, по прибытіи въ Черный Яръ, ничего не сказалъ объ нихъ своему офицеру; но, возвращаясь въ Царицынъ и находясь съ нимъ въ одной лодкѣ, донесъ объ угрозѣ арестанта. Ихъ всѣхъ допросили; но новаго ничего не узнали. Во избѣжаніе огласки, со всѣхъ казаковъ и солдатъ, отправлявшихъ колодниковъ въ Черный Яръ, взяли подписку, подъ страхомъ смертной казни, въ томъ, что отъ колодника никакихъ непристойныхъ рѣчей они не слыхали и сами бы никому въ мірѣ, ни подъ какимъ видомъ, не говорили, куда, зачѣмъ и съ кѣмъ ѣздили. Съ офицера, капрала и солдата взяли другую подписку, тоже подъ страхомъ смерти, — чтобъ они молчали обо всемъ, что̀ видѣли и слышали.

Въ это время, вслѣдъ за возмущеніемъ 25 іюня, вездѣ искали Семенникова. Узнали, что онъ уѣхалъ въ Трехъ-островскую станицу. Для поимки его поскакалъ туда гонецъ, который вскорѣ воротился и донесъ, что Семенниковъ скрылся.

Фурьера Ромашева командировали съ секретнымъ предписаніемъ въ Пятиизбянскую станицу. Ромашевъ прожилъ тамъ пять дней, дожидаясь полковника Денисова, который отлучился изъ Пятиизбъ. Однажды, гуляя съ другимъ Денисовымъ, старшиною, по берегу Дона, подошли они къ питейному дому; въ окно кабака кликнулъ ихъ станичный атаманъ Слѣповъ выпить чарку водки. Они вошли и застали тамъ станичнаго писаря и малороссіянина Степана Пѣвчаго, приписаннаго въ семигривенный окладъ [1]) Пятиизбянской станицы: всѣ трое были въ нетрезвомъ видѣ. Поднесли и Ромашеву. Затѣмъ разговоръ зашелъ о самозванцѣ, о которомъ Пѣвчій, бывшій передъ тѣмъ въ Царицынѣ, распустилъ по станицѣ странные слухи. — Спрашивали, что онъ за человѣкъ. Ромашевъ сказалъ, что его въ Царицынѣ уже нѣтъ, а «сосланъ, по его подлости, за дерзновенные поступки въ дальное мѣсто», а въ какое — умолчалъ.

Въ разговорѣ, атаманъ между прочимъ выразился:

— «Я и вся наша станица обстоимъ какъ у его высокопревосходительства, такъ и у царицынскаго коменданта и у войсковаго атамана не подъ командою»,— давая этимъ понять, что онъ знать не хочетъ ни губер-

---

[1]) Подать въ 70 коп.

натора Бекетова, ни другихъ властей, а служитъ кому-то другому, но кому не сказалъ.

А станичный писарь добавилъ:

— «Мы знаемъ, онаго названца (т. е. будто-бы государя Петра III) затѣмъ не выручаютъ и хотятъ уморить, что ея императорское величество желаетъ быть въ супружествѣ за графомъ Орловымъ.»

Когда возвратился полковникъ Денисовъ и прочиталъ секретное предписаніе губернатора, тотчасъ приказалъ схватить Пѣвчаго, возбуждавшаго своими толками Пятиизбянскую станицу къ возстанію, заковать въ наручни и посадить на цѣпь. Съ забитыми въ колоды ногами, за крѣпкимъ конвоемъ, онъ привезенъ былъ Ромашевымъ въ Царицынъ на почтовыхъ, приведенъ въ гражданскую канцелярію и секретно допрошенъ.

Пѣвчій былъ въ Царицынѣ два раза. Въ первый разъ ходилъ къ *явленному* самозванцу и отнесъ одну витушку и тридцать копѣекъ денегъ. — «Поклонись всей Пятиизбянской станицѣ», сказалъ ему самозванецъ.

Пѣвчій пріѣхалъ въ Пятиизбы, кланялся отъ колодника станичному атаману и казакамъ. А станичнымъ атаманомъ былъ тогда Максимъ Слѣповъ. Собравъ стариковъ, атаманъ спрашивалъ совѣта:

— «Что намъ, называемому государемъ послать денегъ?»

Приговорили: «дать рубль» и отдали Пѣвчему, который тогда же и поѣхалъ опять въ Царицынъ.

Когда онъ былъ у самозванца другой разъ, при-

шелъ туда одинъ линейный казакъ. — «Присланъ я, сказалъ онъ, отъ нашего линейнаго сотника Егора, станицы Букановской.»

— «Я сотника Егора букановскаго знаю», отвѣчалъ самозванецъ и приказалъ кланяться.

— «Сотникъ приказалъ вамъ донесть», продолжалъ казакъ, «что курьеръ изъ Петербурха пріѣхалъ и стоитъ у него на хватерѣ. Сказывалъ, изъ Петербурха идутъ четыре полка, которые на дорогѣ объѣхалъ, для встрѣчи васъ, государя, и при нихъ же четыре генерала».

Тутъ Пѣвчій видѣлъ у колодника въ тѣлѣ на груди крестъ, — и колодникъ сказалъ: «Какъ на грудяхъ видишь, такъ на лбу и на плечахъ есть у меня». Пѣвчій откланялся. Арестантъ приказалъ ему благодарить и кланяться станичному атаману, старикамъ и казакамъ всей станицы.

Нужно было схватить главнаго возмутителя, Семенникова. Но его не могли отыскать.

Губернаторъ, находясь въ Царицынѣ, отдалъ между тѣмъ коменданту приказаніе — смѣнить царицынскій гарнизонъ и находящихся въ городѣ артиллеристовъ и баталіонныхъ солдатъ выслать въ Астрахань; имъ на смѣну должны были прибдти оттуда двѣсти рекрутъ. Для этого артиллерійскихъ солдатъ, вообще подозрительныхъ людей, велѣно отправить въ Астрахань всѣхъ до одного; изъ гарнизонныхъ баталіоновъ выслать по семидесяти пяти изъ каждаго, а изъ полевой команды — шестьдесять человѣкъ и все это сдѣлать «подъ приличнымъ претекстомъ», безъ огласки, отнюдь не давая

знать солдатамъ, для чего это дѣлается. Губернаторъ распорядился, чтобъ все исполнено было заблаговременно, до прихода изъ Астрахани рекрутъ.

Когда это происходило, въ Царицынѣ произвели слѣдствіе: какимъ образомъ Казинъ и Долотинъ могли вступить въ службу и кто виноватъ въ этомъ. Предложили вопросные пункты ротмистру Персидскому, который отклонилъ отъ себя отвѣтственность за преступниковъ, сославшись на войсковую канцелярію. Спросили войсковую канцелярію, та отписалась, обвинивъ одного изъ своихъ старшинъ.

Въ войскѣ донскомъ происходили между тѣмъ странныя вещи: тамъ начинало быть «непокойно».

Въ первыхъ числахъ іюня вышелъ изъ Трехъострововъ небольшой отрядъ казаковъ, наряженный войсковою грамотою въ пятисотную команду, которая отправлялась въ армію и находилась на рѣчкѣ Несвитай; на другой день послѣ отъѣзда, утромъ, казаки послали двухъ товарищей въ Голубинскую станицу извѣстить, чтобъ ихъ казаки шли съ ними въ команду, а съ тѣмъ вмѣстѣ закупить «горячаго вина». Извѣстивъ объ томъ голубинцевъ и купивъ вина, посланные хотѣли уже воротиться къ отряду, какъ въ это время одинъ изъ голубинцевъ, казачій сынъ, взявъ одного изъ нихъ за руку и отведя въ сторону отъ людей, началъ говорить: — «Знаешь ли ты вашей станицы казака Семенникова?» Тотъ сказалъ, что знаетъ.— «Наказывалъ онъ, Семенниковъ, вамъ, чтобъ изъ нашихъ казаковъ, кои въ пятисотную команду выступили, къ нему въ городъ Царицынъ побывали.»

Пріѣхавъ къ своимъ, посланные объявили казакамъ слышанное ими отъ «малолѣтка», и всѣ начали совѣтоваться; переговорили съ голубинцами, которые тоже выступили изъ станицы и стояли отрядомъ неподалеку, — и положили послать въ Царицынъ трехъ человѣкъ. Прождавъ посланныхъ два дня, они пошли далѣе, а черезъ три дня голубинцы оставили ихъ и больше не соединялись.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхали посланные къ отряду и сказали, что были въ Царицынѣ у Семенникова и видѣли царя, у котораго на груди въ тѣлѣ крестъ; что царь и Семенниковъ приказали прислать, на добрыхъ коняхъ, пять человѣкъ казаковъ и девять осѣдланныхъ лошадей, на которыхъ бы можно было увезти царя. Тотчасъ послали къ голубинцамъ спросить: не поѣдетъ ли и изъ нихъ кто въ Царицынъ съ лошадьми, — но голубинцы отказались. Тогда выбрали изъ своихъ станичныхъ шесть надежныхъ человѣкъ, дали имъ добрыхъ коней и отправили въ Царицынъ. Но тѣ, узнавъ отъ проѣзжихъ людей о принятыхъ въ городѣ предосторожностяхъ, воротились съ дороги и сказали, что до Царицына доѣхать никакъ нельзя. Не оставалось ничего болѣе, какъ продолжать путь къ командѣ.

Одинъ Семенниковъ дѣйствовалъ рѣшительно: возвратясь изъ Царицына въ свою станицу послѣ свиданія съ самозванцемъ и захвативъ саблю, пистолетъ и пару лошадей, на-вечеръ, 23-го іюня, поѣхалъ онъ самъ въ пятисотную команду, чтобы привлечь ее на свою сторону; вслѣдъ за нимъ выѣхалъ другой

казакъ, Серединцовъ и, нагнавъ Семенникова въ полѣ, спросилъ:

— «Куда ѣдешь?»

— «Я ѣду въ пятисотную команду», сказалъ Семенниковъ, «наши казаки были въ Царицынѣ и обѣщались государю пріѣхать.»

— «И мнѣ въ тое команду ѣхать.»

И поѣхали вмѣстѣ. Они настигли станичниковъ середи степи, когда тѣ отправлялись къ пятисотной командѣ, послѣ неудачной посылки шести человѣкъ въ Царицынъ. Семенниковъ сталъ говорить имъ: — «воротитесь назадъ въ Царицынъ.... Подлинно тамъ нашъ царь». Но казаки отвѣчали: — «Пошлемъ въ пятисотную команду, на рѣчку Несвитай, казака съ объявленіемъ, что въ Царицынѣ имѣется нашъ царь: буде оная команда воротится, то и мы воротимся.»

Послали гонца «о дву-конь». Тотъ черезъ два дня воротился съ извѣстіемъ, что команда безъ письменнаго вида идти не хочетъ.

Тогда Семенниковъ съ Серединцовымъ уѣхали отъ нихъ, а отрядъ пошелъ къ командѣ, которая, впрочемъ, не долго оставалась на Несвитаѣ. Безурядица господствовала во всемъ. Пріѣхалъ туда сержантъ генералъ-маіора Черепова (вѣроятно подосланный Семенниковымъ) и спросилъ казаковъ:

— «Что вы стоите здѣсь и не йдете?»

— «Куда идтить?»

— «Куда писаны.»

— «Во вторую армію писаны.»

— «Нѣтъ, не во вторую армію, а на новую днѣпровскую линію, покудова безъ женъ.»

Пятисотная команда пришла въ смятеніе, отказалась отъ повиновенія и вся разбрелась по станицамъ и хуторамъ. Пришли домой и трехъ-островянцы съ единомышленниками Семенникова, который въ это время мутилъ своихъ станичниковъ дома: онъ всѣхъ подговаривалъ къ походу въ Царицынъ, старыхъ казаковъ и малолѣтнихъ казачьихъ дѣтей. Бунтовщики, для выполненія своего предпріятія, намѣревались утопить войсковаго старшину Чернозубова, станичнаго атамана Лабинина, своего священника отца Гавріила и старика Соловьева, которыхъ наиболѣе боялись. Извѣстіе о замыслѣ ихъ навело страхъ на храбраго Чернозубова, на атамана и на стариковъ. Чернозубовъ сталъ дѣйствовать рѣшительно, не давая мятежу распространиться: онъ приказалъ атаману собрать сборъ. Эта вѣсть быстро прошла по станицѣ. Будучи боленъ, старшина сѣлъ въ коляску и поѣхалъ къ сборному мѣсту.

Когда онъ взошелъ на станичную «бесѣду», тамъ въ сборѣ было очень много казаковъ и казачьихъ дѣтей, былъ и Семенниковъ.

Чернозубовъ, отыскавъ копію съ именнаго указа императрицы о самозванцѣ, который содержался подъ арестомъ въ Воронежѣ въ 1776 году, и, прочитавъ передъ собраніемъ, спрашивалъ Семенникова:

— «О какомъ ты имени проговариваешь и возмущеніе дѣлаешь въ міру?»

Семенниковъ отвѣчалъ: «Есть въ городѣ Цари-

цынѣ, содержится подъ карауломъ царь Петръ Ѳедоровичъ.»

— «Совралъ ты», дуракъ, сказалъ Чернозубовъ: «хотя и былъ царь Петръ Ѳедоровичъ, но онъ скончался, умре. Нынѣ у насъ милостивая государыня Екатерина Алексѣевна, и наслѣдникомъ его высочество Павелъ Петровичъ.»

Но Семенниковъ громко закричалъ: «Живъ Петръ Ѳедоровичъ и нынѣ въ Царицынѣ!»

Чернозубовъ схватилъ бунтовщика за волосы и билъ палкою. А Семенниковъ кричалъ народу:

— «Чего вы стали?... Или вы оробѣли!...»

Но Чернозубовъ приказалъ атаману арестовать его и за карауломъ отослать въ Царицынъ. Когда онъ тащилъ его за волосы по собранію, вдоль бесѣды, и кричалъ атаману: «сажай его въ колоду!», — одинъ казачій сынъ, взбѣжавъ на середину бесѣды, закричалъ:

— «За что Семенникова сажать въ колоду? Онъ невиноватъ!..»

И едва Лабининъ приступилъ къ заговорщику, чтобы взять его, малолѣтокъ закричалъ громкимъ голосомъ:

— «Малолѣтки! на майданъ!»

А другіе вслѣдъ ему: «Чего вы стали? ступайте на майданъ!..»

Другой малолѣтокъ, перескочивъ черезъ бесѣдную стѣну и, явясь на майданъ, тоже кричалъ: «За что Семенникова сажать въ колоду? Онъ невиноватъ!»

Вошли на майданъ прочіе малолѣтки и приступили къ атаману: «За что его брать подъ арестъ?»

Атаманъ въ страхѣ оставилъ Семенникова. Черно-

зубовъ находился въ томъ же опасномъ положеніи; онъ видѣлъ бѣду; малолѣтки и казаки возвышали голосъ; на майданѣ уже не было порядка; слышались только крики. Чернозубовъ перемѣнилъ тонъ; обратился къ собранію не съ угрозами, а съ лаской; просилъ недовольныхъ упокоиться, — напрасно. Онъ принужденъ былъ уйти съ бесѣды домой. Семенниковъ и Серединцовъ два раза приходили звать его на майданъ; но онъ не выходилъ изъ дому. Въ собраніи остался одинъ атаманъ. Когда онъ хотѣлъ снова взять Семенникова, казаки не допустили и вырвали изъ рукъ его атаманскую «насѣку» (родъ булавы).

— «Други мои, малолѣтки, стойте!» возвышалъ голосъ одинъ старый казакъ: «я съ Семенниковымъ пойду съ вами въ походъ и буду вамъ отецъ.»

— «Кто охотникъ ѣхать въ Царицынъ царя выручать?» кричалъ Семенниковъ.

— «Я съ тобою поѣду!» слышалось съ разныхъ сторонъ... Атаманъ едва успѣлъ бѣжать изъ собранія черезъ бесѣдную стѣну.

Такое опасное положеніе дѣлъ требовало энергическихъ мѣръ. Войско донское понимало это и командировало въ Три-острова одного изъ извѣстныхъ и храбрыхъ старшинъ своихъ, Абросима Луковкина, впослѣдствіи страшнаго для полчищъ другаго самозванца, болѣе памятнаго Россіи Емельяна Пугачова. Ему предписано было: во что бы то ни стало, тайно схватить Семенникова и Серединцова съ ихъ единомышленниками, а если тайно нельзя этого сдѣлать, то истребовать отъ донскихъ станицъ и съ царицынской линіи

казачьи команды, а изъ Царицына отрядъ регулярнаго войска, и съ начальникомъ отряда идти и взять ихъ вооруженною рукою.

Получивъ войсковую грамоту, Луковкинъ 21 іюня прибылъ въ Три-острѣва и узналъ, что единомышленники Семенникова и Серединцова собираются въ полѣ, на пашняхъ, въ станичномъ юрту. Но теряя времени и не дѣлая шуму, Луковкинъ въ тотъ же день, взявъ отрядъ казаковъ съ царицынской линіи и изъ Трехъ-острововъ, раздѣлилъ его на три части и послалъ въ поле, а съ четвертою поскакалъ самъ окольными дорогами: часть бунтовщиковъ переловлена была по пашнямъ и привезена въ станицу, а остальные взяты въ ихъ собственныхъ домахъ. Тутъ же схвачены были и малолѣтки, болѣе всѣхъ бунтовавшіе на майданѣ во время станичнаго сбора. Каждому изъ нихъ Луковкинъ наложилъ крѣпкія колодки, а руки связалъ назадъ и за строгимъ карауломъ отправилъ въ Царицынъ. Какъ казаки, такъ и малолѣтки были допрошены и отданы караульнымъ.

Не могли только поймать одного казака, Ананью Еремѣева, и коновода ихъ — Семенникова. Серединцовъ, съ которымъ онъ никогда не разлучался, былъ схваченъ раньше. — Послѣ шумнаго станичнаго сбора, когда съ майдана бѣжали Чернозубовъ и Лабининъ, главные бунтовщики пробыли въ станицѣ нѣсколько дней и потомъ опять, до пріѣзда Луковкина, отправились вдвоемъ въ Царицынъ: но, не въѣзжая въ городъ, извѣстились отъ жителей, что самозванецъ изъ Царицына вывезенъ, — и поѣхали обратно въ

свои дома. Въ это время и былъ схваченъ Серединцовъ, въ тотъ самый день, когда въ другой станицѣ, въ Пятпизбахъ, взяли подъ караулъ Пѣвчаго. Дней черезъ семь, съ царицынской линіи отъ пѣхотнаго линейнаго атамана Янова пришло въ комендантскую канцелярію извѣстіе, что жена Серединцова отъѣхала въ Царицынъ, что, по всей вѣротности, она послана къ мужу для переговоровъ отъ тамошнихъ заговорщиковъ. Яновъ просилъ, нельзя ли будетъ ее тамъ поймать и допросить: не имѣютъ ли бунтовщики намѣренія какимъ либо способомъ украсть Серединцова и не знаетъ ли она чего о Семенниковѣ.

Въ Царицынѣ между тѣмъ все шли допросы. Привезли еще одно лице, букановскаго линейнаго сотника, Егора Коршунова, который, какъ мы видѣли выше, присылалъ будто бы поклонъ самозванцу и извѣщалъ, что къ нему изъ Петербурга идутъ четыре полка съ четырьмя генералами. Противъ вопросныхъ пунктовъ Коршуновъ отвѣчалъ, что самозванца онъ никогда не зналъ и нигдѣ не видалъ, что въ іюнѣ командированъ былъ съ линіи въ Царицынъ для сдачи, въ перемѣну, негодныхъ бочекъ. Проходя базаромъ, онъ слышалъ между народомъ «переговоръ», что въ городѣ содержится подъ карауломъ царь, а какой — не вслушался, «ставя народные разговоры ни во что». По пріемѣ бочекъ, въ тотъ же день онъ воротился на линію, не вѣря слышанному и не говоря о томъ никому ни слова. Писемъ и поклоновъ никому не посылалъ и самъ ни отъ кого не получалъ.

Чтобы подавить день-ото-дня распространявшіеся

толки и возстановить тишину въ народѣ, войско донское разослало строжайшія войсковыя грамоты по всѣмъ рѣкамъ, въ станицы, къ станичнымъ атаманамъ и казакамъ, а, наконецъ, войсковымъ старшинамъ, опредѣленнымъ для сыска и высылки бѣглыхъ, — чтобъ жители не вѣрили никакимъ возмутительнымъ слухамъ, а ловили бы разгласителей. — Но напрасно старались подавить волненіе, произведенное загадочной личностью самозванца и его молодаго секретря; толки неутомимаго Семенникова разжигали народныя страсти, возбуждали къ неповиновенію и раздражали до крайности. Уже схвачены были всѣ его товарищи и единомышленники; поймали Серединцова, который его почти нигдѣ не покидалъ; всѣ сидѣли въ цѣпяхъ, подъ строжайшимъ карауломъ: а Семенникова все не могли поймать. Правительство понимало опасность такого настроенія умовъ и предвидѣло большія волненія. Государственная военная коллегія отправила въ Царицынъ гонца, офицера Карташова, и требовала донесенія о положеніи дѣла. Знаменитый вице-президентъ коллегіи, графъ Захаръ Григорьевичь Чернышевъ, спрашивалъ Бекетова: по какому побужденію соборный попъ, послѣ разпопъ, Никифоръ, возвѣщалъ о бунтѣ наканунѣ его? какія онъ имѣлъ о томъ свѣдѣнія? кто именно были тѣ, которые пошли съ дрекольемъ на гауптвахту и били коменданта? — Въ комендантской канцеляріи, не выходя изъ присутствія, сочинили экстрактъ изъ всего дѣла для представленія военной коллегіи; солдатъ, бывшихъ въ караулѣ у Царицынскихъ воротъ, гдѣ сидѣли Казинъ и Долотинъ, прогнали шпицъ-рутенами сквозь

строй; привезли изъ Дубовки войсковаго старшину и депутата Осипа Терскаго для спроса, какимъ образомъ записаны въ службу Казинъ и Долотинъ.

А въ Царицынѣ толки о царѣ и государственномъ секретарѣ не умолкали. Схвачена была жена капрала Васильева, содержавшагося подъ карауломъ, и обвинена въ томъ, что говорила будто-бы о самозванцѣ. По поводу этого обстоятельства народу прочли странную публикацію, чтобъ онъ молчалъ и забылъ о бывшихъ въ Царицынѣ самозванцахъ [1]). Жителямъ объявляли, что многіе изъ нихъ, а *особливо женскій полъ*, входятъ въ непристойные разговоры о самозванцѣ; что жена капрала Васильева, Авдотья Яковлевна, по доносу одного добросовѣстнаго человѣка взята подъ арестъ и подлежитъ жестокому наказанію кнутомъ; но что, «уважая ея императорскаго величества высочайшее ко всѣмъ матерное милосердіе, отъ того избавя, а во унятіе и въ подлежащій всѣмъ страхъ, дабы перестали непристойные плодить разговоры и совсѣмъ предали оное вкоренившееся зло забвенію, — опредѣлено: учинить ей публичное съ барабаннымъ боемъ, жестокое плетьми наказаніе, и сверхъ того, подрѣзавъ платье, яко не терпимую въ обществѣ, черезъ профосовъ выгнать за городъ метлами.» Наказаніе было исполнено...

Въ августѣ допрашивали еще нѣсколько подозрительныхъ людей; привезли изъ Чернаго Яру черезъ форпосты, за карауломъ, купца Мордовина, замѣшан-

---

[1]) Въ ней запрещались публичныя сходки на площадяхъ.

наго въ это дѣло; 1-го сентября, капралу Васильеву, мужу Авдотьи Яковлевны, дали 12,000 ударовъ шпицъ-рутенами и написали въ рядовые; артиллеристовъ, схваченныхъ на площади во время бунта, допрашивали «подъ пристрастіемъ», пятками заставляя говорить правду. Попа Никифора разстригли еще до конфирмаціи. Наконецъ, въ октябрѣ послѣдовала конфирмація въ военной коллегіи, и графъ Чернышевъ извѣстилъ о томъ астраханскаго губернатора.

Въ васильевъ день, наканунѣ новаго года (31 декабря), Царицынъ видѣлъ наказаніе преступниковъ: восьми канонирамъ и барабанщику Лобанову, которые настойчивѣе другихъ искали освобожденія самозванца, въ разсужденіе материнаго милосердія ея величества, дали по 12,000 ударовъ шпицъ-рутенами взамѣнъ смертной казни и отослали въ Тобольскъ; попа Никифора, малоросса Пѣвчаго, пятизбянскаго станичнаго атамана Слѣпова, станичнаго писаря, стариковъ, малолѣтковъ и множество другихъ лицъ подвергли разнымъ инымъ наказаніямъ; Серединцова жестоко высѣкли плетьми и сослали въ Сибирь. То же наказаніе ожидало и Семенникова, если только онъ будетъ пойманъ. Но его не поймали.

Въ это время, изъ Сибири пришло къ астраханскому губернатору извѣстіе, что одинъ екатеринбургскій солдатъ, возвратившійся съ каравана, отправленнаго съ желѣзомъ въ Астрахань отъ гороблагодатскаго горнаго начальства, сказывалъ, что въ Царицынѣ содержится арестантъ, называющій себя бывшимъ императоромъ Петромъ III; что солдатъ этотъ и товарищи

его видѣли самозванца на гауптвахтномъ крыльцѣ и что слухъ о немъ носится отъ самаго Царицына до Казани. Губернаторъ строго укорялъ за это Цыплетева; грозилъ наказаніемъ.

Но самозванца уже не было тамъ. По конфирмаціи, его привезли изъ Чернаго Яра въ Царицынъ, въ тотъ же день публично, въ виду всего народа, наказали кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри и поставивъ на лицѣ позорные знаки, заключили въ погребъ: въ погребѣ его приковали къ стѣнной цѣпи. Потомъ ночью, его вывели оттуда, сдали конвойному офицеру и, посадивъ въ судно, отправили въ Сибирь на каторгу. Но его не довезли до Сибири: на дорогѣ онъ умеръ.

На допросѣ самозванецъ признался, что онъ Ѳедотъ Ивановъ Богомоловъ, Саранскаго уѣзда, села Спасскаго, крестьянинъ графа Романа Ларіоновича Воронцова; изъ вотчины бѣжалъ въ Саратовъ и ходилъ на судахъ саратовскаго купца Хлѣбникова до Дмитріевска, жилъ потомъ у колонистовъ, перешелъ въ Караванную станицу, служилъ въ Калмыцкой Ордѣ за казака Панчилина, работалъ по хуторамъ и, наконецъ, поступилъ въ легіонную команду подъ именемъ Казина.

«*Въ пьянствѣ своемъ*, говорилъ онъ, *безъ дальняго замысла объявилъ о себѣ императоромъ Петромъ III.*»

Его государственный секретарь, Спиридонъ Долотинъ, былъ сынъ донскаго казака, сирота, не имѣвшій нигдѣ пристанища. Родился въ Березовской станицѣ.

Дѣло о нихъ велѣно было предать вѣчному забвенію и запечатать.

Но народъ не зналъ ничего и вѣрилъ, что живъ государь Петръ Ѳедоровичъ.

Черезъ годъ онъ убѣдился въ этомъ, когда появился Емельянъ Ивановичъ Пугачовъ.

Черезъ годъ поймали и Семенникова съ Еремѣевымъ. Но ихъ уже нельзя было отослать въ Сибирь: весь сѣверовосточный край Россіи волновался именемъ покойнаго императора, и Пугачовъ бралъ крѣпость за крѣпостью....

Пугачовъ.

„Дальнаго намѣренія, чтобъ завладѣть всѣмъ россійскимъ царствомъ, я не имѣлъ, ибо, разсуждая о себѣ, не думалъ въ направленію быть, по неумѣнію грамотѣ, способенъ; а шелъ на то, если удастся чѣмъ поживиться, или убиту на войнѣ быть: все я заслужилъ смерть — такъ лучше умереть на войнѣ".

Слова самого Пугачова.

I.

Почти до настоящаго времени въ русской исторической литературѣ и въ обществѣ относительно этого замѣчательнаго эпизода русской исторіи господствовало мнѣніе, установленное отчасти исторической монографіей Пушкина, и на пугачовщину смотрѣли почти исключительно, какъ на произведеніе яицкихъ смутъ; другіе же видѣли въ этомъ явленіи связь съ придворными интригами, которыя у насъ, въ первой половинѣ прошлаго вѣка, грозили передать судьбу государства въ руки олигархіи, созданной крупнымъ русскимъ дворянствомъ при помощи остзейскихъ нѣмцевъ. Но и то, и другое мнѣніе если не вполнѣ ошибочно, то во

всякомъ случаѣ не представляетъ достаточныхъ основаній. Начала этого явленія лежали глубже, чѣмъ думали до сихъ поръ. Оно было результатомъ всего строя нашей исторіи, а не какимъ-нибудь частнымъ явленіемъ. Г. Щебальскій уже ближе подходитъ къ истинѣ, воспользовавшись современными средствами исторической науки въ объясненіи тѣхъ или другихъ историческихъ явленій, хотя тѣмъ не менѣе и онъ не можетъ вполнѣ отрѣшиться отъ прежнихъ мнѣній и ищетъ разгадки факта въ частностяхъ — то въ безпокойномъ состояніи умовъ яицкаго войска, то въ попыткахъ раскольниковъ отомстить за цѣлое столѣтіе испытанныхъ ими притѣсненій, то въ какой-то таинственной интригѣ, нити которой, исходя изъ рукъ близко стоявшихъ къ кормилу правленія лицъ, переплетались въ разныхъ направленіяхъ и опутывали самый тронъ. Лично Пугачовъ могъ быть чьимъ угодно произведеніемъ; наконецъ, могъ быть просто однимъ изъ тѣхъ самозванцевъ, которыхъ и до него и послѣ него было достаточно [1]); но самая пугачовщина со всѣми ея послѣдствіями была порожденіемъ *всей* Россіи, неизбѣжнымъ плодомъ темной стороны тысячелѣтней жизни русскаго народа и результатомъ ненормальнаго состоянія всего тогдашняго ея государственнаго строя.

Это-то состояніе Россіи и слѣдуетъ изучить прежде всего, приступая къ объясненію пугачовщины; впрочемъ, современная историческая наука иначе и не

---

[1]) Извѣстно, что задолго до Пугачова явился мнимый Петръ III даже въ Черногоріи — это самозванецъ *Степанъ Малый*.

должна относиться къ тѣмъ или другимъ историческимъ явленіямъ.

Такова будетъ и наша цѣль при объясненіи причинъ и характера пугачовщины. Мы постараемся изобразить это смутное время на основаніи новыхъ данныхъ, не бывшихъ въ виду ни у Пушкина, ни у г. Щебальскаго, и при этомъ будемъ имѣть случай замѣтить, на сколько эти новыя данныя подкрѣпляютъ или опровергаютъ соображенія новѣйшихъ писателей въ ихъ изслѣдованіяхъ той эпохи.

---

28 іюня 1762 года вступила на русскій престолъ супруга императора Петра Ѳедоровича, Екатерина Алексѣевна, о чемъ она и извѣстила Россію манифестомъ. Манифестъ этотъ достаточно извѣстенъ. Черезъ девять дней въ церквахъ читали другой манифестъ, не менѣе замѣчательный, извѣщавшій Россію о кончинѣ супруга императрицы, государя Петра Третьяго, послѣдовавшей отъ геморроидальныхъ коликъ.

Глубоко ли тронутъ и пораженъ былъ народъ неожиданной кончиной императора, были ли какія-либо другія причины, или таково было самое положеніе Россіи, только естественное событіе это имѣло важныя послѣдствія: внутреннія смуты долго волновали Россію на всѣхъ ея концахъ и грозили, быть можетъ, поколебать то, что твердо держалось въ ней отъ самаго начала русской земли.

Положеніе Россіи, въ самомъ дѣлѣ, было далеко

не такое, какимъ научили насъ понимать его наши историки и поэты. Они изобразили одну свѣтлую сторону славнаго вѣка Фелицы, блескъ и роскошь двора, силу вельможъ и умъ генераловъ, но забыли темную сторону этого времени. Девяносто-девять-сотыхъ жителей Россіи, среднія и низшія ея сословія, ядро населенія сорока-двухъ провинцій, солдаты какъ служащіе, такъ и отставные, крестьяне всѣхъ вѣдомствъ, раскольники всѣхъ толковъ, иновѣрцы и инородцы и «дикіе люди, покрытые шерстью и чешуей, едва ли не въ одномъ воображеніи Державина проразумѣли блаженство дней своихъ» и

По желтосмуглымъ лицамъ долу
Струили токи слезъ изъ глазъ.

Только большіе дворяне, высшее духовенство и крупные чиновники жили счастливо и спокойно продолжали старое дѣло, начатое дѣдами.

Сама императрица, въ Наказѣ, нѣсколькими отрывочными словами, даетъ понять, коково было при ней положеніе крестьянъ и другихъ несвободныхъ сословій. Она говоритъ, что почти всѣ помѣщичьи деревни состоятъ на оброкѣ; что помѣщики, обложивъ каждую душу по рублю, по два и даже по пяти рублей [1]), рѣдко или почти никогда не заглядываютъ въ свои имѣнія и не хотятъ знать, какими способами крестьяне ихъ достаютъ эти деньги; что иной земледѣлецъ лѣтъ

[1]) По тому времени, это — огромный оброкъ, который крестьяне не въ состояніи были уплачивать.

пятнадцать не видитъ своей избы, добывая положенный оброкъ, и нанимается въ работу въ далекіе города, бродитъ по всему почти государству. Она сама съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что страна, которая до такой степени обременена податями, что только съ большимъ трудомъ народъ можетъ снискивать себѣ пропитаніе и даже вовсе не имѣетъ его, рано или поздно должна обезлюдѣть; что въ ней люди потому убоги, что живутъ подъ тяжкими законами и земли свои считаютъ не средствомъ къ содержанію себя, а предлогомъ къ удрученію; что народъ закапываетъ въ землю свои деньги, боясь пустить ихъ въ оборотъ, — боится казаться богатымъ, чтобъ богатство не навлекло на него гоненія и притѣсненій. Она опровергаетъ странный парадоксъ, порожденный тогдашнимъ взглядомъ на «подлый» народъ, что чѣмъ большія на него наложены дани, тѣмъ больше приходитъ онъ въ состояніе платить ихъ.

Рѣдкіе памятники того времени говорятъ въ пользу благосостоянія низшихъ сословій Россіи. Произволъ помѣщичьяго права прикрывался косвеннымъ толкованіемъ закона и прямымъ потворствомъ мѣстныхъ властей, помѣщиковъ же. Въ видахъ заселенія Сибири, помѣщикамъ дозволено было отсылать крестьянъ «за продерзость» въ Иркутскую провинцію, и они охотно пользовались этимъ правомъ, потому что получали за ссыльныхъ изъ казны большія деньги и зачетныя рекрутскія квитанціи [1]). Въ то время, когда ревизская

[1]) Полн. Собр. Зак. XV.

душа съ землей стоила 30 рублей, помѣщики охотно брали 20 рублей за холостаго крестьянина и 15 за женатаго [1]), и они тысячами шли колонизировать сибирскій край, гдѣ ожидала ихъ страшная дороговизна и голодъ. Во всѣхъ поволжскихъ городахъ назначены были сборные пункты для ссыльныхъ, гдѣ ихъ принимали на суда и везли до Самары; оттуда конвой сопровождалъ ихъ до самой Сибири. На такихъ же основаніяхъ гнали въ Иркутскъ и въ дальнія сибирскія мѣста крестьянъ дворцовыхъ, синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ, купеческихъ и государственныхъ [2]). Соблазняясь высокой цѣной, которую давали помѣщикамъ всѣ не желавшіе идти въ солдаты, они ставили подъ мѣрку лучшихъ крестьянъ и брали деньги отъ наемщиковъ себѣ. Они, говоритъ одинъ указъ, ведя распутную жизнь, всѣми мѣрами старались достать денегъ на развратъ и роскошь и вводили въ рекрутскія канцеляріи, кого хотѣли и когда хотѣли. Они имѣли право отдавать крестьянъ въ рекруты на три года и снова брать въ домъ или въ вотчину — право, не лишавшее ихъ навсегда рабочей силы, которую они наказывали, но тяжелое для крестьянина. Имъ дозволено было отдавать людей на время въ каторжную работу — право такъ же выгодное, потому что владѣлецъ не тратился на прокормъ и одежду ссыльныхъ, которыхъ продовольствовала адмиралтейская коллегія отъ казны вмѣстѣ съ каторжниками, и потому что могъ взять своихъ крестьянъ, когда по-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. XVII. 12,319.

[2]) Тамъ же, XV.

желаетъ [1]). Крестьяне и дворовые не имѣли права жаловаться на владѣльца, чтобы онъ ни дѣлалъ съ ними, и показаніе ихъ въ этомъ случаѣ ставилось въ урядъ съ показаніемъ ошельмованнаго; ни одинъ чиновникъ не смѣлъ, безъ вѣдома секретаря, писать челобитной простому народу, а въ особенности крестьянамъ [2]). Это отнимало у нихъ всякую возможность защищаться предъ закономъ, и они сносили всякую жестокость, или шли въ Нерчинскъ копать руду; хорошо, если ихъ отсылали въ Рогервикъ. Самые добрые изъ владѣльцевъ, пользуясь этими ужасными правами, иногда забывались; а другіе не стѣснялись давать волю своей жестокости.

Въ то время, въ высшихъ слояхъ общества и между богатыми помѣщиками, въ подражаніе двору, завелась роскошь; крестьяне платили оброки не по силамъ; барщинныя работы и частые сгоны отнимали у нихъ послѣднія средства. Между дворянами, какъ мода, завелись азартныя игры; въ ночь проигрывалось богатое состояніе, и взысканіе падало на крестьянъ; за неимѣніемъ денегъ, на карту ставились люди, цѣлыя семьи и деревни, а на утро совершались купчія крѣпости и дарственныя записи на пропгранныя имѣнія. Правительство напрасно издавало строгіе указы противъ азартныхъ игоръ: онѣ не уничтожались, потому что было что̀ проигрывать.

Тяжела была для крестьянъ такая жизнь, но они

---

[1]) Полн. Собр. Зак. XVII. 12,311.
[2]) Тамъ же, 12,648.

не находили ни въ комъ себѣ защиты, не имѣя права челобитья. Дворовымъ людямъ и крестьянамъ генерала Леонтьева, генеральши Толстой и подполковника Лопухина удалось какъ-то подать государынѣ жалобу на своихъ господъ, но правительство жестоко наказало ихъ за это: однихъ сѣкли въ Москвѣ по разнымъ площадямъ, другихъ по селамъ, на родинѣ и погнали въ Нерчинскъ; крестьянъ бригадира Алсуфьева усмирили войскомъ. Тогда издали указъ противъ челобитья крестьянъ на помѣщиковъ: за первое «дерзновеніе» виновныхъ отсылать въ каторгу на мѣсяцъ; за второе наказывать публично и на годъ въ каторгу; за третье сѣчь плетьми и отсылать въ Нерчинскъ навѣчно, съ выдачей помѣщику зачетной рекрутской квитанціи [1]).

Народу казались стѣснительными эти ограниченія, и онъ ждалъ лучшаго времени: ему говорили о перемѣнѣ законовъ, объ уменьшеніи помѣщичьяго произвола, наконецъ, о томъ, что онъ будетъ платить меньше и работать меньше. Находились люди, большею частью выгнанные чиновники, приказные «не у дѣлъ», дьячки и грамотные церковные служки, которые толковали о какихъ-то новыхъ манифестахъ, о льготахъ, и народъ вѣрилъ имъ, затаивъ злобу противъ господъ и властей, которые, какъ онъ думалъ, скрывали отъ него царскіе указы. Были и такіе изъ грамотныхъ, которые сами сочиняли указы и манифесты и, какъ секретъ, продавали ихъ крестьянамъ; а эти шли съ челобитной

---

[1]) Полн. Собр. Зак. XVIII. 12,966.

по начальству и попадали въ тюрьмы. Чтобы разувѣрить крестьянъ въ неосновательности слуховъ, каждый воскресный и праздничный день, за обѣдней, читали въ церквахъ указъ въ опроверженіе разглашеній, его читали потомъ въ храмовые праздники; сочинителей били кнутомъ и отводили въ Нерчинскъ [1]).

Такіе случаи были нерѣдки и дѣлали крестьянъ подозрительными ко всему, что касалось перемѣны ихъ состоянія. Вѣря всякой выдумкѣ неблагонадежнаго подъячаго, они часто недовѣрчиво выслушивали подлинные сенатскіе указы, если тѣ были писанные, потому что за писанные манифесты имъ нерѣдко доводилось ходить подъ кнутъ и въ каторгу; также непріязненно встрѣчали они и чиновниковъ отъ правительства.

Хорошо, еслибъ то были вспышки нѣсколькихъ недовольныхъ; но недовольныхъ было больше, чѣмъ войска въ полкахъ императрицы. То было общее броженіе, дававшее о себѣ знать отдѣльными и, повидимому, безсильными демонстраціями: но демонстраціи эти были слишкомъ часты и похожи одна на другую, чтобъ правительству нечего было опасаться ихъ и не прислушиваться къ общему народному ропоту. Правительство, однако, считало ихъ, кажется, только выраженіемъ народнаго легкомыслія.

Крестьянскіе бунты наполнили собой все царствованіе Екатерины отъ начала до конца: они предшествовали ея возшествію на престолъ; о нихъ былъ ея второй манифестъ, читанный въ Россіи отъ имени

---

[1]) Полн. Собр. Зак. XVIII. 12,966.

Екатерины вскорѣ послѣ опубликованія перваго о принятіи ею русской державы; бунты тревожили государыню въ самую блестящую эпоху славы русскаго оружія и отвлекали войска ея отъ войнъ съ сосѣдями; крестьянскіе же бунты печалили самый конецъ жизни императрицы. Первый манифестъ о крестьянахъ былъ обнародованъ по поводу какихъ-то ложныхъ слуховъ, ходившихъ въ народѣ и заставившихъ крѣпостное населеніе отлагаться отъ помѣщиковъ вотчинами и цѣлыми уѣздами. Волненіе было всеобщее, и манифестъ обѣщалъ милости однимъ и грозилъ наказаніемъ другихъ. Но ни царская милость, ни царская угроза не были ни достаточнымъ обезпеченіемъ для помѣщиковъ, ни достаточно страшными и успокоительными для крестьянъ. Едва ли еще успѣли опубликовать этотъ манифестъ по всѣмъ русскимъ церквамъ, какъ уже въ первыхъ же мѣсяцахъ, лѣтомъ и къ осени, должны были командировать отряды войскъ по всѣмъ направленіямъ, вглубь Россіи. Вспыхнуло возмущеніе въ двухъ смежныхъ уѣздахъ Тверской губерніи, въ Тверскомъ и Клинскомъ, между крестьянами Татищева, Хлопова и почти всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ. Для усмиренія ихъ посланы были воинскія команды. Но въ то же время обнаружилось волненіе въ Вяземскомъ уѣздѣ, въ вотчинахъ князей Долгорукихъ: возстали крестьяне села Воскресенскаго и отказались отъ всякаго повиновенія; ни увѣщанія, ни угрозы ничто не дѣйствовало. Туда посланъ былъ отрядъ съ генералъ-маіоромъ княземъ Вяземскимъ и съ четырьмя полковыми пушками. Крестьяне собрались въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ,

ударили въ набатъ и, набѣгая на солдатъ, бросали въ нихъ каменьями, полѣньями и всѣмъ, что имѣли; у всѣхъ было оружіе, рогатины и прочіе крестьянскіе доспѣхи. Князь Вяземскій приказалъ пустить въ дѣло артилерію: началась пушечная пальба; убито было до двадцати человѣкъ непокорныхъ, столько же ранено; главные зачинщики схвачены и разосланы по ближайшимъ городовымъ канцеляріямъ. Прочіе смирились и розданы своимъ помѣщикамъ [1]). Тогда поднимались крестьяне другихъ вотчинъ. Вслѣдъ за княземъ Вяземскимъ отправленъ былъ генералъ-маіоръ Виттенъ съ кирасирами; полкъ его скакалъ на почтовыхъ, чтобы успѣвать тушить волненія, которыя захватывали собой все большее и большее пространство [2]). Усмиряя однихъ, онъ ѣхалъ дальше, потому что бунты зачинались вездѣ, по всей почти Россіи.

Вслѣдъ за приведеніемъ въ повиновеніе непокорныхъ, сенатъ издавалъ грозные указы и увѣщанія, которые читались народу во всѣ воскресные и праздничные дни, по селамъ, въ приходскихъ церквахъ и по торжкамъ. Но вслѣдъ за усмиреніемъ однихъ недовольныхъ возставали новые, потому что причины недовольства не уничтожались пушками, а оставались все тѣ же.

Въ 1766 году, въ народѣ прошелъ слухъ, что вышелъ будто бы указъ, которымъ велѣно отписывать въ казну крестьянъ тѣхъ помѣщиковъ, которые облагали

---

[1]) Ук. Ек. 1779. 105. 107.

[2]) Полн. Собр. Зак. XV, 11,577.

ихъ тягчайшими оброками. Крестьяне подали челобитную въ дворцовую канцелярію и, конечно, не выиграли дѣла. Взяли сочинителя: онъ признался, что писалъ объ указѣ по наслышкѣ. Его жестоко наказали; пострадали и крестьяне [1]).

Но слухи не унялись, и крестьяне по-прежнему чего-то ждали. Въ томъ же году послали отрядъ въ Тамбовскій уѣздъ, гдѣ взбунтовалась вотчина помѣщика Фролова-Багрѣева. Бунтовщики убили начальника отряда, ранили двѣнадцать солдатъ; сторону недовольныхъ приняли и волостные мужики ближайшихъ государственныхъ селеній [2]). Во всякомъ чиновникѣ, особенно въ военномъ мундирѣ, крестьяне видѣли личнаго врага, еслибъ онъ не былъ даже лицемъ правительственнымъ, и при всякомъ случаѣ, гдѣ могли, выражали ему свою нелюбовь. Нарышкинскіе и Неплюевскіе крестьяне оскорбительно приняли подполковника Рязанова, артиллерійскаго капитана Тавайдакова, поручика Тищева, которые проѣжали по высочайшему повелѣнію, не дали имъ подводъ, кричали и ругали ихъ и отбили ружья у солдатъ, которые защищали офицеровъ [3]). Подобная драка произошла въ селѣ Выдропускѣ, гдѣ крестьяне прибили посланнаго изъ военной коллегіи подпоручика Аржевитинова, избили курьеровъ Миллера и Петреуса [4]). Въ 1771 году, произошло волненіе между крестьянами, приписанными

---

[1]) Полн. Собр. Зак. XVII. 12, 633.
[2]) Тамъ же, XVII. 12,669.
[3]) Тамъ же, XVII. 12,853.
[4]) Тамъ же, XVIII. 13,333.

къ олонецкимъ Петровскимъ заводамъ [1]); ходаки ихъ отправились въ Петербургъ и долго мотались по столицѣ, собирая слухи и распрашивая о крестьянскомъ дѣлѣ. Все искали тѣхъ же льготъ и облегченій, которыя не давались имъ. Чтобы сдѣлать для крестьянъ тяжелѣе и чувствительнѣе наказаніе за ослушаніе помѣщичьей волѣ, всѣ дѣла, касавшіяся возмущеній, производились на счетъ крестьянъ: съ нихъ взыскивали всѣ казенныя траты и убытки по слѣдствіямъ, содержаніе посылаемыхъ противъ нихъ отрядовъ, стоимость переѣздовъ и проч. [2]).

Тяжелыя подати, при скудныхъ средствахъ, дополняли ихъ несчастіе. Они видимо разорялись. Мы видѣли, что сама императрица укоряла помѣщиковъ за высокій оброкъ и бѣдность крестьянъ. Несвободныя сословія казеннаго вѣдомства страдали не меньше помѣщичьихъ отъ приведенія въ исполненіе необдуманныхъ и несвоевременныхъ распоряженій. Въ сибирскихъ провинціяхъ, для продовольствія войскъ и въ видахъ улучшенія хлѣбопашества, велѣно было собирать оброкъ хлѣбомъ и пенькой. Крестьяне не слушались; они говорили, что хлѣба и коноплей имъ взять негдѣ; что земля не родитъ; просили дозволить имъ платить деньгами. Имъ не дозволяли и наказывали ослушниковъ. Тогда они совершенно отреклись отъ поставки провіанта и роптали на отягощеніе [3]). Цѣлой Исетской провинціи, заселенной десятками ты-

[1]) Полн. Собр. Зак. XIX. 13,589.
[2]) Ук. Ек. 1763. 1.
[3]) Полн. Собр. Зак. XVI. 11,633.

сячъ крестьянъ, также приказано было, вмѣсто денежной подушной платы, возить муку и овесъ въ крѣпости по линіи, гдѣ располагались войска. А эти крѣпости и форпосты разсѣяны были по всей Оренбургской губерніи, по Яику внизъ и верхъ къ Сибири, и въ глубинѣ степей; разстоянія были большія; дорогъ вовсе не существовало. Каждый крестьянскій дворъ, или четыре души, долженъ былъ поставить по 3 четверти и 6 четвериковъ хлѣба. Крестьяне жаловались на большіе переѣзды, давали деньги; казенные пріемщики полагали на каждый возъ «приметки», которыя брали себѣ [1]). Въ 1769 году, на всѣхъ крестьянахъ казеннаго вѣдомства, исключая ландмилиціонныхъ однодворцевъ, тептяръ, мещеряковъ и бобылей Оренбургской губерніи, положили подати по два рубля въ годъ, съ ревизской души, сверхъ «семигривеннаго» подушнаго сбора, который они платили по старому плакату; въ это число включили также крестьянъ, приписанныхъ къ государственнымъ и частнымъ заводамъ. Такую неумѣренную прибавку оправдывали тѣмъ, что въ Россіи возвысились цѣны на продукты и на всѣ предметы потребленія, и что притомъ помѣщичьи крестьяне стали платить своимъ господамъ гораздо высшія подати противъ прежнихъ. Даже рабочіе при Нерчинскихъ заводахъ и поселенные тамъ рекруты, сверхъ положенной работы, платили подушный окладъ; при страшной дороговизнѣ въ тѣхъ краяхъ, недоимки накоплялись съ каждымъ годомъ. Несостоя-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. XIX. 13,422.

тельность низшихъ классовъ была такъ извѣстна правительству, что, при началѣ одной изъ турецкихъ войнъ, когда въ государственномъ совѣтѣ говорили о поборѣ въ Лифляндіи и Эстляндіи, графъ Никита Ивановичъ Панинъ представлялъ, что надо положить вдвое, тогда заплатятъ половину [1]). Такъ было и вездѣ.

Но не одни помѣщичьи и казенные крестьяне ждали улучшенія своей участи и роптали. Едва ли не большій ропотъ слышался въ духовныхъ вотчинахъ, въ помѣстьяхъ синода, архіереевъ и монастырей. Отмѣняя «непорядки и неполезныя установленія», допущенныя въ предъидущее царствованіе, Екатерина, чрезъ мѣсяцъ по вступленіи на престолъ, возвратила монастырямъ ихъ имѣнія, которыя отобралъ у церкви Петръ Великій, «ревнуя о дѣлахъ Божіихъ», какъ сказано въ указѣ; она велѣла брать съ крестьянъ не больше рубля съ души, или употреблять ихъ на работу по прежнимъ уставамъ, велѣла только обращаться съ ними «благоумѣренно». Но, по обыкновенію, во многихъ мѣстахъ явились комментаторы этого указа; подъячіе истолковали его ложно; крестьяне повѣрили и не только отказались платить оброкъ, но не хотѣли работать; начались бунты и своевольства. Недовольные писали челобитныя за челобитными; во многихъ вотчинахъ мужики разбили хлѣбные магазины и взяли весь казенный запасъ, сняли и свезли въ свои амбары хлѣбъ съ полей, засѣянныхъ казенными сѣменами; самовольно скосили сѣно на казенныхъ лугахъ. Бунтовщи-

---

[1]) Храпов. Отеч. Зап. Св. VII. 138.

ковъ хватали и сажали подъ караулъ; не схваченные подавали челобитныя и никого не слушались. Наряжена была коммиссія для разбора неудовольствій между крестьянами и духовенствомъ; крестьяне, конечно, проиграли, потому что имъ велѣно было повиноваться своимъ владѣльцамъ «съ подобострастіемъ». И опять издали строгій указъ противъ ослушниковъ и цѣлые полгода читали его по церквамъ [1]).

Черезъ годъ вспыхнулъ бунтъ въ помѣстьяхъ московскаго Данилова монастыря и Воскресенскаго Новоіерусалимскаго. Противъ бунтовщиковъ пошли военныя команды; крестьянъ пересѣкли плетьми при собраніи всѣхъ вотчинныхъ людей, а главныхъ «заводчиковъ» постигла ссылка [2]). Не смотря на строгія мѣры и на два указа о духовныхъ имѣніяхъ, крестьяне не переставали добиваться своихъ правъ: въ Тульскомъ уѣздѣ, въ вотчинахъ Николаевскаго Венева монастыря, да въ Ряжскомъ уѣздѣ, между крестьянами Рязанскаго архіерейскаго дома, села Князева-Займища, ходили по рукамъ и читались фальшиво сочиненные указы, будто бы копіи съ печатнаго, объ отрѣшеніи отъ монастырей вотчинъ и «о разверстаніи казенныхъ земель крестьянамъ по себѣ» [3]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак. XVI. 11,730.

[2]) Тамъ же, XVI. 11,865.

[3]) Тамъ же, XVI, 11,945.

II.

Во все продолженіе XVIII столѣтія судьба нашихъ раскольниковъ представляетъ картину неравной борьбы слабаго съ сильнымъ. Первая половина этого столѣтія ознаменована неутомимымъ преслѣдованіемъ сектантовъ, которые толпами бѣжали за границу, спасая то, что имъ казалось дорого. Тѣ, которые оставались въ Россіи, или скрывали свои непозволительныя убѣжденія, оставаясь при отцовскихъ вѣрованіяхъ, или должны были терпѣть все, къ чему ихъ присуждало правительство, если открыто признавали свою «истинную, старую вѣру». Такое положеніе дѣлъ, конечно, и не казалось бы стѣснительнымъ для государства, еслибъ у насъ были какія-нибудь сотни или тысячи сектантовъ, но ихъ считали милліонами; они составляли значительный процентъ въ населеніи Россіи. А потому положеніе раскольниковъ, изъ которыхъ было очень много крестьянъ разныхъ вѣдомствъ, и положеніе самыхъ крестьянъ тѣсно связаны между собою и взаимно объясняются.

Екатерина II, чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ принятія русской державы, приглашая изъ за-границы охотниковъ всѣхъ націй, кромѣ евреевъ, на поселеніе въ Россіи, предлагала и раскольникамъ воротиться на родину и записаться въ какое-угодно званіе, съ обязательствомъ платить двойной окладъ наравнѣ съ прочими старовѣрами. Она «наиторжественнѣйше» обѣщала, что имъ прощаются всѣ вины и проступки, что

ихъ не будутъ истязать ни за какое старое преступленіе; избавятъ отъ бритья бородъ и указнаго платья, дадутъ для поселенія самыя богатыя земли [1]). Раскольники охотно выходили изъ за-границы, тѣмъ болѣе, что между ними было много помѣщичьихъ крестьянъ, которые дѣлались свободными, а помѣщику зачитались за рекрута. Но они не въ состояніи были платить двойнаго оброка, когда и не раскольники жалювались на тяжесть податей. Потому раскольники дополнили собой картину бѣдствій Россіи: они отказывались отъ двойнаго оклада; ихъ принуждали платить, преслѣдовали, особенно провинціальные чиновники. Бунты были не рѣдкостью; только съ раскольниками обращались круче, чѣмъ съ помѣщичьими крестьянами: ихъ прямо высылали въ Сибирь и рѣдко миловали. Чтобъ избавиться отъ двойнаго оклада, а еще больше отъ постоянныхъ увѣщаній чиновниковъ бросить старую вѣру, раскольники убѣгали въ скиты, разсѣянные по лѣсамъ или жгли себя.

Дворцовые, экономическіе и помѣщичьи крестьяне бѣгали изъ своихъ вотчинъ, основывали по лѣсамъ скиты и пустыни и постригались въ монахи. Команды сыщиковъ проникали въ лѣса, уничтожали кельи и возвращали бѣглыхъ на родину. Многіе изъ старцевъ поступали въ православные монастыри, даже въ ставропигіальные, возводились въ званіе іеромонаховъ и іеродіаконовъ: ихъ брали, разстригали и отдавали въ прежнія вѣдомства; только о высшихъ духовныхъ чи-

[1]) Ук. Ек. 1779, 161, 167, 171.

нахъ представлялось синоду [1]). Въ Орлѣ и по уѣзду между крестьянами открылась какая-то новая ересь; къ ней пристали помѣщичьи люди. Къ нимъ, по именному повелѣнію, посланъ былъ полковникъ Волковъ: дѣло кончилось кнутомъ и ссылками [2]).

Не въ лучшихъ отношеніяхъ находилось правительство къ инородцамъ, которыми заселена была вся восточная половина Россіи и сибирскія провинціи. Татары, киргизъ-кайсаки, башкиры, мордва, чуваши, черемисы, вотяки, тептяры и прочіе ясачные народы, не чувствуя, быть можетъ, нравственнаго униженія, какое должны были сносить отъ нашихъ коммиссаровъ, кажется, слишкомъ хорошо чувствовали всю тяжесть матеріальной зависимости отъ русскаго чиновника. Калмыки, состоя подъ безотчетной опекой нашихъ приставовъ, лишены были права личныхъ сношеній съ русскими; безъ вѣдома пристава ни въ одномъ калмыцкомъ семействѣ, ни въ одной кибиткѣ не могло быть написано письмо къ русскому мужику, живущему по сосѣдству, хотя бы дѣло шло о продажѣ верблюда; еще меньше они могли писать къ властямъ о защитѣ противъ придирокъ приставовъ: ни одна жалоба не выходила изъ-за черты улуса, а если провозилась тайно въ ближайшій городъ, то возвращалась приставу для разслѣдованія.

Калмыки не видѣли исхода изъ этаго тяжелаго положенія: легче было дать о себѣ вѣсть въ Пекинъ,

---

[1]) Полн. Собр. Зак. XIX. 13,405.

[2]) Тамъ же, XIX. 13,838.

чѣмъ въ Казань или Астрахань, а еще менѣе писать въ Москву и Петербургъ. Они, дѣйствительно, тайно снеслись съ китайскимъ правительствомъ, и въ 1771 году болѣе тридцати тысячъ кибитокъ перекочевало въ Азію. Русскіе слишкомъ поздно замѣтили свою ошибку.

Въ это время дѣятельно производилось обращеніе татаръ въ православіе. По городамъ и селеніямъ магометане имѣли свои мечети и кладбища. Въ мелкихъ селеніяхъ мечети велено было сломать и дозволено строить только тамъ, гдѣ считалось отъ двухъ сотъ до трехъ сотъ душъ мужескаго пола по послѣдней ревизіи; гдѣ не доставало, велѣли приписывать ближайшія деревни и переселять въ одно мѣсто. Въ иныхъ селахъ было смѣшанное населеніе: гдѣ крещенные составляли десятую часть, ихъ выводили насильно и селили съ русскими; а гдѣ больше, тѣхъ не трогали, за то и мечетей не велѣли строить. Крещенные не хотѣли оставить своихъ селъ, гдѣ похоронены ихъ предки; ихъ уводили силой; магометане съ своей стороны не смѣли нарушить законъ пророка и требовали оставить имъ молитвенные дома, гдѣ бы можно было поминать умершихъ. Новокрещеннымъ давались льготы; уменьшенъ подушный окладъ, они не знали рекрутской повинности: а съ магометанъ брали подати и рекрутъ. Магометане злобились на перекрещенцевъ, ненавидѣли русскихъ, не любили правительства: татары возставали противъ татаръ и русскихъ; заводились ссоры, драки, убійства, поруганіе креста [1]). Въ Тобольской,

[1]) Полн. Собр. Зак. XIX. 13,490.

Иркутской, Тамбовской, Оренбургской, Симбирской, Рязанской и Астраханской губерніяхъ, вездѣ были наши проповѣдники, силою убѣжденія, а еще болѣе страхомъ идущаго вблизи закона, приводившіе невѣрныхъ ко Христу: самъ сибирскій губернаторъ Чечеринъ доносилъ сенату, до какого раззоренія доводили народъ эти проповѣдники; они не знали иновѣрческихъ языковъ, иновѣрцы не знали по-русски, и проповѣдь слова Божія оканчивалась грабежемъ. Иновѣрцы возненавидѣли проповѣдниковъ и не могли быть преданы правительству. Замѣтно было волненіе и между казанскими татарами, которые роптали на притѣсненія чиновниковъ, въ особенности слышались неудовольствія со стороны слободскихъ служилыхъ татаръ: сначала тѣснили ихъ земскіе старосты и посадскіе люди; отнимали у татаръ всякую свободу дѣйствія; прижимали и обижали, гдѣ могли и чѣмъ могли; грозили судомъ и судьями, «хотя ихъ московскою волокитою изволочить». Въ 1762 году, въ гостинномъ дворѣ и въ другихъ торговыхъ рядахъ, казанскіе чиновники запечатали 29 вотчинныхъ и казенныхъ лавокъ съ татарскими товарами и деньгами, запретили имъ торговать, обижали и раззоряли ихъ. Татары жаловались сенату, ссылались на прежнія заслуги прадѣдовъ, дѣдовъ и отцевъ «изстари отъ казанскаго взятья [1])». Также самоуправно запечатаны были лавки и лавочки ямскихъ людей; чиновники запретили татарамъ торговать, хотя имъ совершенно нечѣмъ было

[1]) Полн. Собр. Зак. XVI, 11, 888.

жить, за неимѣніемъ земли. Лишась послѣдняго промысла, татары пришли въ нищету, потому что до того времени они только тѣмъ и перебивались, что скупали и продавали на рынкахъ старое платье, тряпье и всякую ветошь, шили обувь, носили на базаръ съѣстные припасы; ихъ стали гонять съ рынковъ, ловили и сажали подъ караулъ. Татары снова жаловались сенату, что отъ самоуправства чиновниковъ пришли «во всеконечное раззореніе и убожество [1])». Все это поселяло взаимную вражду между двумя народностями и дополняло общую картину неурядицы. Въ это время производилась народная перепись; велѣно было вносить въ ревизскія сказки женскія души: инородцы Уфимской и Исетской провинцій говорили, что женщины переписываются для включенія въ подушный окладъ, что подати удвоятся. Чиновники по личнымъ соображеніямъ утверждали ихъ въ этой нелѣпости, а потому для усмиренія общей тревоги, которая могла быть опасна для правительства, не велѣно было писать въ сказки женщинъ ни у тептяръ, ни у бобылей [2]). Ясачные инородцы потому страдали болѣе другихъ, что по тогдашнему чиновному выраженію, были «безгласны» и, не зная по-русски, не могли ни оправдываться противъ обвиненій, ни сами уличать притѣснителей; чиновники, собирая ясакъ, брали съ нихъ вдвое, а когда ихъ обвиняли въ лихоимствѣ, говорили, что «взятокъ никогда не бирывали», — тѣмъ дѣло и кон-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. XVI. 11, 889.

[2]) Тамъ же, XVI. 11,615.

чалось, потому что инородцы не могли доказать ихъ воровства. Якуты, тунгусы, чукчи, братскіе казаки и другіе инородцы, раззоряемые сибирскими дворянами и дѣтьми боярскими, которые, какъ говоритъ пѣсня, собирали ясакъ:

Изъ-за сабли острыя,
Изъ-за крови горячія,

поднялись, наконецъ, противъ грабежа чиновниковъ. Правительство командировало туда князя Щербатова съ отрядомъ [1]).

Не хуже того умѣли дѣйствовать чиновники и внутри Россіи, гдѣ, едва ли еще не дѣятельнѣе, чѣмъ въ Азіи, производился своего рода сборъ ясака. Дѣла въ судахъ тянулись долго; старая «московская волокита» перешагнула за порогъ Петровыхъ преобразованій и изъ приказовъ перешла въ коллегіи и провинціальныя канцеляріи; всякое дѣло въ рукахъ опытнаго судьи дѣлалось безконечнымъ. Екатерину пугала эта плодовитость канцелярской литературы; она сама понимала всю тяжесть для правой и неправой стороны «хитро сплетенныхъ пропсковъ», которыми удлинялись дѣла, и повелѣвала сенату найти способъ избавиться отъ этого положенія. «Прошу Бога, да поможетъ вамъ», говоритъ она сенаторамъ въ концѣ указа [2]); но послѣдствія не оправдали ея ожиданій. Не смотря на безпрестанно повторяемые указы, чтобъ «въ судахъ обитали правосудіе и истина, и чтобъ ни знат-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. XVI. 11,749.

[2]) Тамъ же, XVI. 11,624.

ность вельможъ, ни сила богатыхъ не могли помрачить совѣсти и правды, а бѣдность вдовъ и сиротъ, тщетно проливая слезы, не утѣснялась въ правыхъ дѣлахъ», не смотря, наконецъ, на «недремлющее око» губернаторовъ, — по всѣмъ судамъ сидѣли «помраченныя души», которыя грабили праваго и виноватаго. А между тѣмъ никто не смѣлъ подавать челобитныхъ на имя государыни, и она сама, искавшая правды въ судахъ, называла такихъ «невѣжами и наглецами». Самоуправство чиновниковъ доходило до того, что въ 1768 году въ Оренбургѣ вспыхнуло возмущеніе между купечествомъ. Отъ правительства наряжена была коммиссія, и всѣ члены магистрата жестоко наказаны [1]). Чиновники умѣли пользоваться всѣмъ: вѣря будто бы показаніямъ кликушъ, которыхъ тогда было такое множество въ Россіи, что противъ нихъ неоднократно издавались сенатскіе указы, судьи брали подъ караулъ и истязали тѣхъ, кого кликуши выкликали во время литургіи. По предварительному договору съ судьями, кликуши въ болѣзненныхъ припадкахъ показывали именно на тѣхъ, къ кому хотѣлось бы прицѣпиться чиновникамъ: такъ, обыкновенно выкликались скупые и богатые купцы, зажиточные мужики и проч. Но другіе чиновники добродушно вѣрили ясновидѣнію бабъ и мучили всѣхъ, кого тѣ, по злобѣ или по зависти, выкликали въ церкви, и народъ все терпѣлъ до поры до времени.

Не смотря на то, что взятки заклеймены были позорными именами: «душевреднымъ лихоимствомъ»,

---

[1]) Полн. Собр. Зак. XVIII. 13,101.

«мерзкимъ лакомствомъ», назывались «гнусными», — взятки существовали повсемѣстно. Черезъ три недѣли по восшествіи на престолъ, Екатерина издала особый манифестъ о взяткахъ, въ которомъ говорится, что «лихоимство до такой степени возросло въ Россіи, что едва ли есть малое самое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе (судъ) безъ зараженія сей язвы отправлялось. Ищетъ ли кто мѣста, платитъ; защищается ли кто отъ клеветъ, обороняется деньгами; клевещетъ ли на кого кто, всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами.» Но особенно въ глуши производились страшные грабежи бѣдныхъ людей. «Мы, говоритъ Екатерина, содрогнулись, услышавъ отъ князя Дашкова, который проѣзжалъ чрезъ Новгородъ, что регистраторъ тамошней губернской канцеляріи Яковъ Ремберъ, приводя нынѣ людей къ присягѣ, бралъ и за присягу деньги [1]).» Валуйскій воевода Клементьевъ и канцелярістъ Богровъ точно такимъ же образомъ «къ лихоимственнымъ взяткамъ касались» и, подобно Ремберу, брали съ присягавшихъ [2]). Но то ли еще было!

Императрица издавала манифесты; сенатъ посылалъ грозные указы: но въ тѣхъ и другихъ всегда повторялось одно и то же, что «къ крайнему нашему огорченію и прискорбности, изъ повседневныхъ обстоятельствъ принуждены мы видѣть, что все это напрасно, что въ дальнихъ провинціяхъ дѣла идутъ медленно и

---

[1]) Ук. Ек. 1762. 37—38.

[2]) Полн. Собр. Зак. XVI. 12,233.

производятся безсовѣстно, что отъ насилія и лихоимства, или, лучше сказать, отъ самыхъ грабежей народъ приходитъ во всеконечное раззореніе и убожество.» Думали, это происходитъ оттого, что къ должностямъ отсылались люди недостаточные, не имѣвшіе дневнаго пропитанія; что въ суды, какъ въ богадѣльни, сажались члены только для прокорма себя и своихъ семействъ; что не имѣющихъ судей побуждаетъ къ лихоимству угнетающая бѣдность, а другіе невѣжды отважно поступали на всякое предпріятіе, подъ предводительствомъ своихъ подчиненныхъ; грабили во всемъ: досмотрами по вальдмейстерской инструкціи къ предупрежденію порубки казенныхъ лѣсовъ, въ починкѣ дорогъ, при дачѣ паспортовъ, при переоброчкахъ казенныхъ мѣстъ, въ дачѣ квитанцій въ ношеніи указнаго раскольничьяго платья, при высылкѣ въ канцеляріи съ указными платежами, вездѣ и во всемъ выдумывали разные способы къ гражебу подъ разными «претекстами», какіе только «на мысль представить можно [1])». Даже духовенство увлеклось общимъ стремленіемъ: одинъ священникъ, вымогая у одного крестьянина, приглянувшійся ему, рѣзной складень, а у другаго пятьдесятъ копѣекъ, болѣе недѣли не хотѣлъ хоронить умершихъ, такъ что тѣла издавали злосмрадный духъ, текла пересадная кровь изъ труповъ по лавкамъ и помосту и въ тѣлахъ завелись черви [2]). Объ этихъ случаяхъ узнавало правительство; а мало ли было такихъ, о которыхъ оно не знало?

[1]) Полн. Собр. Зак. XVI. 11,938.
[2]) Тамъ же, XVIII.

Объ извѣстныхъ случаяхъ публиковали по государству, но напрасно. Положили чиновникамъ жалованье: но ни жалованье, ни манифесты и строгіе сенатскіе указы, ни примѣрныя наказанія на площадяхъ, ни политическія казни, ни самый Нерчинскъ, — ничто не въ силахъ было измѣнить существовавшаго порядка дѣлъ. «Душевредное лихоимство» и «гнусные взятки» такъ срослись съ натурой русскаго чиновника, что ихъ нельзя было искоренить и такими мѣрами. Вѣрноподданные продолжали «прикасаться къ толь мерзкому лакомству, прелестному только для однихъ подлыхъ и ненасытнымъ сребролюбіемъ помраченныхъ душъ». Губернаторамъ была дана власть отрѣшать отъ должности всякаго изобличеннаго во взяточничествѣ: но изобличать было некому. Да и кто осмѣлился бы донести на взяточника, когда самаго праваго докащика ожидалъ допросъ «подъ пристрастіемъ плетей и батожьевъ», особенно если докащикъ былъ изъ «подлаго» званія? «Матернее» милосердіе доброй императрицы не могло дать счастія Россіи, какого она желала ей.

Не смотря на уничтоженіе тайной канцеляріи, которая представляла такое широкое поприще произволу чиновниковъ; не смотря на то, что уже не существовало «ненавистное израженіе — *слово* и *дѣло*», — пытки оставались во всей силѣ. Истязанія на допросахъ различались по пріемамъ, которыми пытали подсудимыхъ: были собственно пытки и пристрастія; второго рода пытка называлась также допросомъ пристрастнымъ: «допрашивать пристрастно», то-есть «подъ пристра-

стіемъ плетей и батожьевъ», какъ тогда выражались, дозволено было во всѣхъ дѣлахъ, вслѣдъ за словеснымъ увѣщаніемъ. Въ пыткахъ велѣно было избѣгать напраснаго кровопролитія: но кровь продолжала литься.

Къ довершенію общаго зла, народный покой нарушенъ былъ свирѣпствовавшей тогда моровой язвой и въ особенности принятыми противъ нея мѣрами. Между тѣмъ по рукамъ ходили фальшивые манифесты и указы, подававшіе народу несбыточныя надежды; сочинялись пасквили и подметныя письма, разглашались возмутительныя извѣстія о такихъ предметахъ, которые волновали чернь; часто повторялись рекрутскіе наборы для пополненія войскъ къ войнѣ съ турками.

Моровая язва разстроила и безъ того уже непрочный механизмъ государства. По всѣмъ дорогамъ устроены были заставы и карантины; народная дѣятельность стѣснена до послѣдней возможности, и никто не хотѣлъ повиноваться непривычнымъ мѣрамъ. Въ общемъ бѣдствіи народъ видѣлъ какой-то особенный смыслъ и ждалъ чего-то необыкновеннаго. Тревожась такимъ положеніемъ государства, императрица издала манифестъ, которымъ тщетно старалась возвратить Россіи утраченное спокойствіе. Никто не хотѣлъ идти въ карантины; незараженные прятали зараженныхъ отъ глазъ полицейскаго начальства и не давали больныхъ; они оставляли свои дома, разнося повсюду ужасъ и заразу, которую уже сами по себѣ чувствовали; иные тайно выносили изъ дому мертвецевъ и кидали на улицахъ непогребенными [1]). Другіе

[1]) Полн. Собр. Зак. XIX. 13,653.

пробирались въ опустошенные дома и грабили оставшееся имущество. Такихъ казнили тамъ, гдѣ заставали [1]).

Къ осени 1762 года, въ Казанской губерніи, по деревнямъ и селамъ, приписаннымъ къ заводамъ графа Шувалова, разъѣзжали крестьяне съ копіями какого-то высочайшаго манифеста и возбуждали народъ къ неповиновенію. Манифестъ былъ фальшивый. Въ немъ, какъ выразилась императрица, находились «самыя пасквильныя рѣчи». Этотъ фальшивый манифестъ объявлялъ, что государственные крестьяне, отданные архіереямъ и монастырямъ и приписанные къ заводамъ, отнюдь не должны работать на заводахъ и снова обращаются въ ясачные. Тѣ, которые развозили копіи этого манифеста и читали крестьянамъ, требовали, чтобы они отказались отъ работъ; отъ однихъ брали подписку, что тѣ не станутъ работать, а другихъ били, выгоняли изъ деревень и умерщвляли. Волненіе распространилось между всѣми заводскими крестьянами. Тогда изъ Казани посланы были нарочные по всѣмъ деревнямъ объявить народу, что тотъ манифестъ — ложный. Но крестьяне, въ каждой деревнѣ, вооруженные дубьемъ и дрекольемъ, выходили противъ нарочныхъ, запирали ихъ въ караульную избу, грозили и высылали вонъ, говоря, что если губернская канцелярія вышлетъ къ нимъ и большія команды, то и тогда они той губернской канцеляріи слушать ни въ чемъ не будутъ; что инструкція, данная нарочнымъ, фальшивая [2]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак. XIX. 13,676.

[2]) Тамъ же, XIX. 13,676.

Съ большимъ трудомъ возстановлено было спокойствіе между заводскими крестьянами. Оказалось, что манифестъ этотъ сочиненъ былъ какимъ-то дьячкомъ [1]).

Но такихъ манифестовъ ходило тогда много по Россіи, и всѣ они принимались народомъ съ полной вѣрой и волновали его. Между фальшивыми манифестами разносились и пасквили такого же возмутительнаго содержанія. Одинъ изъ нихъ, пущенный въ народъ, былъ перехваченъ правительствомъ. Имѣя форму именнаго указа, онъ начинался слѣдующими словами: «Время уже настало, что лихоимство искоренить, что весьма желаю въ покоѣ пребывать, однако, весьма наше дворянство пренебрегаетъ» и проч.; оканчивался текстомъ: *въ юже мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ*». Угрожающій тонъ пасквиля заставилъ обратить на него вниманіе правительства. Сенатъ публиковалъ въ народъ, что «нескладное сочиненіе пасквиля произошло отъ самаго подлаго и глупаго духа», что сочинитель его заслуживаетъ жесточайшаго истязанія, и должно быть поругано самое перо того дерзкаго, который оказался виновнымъ и презрительнымъ предъ государыней и народомъ. Пасквиль сожженъ рукою палача, на сенатской площади, съ барабаннымъ боемъ, и сенатъ публиковалъ, что тотъ получитъ 100 рублей, кто укажетъ сочинителя [2]). Но никто не указывалъ. Также сожжены были палачами въ Москвѣ, на Красной площади, при многочисленномъ собраніи народа, «ругательныя сочи-

---

[1]) Ук. Ек. 1769. 152,155.

[2]) Полн. Собр. Зак. XVI. 12,089.

ненія», въ которыхъ, какъ сказано въ указѣ, «многихъ фамилій, обоего пола, персоны обижены», и снова велѣно было искать пасквилантовъ [1]). Чрезъ годъ, въ Ярославѣ публично наказывали плетьми и сослали въ Нерчинскъ дворового человѣка г. Михайлова, Андрея Крылова, у котораго нашли пасквильное письмо, подобное сожженному въ Петербургѣ и ходившее по рукамъ между простымъ народомъ. Письмо было также сожжено въ Ярославѣ [2]).

Всѣ эти обстоятельства не проходили бѣзслѣдно. Они оставались въ памяти народа, которая берегла ихъ до поры-до времени. По всей Россіи ходили странные толки; они касались всего и были нехорошимъ предзнаменованіемъ; многому давался таинственный смыслъ. Къ несчастію, было много причинъ, поддерживавшихъ въ народѣ это опасное расположеніе умовъ. Толки и слухи, конечно, въ очищенномъ и приличномъ видѣ, доходили до трона и тревожили императрицу, но, къ сожалѣнію, не въ такой степени, въ какой они были опасны и угрожающи сами по себѣ. Чтобъ унять эти толки, императрица издала манифестъ, въ которомъ говорится, что въ Россіи являются «извращенныхъ нравовъ и мыслей люди», которые, будучи заражены странными разсужденіями о дѣлахъ, до нихъ совершенно не касающихся, заражаютъ и другихъ слабоумныхъ, что они своими истолкованіями дерзостно касаются всего священнаго». Она увѣщеваетъ этихъ «за-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. XVII. 12,313.

[2]) Тамъ же, XVIII. 12,890.

раженныхъ неспокойными мыслями» оставить всякія вредныя разсужденія, а, въ противномъ случаѣ, грозитъ, что этихъ «невѣждей» не минуетъ наказаніе [1]). Но ничто не помогло. Являлись люди, которые открыто шли противъ существовавшаго порядка. Черезъ четыре мѣсяца послѣ возшествія на престолъ императрицы, — въ самомъ Петербургѣ открытъ былъ заговоръ Хрущевыхъ и Гурьевыхъ, изъ которыхъ одинъ Хрущевъ обвиненъ въ «изблеваніи оскорбленія величества» и въ возмущеніи народа; прочіе были участниками заговора. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого явился Яготинецъ, бывшій житель Ахтырки, который также возбуждалъ народъ противъ правительства: но былъ пойманъ и сосланъ въ Нерчинскъ [2]). Въ бывшую тогда турецкую войну изъ за-границы явились къ намъ монахи за подаяніемъ на восточныя церкви; они ходили по всѣмъ домамъ и, какъ иностранцы, не стѣсняясь, говорили о такихъ предметахъ, которые вводили въ соблазнъ русскихъ, или, какъ выразился сенатъ, «болтали все, что имъ въ голову не придетъ». Ихъ не велѣно было пускать въ Россію [3]).

Настали памятные семидесятые годы. Публикованіе фальшивыхъ манифестовъ, бунты, вспышки въ самыхъ темныхъ углахъ Россіи, повсемѣстные разбои, начиная отъ отважныхъ подвиговъ «понизовой вольницы» и кончая грабежами пограничныхъ шаекъ, движеніе въ народѣ и тяжелое предчувствіе чего-то недобраго въ

[1]) Полн. Собр. Зак. XVII. 833.
[2]) Тамъ же, XVIII. 13,039,
[3]) Тамъ же, XVIII. 13,372.

передовыхъ людяхъ государства, выразившееся горькою ироніею въ литературѣ, — опасные симптомы въ болѣзненномъ организмѣ государства и дурные вѣстники. Въ періодическихъ изданіяхъ того времени видимъ постоянныя жалобы на взяточничество, на притѣсненіе судей; ѣдкіе сарказмы казнятъ все, что только пользовалось властью и значеніемъ, злоупотребляя и то и другое.

III.

Въ древней Россіи, передъ всякимъ общимъ несчастіемъ, являлись на небѣ знаменія; ходили «по аеру» хвостатыя звѣзды; на церквахъ, въ полночь, звонили колокола сами собой; слышны были стоны и плачъ невѣдомый; помрачалось солнце; изъ сухаго дерева иконъ текли слезы и проч., — и народъ ждалъ бѣды, и бѣда приходила. Въ болѣе новыя времена, такія значенія грядущей кары замѣнялись народными жалобами, которыя сдѣлались особенно замѣтны и сильны въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

Уже современники и очевидцы этаго страшнаго акта нашей исторіи, но только не наши соотечественники, а иностранцы, дышавшіе не тѣмъ воздухомъ, который вдыхало привыкшее къ тому русское общество, замѣчали, что какая-то кровавая драма была неизбѣжна, вслѣдствіе всего склада общества, да и народъ не могъ долѣе выносить своего тяжкаго положенія. Одинъ иностранный писатель, прожившій въ Россіи восемь лѣтъ и бывшій очевидцемъ пугачовскаго мятежа, бросаетъ

прямо въ глаза помѣщикамъ жесткій упрекъ въ безчеловѣчныхъ отношеніяхъ къ крестьянамъ. Какъ свѣжаго человѣка, его поражали такія явленія, которыя тогдашнему русскому обществу казались нормальными и естественными, потому что приглядѣлись. Ему бросалось въ глаза, напримѣръ, то обстоятельство, что дворяне не рѣдко въ обмѣнъ за одну собаку давали двухъ мужиковъ [1]). Это обидно для человѣчества, говоритъ онъ, и потому если тѣ, которые промѣниваются на собаку, и должны спрятать свое человѣческое чувство, все же они остаются людьми и должны считать себя глубоко оскорбленными, если придадутъ хотя какую либо маленькую цѣну своему существованію. Дворянинъ, который при всякомъ случаѣ даетъ знать своему подвластному, что онъ не ставитъ его выше животнаго, долженъ быть имъ ненавидимъ, и, лишь только этотъ презираемый почувствуетъ себя довольно сильнымъ, онъ долженъ жестоко отплатить своему притѣснителю за то, что тотъ его ни во что не ставилъ. Это многократно подтверждалось во время пугачовскаго мятежа. Но жаль тѣхъ, прибавляетъ онъ, которые невинно пострадали [2]).

Вообще отзывы этого современника о событіяхъ, волновавшихъ тогдашнюю Россію, носятъ на себѣ слѣды большей добросовѣстности и знанія дѣла, чѣмъ

---

[1]) ..... «dass Edelleute zwei Bauern um einen Hund weggegeben haben.»

[2]) Bemerkungen über Esthland, Liefland, Russland, nebst einigen Beiträgen zur Empörungs-Geschichte Pugatschews, während eines achtjährigen Aufenthalts gesammlet von einem Augenzeugen. Prag. u. Leipzig. 1792.

являвшіяся въ Европѣ, вслѣдъ за усмиреніемъ пугачовскаго мятежа, разныя описанія, расчитывавшія на эффектъ и удовлетворявшія праздному любопытству читателей западной Европы. И эти описанія были тѣмъ невѣроятнѣе, что въ самой Россіи о Пугачовѣ почти ничего не было печатано, а каждый русскій тогдашняго времени зналъ о главныхъ фактахъ пронесшейся надъ Россіею грозы по разсказамъ другихъ. — Уже въ самый годъ казни Пугачова, въ Лондонѣ явилась въ печати на французскомъ языкѣ брошюра, въ которой не было сказано ничего новаго, кромѣ того, что публиковалось тогда у насъ оффиціяльно въ указахъ и манифестахъ, хотя тѣмъ не менѣе брошюрѣ старались придать занимательность, указавъ, что разсказъ о Пугачовѣ переведенъ съ русскаго оригинала, и приложивъ къ брошюрѣ портретъ самозванца. Портретъ изображаетъ его не то итальянцемъ, не то испанцемъ, съ маленькими черненькими усиками, въ мерлушчатой шапкѣ, какія носили крымскіе татары, и въ мѣховой шубѣ, тоже въ родѣ татарской. Внизу портрета надпись: *Jemelian Pugatschew.* Самой брошюрѣ предпосылается эпиграфъ: «Le crime a ses héros, ainsi que la vertu» [1]).

Эта же брошюра, для удовлетворенія любопытству нѣмецкихъ читателей, была переведена вскорѣ и на нѣмецкій языкъ, и къ ней также приложенъ портретъ

---

[1]) Le faux Pierre III ou la vie et les aventures du rebelle Jemelian Pugatschew. D'après l'original russe de M-r F. S. G. W. D. B. Avec le portrait de l'imposteur et des notes historiques et politiques. A Londre, chez C. H. Seyffert. 1775, in 8°.

самозванца, видимо снятый съ перваго лондонскаго изданія брошюры [1]).

Но еще раньше этого перевода, въ Германіи появилось особое сочиненіе о Пугачовѣ, авторъ котораго говоритъ, что хотя для чести человѣчества и слѣдовало передать полному забвенію всѣ безчеловѣчія, производимыя Пугачовымъ въ Россіи, но какъ событіе это занимало весь міръ, и газеты большею частью распространяли о немъ неосновательныя извѣстія, «то мы и рѣшились, говоритъ авторъ, о всѣхъ безчеловѣчныхъ дѣяніяхъ самозванца и о его казни сообщитъ обстоятельныя извѣстія, извлеченныя изъ русскихъ оригиналовъ.» Къ этому послѣднему описанію, какъ и къ первымъ двумъ брошюрамъ, приложенъ поясной портретъ Пугачова: дикая, съ огромными глазами, физіономія; усы, длиною по четверти, спускаются на грудь; на головѣ нѣчто въ родѣ казацкой шапки, съ верхомъ, который спускается почти до пояса; на плечахъ родъ польскаго кунтуша, вмѣсто шубы, какъ его у насъ изображаютъ; за поясомъ сабля. Подъ портретомъ подпись: «Wahre Abbildung des Rebellens Jemelian Pugatschew.»

Содержаніе этого сочиненія не богаче предъиду-

---

[1]) Leben und Abentheuer des berüchtigsten Rebellen Jemelian Pugatschew, welcher sich in dem südlichen Russland für Peter III ausgab. Nach dem russischen Original des Hrn. F. S. G. W. D. B. in das französische und aus diesem in das deutsche übersetzt. London, 1676, in 8°. Въ концѣ приложенъ манифестъ императрицы Екатерины II и резолюція о казни Пугачова и его сообщниковъ.

щихъ и все почти основано на публикованныхъ въ то время объявленіяхъ и манифестахъ [1]).

Таинственная личность самозванца долго не могла потерять обаятельной силы для европейскихъ читателей, и даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія о немъ ходили въ Европѣ разныя сочиненія, какъ напримѣръ, изданная въ 1807 году во Франкфуртѣ и Лейпцигѣ книжка [2]), и въ особенности баснословная и романтическая повѣсть, сочиненная Аделаидою Ордé [3]), которая, между прочимъ, говоритъ, что «Пугачовъ, поставленный въ другія условія или, по крайней мѣрѣ, родившійся подъ другимъ небомъ, былъ бы защитникомъ отечества» [4]). Кромѣ того, по словамъ этой писатель-

---

[1]) Zuverlässige Nachricht von der Verrätherey und den Verwüstungen des Jemelka Pugatschew, nebst einer Beschreibung seiner Hinrichtung. Mit Kupfern, Schwabach. 1775, in 8°.

[2]) Leben, Thaten und Ende des berüchtigsten Rebellen Jemelian Pugatschews. Frankfurt u. Leipzig, 1807, in 8°. Сочиненіе это также опирается на авторитетъ самовидцевъ (Zuverlässige Nachrichten von dem Aufrührer Jemelian Pugatschew, und der von demselben angestifteten Empörung, aus glaubwürdigen Quellen u. der Aussagen unverdächtiger Augenzeugen vorgetragen).

[3]) Histoire de Pugatschew. Par Adélaïde Hordé, élève du conservatoire. A Paris 1809. Два тома in 8°. Къ книгѣ приложенъ эпиграфъ:

Heureux, cent fois heureux, si ce coeur magnanime
Eût fait pour la vertu ce qu'il fit pour le crime.

Вѣроятно, на это сочиненіе Аделаиды Ордé намекаетъ авторъ приведенныхъ нами выше «Bemerkungen etc.», говоря, что во Франціи вышла книга о Пугачовѣ, и что этой книгѣ многіе вѣрятъ; но, прибавляетъ онъ, это жизнеописаніе, по крайней мѣрѣ, въ большей своей части, есть не что иное, какъ измышленіе праздной головы, которая этимъ способомъ старалась, безъ сомнѣнія, зашибить малую толику денегъ (die Erfindung eines müssigen Kopfes, der sich ohne Zweifel dadurch ein Stück Geld zu verschaffen suchte). Bemerkungen, 210.

[4]) A. Hordé, I, 2.

ницы, Пугачовъ былъ, какъ оказывается, сыномъ любви и притомъ довольно странной [1]).

Относительно мотивовъ, побудившихъ Пугачова принять на себя имя умершаго императора, существовали весьма разнообразныя мнѣнія [2]), точно также какъ и о томъ, что онъ былъ орудіемъ какихъ-то тайно дѣйствовавшихъ интригъ. Въ послѣднее время въ этомъ отношеніи сказано было новое слово: если не въ появленіи, то въ усиленіи Пугачова, въ первое время его похожденій, подозрѣваютъ сильное вліяніе раскольниковъ. Пугачовъ самъ указалъ на это обстоятельство, когда съ него снимали допросы въ Оренбургѣ и Яицкомъ-Городкѣ. Допросы эти, какъ видно, не были извѣстны Пушкину, при составленіи имъ «Исторіи Пугачевскаго бунта», и напечатаны только недавно [3]); г. Щебальскій воспользовался ими, и за тѣмъ у него подъ руками, какъ онъ говоритъ, не было почти ничего новаго, не напечатаннаго. Въ одной принадлежащей намъ рукописи, сообщенной са-

---

[1]) Она говоритъ, что самое распространенное мнѣніе, будто Пугачовъ родился отъ знатныхъ родителей (fils d'un chef de ces cosaques). Его отецъ былъ взятъ въ плѣнъ при Прутѣ съ Петромъ I. Послѣ отца Емельянъ остался маленькимъ, подъ присмотромъ матери. «La veuve oublie bientôt qu'elle était mère, et livrée à tous les plaisirs d'un amour illicite avec un pope (amour qu'elle avait entretenu du vivant même de son mari et dont elle brulait encore malgré les glaces de l'âge)... Она покинула своего сына и т. д.

[2]) Историкъ походовъ Суворова, Ф. Антингъ, между прочимъ, говоритъ, что, находясь однажды, еще въ молодости, въ Черкаскѣ, Пугачовъ помогъ какъ-то одной дѣвочкѣ напоить коней въ рѣкѣ; дѣвочка поблагодарила его, сказавъ, что онъ будетъ царемъ (empereur). Depuis ce temps-là cette idée roulait toujours dans sa tête. (Les Campagnes etc., F. Anthing).

[3]) Чтен. императ. общества истор. и древностей 1858, 1859 г.

ратовскимъ старожиломъ Никитинымъ 2-мъ [1]), положительно говорится, что Пугачовъ нашелъ сильную поддержку у раскольниковъ, обитавшихъ въ воронежскихъ лѣсахъ, гдѣ его принялъ какой-то Никита раскольникъ и предложилъ услуги своихъ единомышленниковъ.

Мы не станемъ слѣдить за Пугачовымъ и за ходомъ всего мятежа со дня появленія самозванца и такимъ образомъ повторять то, что уже было извѣстно изъ монографіи Пушкина и вообще изъ всего, что было печатаемо въ Россіи объ этой эпохѣ до сихъ поръ. Мы намѣрены дополнить прежнія изслѣдованія о Пугачовѣ новыми данными, не бывшими въ виду у прежнихъ историковъ пугачовщины, и по возможности опредѣлить точнѣе характеръ и значеніе этого явленія въ исторической жизни русскаго государства.

До какой степени затѣянное Пугачовымъ дѣло было произведеніемъ всей суммы государственныхъ и общественныхъ условій, въ которыхъ находилась Россія, видно изъ того, какъ мгновенно потрясены были всѣ низшіе слои населенія государства при первой вѣсти о смутахъ за Волгой, тогда какъ высшія сословія, повидимому, ничего не подозрѣвали, беззаботно продолжая свою обычную веселую жизнь. Въ то время, когда все поволжье лихорадочно волновалось, когда уже нѣсколько крѣпостей было въ рукахъ Пугачова, и бѣлое

---

[1]) Рукопись эта называется «Воспоминанія прошедшаго». Отрывокъ изъ нея напечатанъ нами въ «Саратов. Губ. Вѣд.» 1860 г. №№ 22, 23.

съ раскольничьимъ крестомъ знамя развивалось на форпостныхъ каланчахъ, Петербургъ и Москва ничего не знали. Любопытно слѣдить день-за-день, по тогдашнимъ русскимъ газетамъ и по лѣтописямъ пугачовщины, какъ за успѣхами Пугачова въ первое время его появленія, такъ и за тѣмъ, что̀ въ невѣдѣніи творилось въ эти самыя числа въ нашихъ столицахъ. Послѣднія числа сентября 1773 года, когда Пугачовъ бралъ одинъ за другимъ военные посты, расположенные по яицкой линіи, когда передъ нимъ сдавались, почти безъ сопротивленія, крѣпости Илецкая, Розсыпная, Нижне-Озерная, Татищева, Чернорѣченская, Сакмарскій-Городокъ и крѣпость Пречистенская, эти именно числа ознаменовались въ Петербургѣ рядомъ торжествъ, блестящими балами, раскошными ужинами при дворѣ и въ высшемъ обществѣ. Когда по заволжью крѣпостныя пушки или отказывались стрѣлять, или стрѣляли весьма неудачно по мятежникамъ, въ Петербургѣ, по случаю бракосочетанія великаго князя Павла Петровича съ Натальею Алексѣевною, пушечная пальба не прекращалась, гремѣла музыка, читались торжественныя рѣчи. Или, наконецъ, перечитывая тогдашнія «Московскія Вѣдомости», именно отъ 19 октября, мы находимъ поразительный контрастъ между тѣмъ, что̀ писалось въ этихъ «Вѣдомостяхъ» и что̀ читаемъ, подъ тѣмъ же числомъ, въ запискахъ Рычкова. Высшія сословія Москвы празднуютъ августѣйшую свадьбу, въ стѣнахъ московскаго университета поется сочиненная на этотъ торжественный случай кантата:

Пойте музы восхищенны
Бракомъ Павла до небесъ.
О! коль въ свѣтѣ вы блаженны—
Родъ Петровъ воскреснетъ здѣсь, и т. д. [1]).

А между тѣмъ Оренбургъ, обложенный со всѣхъ сторонъ мятежниками, чувствуетъ уже недостатокъ въ припасахъ, высылаетъ сильный отрядъ на фуражировку, и изъ этого отряда въ стычкѣ съ толпами Пугачова погибаетъ разомъ 300 человѣкъ. Мало того: когда высшія сословія въ Москвѣ ликуютъ, городъ иллюминованъ, въ богатыхъ домахъ гремитъ бальная музыка, въ этой же Москвѣ, по разнымъ захолустьямъ, по кабакамъ, начинаются уже сходбища, перешептыванья, чтенія пугачовскихъ манифестовъ. Одинъ иностранецъ, бывшій въ то время въ этомъ городѣ, говоритъ, что молва о существованіи самозванца быстро разнеслась по Москвѣ; не было никакого сомнѣнія, что первый манифестъ Пугачовъ распространилъ въ древней столицѣ посредствомъ своихъ сообщниковъ («durch besondere Emissare»). Публикованіе его началось въ кабакахъ, гдѣ тотчасъ произошли сходбища и тайныя совѣщанія о появившемся царѣ [2]). Затѣмъ, когда въ городѣ начали уже говорить гласно о яицкихъ событіяхъ, не было никакой возможности не только остановить распространеніе зловѣщихъ слуховъ, но и помѣшать тайнымъ сходбищамъ народа, между

---

[1]) «Московскія Вѣдомости» 1773 г., № 85.

[2]) «Die erste Publication dieses Manifestes geschah in den öffentlichen Kronschenken oder Kabaken» (Bemerkung. 175). Въ другомъ мѣстѣ говорится, что разглашенія дѣлались даже на базарахъ.

коимъ молва о царѣ и его первыхъ подвигахъ расходилась посредствомъ передачи яицкихъ извѣстій изъ устъ въ уста.

IV.

Одинъ Петербургъ долго ничего не зналъ о сѣверовосточныхъ событіяхъ, которыя съ каждымъ днемъ принимали все болѣе и болѣе грозный характеръ. Какъ въ Оренбургѣ первая вѣсть о появленіи Пугачова застала всѣхъ въ расплохъ, во время губернаторскаго бала, такъ и въ Петербургѣ первое извѣстіе о немъ, почти чрезъ мѣсяцъ, получено было во время празднованія бракосочетанія Павла Петровича съ первою супругою.

Вблизи театра дѣйствій состояніе умовъ было въ высшей степени тревожное. Въ Казани въ это время находилось много поляковъ и французскихъ офицеровъ, которые прежде служили въ войскѣ конфедератовъ и, взятые, во время перваго раздѣла Польши, въ плѣнъ русскими войсками, разосланы были на житье въ отдаленныя губерніи. Въ Казани, такимъ образомъ, находились нѣкоторые изъ польскихъ конфедератовъ, какъ-то графъ Потоцкій, одинъ изъ Пулавскихъ и др. Одинъ французскій офицеръ, находившійся на службѣ конфедератовъ и вмѣстѣ съ прочими взятый русскими въ плѣнъ и отосланный въ Сибирь, возвращаясь оттуда черезъ Казань въ самомъ началѣ успѣховъ Пугачова, внесъ въ свой дневникъ весьма любопытныя и до сихъ поръ неизвѣстныя въ русской печати подробности о тогдашнихъ событіяхъ въ Казани, о первомъ пора-

женіи русскихъ правительственныхъ войскъ подъ предводительствомъ генерала Кара, о способѣ веденія войны Пугачовымъ, о его стратегическихъ дарованіяхъ, какъ полководца, о состояніи его войска и проч. Дневникъ этотъ вышелъ на французскомъ языкѣ вскорѣ послѣ казни Пугачова, и мы пользовались имъ въ нѣмецкомъ переводѣ, изданномъ въ Амстердамѣ, въ 1776 году [1]).

Всѣхъ плѣнныхъ конфедератовъ (какъ поляковъ, такъ и французовъ) считалось тогда въ Казани болѣе полутораста человѣкъ. Присутствіе ихъ еще болѣе увеличивало опасенія жителей, тѣмъ болѣе, что говорили, будто конфедераты намѣрены войти въ тайныя сношенія съ казанскими татарами и вмѣстѣ съ ними произвести возстаніе [2]). Въ это время находился тамъ одинъ русскій князь [3]), сопровождавшій свой полкъ

---

[1]) Tagebuch eines Französischen Officiers in Diensten der Pohlnischen Konfederazion, welcher von Russen gefangen und nach Sibirien verwiesen worden. Amsterdam. 1776.

[2]) Tagebuch, 55.

[3]) — «dessen Namen ich, um seine Ehre zu schonen, nicht nennen will» говоритъ иностранецъ, потому что князь этотъ велъ себя въ Казани не совсѣмъ благовидно. Дѣло въ томъ, что на одномъ большомъ оффиціяльномъ балѣ, который давалъ казанскій губернаторъ, князь этотъ подпилъ и вступилъ въ споръ съ графомъ Потоцкимъ. Дѣло не ограничилось одними словами, и князь пошелъ на Потоцкаго съ кулаками. Вступился губернаторъ. Князь схватился за шпагу, показывая видъ, что хочетъ употребить ее противъ губернатора. Этотъ послѣдній («der eben so wacker als grossmüthig ist», прибавляетъ иностранецъ) напомнилъ ему о неприличіи его поведенія, и когда озлобленный князь приказалъ своимъ людямъ дать графу Потоцкому 300 палокъ («Stockprügel oder Batoggen»), по возвращеніи его домой, губернаторъ, узнавъ объ этомъ распоряженіи, приставилъ къ квартирѣ Потоцкаго вооруженный караулъ изъ 15 человѣкъ и отдалъ приказъ стрѣлять во всякаго, кто бы онъ ни былъ, если только онъ осмѣлится употребить насиліе въ отношеніи графа Потоцкаго (Tagebuch, 53—54).

изъ Тобольска и Томска въ Грузію, который, поссорившись съ графомъ Потоцкимъ и съ казанскимъ губернаторомъ, донесъ ко двору объ опасности, угрожавшей Казани отъ польскихъ и французскихъ плѣнныхъ офицеровъ, и они послѣ того были отправлены въ Сибирь.

Но хотя неизвѣстный князь и обвинялъ казанскаго губернатора, которымъ былъ тогда фонъ-Брантъ, въ измѣнѣ и сочувствіи къ плѣннымъ, однако, этотъ дряхлый старикъ, при всей своей ненаходчивости, долженъ былъ принять какія-либо мѣры противъ угрожавшей опасности, до той поры, когда Петербургъ могъ подать ему руку помощи. Средства его были жалкія, а волненіе въ умахъ народа усиливалось, и смута разливалась по поволожью, какъ степной пожаръ.

Уже черезъ нѣсколько дней послѣ появленія самозванца, оффиціяльные ордеры и промеморіи разнесли вѣсть о Пугачовѣ по всѣмъ сѣверовосточнымъ городамъ, особенно въ тѣхъ губерніяхъ, которымъ наиболѣе могла угрожать опасность. Промеморіи и ордеры были, конечно, строго «секретные». Но раньше оффиціяльныхъ бумагъ молва разнесла эту вѣсть по селамъ и деревнямъ, по всѣмъ уголкамъ цѣлой половины восточной Россіи, и народъ перешептывался, смутно вѣря неслыханному событію. «Царь проявился... живъ государь Петръ Ѳедоровичъ», толковали крестьяне, возвращаясь по домамъ съ ярмарокъ и базаровъ, и привозили эту вѣсть въ свои села, въ свои семейства. А между тѣмъ подъячіе, возвращаясь изъ своихъ канцелярій, гдѣ они переписывали ордеры и промеморіи о

самозванцѣ, также перешептывались между собою, придавая особый колоритъ извѣстіямъ о Пугачовѣ.

Прежде всего, вслѣдствіе распоряженій перепуганнаго фонъ-Бранта, въ октябрѣ мѣсяцѣ, по всѣмъ воеводскимъ и провинціальнымъ канцеляріямъ низовыхъ городовъ толковалось «о взятьи осторожности отъ собравшейся изъ яицкихъ казаковъ злодѣйской возмутительной толпы.» Предосторожности принимались пока только на бумагѣ, а между тѣмъ около Оренбурга разыгрывались уже кровавыя драмы, и смута моремъ разливалась во всѣ стороны. Понизовые подъячіе, воеводы и коменданты узнали черезъ нѣсколько дней, «что опасность отъ сихъ злодѣевъ не умаляется, а прибавляется даже до того, что около Оренбурга взяли уже четыре кѣпости (взято было семь) и, въ самой близости къ Оренбургу находясь, идутъ на оной съ немалою артиллеріею и многими силами»; узнали, наконецъ, подъячіе и воеводы, что посланные оренбургскимъ губернаторомъ на встрѣчу бунтовщикамъ отряды «сдѣлались не исполнителями его предписанія», т. е. частью передались на сторону бунтовщиковъ, частью были перебиты.

Въ это же время власти понизовыхъ городовъ узнали секретнымъ образомъ слѣдующее:

Матерія всего возмущенія состоитъ въ томъ, что бѣглый донской казакъ Емельянъ Пугачовъ назвалъ себя ложно бывшимъ третьимъ Петромъ императоромъ и тѣмъ сдѣлался начальникомъ показанной злодѣйской толпѣ, и намѣреваются идти по помѣщичьимъ житель-

ствамъ, преклоняя крестьянъ въ свою волю, обнадеживаніемъ дать волю [1]).

Для понизовыхъ властей и подъячихъ такой случай былъ не новость: ровно за годъ до этого они видѣли, какъ наказывали кнутомъ подобнаго лже-императора Богомолова и его государственнаго секретаря [2]). Но паденіе нѣсколькихъ крѣпостей заставило ихъ задуматься. Надо было принять мѣры уже не на бумагѣ только, потому что съ театра возмущенія доходили вѣсти одна другой нерадостнѣе, и дѣло, по видимому, принимало серьезный оборотъ. Такъ какъ все среднее и нижнее поволжье, начиная отъ Казани до Каспійскаго моря, входило въ составъ двухъ губерній, Казанской и Астраханской, и такъ какъ въ руководителяхъ яицкихъ смутъ и въ лицѣ самозванца, какъ донскаго уроженца и казака, предполагалась возможность тѣсной солидарности съ донскими казаками, то охраненіе поволжья и должно было составить главную заботу властей всего этого края, въ ожиданіи того, чѣмъ разыграется яицкое дѣло. Чтобы пресѣчь мятежникамъ

---

[1]) Архивныя дѣла города Царицына. Дѣла эти, въ 1858 году, извлечены изъ царицынскаго архива Н. И. Костомаровымъ въ бытность его тамъ и переданы намъ вмѣстѣ съ архивными дѣлами города Петровска. Дѣла эти богаты замѣчательными подробностями относительно разсматриваемой нами эпохи. Затѣмъ мы пользовались также подлинными дѣлами о пугачовщинѣ, извлеченными нами изъ старымъ архивовъ въ Саратовѣ. Сверхъ рукописей объ этомъ предметѣ, имѣющихся въ Императорской публичной библіотекѣ, мы имѣемъ рукописные матеріалы, полученные нами отъ частныхъ лицъ, отъ В. И. Ламанскаго, И. С. Аксакова (доставленные ему П. И. Пашино), гг. Шишкиныхъ и др.

[2]) Смотр. статью «Самозванецъ Богомоловъ», стр. 72.

сообщеніе съ правой стороной поволжья и, въ случаѣ если они будутъ разбиты подъ Оренбургомъ, перерѣзать отступленіе къ Дону, куда всего скорѣе, какъ думали тогда, могъ пробраться Пугачовъ съ своими шайками, Брантъ приказалъ генералу Миллеру собрать, по крайней мѣрѣ, до 500 человѣкъ отставныхъ нижнихъ чиновъ, поселенныхъ въ Казанской губерніи, и вооружить ихъ чѣмъ только можно для охраненія границъ Оренбургской губерніи по направленію къ Волгѣ. Такъ жалки были средства, которыми на первый разъ думали защитить поволжье. Изъ этихъ пяти-сотъ отставныхъ, а слѣдовательно, большею частью не способныхъ ни къ чему воиновъ, надлежало сформировать два отряда, поставивъ одинъ около Кечунскаго фельдшанца, а другой между этимъ фельдшанцемъ и городомъ Ставрополемъ, на Черемшанѣ. Отряды снабжены были инструкціями относительно дѣйствій противъ шаекъ возмутителей и «окончательнаго ихъ истребленія» (это считали дѣломъ такимъ легкимъ). Въ то же время во всѣхъ селеніяхъ, лежащихъ къ границѣ Оренбургской губерніи, велѣно было публиковать обывателямъ о томъ, какъ имъ дѣйствовать въ случаѣ появленія мятежниковъ [1]).

---

[1]) «Чтобъ они (обыватели) отъ вышеписанныхъ собравшихся злодѣевъ яицкихъ казаковъ имѣли надлежащую осторожность и, въ случѣ ихъ разбойническихъ набѣговъ, ни до какого себя разоренія не допускали; не меньше же сего, если, паче чаянія, будутъ они дѣлать какія боровскія и измѣнническія размышленія со обнадеживаніемъ о дачѣ какихъ-либо льготъ, то отнюдь тому не вѣрить и никаковыхъ ихъ разсказовъ не слушать и, ничѣмъ не прельщаясь, не приходить ни въ каковыя развратныя помышленія, а тѣмъ паче въ малѣйшее отъ настоящаго порядка

Разумѣется, эти распоряженія, казавшіяся тогда важными, на дѣлѣ оказались пустой канцелярской болтовней, потому что всѣ обыватели, которымъ велѣно было «недреманнымъ окомъ» наблюдать за появленіемъ возмутителей, спали и видѣли, когда они къ нимъ придутъ, чтобы только соединиться съ ними и общими силами добывать себѣ волю. Если бы мѣстныя власти имѣли въ своемъ распоряженіи и не такія жалкія средства, съ какими приходилось защищаться противъ сообщниковъ Пугачова, и если бы тщедушные гарни-

---

замѣшательство, подъ опасеніемъ съ виновными строжайшаго по указамъ поступка и тяжкаго осужденія.

«Чтобъ они, для лучшаго себя охраненія отъ всякой могущей быть въ семъ случаѣ опасности, впереди своихъ селеніевъ ко Оренбургской и Яицкой сторонамъ, имѣли чрезъ нарочныхъ развѣдываніе, не разъѣзжаютъ ли гдѣ помянутые собравшіеся изъ яицкихъ казаковъ злодѣи, и ежели гдѣ окажутся, то тотчасъ давать знать поставленнымъ по опредѣленію его высокопревосходительства генералъ-маіора Миллера изъ поселенныхъ отставныхъ около Кечунскаго фельдшанца и между онаго и Ставрополя на срединѣ командамъ, и обще съ ними старались бы всѣми образы и не щадя живота своего переловить и со всѣмъ истребить тѣ злодѣйскія собранія.

«Если сіи злодѣи отправленными отъ господина оренбургскаго губернатора командами будутъ разбиты, то какъ обыкновенно есть отчаяннымъ злодѣямъ сыскивать отъ поиску себя закрытіе разными образы, и потому они въ маломъ числѣ людей непремѣнно должны будутъ потаеннымъ образомъ и глухими дорогами пробираться, и сего ради имъ, обывателямъ, въ каждомъ жительствѣ накрѣпко смотрѣть и недреманнымъ окомъ наблюдать, чтобъ оные злодѣи ни подъ какимъ видомъ и нигдѣ ни малѣйшаго пристанища и мѣста не имѣли, въ разсужденіи чего ни кого, а особливо казаковъ, кромѣ прохожихъ и проѣзжихъ изъ жительства въ жительство обывателей также и съ указными отъ присутственныхъ мѣстъ и отъ воинскихъ командъ письменными пропусками, не пропущали бъ, а всѣхъ таковыхъ неизвѣстныхъ людей и безъ письменныхъ указныхъ видовъ бравъ и подъ карауломъ представляли въ вышеписанныя команды.» (*О Пугачевѣ*, главное архивное дѣло въ Царицынѣ.)

зонные солдаты, эта «негодница», по выраженію Бибикова, съ жалкими начальниками, которыхъ тотъ же Бибиковъ въ письмѣ къ Чернышеву называетъ «скаредами и срамцами», и могли дѣйствовать энергически, даже отчаянно, то всѣ усилія ихъ разбились бы о народную нелюбовь ко всѣму, что̀ тѣснило и сосало до сихъ поръ народъ въ видѣ представителей законнаго порядка того времени.

V.

Первая же серьезная стычка съ непріятелемъ доказала, чего можно было ожидать не только отъ народа, но и отъ войскъ. Эта первая встрѣча войскъ императрицы съ толпами Пугачова, въ открытомъ полѣ, кончилась пораженіемъ Кара, главнокомандующаго войсками, посланными противъ мятежниковъ, и Чернышева, находившагося подъ его командою. Съ Каромъ и Чернышевымъ была уже не одна «негодница», не одни «срамцы и скареды», но правильно организованное войско.

Подробности о пораженіи Кара до сихъ поръ у насъ никому не были извѣстны. Его странное бѣгство въ Москву все еще остается какимъ-то не понятнымъ, недосказаннымъ фактомъ. Нѣтъ объ этомъ прямыхъ извѣстій ни у Рычкова, изъ лѣтописи котораго черпалъ Пушкинъ, ни у Обухова, ни въ другихъ рукописяхъ [1]),

[1]) Т. е. Публичной библіотеки: а) «О началѣ яицкихъ неспокойствъ» и ежедневная записка во время Оренбургской осады 1773 года, 87 л.,

ни у самого Пушкина, ни у П. К. Щебальскаго, наконецъ [1]). Извѣстно было только, что Каръ смѣло двинулся къ Оренбургу, отдѣливъ часть своего войска, подъ начальствомъ Чернышева, вѣроятно, желая охватить непріятеля съ двухъ сторонъ. Затѣмъ, безъ всякой видимой причины, круто повернулъ назадъ, покинулъ и войско, и ввѣренный ему край и ускакалъ въ Москву. Мы имѣемъ теперь возможность пополнить

скоропп. XVIII вѣка (по катал. церковно-славянс. и русс. рукоп., отд. II, XVIII, «исторія», № 35: изъ собранія Фролова). — б) «О злодѣйствахъ и бунтѣ разбойника и самозванца Пугачова», соч. стат. сов. Петр. Рычковымъ. Списана 1785 г. въ Спб., 145 лис., скоропп. (тамъ же, № 36). — в) Рычкова краткій экстрактъ о башкирскомъ народѣ и др. статьи. писс. для гр. П. И. Панина въ 1774 г., 319 стр. и прибавленія (скоропп.). — г) «О Емеліанѣ Пугачовѣ», отрывокъ, 19 лист., скоропп. XIX в. (катал. II, XVIII, т. 31. См. катал. отд. V, № 109). — д) Записки Обухова, отъ 28 октября 1773 года и до 28 марта 1774 г. (Описс. рукоп. гр. Толстаго, отд. IV, № 43, 51 л.)

Впрочемъ, одинъ слышанный нами устный разсказъ о *первой* неудачѣ правительственныхъ войскъ заставляетъ предполагать, что разсказъ этотъ относится къ пораженію Кара. — Когда въ первый разъ сошлись царскія войска съ пугачовскими, Пугачъ выѣхалъ впередъ и сказалъ царскому войску:

— Какъ вы смѣете идти противъ своего царя?

— Ты не царь, а самозванецъ, сказалъ генералъ.

— Я тебѣ покажу, что я царь, сказалъ Пугачъ: чьи у тебя пушки?

— Царскія.

— Это мои пушки, говоритъ Пугачъ: — они противъ своего царя стрѣлять не станутъ.

— Попробуемъ, говоритъ генералъ.

— Пробуйте, говоритъ Пугачъ.

Пушки не выстрѣлили — сгорѣлъ только порохъ на затравкахъ. Царскія ружья также не выстрѣлили. Тогда всѣ солдаты присягнули Пугачу. Пугачъ сказалъ генералу: «Пойди и скажи царицѣ, чтобъ прислала поумнѣй тебя.»

Тогда и прислали умнаго генерала, который и разбилъ Пугача.

[1]) Исторія Пугач. бунта Пушкина. — Нач. и хар. Пугач. П. Щебальскаго, 60 — 61.

этотъ пробѣлъ въ исторіи мятежа, и намъ будетъ понятно отступленіе Кара, которое всѣмъ почему-то казалось загадочнымъ. По словамъ иностранныхъ офицеровъ, бывшихъ очевидцами первой встрѣчи русскаго полководца съ Пугачовымъ, дѣло происходило такимъ образомъ. Каръ сдѣлалъ ту ошибку («unrecht gethan»...), что напалъ на непріятеля, не разузнавъ предварительно ни о расположеніи мятежническаго войска, ни о численныхъ силахъ врага. Въ ту минуту, когда обѣ арміи стояли уже въ виду одна другой, Каръ видѣлъ только не большую толпу казаковъ въ боевомъ порядкѣ, которые, однако, казалось, стояли очень смѣло и, по видимому, ожидали немедленнаго нападенія. Каръ и сдѣлалъ это нападеніе, приказавъ прямо ударить на нихъ. Но когда онъ приблизился на ружейный выстрѣлъ, казаки, сдѣлавъ полуоборотъ, раздались вправо и влѣво и тѣмъ открыли ряды стоявшаго за ними войска. Каръ очутился лицемъ къ лицу съ непріятельскою артиллеріею: мятежники грянули изъ тридцати пушекъ, которыя дѣйствовали губительно, потому что и расположены были весьма удачно, и, повидимому, управлялись хорошими артиллеристами. Но хотя Каръ и видѣлъ, что его войско пришло въ совершенное смятеніе — частью побросало оружіе, частью передалось непріятелю, однако, не потерялъ присутствія духа, а напротивъ, изъ остатка своей арміи тотчасъ сдѣлалъ батальонъ-карэ и ретировался «приличнымъ образомъ» т. е. въ порядкѣ [1]), не смотря на сильное безпокой-

[1]) ... «auf eine anständige Art», какъ говорятъ самовидцы (Tagebuch, 197).

ство, причиненное ему спачала пушками. Непріятель не переставалъ, однако, преслѣдовать его, нападая со всѣхъ сторонъ. Семьнадцать верстъ Каръ слѣдовалъ такимъ образомъ по глубокому снѣгу, который доходилъ до колѣнъ; не испытавъ, однако, болѣе сильнаго натиска непріятеля и достигнувъ, наконецъ, до одной деревни, онъ поспѣшилъ устроить небольшіе ретраншементы, которые, въ случаѣ нужды, могли защитить его. Здѣсь онъ возстановилъ въ остаткахъ своего войска должный порядокъ и больной уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и былъ отставленъ отъ службы [1]).

Къ этимъ подробностямъ первой стычки Кара съ мятежниками прибавляютъ еще разсказъ о маневрѣ, къ которому прибѣгли сообщники Пугачова, и который поколебалъ мужество правительственнаго войска. Въ началѣ битвы, одинъ пугачовскій казакъ приблизился къ рядамъ императорскаго войска и, прокричавъ двоекратно: ура! громкимъ голосомъ сказалъ къ солдатамъ: «именемъ вашего истиннаго и справедливаго государя, который теперь находится здѣсь, объявляю вамъ, что если вы не послушаетесь его приказаній и его воли, то онъ будетъ щитать васъ бунтовщиками, если же, напротивъ, вы возвратитесь подъ его знамена, то онъ пожалуетъ васъ съ свойственною его великому милосердію добротою.» Въ то же время, другой казакъ, воспользовавшись замѣшательствомъ Кара, прочиталъ передъ императорскимъ войскомъ манифестъ

[1]) Вообще говорится, что Каръ впалъ въ немилость, отданъ подъ военный судъ и проч., какъ значится и въ извѣстныхъ у насъ сочиненіяхъ объ этомъ предметѣ (Tageьuch, 197).

самозванца, какъ бы общаго ихъ повелителя, и оба затѣмъ ускакали въ толпу мятежниковъ.

Вѣсть о пораженіи Кара съ быстротою молніи облетѣла всю восточную половину Россіи. Изъ Казани бѣжало все, что̀ могло спасаться. Бѣжала и жена губернатора [1]). Страшная вѣсть пришла въ Москву, гдѣ уже громко заговорили, что Каръ положительно разбитъ и бѣжалъ, что войско отказалось сражаться противъ таинственной личности [2]). Говорили, что съ войскомъ мятежниковъ, кромѣ загадочной личности самого предводителя, разъѣзжаютъ еще какія-то двѣ переодѣтыя особы. Иные добавляли, что это были два брата принца Ивана (Антоновича?), умершаго въ заточеніи. Объ этомъ заключали изъ того, что никто не зналъ, что съ ними сдѣлалось потомъ и гдѣ они находились. Многіе думали, что они успѣли бѣжать въ Персію и получили какъ отъ персіянъ, такъ и отъ турокъ значительную помощь войскомъ и деньгами [3]). Хотя это были пустые слухи, но ихъ опровергнуть нельзя было, потому что въ пользу слуховъ говорило полное пораженіе и гибель Чернышева, котораго самозванецъ повѣсилъ вмѣстѣ съ 36 офицерами [4]); въ

---

[1]) «Sie kam aber mit ihrer Familie zurück (замѣчаетъ авторъ Tagebuch'a) und beruhigte durch ihre Wiederkunft die ganze Stadt, deren Einwohner sich bald darauf ebenfalls wieder einstelleten (199).»

[2]) . . . «sich geweigert hätte, gegen den vermeinten Peter III zu fechten.» Bemerkungen, 176.

[3]) Tagebuch, 198 — 199 («allein, добавляетъ конфедератъ, diess alles waren blosse Gerüchte, die man nicht beweisen konnte»). Впрочемъ, молва эта была всеобщая и волновала не одинъ простой народъ.

[4]) Въ Tagebuch показано 37. Тутъ же говорится, что Пугачовъ взялъ 9 русскихъ пушекъ, снова потомъ разбилъ другой отрядъ, гдѣ повѣсилъ 9

пользу этого говорило пораженіе и бѣгство другихъ отрядовъ, которые выступали противъ мятежниковъ.

Всѣмъ извѣстны, затѣмъ, обстоятельства назначенія главнокомандующимъ Бибикова, пріѣздъ его въ Казань, возбужденный имъ энтузіазмъ казанскаго дворянства. Однако, едва ли кто знаетъ о тѣхъ дерзкихъ попыткахъ Пугачова, которые могли отнять самоувѣренность даже у этого умнаго и неустрашимаго полководца. Едва самозванецъ узналъ о его пріѣздѣ, какъ приказалъ впереди своего стана поставить висѣлицу и написать на ней золотыми буквами: *Бибикову*. Затѣмъ, отпуская въ Казань одного плѣннаго, онъ сказалъ ему: «Читай это и запомни хорошенько... Ступай къ Бибикову и скажи ему, что я сдержу свое слово». Посланный въ точности исполнилъ порученіе. Нѣсколько дней спустя, Бибиковъ проѣзжалъ по одной изъ улицъ въ Казани. Какой-то вооруженный татаринъ, верхомъ на конѣ, остановилъ экипажъ генерала подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы сообщить ему нѣчто важное, и обратился къ Бибикову съ такими словами, которыя сильно смутили его. Повторивъ сказанное Пугачовымъ и прибавивъ еще болѣе сильную угрозу, татаринъ пришпорилъ лошадь и ускакалъ. «Я замѣтилъ, говоритъ самовидецъ, бывшій при этомъ случаѣ, что эта угроза произвела на генерала сильное впѣчатлѣніе. Онъ сталъ унылъ и задумчивъ. Я сожалѣю о томъ,

---

русскихъ офицеровъ, и затѣмъ разбилъ отрядъ гвардіи въ 500 человѣкъ, ѣхавшихъ изъ Петербурга на почтовыхъ.

добавляетъ очевидецъ, потому что онъ честный человѣкъ» [1]).

Впрочемъ, и нельзя было не придти въ смущеніе при томъ состояніи, въ какомъ находился весь край. Бибиковъ видѣлъ, что Казань, изъ которой почти все бѣжало, была наполнена только одними арестантами. Это былъ сборный пунктъ всѣхъ пересыльныхъ каторжниковъ, которыхъ тогда, вслѣдствіе указанной нами выше системы управленія крестьянами и вслѣдствіе общихъ смутъ еще до появленія самозванца, гнали въ Сибирь тысячами: однихъ каторжниковъ, назначенныхъ для отсылки въ Оренбургъ, находилось въ Казани 200 человѣкъ. Но въ Оренбургъ уже ихъ нельзя было гнать, да и въ Казани оставлять такой народъ было опасно. Затѣмъ изъ Москвы привели 700 арестантовъ. Наконецъ, изъ всѣхъ прочихъ концевъ Россіи стянулось въ Казань къ этому времени еще 4,000 ссыльныхъ. Присутствіе въ этомъ городѣ ссыльныхъ поляковъ-конфедератовъ и плѣнныхъ французовъ увеличивало опасность. Въ виду такихъ обстоятельствъ сенатъ распорядился, чтобы арестантовъ больше не посылать въ Казань, а отправлять въ Азовъ, Таганрогъ, Александровскую крѣпость, даже въ Ригу и вообще въ самыя отдаленныя отъ театра возмущенія мѣста. Тѣхъ же арестантовъ, которые осуждены были въ ссылку въ Оренбургъ и находились въ то время въ Казани,

---

[3]) Tagebuch 200 — 201. Угроза произнесенная татариномъ, такъ переведена по-нѣмецки: «Mache, dass du mit deinen Tyranneyen fertig wirst; denn wir müssen dich haben, und sei versichert, dass wir Leute sind, die Wort halten». Безъ сомнѣнія, фраза перепачена сочинителемъ.

сенатъ велѣлъ фонъ-Бранту возвратить въ Азовъ и Таганрогъ и притомъ — *черезъ Воронежскую губернію*, потому что (пояснилъ сенатъ) это «*удобнье будетъ!*» По поволжью же отправлять было опасно. Но такъ какъ и эти арестантты могли взбунтоваться, то сенатъ приказалъ гнать ихъ малыми партіями, человѣкъ по 20, и каждую партію вести *на канатахъ* [1]).

VI.

Дѣйствительно, весь поволжскій край былъ въ ненадежномъ состояніи. Подлинныя архивныя дѣла того края, никому доселѣ неизвѣстныя, которыми мы пользовались, рисуютъ мрачными красками весь востокъ Россіи. По аналогіи можно заключать, что и другія части имперіи были не въ лучшемъ положеніи.

Военныя и гражданскія власти всей восточной половины Россіи находились въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. Ордеры и промеморіи съ театра дѣйствій повелѣвали имъ ждать съ часу на часъ появленія мятежниковъ, которые, какъ полагали тогда, бросятся или въ Персію, или на Донъ. Правый и лѣвый берега Волги, всѣ почтовыя и проселочныя дороги въ разныхъ мѣстахъ обставлены были наблюдательными «маяками», съ наверченной на верхушкахъ соломой, которую слѣдовало зажигать для поданія сигналовъ. Эти соломенные маяки замѣняли тогда телеграфы. Казенныя

---

[1]) Полн. собр. закон. XIX, 14,077.

деньги изъ казначействъ велѣно было тотчасъ же вывезти въ безопасныя мѣста. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ приказано было собрать помѣщиковъ и управляющихъ, а въ государственныхъ селеніяхъ — сотниковъ, старостъ и лучшихъ обывателей, которымъ и оповѣстить, чтобъ они учредили денные и ночные караулы при въѣздахъ въ села и выѣздахъ, останавливали всякаго проѣзжающаго, особенно въ казацкомъ платьѣ, а гдѣ появятся толпы — били бы ихъ и представляли къ подлежащимъ властямъ. Но караулить было некому. Народъ собирали силой. Губернаторы фонъ-Брантъ — казанскій и симбирскій, Кречетниковъ — астраханскій и саратовскій, Шетневъ — воронежскій, атаманъ донскаго войска Сулинъ, оберъ-комендантъ Дмитріевской (Ростовъ на-Дону) крѣпости Потаповъ, комендантъ Царицынской крѣпости Цыплетевъ, коменданты и воеводы городовъ Симбирска, Пензы, Саратова, Камышина и Новохоперской крѣпости, напрасно тратили бумагу на ордеры и промеморіи, потому что, кромѣ дряхлыхъ гарнизонныхъ солдатъ, ни у кого не было войска. Только послѣ Цыплетевъ и Кречетниковъ собрали коечто. Даже никто не понималъ собственно въ чемъ дѣло, чего надо бояться и чего ожидать: во всѣхъ ордерахъ говорилось только, что «матерія возмущенія» такая-то, а за тѣмъ всѣ эти власти въ одно слово, вмѣстѣ съ военною коллегіею, повторяли нелѣпости, распущенныя по поволжью, будто мятежники намѣрены идти въ «турецкую область», на какую-то «рѣку Лобу», и потому главная забота всѣхъ состояла въ томъ, чтобъ недопустить этого перехода черезъ бас-

нословную рѣку Лобу [1]). А между тѣмъ полчища Пугачова оцѣпили уже весь сѣверо-восточный край. Во всѣхъ промеморіяхъ, какъ видно, возлагали большую надежду на Кара. Военная коллегія даетъ знать всѣмъ мѣстнымъ губернаторамъ, что какъ противъ Пугачова пошелъ уже Каръ, то слѣдуетъ только ждать, какъ мятежники бросятся къ рѣкѣ Лобѣ, чтобъ задержать ихъ отступленіе. А эта Лоба едва ли даже и существовала, если только это не была рѣка Лаба, впадающая въ Кубань (да и то едва ли, потому что власти называли ее «нѣкоею» рѣкою).

Но чуть ли не одинъ человѣкъ во всемъ поволжьѣ дѣйствовалъ разумно и энергически, не уподобляясь тѣмъ «скаредамъ и срамцамъ» и той гарнизонной «негодницѣ», которая такъ возмущала Бибикова. Это былъ Цыплетевъ, комендантъ Царицына. То былъ едва ли не единственный человѣкъ, отстоявшій ввѣренный ему постъ и не допустившій Пугачова, еще сильнаго, взять Царицынъ. Но объ этомъ будетъ сказано въ свое время, на основаніи имѣющихся у насъ архивныхъ матеріаловъ.

Еще до пораженія Кара, когда къ Цыплетеву дошли вѣсти о самозванцѣ, и онъ узналъ нѣкоторыя обстоятельства этого смутнаго дѣла, Цыплетевъ принялъ не-

---

[1]) *О Пугачовѣ* (главное царицынское архивное дѣло), л. 1—5, 6—9, 11 и 507. Это объемистое дѣло, въ нѣсколько тысячъ листовъ, заключаетъ въ себѣ всѣ главнѣйшія распоряженія, какія дѣлались на востокѣ Россіи мѣстными властями за все время пугачовщины. Въ немъ есть и подлинные манифесты самозванца, и подлинные допросы нѣкоторыхъ захваченныхъ бунтовщиковъ, донесенія участвовавшихъ въ битвахъ командировъ, письма и автографы Михельсона, Суворова и проч.

медленныя мѣры къ встрѣчѣ самозванца. Съ предшественникомъ Пугачова, самозванцемъ Богомоловымъ, Цыплетевъ былъ знакомъ лично: во время схватки, когда народъ хотѣлъ силой освободить лжеимператора и мнимаго государственнаго секретаря изъ-подъ караула, Цыплетевъ былъ раненъ и потому, безъ сомнѣнія, помнилъ, что съ самозванцами шутить нельзя [1]). Цыплетевъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: тотчасъ далъ знать по всѣмъ ввѣреннымъ ему командамъ и къ начальнику калмыцкаго народа, чтобы все было готово на всякій случай, чтобы отъ каждой команды выбраны были надежные капитаны и офицеры; велѣлъ составить списки всѣхъ служащихъ и отставныхъ нижнихъ чиновъ, артиллеристовъ, пѣхотинцевъ и знающихъ инженерное дѣло; привести въ порядокъ артиллерію. Хотя въ Царицынѣ и находилось небольшое число войска, такъ какъ въ то время это была одна изъ важныхъ крѣпостей того края, однако, этого войска было недостаточно, тѣмъ болѣе, что въ Царицынѣ находилось слишкомъ 900 плѣнныхъ турокъ, за которыми необходимъ былъ присмотръ. Цыплетевъ распорядился, чтобъ 1) легкой полевой командѣ [2]), части гарнизона и царицынскимъ казакамъ быть въ полной готовности; 2) отъ донскаго войска вытребовалъ пятисотную команду, съ тѣмъ, чтобы она находилась вблизи военной царицынской линіи; и просилъ войсковаго атамана парядить особо 200 казаковъ, да,

[1]) См. о Богомоловѣ.

[2]) Этой командой начальствовалъ Дицъ, который впослѣдствіи погибъ въ битвѣ съ Пугачовымъ.

кромѣ того, два полка (по 500 человѣкъ) съ особыми полковыми командирами, которые находились бы въ въ его распоряженіи; 3) въ волжскомъ войскѣ, отъ самаго Камышина почти, по луговой сторонѣ Волги, велѣлъ учредить форпосты и, отправивъ въ Ахтубинскій заводъ, за Волгу же, одно орудіе и артиллерійскаго оберъ-офицера, учредилъ тамъ особую военную заставу для мѣстныхъ развѣдываній; 4) внизъ отъ Царицына до самаго Чернаго-Яра также учредилъ форпосты и командирамъ строго предписалъ наблюдать за движеніями подозрительныхъ калмыковъ; 5) изъ находившейся въ Царицынѣ артиллеріи, шесть орудій поставилъ на походные лафеты, исправилъ и снарядилъ ихъ всѣмъ необходимымъ и приставилъ къ нимъ достаточное число прислуги; 6) просилъ своего губернатора, Кречетникова, нарядить 200 калмыковъ Дербетевыхъ Улусовъ, *не говоря имъ о цѣляхъ приготовленія;* 7) изъ обывателей Царицына нарядилъ 300 человѣкъ отъ купечества, снабдивъ ихъ ружьями и припасами для стрѣльбы. Всѣ эти военныя силы онъ отдалъ въ распоряженіе фонъ-Дица. Затѣмъ учредилъ военныя заставы: на рѣчкѣ Пичугѣ, при Томилиномъ буеракѣ и на Верхней Мечетной рѣчкѣ, снабдивъ находившихся на заставахъ людей инструкціями. Тѣ же мѣры совѣтывалъ принять и Меллину, коменданту города Камышина, подобно Дицу погибшему впослѣдствіи отъ мятежниковъ [1]).

Волжское казачье войско, территоріи котораго со-

[1]) *О Пугачовѣ* (главн. царицын. архивн. дѣло), л. 16 — 22.

сѣдили съ Царицыномъ, находилось въ жалкомъ состояніи. Когда угрожающія вѣсти о яицкихъ смутахъ вынудили и волжскихъ казаковъ готовиться къ встрѣчѣ непріятеля и велѣно было парядить не только служилыхъ и отставныхъ казаковъ, но и казачьихъ дѣтей и малолѣтковъ, старшины войска писали Цыплетеву, что во всѣхъ станицахъ нѣтъ ни одного заряда. Они просили его прислать на войско пороху, свинцу и фитилей для пушекъ. Между тѣмъ вскорѣ оказалось, что и пушекъ у нихъ не имѣется. Войсковое начальство вспомнило, что въ 1772 году велѣно было взять у нихъ шесть пушекъ для отправки въ Царицынъ, и потому теперь они просили возвратить имъ, по крайней мѣрѣ, два мѣдныхъ орудія, чтобъ чѣмъ было защищаться въ случаѣ появленія мятежниковъ или киргизъ-кайсаковъ, которые безпрестанно тревожили среднее поволжье [1]).

Хотя къ мѣсту главныхъ военныхъ дѣйствій и пришли свѣжія войска вслѣдъ за Бибиковымъ, однако, все еще недостатокъ въ людяхъ былъ значительный, такъ какъ всѣ наши силы сосредоточены были за Дунаемъ, въ войнѣ съ турками. Чтобы спасти Казань и Оренбургъ и не дать возможности самозванцу разбить и Бибикова, какъ онъ разбилъ Кара, часть резервныхъ войскъ, охранявшихъ недавно возвращенный отъ Польши Бѣлорусскій край, должна была оставить этотъ край почти на произволъ полякамъ и тащиться тысячи верстъ изъ Бѣлоруссіи до Казани: только 12 де-

[1]) *О Пугачовѣ* (главн. царицын. арх. дѣло), л. 37, 38.

кабря двѣ полевыя команды и два гусарскихъ эскадрона дотащились до Саратова и тотчасъ же отправлены были къ театру военныхъ дѣйствій [1]).

Мы остановились на прибытіи Бибикова въ Казань. Тогда же, почти одновременно съ нимъ, стянулись къ Казани и главныя военныя силы правительства. Ихъ прибыло до 14,000 пѣхоты и кавалеріи. Войска скакали на почтовыхъ день и ночь. Около Бибикова являются уже генералы Мансуровъ, князь Голицынъ, Декалонгъ, Ларіоновъ и затѣмъ полковникъ Михельсонъ — личность, сразу выдвинувшаяся изъ ряда прочихъ бойцевъ за государственный порядокъ. Къ этимъ свѣжимъ войскамъ примкнули остатки арміи Кара. Первая побѣда этихъ войскъ была довольно жалкая, если вѣрить очевидцамъ. Какой-то полкъ, который иностранцы-современники называютъ «регпментомъ черныхъ гусаръ», былъ посланъ по сибирской дорогѣ, чтобы возстановить спокойствіе въ мѣстахъ, встревоженныхъ башкирами и татарами. На пути полкъ этотъ вступилъ въ одно значительное селеніе, наполненное мятежническими толпами татаръ, которые, однако, не были вооружены. Гусары изрубили въ куски всѣхъ, которые имъ попались, и объ этой рѣзнѣ было возвѣщено въ газетахъ, какъ о великой побѣдѣ [2]).

Пугачовъ не могъ не знать о томъ, что къ Казани стянулись большія силы регулярнаго войска, и потому предвидѣлъ, что дѣло приметъ серьезный обо-

---

[1]) *О Пугачовѣ* (главн. царицын. арх. дѣло), л. 34.

[2]) Tagebuch, 201 — 202. Tagebuch говоритъ здѣсь, между прочимъ, что Бибиковъ и Голицынъ были «die besten Freunde.»

ротъ. Ему предстояло уже бороться не съ гарнизонными начальниками, а съ опытными генералами. Онъ видѣлъ, что для борьбы должны быть силы равныя, у него же недостаетъ хорошихъ полководцевъ, чтобы вести правильную войну. Въ этомъ ему могли быть полезны иностранцы, и потому онъ при случаѣ желалъ ихъ задобрить, чтобъ тѣмъ привлечь въ свое войско людей, знающихъ военное дѣло не по правиламъ азіятской тактики, а знакомыхъ съ европейскими пріемами войны. Оттого онъ былъ такъ ласковъ со всѣми попадавшимися къ нему иностранцами [1]). Вскорѣ по пріѣздѣ Бибикова въ Казань, самозванецъ захватилъ значительную партію поляковъ, слѣдовавшихъ изъ Сибири, въ надеждѣ, что между ними онъ найдетъ иностранныхъ офицеровъ. Но когда между ними не оказалось ни одного француза, которыхъ ему преимущественно хотѣлось залучить къ себѣ, то онъ и отпустилъ на свободу весь этотъ транспортъ конфедератовъ [2]). Впрочемъ, извѣстно, что въ его лагерѣ впослѣдствіи находился Пулавскій [3]). О присутствіи въ войскѣ самозванца поляковъ и о вліяніи ихъ на него мы скажемъ послѣ.

Какъ бы то ни было, но когда правительство узнало, что Пугачовъ ищетъ случая пріобрѣсти себѣ помощниковъ въ французскихъ инженерахъ, то велѣло всѣхъ находившихся въ Казани плѣнныхъ французовъ выслать немедленно въ Москву [4]).

---

[1]) Bemerkungen, 229.

[2]) Tagebuch, 202.

[3]) Ferrand, Hist. des trois démembrem. de la Pologne.

[4]) Авторъ Tagebuch'a прямо говоритъ: «*мнѣ сказывалъ объ этомъ*

Такъ какъ сила Пугачова основывалась на проповѣдываемой имъ свободѣ всего крѣпостнаго населенія Россіи и на истребленіи дворянства, то Бибиковъ понялъ, что этой силѣ надо противопоставить другую, по возможности равносильную. Надо было поднять упавшій духъ дворянства и тѣхъ сословій, которымъ если не вполнѣ хорошо, то хоть сносно жилось при существовавшихъ порядкахъ. Мы не станемъ повторять того, что уже всѣмъ извѣстно изъ Пушкина объ этой дѣятельности Бибикова. По русскимъ свѣдѣніямъ неизвѣстно, какія силы выставило казанское дворянство вслѣдствіе призыва Бибикова. Но иностранецъ-очевидецъ говоритъ, что казанцы, увлеченные Бибиковымъ и милостивыми словами императрицы, вооружили на свой счетъ 6,000 человѣкъ, купцы 3,000, и 3,000 воиновъ поставили казанскіе татары. Обратились и къ полякамъ, число которыхъ сильно возросло въ Казани. Французъ-очевидецъ съ видимымъ презрѣніемъ говоритъ, что большая часть поляковъ были «ослѣплены» деньгами, которыя имъ предлагали. Имъ дали 100 рублей, и они образовали изъ себя отрядъ улановъ. Горнозаводскіе владѣльцы также обѣщали поставить отъ 6 до 7 тысячъ человѣкъ. Всѣ дворяне облеклись въ военные мундиры, чтобъ командовать своими отрядами, которые состояли изъ улановъ, гусаръ, драгуновъ, егерей и стрѣлковъ. Каждый отрядъ отличался чѣмъ-либо отъ другаго и каждый имѣлъ свою форму.

генералъ-аншефъ фонъ-Брантъ» («sagte mir der General-en-chef von Brand»). Tageb. 202.

Въ цѣлой Казани ничего не было видно, кромѣ этихъ новыхъ солдатъ. Въ отношеніи къ полякамъ, говоритъ самовидецъ, допущено было небольшое лукавство [1]): нѣсколько времени спустя, полученъ былъ указъ сената, повелѣвавшій, чтобы всѣ безъ различія поляки, благороднаго и простаго званія, были обращены въ солдаты [2]).

Но военныя дѣйствія Бибикова начались не скоро. Даже этотъ энергическій человѣкъ медлилъ въ то ужасное время, когда, кажется, на всю Россію напалъ какой-то непонятный столбнякъ. Все какъ-то не клеилось даже въ рукахъ умныхъ людей. Только конецъ марта 1774 года ознаменованъ былъ первою и дѣйствительною побѣдою надъ мятежниками.

VII.

Между тѣмъ, что же дѣлалось въ остальной Россіи? Въ то время, когда карта владѣній Пугачова расширялась все болѣе и болѣе, когда онъ уже господствовалъ самовластно на пространствѣ десятковъ тысячъ квадратныхъ верстъ, повелѣвалъ разными народами, какъ настоящій государь, издавалъ указы и манифесты и такъ сказать новые летучіе законы, слагалъ съ народа подати, сбавлялъ цѣну на соль (это послѣднее распоряженіе сильно возвысило его популярность), лилъ пушки, чеканилъ монету съ своимъ

[1]) «ein wenig Hinterlist».
[2]) Tagebuch, 203 — 205.

изображеніемъ, велѣлъ провозглашать свое имя на эктеніяхъ по церквамъ своихъ новоприобрѣтенныхъ владѣній и читать свои грозные манифесты съ громкимъ титуломъ — «Божіею милостію мы, Петръ третій, императоръ и самодержецъ всероссійскій» и проч., и проч., и пр., — въ остальной половинѣ Россіи, по церквамъ, площадямъ и базарамъ читались другіе манифесты и объявленія, въ которыхъ повелѣвалось не вѣрить самозванцу, а стараться поймать его, а равно ловить всѣхъ подозрительныхъ людей съ «вредными письмами». Мало того: назначена была награда въ 1,000 рублей тому, кто поймаетъ Пугачова и представитъ по начальству [1]). Такъ дешево сначала оцѣнили эту голову, которая стоила Россіи нѣсколькихъ сотъ милліоновъ! То была пора какого-то страннаго ослѣпленія, какихъ-то неизъяснимыхъ недоразумѣній со всѣхъ сторонъ. Тутъ дѣйствительно казалось, что началось разложеніе государственнаго тѣла. Въ самое средоточіе верховной власти, въ Петербургъ, во дворецъ пробиралась какая-то таинственная сила, которая издѣвалась надъ этою властью. И какъ бы въ подтвержденіе этого и въ подкрѣпленіе и безъ того чудовищныхъ слуховъ, сенатъ публикуетъ, что кто-то «неизвѣстный человѣкъ принялъ на себя таковую дерзость, что во дворцѣ ея императорскаго величества осмѣлился оставить письмо», которое было такого содержанія, что сожжено рукою палача [2]). Такъ всегда

---

[1]) *О Пугачовѣ* (главное царицын. архивн. дѣло), л. 30, 39.

[2]) Полн. Собр. Закон., XIX, 14,100.

бываетъ въ минуты общаго несчастья, что все теряетъ голову, и даже у умныхъ людей точно притупляется разсудокъ, и у сильныхъ въ изнеможеніи опускаются руки. Сенатъ по какому-то странному, непостижимому затменію самъ подрываетъ авторитетъ власти, которая его создала! Военная коллегія забываетъ географію своей страны, путается и извращаетъ названія рѣкъ своего государства!

Но если отъ подметныхъ писемъ не могъ избавиться даже дворецъ императрицы, то во всей остальной Россіи эта страшная литература вновь образовавшагося на востокѣ демагогическаго государства держала народъ въ постоянной агитаціи, а мѣстныя власти въ безпрестанной тревогѣ. Но и въ отношеніи къ этой зажигательной литературѣ правительство поступало какъ-то слишкомъ опрометчиво: народу постоянно толковали, чтобъ онъ перехватывалъ подметныя письма. Даже Бибиковъ разослалъ по всему поволжью ордеры о томъ, чтобъ эти письма задерживать и публично жечь на площадяхъ чрезъ палачей и профосовъ, а копіи съ нихъ присылать къ нему и въ военную коллегію. Понятно, что это сожженіе писемъ возбуждало лихорадочное любопытство и страхъ въ народѣ, и церемоніи сожженія этихъ летучихъ листковъ придавали имъ еще большую популярность. Этого мало: разосланы были по всей Россіи печатныя объявленія, которыми народъ призывали къ истребленію и сожженію «сихъ измѣнническихъ ядомъ наполненныхъ писемъ» [1]).

---

[1]) *О Пугачовѣ* (главн. цариц. архив. дѣло), л. 53, 55.

Съ сѣвера мятежъ перекинулся почти на самый югъ Россіи. Пользуясь смутами, киргизъ-кайсаки, кочевавшіе за Волгой, въ Астраханской губерніи, въ предѣлахъ бывшей Золотой Орды, съ луговой стороны Волги переправились на нагорную. Въ числѣ полуторы тысячи человѣкъ они по льду перешли Волгу въ 30-ти верстахъ выше Дубовки и напали на владѣнія волжскаго войска. Старшина войска и депутатъ Терсковъ едва пробились сквозь эту орду, которая аттаковала форпосты, взяла нѣкоторые изъ нихъ, захватила плѣнныхъ, угнала скотъ, лошадей. Хотя нѣкоторые форпосты и отстрѣлпвались, но они не спасли хуторовъ волжскаго войска. Послѣ грабежа, киргизы опять перебрались черезъ Волгу по льду и ушли въ степь. Между тѣмъ военныя силы, которыя могли защищать этотъ край, военная коллегія вытребовала на сѣверъ, къ Казани и Оренбургу. Отъ донскаго войска посланъ былъ къ Самарѣ, для соединенія съ генераломъ Мансуровымъ, знаменитый донской полковникъ Илья Денисовъ, который съ трудомъ могъ собрать отрядъ въ 500 человѣкъ изъ отставныхъ казаковъ и «выростковъ». Но идти было не съ чѣмъ, и донская войсковая канцелярія просила Цыплетева снабдить отрядъ Денисова провіантомъ, свинцемъ и порохомъ. Какъ жалки были военныя средства, видно изъ того, что отправлявшимся противъ самозванца донцамъ велѣно было выдать только по фунту пороху и по два фунта свинцу на пули. Между тѣмъ Денисовъ не зналъ удобнѣйшаго пути въ Самару, и Цыплетевъ долженъ былъ

дать ему инструкцію, какъ слѣдовать «прямѣйшимъ трактомъ» [1]).

Около Оренбурга и Казани положеніе дѣлъ не улучшалось. Власти начали уже сомнѣваться, дѣйствительно ли они имѣютъ дѣло съ простымъ казакомъ, какъ ихъ увѣряли другіе и въ чемъ онѣ старались увѣрить и себя, и другихъ. Французъ-конфедератъ приводитъ въ своемъ дневникѣ письмо, полученное въ Казани отъ оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа однимъ изъ друзей этаго генерала, уже давно томившагося въ осадѣ, письмо, обращающее на себя вниманіе. Рейнсдорпъ писалъ: «что бы тамъ ни говорили о главѣ мятежниковъ, вы не думайте, что этотъ человѣкъ — простой казакъ, а если онъ и въ самомъ дѣлѣ казакъ, то или самъ онъ обладаетъ большими познаніями, или имѣетъ около себя людей съ замѣчательнымъ умомъ. Баттареи, которыя онъ возводилъ противъ меня, устроены съ полнымъ знаніемъ дѣла, и крѣпостные верки, которые онъ поставилъ для защиты своего лагеря, а равно его траншеи, сооруженныя противъ меня, *самъ Вобанъ не могъ бы лучше устроить*. Я самъ осматривалъ и вполнѣ оцѣнилъ эти работы послѣ его отступленія въ лагерь, который онъ построилъ на казанской дорогѣ» [2]).

---

[1]) *О Пугачовѣ* (главн. царицын. арх. дѣло), л. 51, 57, 58.

[2]) Вотъ это любопытное письмо: «Ungeachtet alles dessen, was von dem Oberhaupte der Rebellen gesagt wird, glauben sie ja nicht, dass dieser Mensch ein bloser Kozak sey, und wenn er es ist, so hat er entweder selbst gute Kenntnisse, oder er hat Leute von grossen Einsichten bey sich. Die Batterien, die er wider mich hat aufwerfen lassen, sind vollkommen gut angelegt, und die Befestigungswerke, die er zur Vertheidigung seines Lagers

Еще больше говоритъ въ пользу политическаго и военнаго такта самозванца слѣдующее свидѣтельство очевидцевъ: «Всѣ распоряженія Пугачова основаны на правилахъ военнаго искусства (auf die Regeln der Kriegskunst) и исполняются по этимъ правиламъ. Его войска преданы ему и хорошо дисциплинированы и никогда не выходятъ изъ лагеря, не получивъ отъ него на то приказанія. Онъ высылаетъ различныя толпы, состоящія изъ татаръ и другихъ народовъ, для изслѣдованія мѣстности, для приготовленія запасовъ продовольствія и для привлеченія народа на свою сторону. Но онъ приказываетъ щедро оплачивать все, что пріобрѣтается для его лагеря; и каждый изъ его людей получаетъ жалованье по 4 руб. въ мѣсяцъ, тогда какъ русскій солдатъ получаетъ полтора рубля въ 4 мѣсяца» [1]), т. е. въ десять разъ меньше.

Французъ-очевидецъ говоритъ, что когда онъ, въ февралѣ 1774 года, выѣхалъ изъ Казани въ Москву и проѣзжалъ мимо черемисскихъ деревень, черемисы все спрашивали его, и онъ могъ только понять, что спрашивали все о Пугачовѣ. На всѣ вопросы онъ отвѣчалъ имъ *да* и продолжалъ удаляться отъ этихъ опасныхъ мѣстъ.

---

aufgeführet hat, imgleichen seine Laufgräben, um mich anzugreifen, hätten selbst von dem Herrn von Vauban nicht besser angeordnet seyn können. Ich habe diese Werke nach seinem Zurückzuge in sein Lager, das er auf dem Wege nach Kasan angelegt hatte, untersuchet und zu Grunde gerichtet. Diesen Augenblick der Ruhe machte ich mir zu Nutze, um mich mit neuen Vorrath zu versehen und die Anstalten zu einer nachdrücklichen Gegenwehr zu machen» (Tagebuch, 206—207).

[1]) Tagebuch, 207—208.

Но и въ Москвѣ было не лучше. Всѣмъ населеніемъ этой древней столицы овладѣло, какъ говоритъ очевидецъ, какое-то головокруженіе [1]). Въ городѣ публично говорили *въ пользу* мнимаго Петра III. Вся Москва была въ постоянномъ волненіи, и хотя во всѣхъ частяхъ города наказывали кнутомъ [2]), однако, это жестокое наказаніе никого не останавливало. По всѣмъ закоулкамъ раздавались голоса: «живъ Петръ Ѳедоровичъ!» Казалось, должно было послѣдовать всеобщее возстаніе. Люди графа Толстаго были отданы имъ, изъ боязни, въ полицію; но и подъ кнутомъ кричали: «живъ Петръ Ѳедоровичъ!» Чтобы усмирить эти отчаянныя головы и потушить пламя, которое все больше разливалось и угрожало общимъ пожаромъ, велѣно было распространить по городу извѣстіе, что самозванецъ разбитъ. Это уже самая отчаянная выдумка, къ какой только могъ прибѣгнуть совершенно растерявшій человѣкъ! Извѣстіе не подтвердилось, и авторитетъ власти падалъ все ниже и ниже. Наконецъ, велѣно было на почтѣ вскрывать всѣ письма, и которыя казались сомнительнаго содержанія — утаивать. Мало того, отъ всѣхъ домовладѣльцевъ отобрали письменную присягу на вѣрность. Но ничто не помогало. 6-го марта, часамъ къ 6-ти вечера, вся Москва огласилась общимъ крикомъ: «живъ Петръ Третій!» — и этотъ крикъ, вмѣстѣ съ именемъ Пугачова, раздался во всѣхъ частяхъ города. Нельзя было не предвидѣть,

---

[1]) «ein gewisser Schwindel» (Tageb. 213).

[2]) «die Knut gegeben wurde».

что будетъ плохо и дѣло кончится бунтомъ. Все бросилось бѣжать изъ города. Каждый искалъ только собственнаго спасенія. Твердость князя Волконскаго съ трудомъ остановила бурю [1]).

Только по подлиннымъ архивнымъ дѣламъ, живымъ свидѣтелямъ этого страшнаго времени, можно судить, въ какомъ отчаянномъ положеніи находилось государство и какъ все растерялось, отчаянно хватаясь за всѣ средства; и средства оказывались жалкими непримѣнимыми, необдуманными, поздними. Лихорадочно писанные рапорты, ордеры и промеморіи краснорѣчивѣе всего говорятъ объ общей паникѣ и общей безнадежности. Такъ и видно, что все потеряло голову и лишь въ отчаяніи металось изъ стороны въ сторону.

Военная коллегія вздумала чинить крѣпости зимой! Посланы были распоряженія объ исправленіи самыхъ отдаленныхъ отъ центра мятежа крѣпостей — въ Астрахани, Енотаевскѣ, Черномъ-Яру, въ Кизлярѣ, Царицынѣ, и всѣхъ крѣпостей на южной или царицынской военной линіи. Но исправлять было некому; рабочихъ силъ не хватало [2]). Военная же коллегія, именемъ своего вице-президента знаменитаго графа Захара Григорьевича Чернышева, требовала вѣстей о томъ, что дѣлается въ Оренбургѣ и на Уралѣ черезъ Царицынъ; — и Цыплетевъ долженъ былъ посылать людей развѣдывать объ оренбургскихъ дѣлахъ, чтобъ

---

[1]) Tagebuch, 223 — 224.

[2]) *Общій нарядъ* архивныхъ дѣлъ о Пугачовѣ (въ Цариц.), л. 287.

сообщить въ Петербургъ [1]). Когда мятежъ перекинулся въ сибирскія провинціи, то въ Тобольскѣ и другихъ сибирскихъ крѣпостяхъ не оказалось боевыхъ снарядовъ, и военная коллегія велѣла взять ихъ изъ Ростова на Дону и Астрахани [2])! Спрашивается, какимъ путемъ можно было требуемыя вещи доставить въ Тобольскъ, и скоро ли онѣ могли поспѣть туда изъ Ростова и Астрахани? Но этого некогда было сообразить, а отчаяніе вынуждало, во что бы то ни стало, дѣйствовать.

Да и было отчего растеряться. Вспыхнулъ бунтъ въ Гурьевѣ, отдѣленномъ отъ правительственныхъ войскъ безконечными степями, по которымъ разъѣзжали толпы киргизъ-кайсаковъ. Нужно было спасти этотъ городъ, и туда командированы были отряды изъ Астрахани. Кандауровъ повелъ 3-ю легкую полевую команду, съ артиллеріею, захвативъ часть отрядовъ изъ Краснаго-Яра. Велѣно было также взять часть команды и у фонъ-Дица; но потомъ это распоряженіе было отмѣнено и приказано взять съ царицынской линіи 200 калмыковъ [3]). Киргизъ-кайсаки, кабарда и крымскіе татары начали непріязненныя дѣйствія и наступали на Россію. Крымскій ханъ двинулся къ Дону и началъ опустошенія. Нурали-ханъ, предводительствуя киргизъ-кайсаками, подвигался съ весьма угрожающими намѣреніями къ населеннымъ мѣстамъ, и противъ него командировали Дундукова и Куткина. Походные есаулы

---

[1]) *Общій наряда* архив. дѣлъ о Пугач., л. 2.

[2]) Тамъ же, л. 106.

[3]) Тамъ же, л. 119, 100.

Бирюковъ и Тушкановъ пригрыли Камышинъ. Но все это были жалкія, ничтожныя средства. На форпостахъ почти никого не оставалось: такъ на Пичуженскомъ форпостѣ было только 6 человѣкъ, на Пролейскомъ столько же, — и съ этими силами думали защищать край! Не говоря уже о киргизъ-кайсакахъ, вновь появились разбойники, «понизовая вольница», о которой слухи было-замолкли, — и это было зимой, когда «понизовая вольница» въ другое время рѣдко выходила изъ своихъ зимнихъ становъ на промыселъ. Дѣла въ Кабардѣ, на Кубани и вообще на турецкой границѣ, по донесеніямъ князя Черкасскаго, принимали болѣе грозный видъ: ожидали движенія непріятеля внутрь Россіи, и донскому и волжскому войскамъ велѣно было находиться въ готовности. Надо было защищать военную линію отъ Дона до Царицына, и на нее, для разъѣздовъ, за неимѣніемъ регулярнаго войска, командировали пятисотенный отрядъ калмыковъ Дербетевыхъ Улусовъ. Фонъ-Дицу также велѣно было выѣхать на линію. Противъ движеній кабарды, разныхъ черкесскихъ народностей и турокъ командированъ былъ Демедемъ къ Кизляру. Дундуковъ, который былъ отряженъ противъ киргизъ-кайсаковъ, вызванъ туда же съ донскими казаками и 300 калмыками при двухъ зайсангахъ. Вся степь отъ Кизляра до царицынской линіи была открыта, и непріятель могъ свободно ворваться въ Россію. Демедемъ съ своей стороны командировалъ къ Моздоку Криденера, который отправилъ впередъ фуражъ, вьючныхъ лошадей и прочія тяжести съ донскими и яицкими старшинами, — транспортъ и

старшины пропали безъ вѣсти! Заподозрѣны были, наконецъ, даже калмыки Дербетевыхъ Улусовъ, всегда вѣрные; и астраханскій губернаторъ Кречетниковъ велѣлъ секретно разузнать о намѣреніяхъ ихъ владѣльца Цендена [1]). Въ Царицынѣ стали опасаться возмущенія плѣнныхъ турокъ, которыхъ тамъ было, какъ мы сказали выше, болѣе 900 человѣкъ, и потому ихъ принуждены были отправить въ Воронежъ [2]).

Странный видъ представляла въ то время Россія, и это видимо бросалось въ глаза иностранцамъ. Все облеклось въ трауръ. Спасенья ждать было не откуда: главныя военныя силы все еще были слишкомъ далеко: онѣ были въ Турціи [3]).

---

[1]) О сомнительномъ поведеніи калмыковъ прежде всего сообщилъ знаменитый академикъ *Палласъ*, который въ это время находился между калмыками, занимаясь своими учеными изслѣдованіями. Въ февралѣ онъ былъ въ Царицынѣ и оттуда отправилъ въ степь свои вещи и принадлежности ученыхъ работъ. Потомъ, изъ улусовъ уже, онъ прислалъ въ Астрахань одного студента съ извѣстіемъ, что калмыки замышляютъ что-то недоброе и, по всей вѣроятности, хотятъ предаться кабардинцамъ (*Общій нарядъ* арх. дѣлъ о Пугачовѣ, л. 39, 293, 294). Впрочемъ, можетъ быть, Палласу только показалось, что калмыки думаютъ измѣнить. Палласъ уже не первый разъ ошибается и дѣлаетъ фальшивыя тревоги: изъ архивнаго царицынскаго дѣла видно, что еще въ Ноябрѣ 1773 года, Палласъ, находясь въ нижнемъ поволжьѣ, по порученію академіи наукъ, распустилъ слухъ, что Пугачовъ перешелъ Волгу и уже подходитъ къ Саратову. Почтенный академикъ перетревожилъ всѣхъ напрасно. Послали тотчасъ нарочныхъ въ Камышинъ, потомъ въ Саратовъ, и оказалось, что Пугачовъ около Оренбурга (Тамъ же, л. 527, 528).

[2]) Тамъ же, л. 3, 4, 20, 26, 28, 31, 35, 36, 45, 85, 145, 94, 100, 119, 162, 215, 182, 188, 253, 257, 260, 275, 274, 69.

[3]) Bemerkungen, 186.

VIII.

При такомъ положеніи дѣлъ, первая, дѣйствительная побѣда князя Голицына надъ Пугачовымъ подъ Татищевской крѣпостью, одержанная 22 марта, была очень кстати. Вѣсть объ этой побѣдѣ такъ же быстро разнеслась по всей Россіи, какъ быстро разносились вѣсти о первыхъ пораженіяхъ войскъ императрицы. Думали, что между убитыми найдутъ трупъ самого Пугачова. Но трупа этого не нашли, хотя вполнѣ были убѣждены, что, послѣ такого полнаго пораженія, онъ будетъ искать спасенія въ бѣгствѣ, и потому велѣно было перерѣзать всѣ пути къ отступленію изъ Россіи. Отъ Астрахани, вдоль всей Волги, велѣно было усилить караулы и разъѣзды, чтобы самозванецъ не пробрался на Донъ и въ кубанскую сторону; а чтобы онъ не нашелъ выхода черезъ Гурьевъ въ Каспійское море, для соединенія съ трухменцами и турками, велѣно было учредить сторожевые пункты отъ Гурьева вдоль морскаго берега и разъѣзжать по морю въ лодкахъ для рекогносцировокъ [1]).

За первой побѣдой слѣдовали еще другія, нѣсколько менѣе значительныя пораженія Пугачова. Съ Оренбурга и Яицкаго-Городка, жители которыхъ доведены были продолжительной блокадой до крайняго изнеможенія [2]), снята, наконецъ, осада. Имя полков-

---

[1]) *О Пугачовѣ* (главное архив. дѣло) л. 61—63, 72, 77.

[2]) Въ Оренбургѣ, къ концу осады, ржаная мука продавалась по 100 рублей пудъ. Осажденные ѣли кошекъ, собакъ, падаль. Когда же и этого не стало, то употребляли въ пищу глину, голубиный калъ и пр.

ника Михельсона начало повторяться чаще и чаще. Счастье, казалось, улыбнулось Россіи. Но этотъ роздыхъ былъ не надолго. 9-го апрѣля умеръ Бибиковъ, за которымъ какъ будто слѣдовало стастье, а съ его смертью счастье опять надолго оставило русскія войска. Потерю эту слишкомъ сильно чувствовала Россія.

Но не станемъ повторять утомительныхъ подробностей о неудачахъ и удачахъ русскихъ войскъ, объ этой безполезной гонкѣ за самозванцемъ, который, послѣ всякаго пораженія, усиливался вдвое. Борьба съ нимъ напоминала борьбу сказочнаго богатыря съ многоглавымъ зміемъ-дракономъ, у котораго вмѣсто одной отрубленной головы выростало двѣ, три, десять и еще болѣе свирѣпыхъ головъ. Но все это извѣстно изъ Пушкина и Щебальскаго.—Наконецъ, взята была Казань. Пушкинъ говоритъ, между прочимъ, что при осадѣ этого города былъ убитъ Каницъ, директоръ тамошней гимназіи. Пушкинъ, какъ видно изъ этого, при составленіи своего труда, опустилъ изъ виду даже многіе, вполнѣ доступные источники о томъ времени. А потому въ его трудѣ есть крупныя ошибки. Такая ошибка допущена имъ и относительно смерти Каница. Въ публичной библіотекѣ хранится печатная рѣчь, сказанная Каницемъ по поводу освобожденія Казани отъ Пугачова [1]).

---

[1]) Rede, welche in einer publiken Versammlung, bey denen Kasanischen Gymnasien nach Wiederherstellung der öffentlichen Ruhe 1775 gehalten wurde. Gedruckt bey der Kaiserlichen Moskowischen Universität (Julius von Canitz, Hoffrath und Director der Gymnasien zu Kasan), in 4°.— Разсказывая объ ужасахъ недавняго времени, Каницъ заключилъ свою

Наконецъ, самозванецъ перешелъ на правый берегъ Волги. «Москва съ ужасомъ ожидала его. Не возможно было удержаться отъ стона, говоритъ самовидецъ, при видѣ, какъ раздирались внутренности страны; а между тѣмъ тѣ, которые должны были защищать ее, въ чужой странѣ распѣвали хвалебные гимны и побѣдныя пѣсни» [1]). Но Пугачовъ повернулъ на югъ и бурей пронесся по всему правому поволжью. Самовидцы разсказываютъ страшные ужасы объ этихъ, такъ сказать, предсмертныхъ судорогахъ мятежа [2]).

Какъ на замѣчательный для насъ фактъ, приводимый иностранцами, мы должны указать на то, что Пугачовъ щадилъ подданныхъ другихъ государствъ, которые попадались къ нему въ руки. При всей своей жестокости, говоритъ авторъ современныхъ замѣтокъ о Россіи, Пугачовъ отдалъ приказъ, безъ сомнѣнія *изъ политическихъ разсчетовъ*, чтобы всѣмъ иностранцамъ, которые не состоятъ въ русской службѣ, даруема была жизнь, и чтобы съ ними обходились очень ласково (glimpflich). Одинъ шведъ, бывшій учителемъ въ семействѣ извѣстнаго писателя Сумарокова, спасаясь отъ самозванца, былъ схваченъ его людьми, и когда Пугачовъ узналъ о его не-русскомъ происхожденіи, то обратился къ нему съ привѣтливостью и не только предложилъ взять его самого и его жену подъ свое покровительство, но приказалъ особенно угостить его.

рѣчь словами: «но эти ужасы миновались навѣки» (sie sind vorüber, auf ewig vorüber!)

[1]) Bemerkungen, 187.

[2]) Тамъ же, 179, 181 — 183, 187, 195 — 197.

Вообще, онъ обошелся съ ними милостиво (mit Höflichkeit, какъ говоритъ иностранецъ), пригласилъ къ своему столу, затѣмъ взялъ съ собою и увѣрялъ, что ужъ давно отдалъ приказаніе не причинять никакого зла ни одному иностранцу [1]). Иногда поляки останавливали атамановъ отъ жестокостей. Такъ у помѣщика Шилова жилъ одинъ чехъ, котораго атаманъ велѣлъ повѣсить. У несчастнаго уже была веревка на шеѣ. Въ это время, говоритъ самовидецъ, прискакалъ полякъ, любимецъ Пугачова. «Остановись, крикалъ онъ, по выговору этого человѣка, котораго ты хочешь повѣсить, я замѣчаю, что онъ мой соотечественникъ» (онъ былъ чехъ, какъ послѣ оказалось). «Счастье его, сказалъ атаманъ, но если бы онъ былъ даже святой, я повѣсилъ бы его, если бы ты не вступился за него» [2]).

Пугачовъ шелъ не останавливаясь, уничтожая одинъ городъ за другимъ. На архивныхъ дѣлахъ тѣхъ городовъ, которые ожидали прихода бури, лежитъ уже отпечатокъ какого-то крайняго, невыразимаго смятенія. Точно всѣ помѣшались отъ ужаса, да и было чего помѣшаться. Коменданты и воеводы городовъ, которые не сегодня, такъ завтра должна постигнуть гибель, не только осуждены ждать этой гибели, но обязаны извѣстить и сосѣднихъ комендантовъ и воеводъ о томъ же; получаемыя въ канцеляріяхъ бумаги помѣчаются видимо на-скоро, дрожащею рукою, и на-

---

[1]) Bemerkungen, 229.

[2]) Bemerkungen, 231—232.

скоро, лихорадочно пишутся распоряженія и сообщенія. Писать некому. Подъ гонцами пристаютъ лошади. Пакеты пропадаютъ безъ вѣсти вмѣстѣ съ гонцами. Посланные изъ низовыхъ городовъ нарочные къ Казани узнать, что тамъ дѣлается, увидѣли издали пламя, стоявшее надъ этимъ городомъ, а между тѣмъ по Волгѣ уже тянутся караваны судовъ съ толпами Пугачова, а на этихъ судахъ, на мачтахъ, качаются мертвыя тѣла повѣшенныхъ. Но готовиться къ смерти или къ оборонѣ все же надо было, во что̀ бы то ни стало: за неимѣніемъ оружія, по городамъ Пензенской и Саратовской губерніи велѣно было запастись рогатинами, топорами, косами; косы и топоры велѣно было насаживать на шесты, но и этого некому было сдѣлать. Жалкіе остатки командъ, какія находились за Волгой, призывались на нагорную сторону. Въ волжскомъ войскѣ никого не осталось—одни старики, женщины и дѣти. Беззащитные станичные старшины просятъ прислать имъ хоть людей, которые могли бы стрѣлять изъ имѣющихся въ войскѣ 4 пушекъ; просятъ пороху и свинцу; мало того, просятъ прислать имъ хоть донскихъ казаковъ, которые защитили бы ихъ войско отъ неминуемой гибели. Власти опасались за спокойствіе на Дону. Между донцами явилось сомнѣніе, не въ самомъ ли дѣлѣ это царь [1]).

Уѣздные города опустѣли совсѣмъ. Еще когда Пугачевъ былъ далеко, коменданты и воеводы пугали одинъ другаго извѣщеніями о «разливающемся ядѣ»,

---

[1]) *О Пугачовѣ* (главное архив. цариц. дѣло), л. 134.

или объ угрожающемъ имъ «крайнемъ бѣдствѣ». Но съ приближеніемъ самозванца и они замолчали. Чтобы судить, въ какомъ жалкомъ видѣ находились эти города при приближеніи Пугачова, взглянемъ хоть на Петровскъ, лежащій по дорогѣ къ Саратову. Оторопѣвшій воевода куда-то скрылся. Такъ они скрывались и по другимъ городамъ. А когда исчезали власти, бразды правленія брали въ свои руки, кто хотѣлъ. Саратовской губерніей, которая тогда составляла часть Астраханской, de facto распоряжался поэтъ Державинъ; губернаторъ же Кречетниковъ, собираясь ѣхать изъ Астрахани спасать Саратовъ, приказываетъ готовить для себя по 50 лошадей на каждой станціи, тогда какъ лошадей не хватало даже на посылку самонужнѣйшихъ депешъ. Державинъ пишетъ въ Петровскъ, что если городъ «отъ неизвѣстнаго злодѣя состоитъ въ опасности, то ежели никакихъ средствъ не имѣетъ защищаться, то бъ находящуюся въ немъ казну, нужныя государственныя дѣла, а паче ружейные припасы» прислалъ въ Саратовъ; если же и этого нельзя сдѣлать, то чтобъ все потопили въ водѣ и «усердно ретировались» въ Саратовъ. Оказалось, что въ Петровскѣ «воинскихъ людей, кромѣ штатной команды, никого нѣтъ», а въ этой штатной командѣ было народу *«самое малое число»*, какъ доносили Державину, «и не болѣе десяти человѣкъ». Чѣмъ же было защищаться? Между тѣмъ жители защищаться не хотѣли, «оказывали противности», скрывались, буйствовали. Но это еще не все. Когда денежная казна и нужныя дѣла были собраны приказными служителями и сложены на

подводы, какой-то городовой сотникъ Сѣдовъ и «начальникъ всему къ возмущенію злу пахатный солдатъ Осипъ Бастриковъ съ товарищи» воспротивились везти казну и «самовластно съ городовой крѣпости подводы сбросили». Другіе кричали: «дѣла сбросить». Явился солдатъ съ ружьемъ и не пускалъ чиновниковъ изъ канцеляріи, грозя переколоть ихъ. Пока спорили между собой солдаты, сторожа и канцеляристы, Пугачовъ нагрянулъ, и тогда донесено было по начальству, что всѣ предосторожности были приняты, «но токмо уже за нашествіемъ того злодѣя на городъ Петровскъ, всего того исполнить было невозможно, и все имъ расхищено» [1]).

IX.

Саратовъ еще могъ спастись, но его погубили чиновники, споривше о томъ, кто старше: полковникъ, или дѣйствительный статскій совѣтникъ (бригадиръ); комендантъ крѣпости, или управляющій конторою иностранныхъ поселенцевъ, т. е. кому изъ нихъ защищать городъ — Бошняку, или Лодыжинскому. Державинъ также вмѣшался въ эти споры и принялъ сторону дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Храбрый Бошнякъ требовалъ отъ Лодыжинскаго людей, которые находились въ его распоряженіи, для устройства укрѣпленій и вала; Лодыжинскій не давалъ, говоря, что онъ генералъ и не долженъ повиноваться полковнику. Эти

[1]) Архивныя дѣла г. Петровска (*О взятіи* этого города).

любопытныя, хотя, тѣмъ не менѣе, возмутительныя пререканія изъ-за чиновъ, сохранились въ саратовскихъ архивахъ по настоящее время [1]).

Мы имѣемъ записки саратовскаго старожила Никитина 2-го, въ которыхъ взятіе самозванцемъ Саратова описывается иначе, чѣмъ оно разсказано у Пушкина.

Не смотря на упрямство Лодыжинскаго, Бошнякъ все еще надѣялся защитить городъ. Напрасно онъ звалъ къ себѣ на помощь изъ Царицына фонъ-Дица съ легкою полевою командою [2]): Пугачовъ былъ уже слишкомъ близко. Надо было защищаться собственными средствами. Въ Саратовѣ было страшное волненіе. Всѣ начали прятать цѣнныя имущества, зарывать въ землю и искать спасенія въ бѣгствѣ. Большая часть дворянъ уѣхали; иные рѣшились умереть. Бошнякъ отдалъ приказъ, чтобы всѣ, кто въ состояніи носить оружіе, явились въ комендантскій дворъ. Народъ не слушался. Явившихся снабжали алебардами и копьями и составили, такимъ образомъ, отрядъ копьеносцевъ. Купцы и мѣщане сдѣлали на свой счетъ 120 желѣзныхъ копій [3]). Всѣ участвовали въ работахъ по укрѣпленію города, а потомъ вмѣсто отдыха шли учиться военнымъ пріемамъ.

Съ трехъ сторонъ городъ обнесли валомъ, поставили на немъ нѣсколько пушекъ на желѣзныхъ передкахъ, которые служили вмѣсто лафетовъ. Способныхъ

---

[1]) Архивныя дѣла саратов. конторы иностранныхъ поселенцевъ.

[2]) *Общій нарядъ* царицын. дѣлъ о Пугачовѣ, л. 558.

[3]) Архивныя дѣла саратов. магистрата.

носить оружіе — если только оно было — оказалось тысячъ 8, большею частію изъ обывателей. Сверхъ того былъ отрядъ и регулярнаго войска, пѣхотинцевъ, которыхъ жители называли «красноперыми», потому что они носили на киверахъ красныя перья. Чтобъ не дать народу упасть духомъ, въ городѣ были постоянные разводы и играла военная музыка.

Бошнякъ хотѣлъ предупредить Пугачова и рѣшился самъ напасть на него, встрѣтивъ за городомъ и заманивъ его въ засаду. Для этой цѣли онъ оставилъ на городскомъ валу до 3,000 человѣкъ, а съ остальнымъ войскомъ двинулся по петровской дорогѣ на встрѣчу самозванцу и скрылся въ лѣсу, окружавшемъ тогда городъ. Бошнякъ думалъ зайти Пугачову въ тылъ и ударить на него неожиданно. Оставшимся же въ городѣ онъ приказалъ ждать, пока не услышатъ пальбы. При первыхъ выстрѣлахъ, даже ночью, оставшіеся въ Саратовѣ отряды должны были идти на помощь къ коменданту, или ударить въ центръ непріятельскаго войска. Планъ былъ хорошъ; но не удалось ему исполниться. Пугачовъ былъ слишкомъ обстрѣленный полководецъ, чтобы идти на проломъ къ городу, гдѣ онъ ожидалъ встрѣтить сильный отпоръ. «Пугачъ видно умнѣе нашего командира былъ», говоритъ старикъ Калмыковъ, со словъ котораго Никитинъ записалъ разсказъ о нашествіи самозванца на Саратовъ. Отъ переметчиковъ Пугачовъ узналъ, гдѣ засѣлъ Бошнякъ, и, подойдя къ засадѣ, остановился верстахъ въ двухъ, показывая видъ, что идетъ прямо на него. Это было вечеромъ. Самозванецъ велѣлъ разложить въ

своемъ лагерѣ множество костровъ, желая показать этимъ, что остановится на ночевку и роздыхъ. Бошнякъ думалъ напасть на него къ утру, разсчитывая на самый крѣпкій сонъ въ эту пору. Но Пугачовъ ночью же покинулъ свой лагерь и зажженные костры, а самъ, своротивъ съ большой дороги влѣво, обошелъ городъ съ сѣвера и явился на горахъ, господствовавшихъ надъ окрестностью, на Каланчѣ и Соколовой. На этихъ горахъ расположилъ онъ свою артиллерію и на утро, т. е. 6 августа, началъ громить городъ. За растратою картечи, онъ стрѣлялъ мѣдными деньгами, какъ говоритъ преданіе.

Этимъ ловкимъ движеніемъ комендантъ былъ отрѣзанъ отъ города. Толпы Пугачова спустились съ горъ, безпрепятственно перешли Глѣбучевъ оврагъ, отдѣляющій городъ отъ этихъ горъ, и явились на такъ называемомъ «Пѣшемъ базарѣ». Овладѣвъ гостинымъ дворомъ, они укрѣпились въ немъ. Между тѣмъ, другія толпы явились съ Волги. По Волгѣ плыла цѣлая флотилія, плоты, разшивы, барки и рыбачьи лодки, наполненныя народомъ и награбленнымъ имуществомъ. Это былъ флотъ самозванца. «Московскимъ взвозомъ» мятежники вошли въ городъ и явились еще болѣе неожиданно, чѣмъ тѣ, которые пришли сухопутно. Работы Бошняка ни къ чему не послужили. Укрѣпленія его никого не спасли. Въ городѣ вспыхнулъ пожаръ отъ безпрестанной стрѣльбы изъ орудій. Народъ удалился за городъ, на берегъ Волги, къ такъ называемому теперь «Красному кресту». Ѣсть было нечего: питались дикими яблоками и полевымъ ягодами. Бош-

няка уже не было въ городѣ, онъ пробился сквозь ряды мятежниковъ и удалился въ Царицынъ. Оставленный народъ присоединился къ арміи Пугачова. Начался страшный грабежъ. Городъ еще не считался покорившимся и присягнувшимъ на вѣрность самозванцу.

Чтобъ спасти остатки города, народъ рѣшился итти къ самозванцу. Всѣ собрались въ думу. Совѣтъ состоялъ тысячъ изъ трехъ растерявшихся, измученныхъ, упавшихъ духомъ гражданъ. На совѣтѣ положили отдаться страшному побѣдителю.

Вся эта толпа потянулась на горы, къ палаткѣ самозванца. «Что это за люди и зачѣмъ пришли? спросилъ онъ у приближенныхъ. «Обыватели города Саратова пришли къ вашему величеству съ покорностью», отвѣчали ему.

— «Приведите ихъ къ присягѣ.»

За шатромъ самозванца находилось множество священниковъ, которые, однако-жъ, прибавляетъ самовидецъ, были «въ нетрезвомъ видѣ». Они безпрестанно приводили народъ къ присягѣ. Присягнувшихъ подвели ближе къ палаткѣ самозванца. «Я могъ хорошо разглядѣть его черные глаза», замѣчаетъ Калмыковъ.

Палатка была бѣлая, шелковая, съ разными золотыми украшеніями. Внутри ея было устроено небольшое возвышеніе, обитое алымъ бархатомъ съ золотою бахрамою. Украшенія были довольно привлекательны. На этомъ возвышеніи сидѣлъ самозванецъ. На немъ былъ фракъ и кортикъ. На головѣ казацкая шапка съ золотымъ крестомъ. Черезъ плечо перекинута голубая лента, а на правомъ плечѣ звѣзда. Въ

рукахъ самозванецъ держалъ зрительную трубку, въ которую по временамъ смотрѣлъ на городъ и на его окрестности. Свита его также была украшена крестами и медалями «на подобіе генераловъ», какъ замѣчаетъ очевидецъ.

Самозванецъ обратился тогда къ жителямъ Саратова съ рѣчью. (Онъ говорилъ нѣсколько хриплымъ голосомъ, какъ замѣтилъ Калмыловъ).

— «Я вашъ законный императоръ. Жена моя увлеклась на сторону дворянъ, и я поклялся передъ Богомъ истребить ихъ всѣхъ до единаго. Они склонили ее, чтобы всѣхъ васъ отдать имъ въ рабство; но я этому воспротивился, и они всѣ вознегодовали на меня, подослали убійцъ, но Богъ меня спасъ. Я скрылся въ воронежскихъ лѣсахъ, вышелъ оттуда для освобожденія отечества отъ враговъ и на защиту вольности, драгоцѣнной для всякаго русскаго. Ступайте, живите и наслаждайтесь ею. Помните, что у васъ есть императоръ, которому въ вѣрности вы дали клятву.»

Всѣ поклонились до земли и разбрелись въ разныя стороны.

Лагерь Пугачова былъ растянутъ вдоль горъ, а вдоль лагеря разставлены были пушки. Казацкая конница гарцовала въ разныхъ направленіяхъ, а пѣхота толпилась около кипѣвшихъ котловъ, въ которыхъ варилась пища. Въ станѣ господствовалъ страшный шумъ. Въ концѣ лагеря, на склонѣ горы къ Волгѣ, разставлены были висѣлицы и на нихъ качались трупы повѣшенныхъ, а вѣшали, вновь взятыхъ въ плѣнъ дворянъ потомъ же, вынимая изъ петли, обнажали и сбрасы-

вали подъ гору. На Волгѣ захватили партію бурлаковъ, слѣдовавшихъ съ караванами изъ Астрахани, и также осудили на смерть. Ихъ обвинили въ оскорбленіи величества. Всѣ 60 бурлаковъ были повѣшены.

Между тѣмъ городъ представлялъ ужасное зрѣлище. Казаки, солдаты, народъ и всякая смѣсь азіятцевъ въ неистовствѣ метались по улицамъ, грабили и убивали сопротивлявшихся. Мертвыхъ тѣлъ некому было убирать. Одна толпа особенно обратила на себя вниманіе Калмыкова. Ею предводительствовалъ огромнаго роста мужикъ, одѣтый въ золотую поповскую ризу, а на головѣ, вмѣсто шапки, «бабій волосникъ». Эта толпа шла на промыселъ. Такова была оргія разгулявшейся толпы, всѣхъ неистовствъ которой мы, впрочемъ, не намѣрены перечислять [1]).

Салмановъ, котораго Пугачовъ назначилъ начальникомъ Саратова или «главнымъ командиромъ», отдалъ приказъ, чтобы изъ города, особенно въ Царицынъ, никого не пропускали, потому что всѣ бросились внизъ по Волгѣ на судахъ и сухопутно, спасаясь въ Царицынъ. Лодыжинскій, покончивъ споры съ Бошнякомъ передъ самымъ приходомъ самозванца, снарядилъ судно, на которомъ отправилъ въ Царицынъ денежную казну, бумаги и прочее дорогое имущество. Но это судно, верстахъ въ 60 отъ Саратова, было аттаковано окрестными жителями; конвойнаго офицера Ушакова «немилостивно тирански» мучили, деньги и вещи раз-

[1]) Воспоминанія прошедшаго, Никитина 2-го (рукоп.).

грабили. Оставшіеся въ живыхъ принесли въ Саратовъ вѣсть о гибели судна.

Буйный саратовскій подъячій, подканцеляристъ Фирсовъ, увлекъ за собою толпу саратовской вольницы и, снарядивъ цѣлую флотилію изъ лодокъ, спустился по Волгѣ съ грабежемъ и разбосмъ. Особое судно было наполнено канцеляристами, спасавшимися изъ Саратова. Оно погибло, канцеляристы побиты.

Большая часть дѣлъ присутственныхъ мѣстъ, вытащенныхъ изъ архивовъ и канцелярій, брошены въ Волгу.

9-го августа, Пугачовъ оставилъ опустошенный Саратовъ и двинулся къ югу по астраханской дорогѣ. Конница и часть пѣхоты шла съ нимъ; другая часть посажена была на безобразную флотилію, которая тянулась по Волгѣ, оглашая ее пѣснями, ругательствами, убивая и топя въ Волгѣ-матушкѣ все подозрительное и сопротивляющееся.

Но и съ выступленіемъ Пугачова, Саратову не удалось вздохнуть. По пятамъ самозванца гнались правительственныя войска. Прибылъ Михельсонъ. «Тутъ началось новое дѣйствіе (говорится въ запискахъ Никитина), новый порядокъ, новые допросы, новыя казни.» Стали спрашивать жителей, кого они признаютъ, Екатерину или Петра, и если кто, по незнанію, говорилъ про послѣдняго, то тутъ же вѣшали. Жители совсѣмъ потеряли разсудокъ. Никто не зналъ, что отвѣчать. Вчера вѣшали за Екатерину, сегодня вѣшаютъ за Петра: завтра, говорили несчастные, можетъ быть, будутъ вѣшать за того и другаго. На вопросъ: «кого

признаете?» стали отвѣчать: «мы за того, за кого и вы». Не долго и Салманову привелось начальствовать надъ городомъ. Воевода Савельевъ вступилъ въ должность. Трупы убитыхъ еще не были убраны съ улицъ: — не до нихъ было жителямъ и начальству. Мертвецы лежали такимъ образомъ съ 6-го по 15-е августа. Только въ этотъ день воевода отдалъ приказъ: «въ городѣ и около Соколовой горы лежатъ поверженныя на земли мертвыя тѣла, убіенныя отъ государственнаго вора и измѣнника, разбойника Пугачова и его сообщниковъ, исключая убитыхъ того вора товарищей, которыя мертвыя тѣла вамъ (писалъ онъ бургомистру) чрезъ кого надлежитъ собрать и погребсти по христіанской должности, а пугачовыхъ сообщниковъ тѣла, яко не потребныхъ изверговъ, вытаща по земли за ноги за городъ, бросить въ отдаленности въ яму, прикрывъ, чтобъ не было отъ нихъ мерзкаго зловонія, землею; тѣхъ же злодѣевъ, повѣшенныхъ публично, отнюдь не касаться, а оставить ихъ на позоръ и наказаніе зараженнымъ и колеблющимся разумомъ отъ разсѣянныхъ злохитрымъ злодѣемъ плевелъ людямъ.» И за тѣмъ тѣла убитыхъ погребены съ честію, а «гнусные трупы изверговъ» привязаны были за лошадиные хвосты, вытащены за городъ, брошены въ буракъ и прикрыты землею [1]).

---

[1]) Архив. дѣла саратовск. магистрата.

X.

Пушкинъ и Щебальскій говорятъ, что, когда Пугачовъ взялъ Саратовъ, явились новые самозванцы, именно одинъ въ Пензенской губерніи «бѣглый холопъ,» другой разбойникъ Фирска. Но обратившись къ провинціальнымъ архивамъ, мы убѣдились, что буйства Фирски и «бѣглаго холопа» ничтожны въ сравненіи съ подвигами цѣлаго десятка болѣе буйныхъ головъ, какъ Фирска. Назовемъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ: Василій Ивановъ, Ѳедоръ Молотилинъ, Иванъ Ивановъ, Иванъ Вороновъ, Алексѣй Обрываловъ и другіе. Стоитъ только прослѣдить за подвигами этихъ пяти атамановъ, и передъ нами встанетъ живая картина того времени. Василій Ивановъ, отдѣливъ отъ себя партію подъ предводительствомъ Молотилина, отъ Саранска пошелъ степными селами, не подходя къ Волгѣ. Всѣ села, по которымъ онъ проходилъ, были ограблены. Выдѣленная имъ толпа, подъ предводительствомъ Молотилина, прошла грозою по селамъ Бахметевкѣ, Андреевкѣ, Симоновкѣ, Безобразовкѣ, черезъ Баландинскій Городокъ, Монастырщину, Рельню, Ѳедоровку, Шереметевку, Хоненевку, Белгазу, Лысыя горы, захвативъ, такимъ образомъ, уѣзды Петровскій, Пензенскій и Саратовскій. Все, что̀ ни попадалось ему, было разграблено, убито, повѣшено: тотъ «наглостно засѣченъ плетьми», другой «убитъ дубьемъ до смерти», тотъ «застрѣленъ изъ ружья», этотъ «повѣшенъ на воротахъ», «на кузницѣ», этотъ «заколотъ копьями»,

«повѣшенъ на деревѣ», «пришибленъ кистенемъ», «сожженъ за живо», «утопленъ», «заколотъ», а всего больше «повѣшенъ на воротахъ». Но Молотилинъ не долго свирѣпствовалъ. Въ Лысыхъ горахъ онъ встрѣтился съ своимъ прежнимъ повелителемъ, атаманомъ Ивановымъ, и этотъ послѣдній погубилъ свою креатуру. Разсердившись на Молотилина, Ивановъ отнялъ у него все имъ награбленное, сѣкъ плетьми и тамъ же въ Лысыхъ горахъ повѣсилъ. Присоединивъ къ себѣ его партію, Ивановъ вступилъ въ земли войска донскаго.

Другой Ивановъ, по имени Иванъ, прошелъ съ своимъ отрядомъ вдоль всей Медвѣдицы и уже около Етеревской станицы былъ встрѣченъ донскимъ полковникомъ, извѣстнымъ героемъ Луковкинымъ, и вернулся опять въ верхи Медвѣдицы, мстя на каждомъ селѣ свой неудачный походъ.

Вороновъ (саранскій купецъ) съ своей партіей прошелъ по уѣздамъ Саранскому, Симбирскому, Ломовскому, Пензенскому, Петровскому, Саратовскому. Артиллерія его состояла изъ 12-ти пушекъ.

Обрываловъ, бѣжавшій изъ партіи Молотилина, организовалъ самостоятельный отрядъ и свирѣпствовалъ въ степныхъ мѣстностяхъ, между Хопромъ и Медвѣдицею. За нимъ слѣдовалъ обозъ съ награбленнымъ имуществомъ. Онъ прошелъ черезъ Пески, Чедаевку, Щелканъ, Жирное, Монастырщину, Елань, гдѣ учинилъ оргію съ женою прикащика, съ духовенствомъ и народомъ. Въ Заевкѣ онъ столкнулся съ атаманомъ Ивановымъ 2-мъ, бѣжавшимъ отъ Луковкина. Представляя изъ себя временную правительственную власть

той мѣстности, Обрываловъ, увидавъ подобнаго себѣ героя, закричалъ своему отряду:

«Коли тѣхъ злодѣевъ, что жгутъ поселки (точно самъ и не жегъ)... бей!» Ивановъ бѣжалъ. Самовластіе отуманило голову Обрывалова. Въѣзжая въ села, онъ приказывалъ народу встрѣчать его на колѣняхъ и, стоя такъ, подносить ему деньги.

Не говоримъ о *восмидесятилѣтнемъ старикѣ* Череватомъ, у котораго въ шайкѣ было пять родныхъ сыновей. Не говоримъ о другихъ атаманахъ, есаулахъ, сотникахъ, которые представляли изъ себя самостоятельныя силы, независимыя отъ Пугачова, хотя дѣйствовавшія его именемъ [1]). Читая архивныя дѣла того времени, удивляешься, какъ могла изъ такого ужаснаго хаоса опять возникнуть государственная жизнь.

Пугачовъ между тѣмъ шелъ къ Камышину, Дубовкѣ, Царицыну. Бѣжавшій изъ Саратова Бошнякъ явился въ Царицынъ 24 августа. У него осталось только 35 человѣкъ и ни одного заряда. Онъ просилъ у Цыплетева пуль и пороху [2]). Оставалась одна надежда на Царицынъ и на коменданта этого города Цыплетева. Камышинъ и Дубовка со всѣмъ жалкимъ волжскимъ войскомъ не могли дать отпора. Цыплетевъ, ожидая грозу, не дремалъ: онъ успѣлъ укрѣпить городъ, собрать разсѣянные по окрестнымъ селамъ отряды, запастись боевыми припасами, провіантомъ. Онъ приказалъ взять пушки со всей царицынской линіи, со всѣхъ форпо-

---

[1]) Архивныя дѣла г. Петровска.

[2]) *О Пугачовѣ* (глав. цариц. архив. дѣло), л. 145.

стовъ, потому что линія и форпосты не удержали бы самозванца, а между тѣмъ пушки усилили крѣпость лишними орудіями и прислугой. Между тѣмъ онъ звалъ къ Царицыну Багратіона, стоявшаго съ своимъ отрядомъ на Дону, а потомъ двинувшагося на прикрытіе Новохоперской крѣпости. Онъ приказалъ также владѣльцу калмыцкихъ Дербетевскихъ Улусовъ назначенныхъ на Кубань 2,000 калмыковъ стянуть тоже къ Царицыну. Войсковой старшина Манковъ двинулся къ Царицыну съ донскими казаками станицъ Трехъостровской, Пятиизбянской, Голубинской и Верхнечирской. Прибылъ Дундуковъ съ калмыками. Войсковая казна волжскаго войска изъ Дубовки переведена въ Царицынъ; 14-го же августа, въ день прибытія въ Царицынъ Бошняка, прибылъ на царицынскую линію и походный атаманъ волжскаго войска Перфиловъ съ 562 «двуконными» казаками (1,156 лошадей). Прибылъ отрядъ извѣстнаго между донцами Михаила Серебрякова (Себрякова) и требовалъ свинцу и пороху. Губернаторъ Кречетниковъ также выслалъ войско изъ Астрахани. Къ нимъ присоединился еще отрядъ донскихъ казаковъ съ полковниками Кутейниковымъ и Грековымъ. Графъ Мусинъ-Пушкинъ изъ Полтавы двинулся прикрывать Воронежъ. Въ Царицынѣ между тѣмъ велѣно затопить всѣ суда, лодки, барки, все изрубить и сжечь, чтобъ самозванцу не на чемъ было переправиться за Волгу, — тогда какъ у него была своя флотилія. Въ Царицынѣ все дѣятельно работало, приготовляясь къ встрѣчѣ; работали купцы, мѣщане, бобыли, вновь приписанные малороссіяне, поляки. Пушки

поставлены на новые лафеты. Припасена свѣжая прислуга. Пушекъ въ городѣ было 63 [1]). Цыплетевъ работалъ неустанно. Но не всѣ такъ дѣйствовали, какъ Цыплетевъ. Воронежскій губернаторъ Шетневъ, узнавъ, что Пугачовъ еще у Нижняго-Ломова, убѣжалъ въ Павловскъ — *защищать* этотъ городъ, въ которомъ было 600 пушекъ и 3,000 пудъ пороху съ достаточными военными силами. Воронежъ брошенъ на произволъ судьбы. По счастію, онъ отстоялъ отъ Нижняго-Ломова, а, слѣдовательно, и отъ Пугачова, на 400 верстъ [2]).

Пугачовъ подошелъ къ Камышину. Этого города некому было защищать. Комендантъ Меллинъ былъ убитъ. Долго онъ ждалъ подкрѣпленія; но подкрѣпленія ни откуда не было. Кречетниковъ писалъ ему, что высылаетъ въ Камышинъ часть войска и артиллерію... но этотъ ордеръ получилъ Цыплетевъ, а Меллина уже не было въ живыхъ. Войско и артиллерія не дошли до Камышина: было уже поздно.

Послѣ Камышина самозванецъ вступилъ въ землю волжскихъ казаковъ. Въ царицынскихъ дѣлахъ есть положительныя доказательства измѣны волжскаго войска. Уже Кречетниковъ и Цыплетевъ недовѣряли имъ. Первый даже сомнѣвался въ вѣрности донскаго войска, которое, въ случаѣ удачи со стороны самозванца, могло передаться и на его сторону. Но этого не было,

---

[1]) *Общій нарядъ* дѣлъ о Пугачовѣ (въ Цариц.), л. 571.—Дѣло *О Пугачовѣ* (главн.), л. 128, 129, 131, 135, 136, 145, 137, 138, 146, 139, 147 — 149.

[2]) Тамъ же, л. 208, 209.

и донцы, кромѣ нѣкоторыхъ измѣнниковъ, дрались храбро, а атаманы и старшины ихъ дѣйствовали и расторопно, и съ большимъ тактомъ. Но волжское войско положительно измѣнило. Доказательствомъ этому служитъ «списокъ», найденный случайно, въ октябрѣ 1775 года, на мѣстѣ пораженія Пугачова Михельсономъ. Въ «спискѣ» этомъ волжское войско значится въ числѣ полковъ Пугачова и названо «Дубовскимъ полкомъ». Списокъ найденъ однимъ проѣзжавшимъ изъ Астрахани по Волгѣ офицеромъ, который изъ любопытства вышелъ взглянуть на мѣсто битвы и между мертвыми тѣлами отыскалъ разныя бумаги, которыя и представилъ въ Царицынъ.

Фр. Антингъ въ исторіи «Походовъ Суворова» [1] говоритъ, между прочимъ, что ниже Камышина донскіе казаки, находившіеся въ войскѣ Пугачова, оставили его по винѣ самого Пугачова. Одинъ изъ начальниковъ волжскаго войска, замѣчаетъ Антингъ, принялъ Пугачова съ большою честію (somptueusement), [2] тогда какъ всѣ другіе разбѣжались при его приближеніи. Когда на пиру у этого начальника многіе подпили, яицкіе казаки отрыли нѣсколько пушекъ, принадлежавшихъ волжскимъ казакамъ и спрятанныхъ ими. За это хозяинъ дома былъ тотчасъ же заколотъ. Подозрѣніе пало на одного донскаго казака. Его пригово-

---

[1]) Les campagnes du feldmaréchal comte de Souvoroff-Rymnikski, v. I, p. 158 — 159.

[2]) Не говоритъ ли здѣсь Антингъ о казакѣ Забурунновѣ (Антиновской станицы), у котораго Пугачовъ обѣдалъ, торжественно встрѣченный волжскими казаками? (Щебальскій, 111).

рили къ смерти. Но хоть въ него и выстрѣлили, однако, онъ успѣлъ спастись. Это обстоятельство было причиной того, что въ ту же ночь четыре полка донскихъ казаковъ оставили самозванца [1]).

XI.

Приступъ къ Царицыну и послѣдняя битва съ Михельсономъ подъ Чернымъ-Яромъ составляютъ заключительный актъ этой кровавой драмы. Услуги, которыя оказалъ Россіи Цыплетевъ обороною Царицына, до сихъ поръ не только не оцѣнены по достоинству, но и не замѣчены никѣмъ. Царицынъ былъ первый городъ, который, послѣ Оренбурга и Яицкаго городка, не сдался самозванцу. Передъ приходомъ Пугачова, сами жители выжгли форштатъ. Суда, находившіяся около города на пристани, спущены ниже изъ предосторожности, чтобы Пугачовъ не переправился на нихъ за Волгу.

Приступъ начатъ въ 2 часа по полудни 21-го августа. Дѣло было жаркое. Канонада съ крѣпости не умолкала въ продолженіе 5 часовъ. Батареи Пугачова дѣйствовали какъ-то вяло, неудачно, точно въ первый разъ въ жизни усталость одолѣла неутомимаго мятежника. Въ сущности онъ не уставалъ — онъ только не могъ ничего сдѣлать противъ громившихъ его крѣ-

---

[1]) «Cet événement indisposa beaucoup les cosaques du Don et dans la nuit les quatre régiments le quitterent.» Но едва ли у Пугачова могло быть 4 полка донскихъ казаковъ (F. Anthing. 159).

постныхъ ядеръ, гранатъ и бомбъ. Шесть сотъ выстрѣловъ, раздававшихся одинъ за другимъ съ крѣпостныхъ батарей, доказали Пугачову, что тамъ есть чѣмъ стрѣлять. Изъ наведенныхъ имъ на Царицынъ батарей 6 было сбито. Канонада со стороны Пугачова нисколько не вредила крѣпости: отъ его выстрѣловъ взорвало только 10 зарядовъ трехфунтовыхъ пушекъ съ ядрами и картечью, одинъ пудъ пушечнаго пороху, подъ двумя мортирами повреждены лафеты, а подъ одною изломана платформа. Раненъ и опаленъ одинъ только бомбардиръ, да и то отъ того, что отъ частой стрѣльбы у одной пушки оторвало «тарель съ фризою и съ винградомъ» и разбило лафетъ. Къ вечеру канонада умолкла. Ночью въ крѣпости свѣтились только фонари по батареямъ. Все было тихо, только разъ случилась тревога отъ взрыва неудачно брошенной изъ города гранаты, которая разорвала 20 другихъ крѣпостныхъ запасныхъ гранатъ.

Пугачовъ отступилъ отъ Царицына. Это была первая его неудача послѣ Казани.

Два слѣдующіе дня, мимо Царицына, по Волгѣ, тянулась нестройная флотилія самозванца, но ни она не нападала на суда, стоявшія у крѣпости, ни эти суда не нападали на нее, а только посылали вслѣдъ непріятельскимъ караванамъ выстрѣлы. Береговою батареею командовалъ Ильинъ, о которомъ Пыплетевъ отзывается съ особенною похвалою. Наиболѣе неутомимо и мужественно дѣйствовали при защитѣ Царицына — Елчинъ, Харковъ, Ушаковъ, Янцовъ, Власовъ и Свербѣевъ. Фатьяновъ энергически поддерживалъ въ

жителяхъ мужество, ободряя ихъ словомъ и примѣромъ [1]).

Едва Пугачовъ отступилъ отъ Царицына, какъ туда явился Михельсонъ. Бросивъ въ Царицынѣ лишнюю тяжесть, негодныя пушки, часть зарядовъ и пороху, этотъ неутомимый преслѣдователь самозванца настигъ его не подалеку отъ Чернаго-Яра. Подробности этой послѣдней битвы извѣстны изъ исторіи Пушкина [2]). Суворову, прибывшему въ Царицынъ слишкомъ поздно, оставалось только ловить разбитаго мятежника. Кромѣ Михельсона и Цыплетева, всѣ въ то роковое время какъ-то запаздывали, дѣйствовали вяло, медленно, нерѣшительно: отъ Москвы до Царицына Суворовъ ѣхалъ больше мѣсяца! Но Суворову не удалось и изловить этого замѣчательнаго бѣглеца. Онъ только конвоировалъ его уже закованнаго въ цѣпи. Неутомимый Михельсонъ едва успѣваетъ нанести послѣднее пораженіе своему противнику, какъ уже распоряжается о поимкѣ его. На другой день послѣ битвы, отсылая въ Царицынъ цѣлыя толпы плѣнныхъ дворянъ, «дворянскихъ дѣвицъ», лишнюю тяжелую артиллерію, взятыя у Пугачова пушки, онъ говоритъ, что самозванецъ бросился за Волгу, и въ письмѣ къ Цыплетеву приписываетъ своею рукою: «пожалуй, батюшка, прикажите сколько возможно набрать людей и пошлите на ту сторону Волги примѣчать Пугачова

---

[1]) *О Пугачовѣ* (главн. архив. цариц. дѣло), л. 204—216, 355, 356, 367.

[2]) Въ царицынскомъ дѣлѣ есть подлинныя письма Михельсона объ этой битвѣ, писанныя Цыплетеву въ день побѣды.

верстахъ во ста внутрь земли и увѣдомляйте меня обо всемъ» [1]).

Между тѣмъ, когда Михельсонъ сдѣлалъ свое дѣло и когда уже не съ кѣмъ было сражаться, къ Царицыну и выше Царицына нагрянули генералы съ запоздавшими войсками: Мансуровъ, Муффель, Меллинъ, Голицынъ, Суворовъ. Они уже распоряжались съ обезоруженными врагами, вѣшали измѣнившихъ, ловили бѣглыхъ и всѣ обращались къ Цыплетеву — кто за провіантомъ, кто за лошадьми, кто за боевыми припасами. Все начало стягиваться къ Царицыну. Городъ переполнился народомъ, войсками, ранеными, больными, ограбленными. Одинъ Михельсонъ пригналъ въ Царицынъ около 9,000 человѣкъ и каждому изъ нихъ нужно было выдавать кормовыхъ 2 коп. въ день. Начался голодъ. «Школьники» играютъ на улицахъ разбросанными во время канонады ядрами. Собаки таскаютъ по улицамъ трупы умершихъ и засѣченныхъ. Каждый день въ городѣ казни, экзекуціи, гонка сквозь строй пойманныхъ съ оружіемъ или бѣглыхъ солдатъ. Всякаго, проговорившагося въ пьяномъ видѣ, сболтнувшаго, гоняли сквозь строй и вѣшали. Ни лошадямъ, ни людямъ ѣсть нечего. Народъ питался жолудями. Боялись возмущенія въ городѣ и отобрали у плѣнныхъ всякое оружіе до послѣдняго ножа [2]).

Чтобы можно было хоть приблизительно судить объ этомъ ужасномъ времени, укажемъ на нѣкоторые факты,

[1]) *О Пугачовѣ* (главн. царицын. дѣло), л. 241.

[2]) Тамъ же 431, 244, 289, 292, 293, 321, 329, 334, 338 — 342, 348, 354, 358, 359, 551, 602, 854.

какіе представляютъ намъ архивныя дѣла. Мы сказали, что Царицынъ переполнился народомъ, преимущественно взятымъ изъ толпы Пугачова и добровольно явившимися голодными и измученными. Изъ Царицына нужно было отправлять ихъ въ мѣста жительства. Партіи по сту и по двѣсти человѣкъ связывали канатами, какъ огромныя своры собакъ, и гнали по разнымъ дорогамъ. Эти партіи перемирали за дорогу: мертвыхъ бросали по деревнямъ, по степямъ, при большихъ дорогахъ. Изъ отправленныхъ на такомъ канатѣ Цыплетевымъ изъ Царицына двухъ партій, одной въ Петровскъ въ 85 человѣкъ, другой въ Саранскъ въ 106 человѣкъ, въ Петровскъ пришло только 3 живыхъ, въ Саранскъ — 17. Все остальное перемерло дорогой. Съ мѣстныхъ начальствъ и родственниковъ умершихъ взыскивали путевыя и прогонныя издержки и не только кормовыя, но и *«канатныя»* деньги. Изъ 119 человѣкъ, отправленныхъ Цыплетевымъ изъ Царицына въ Саратовъ, дорогой умерло 84 человѣка. Изъ отправленныхъ за тѣмъ до Саратова 311 человѣкъ умерло въ дорогѣ 232. Вслѣдъ за этими гнались на канатахъ до Петровска три новыя партіи въ 548 душъ. Изъ 58 пензенскихъ дошли до мѣста родины только 19 человѣкъ. Партія въ 218 человѣкъ, отправленная изъ Саратова въ Петровскъ, на разстояніи 80 — 90 верстъ, потеряла 58 человѣкъ [1]).

Долго потомъ еще являлась изъ побѣговъ голытьба, принося повинную или говоря, что увлечены были въ

[1]) Архивныя дѣла г. Петровска, особенно №№ 718, 720, 726 (по описи архива).

толпу злодѣя силою и страхомъ смерти. На допросахъ этихъ повинившихся открывались цѣлыя драмы, которыхъ дослѣдовать до конца не было ни времени, ни возможности. Тутъ уже главную роль играла плеть. Ограбленные или напуганные только, но спасшіеся подъячіе, канцеляристы и воеводы мстили и за свой страхъ, и за свои имущества, и за убитыхъ родныхъ, знакомыхъ. Чиновники мстили за безпорядки, причиненные мятежниками въ канцелярскихъ дѣлахъ и въ архивахъ: имъ нужно было заводить новыя дѣла, подшивать растрепанныя бумаги, требовать копіи.

XII.

Не станемъ повторять извѣстныхъ всѣмъ подробностей о поискахъ и взятіи Пугачова. Замѣтимъ только, съ какою быстротою онъ метался за Волгою, не зная броситься ли ему на Узень и Яикъ вербовать разсѣянное въ поляхъ войско, пуститься ли въ море, чтобы тамъ «взять какія ни есть орды,» сплотить ихъ въ новую страшную армію и «выйти паки на Россію.» Вслѣдъ за пораженіемъ его подъ Чернымъ-Яромъ, черноярскій комендантъ Перепечинъ выслалъ изъ этого города отрядъ въ догонку самозванцу; отрядъ видѣлъ перебиравшагося за Волгу Пугачова, кинулся за нимъ, гнался до Мухунъ-Зумунъ-Сала и потерялъ изъ виду; а черезъ четыре дня уже видѣли, что *бѣлое знамя* развѣвается въ глуби степей, далеко выше Камышина.

По бѣлому знамени удостовѣрились, что это несется къ Уралу самъ Пугачовъ [1]).

Страшенъ былъ самозванецъ и въ клѣткѣ, въ которую его посадили уже пойманнаго. Въ Яицкѣ сдали его Суворову, который опоздалъ своимъ приходомъ, потому что бросился не въ ту сторону, куда слѣдовало. 1 сентября, онъ былъ въ Царицынѣ. 9-го онъ пишетъ Цыплетеву уже съ Еруслана, со степи, изъ лагеря, боится, чтобъ самозванецъ не поворотилъ назадъ, велитъ отрядить команду къ Елтону, а самъ бросается на Узень. Вслѣдъ затѣмъ онъ уже пишетъ Цыплетеву съ совершенно противуположной стороны, изъ слободы Николаевской, противъ Камышина [2]).

Антингъ говоритъ, что когда Пугачова посадили въ особо-приготовленную клѣтку, поставленную на колеса, чтобъ везти его къ Панину въ Симбирскъ, Суворовъ находился при самозванцѣ неотлучно. Но будто бы въ какой-то деревнѣ Мостахъ принуждены были бросить эту клѣтку, потому что Пугачовъ не хотѣлъ сидѣть въ ней покойно. Въ Мостахъ, гдѣ поѣздъ имѣлъ роздыхъ, случился пожаръ и конвоировавшіе Пугачова очень опасались, чтобъ эта тревога не дала самозванцу возможности бѣжать. Здѣсь посадили его въ крестьянскую телѣгу, а сына его, двѣнадцатилѣтняго мальчика, въ другую. По словамъ Антинга, это былъ такой буйный (turbulent) мальчикъ, что за нимъ необходимъ

---

[1]) *О Пугачовѣ* (главн. царицк. дѣло), л. 545, 286.

[2]) Тамъ же л. 344, 345. Самый почеркъ писемъ изобличаетъ торопливость. Въ началѣ писемъ почеркъ руки писаря, а главное содержаніе — въ припискахъ руки самого Суворова.

былъ строгій надзоръ. Оба они были скованы въ телѣгахъ. Ночью дорогу освѣщали факелами. Мартемьяновъ, извѣстный старшина яицкаго войска, слѣдовавшій съ особымъ отрядомъ за Пугачовымъ, дорогой какъ-то поссорился съ нимъ, а, можетъ быть, и просто подрался [1]) и замѣтилъ у самозванца деньги, зашитыя въ платьѣ. Зашито было всего только четыре золотыхъ. Когда Мартемьяновъ спросилъ, отчего онъ не имѣетъ съ собой больше денегъ, Пугачовъ отвѣчалъ, что онъ никогда не бралъ много денегъ собственно для себя, а когда захватывалъ богатую добычу, то всегда отдавалъ ее всѣмъ окружавшимъ его [2]).

4 ноября Пугачовъ былъ уже въ Москвѣ. Въ дневникѣ Васильева, о которомъ мы упомянули выше, въ этотъ день записано: «привезенъ бунтовщикъ и народный воръ, казакъ Емельянъ Пугачовъ, по полуночи въ 9 часу утра и посаженъ у воскресенскихъ воротъ въ покояхъ монетнаго двора.»

5 ноября въ дневникѣ Васильева записано: «великіе въ Москвѣ стали переговоры о проклятомъ злодѣѣ Пугачовѣ и его варварскихъ дѣлахъ. Тотъ, кто слышалъ таковыя варварства, безъ слезъ быть не можетъ» [3]).

10 января 1775 года совершена казнь надъ Пугачовымъ и его сообщниками. Въ приведенномъ нами

---

[1]) Антингъ говоритъ: «Martemianow eût un jour une altercation avec Pugatschew» (Les campagnes du comte de Souvoroff, I, p. 168.

[2]) Les campagnes etc. I, p. 167 — 169.

[3]) «Продолженіе времени 1774—1777 г.» (Рукопись Румянц. музея. По описанію Востокова № 26).

выше сочиненіи «Zuverlässige Nachricht etc.» помѣщено подробное описаніе какъ самаго эшафота, такъ и порядка казни. Пугачовъ ѣхалъ къ мѣсту казни на позорной колесницѣ, прикованный къ столбу и въ рукѣ держалъ зажженную свѣчу [1]).

Нѣкоторымъ изъ сообщниковъ Пугачова смягчено было наказаніе. Въ числѣ такихъ былъ поручикъ Шванвичъ. Отецъ этого Шванвича занималъ довольно высокій постъ въ государственной службѣ. Онъ былъ комендантомъ Кронштадта. Сынъ его находился въ свитѣ Пугачова и, какъ образованный человѣкъ, занималъ должность секретаря: онъ сочинялъ для самозванца, въ случаѣ надобности, указы и манифесты на нѣмецкомъ языкѣ и подписывался за него подъ указами. Приговоръ надъ нимъ былъ смягченъ стараніями Орловыхъ [2]).

На другой день казни, девяти сообщникамъ Пугачова, предавшимъ его или оставившимъ его раньше, прочтено было передъ Краснымъ крыльцемъ прощеніе, въ которомъ исчислены ихъ вины и ожидавшее ихъ наказаніе. «Нарушенное силою и пособіемъ вашимъ законнымъ властямъ повиновеніе (говорилось между прочимъ въ этомъ объявленіи) требовало казни преступниковъ. Обманомъ вашимъ приведенные въ пагубу несчастные поселяне, страдая за васъ, свидѣтельство-

---

[1]) Zuverlässige Nachricht etc. 16 — 18.

[2]) О поврежденіи нравовъ въ Россіи, Князя Щербатова. Лондонъ, 1858, стр. 80—81. «А и О. Г. Орловы, говоритъ Щербатовъ, славились своею силою. Въ Петербургѣ только одинъ человѣкъ кичился (казался?) сильнѣе ихъ: это былъ Шванвичъ» (отецъ).

вали о вашихъ злодѣяніяхъ. Разоренные и злобою вашею воспламенному огню преданные селенія, города и святые храмы угрожали васъ напжесточайшимъ наказаніемъ: и среди сихъ ужастныхъ развалинъ и опустошенія, кровь неповинныхъ, коею въ варварствѣ своемъ вы обагрялись, возопила на небо и молила отмщенія. Могло ли послѣ сихъ непстовствъ раскаянье ваше принято быть въ уваженіе, да еще и въ такое время, когда все ваше злодѣйское скопище съ вознесеннымъ вами идоломъ — вѣрными Ея Императорскаго Величества войсками было стѣснено, разбито и, яко прахъ, разсѣяно?.... Но (прибавляетъ послѣ сентенція) всемилостивѣйшая государыня прощаетъ васъ.... Вы освобождаетесь не только отъ смертной казни, но и отъ всякаго наказанія. Да снимутся съ васъ оковы!» и т. д. [1]).

XIII.

Вообще оцѣнка этого тяжелаго періода русской исторіи была бы неполна, еслибъ мы не указали на заслуги лицъ, которымъ Россія обязана главнымъ образомъ возстановленіемъ спокойствія, когда оно въ особенности было необходимо. Замѣчательно, что спасители Россіи вышли изъ среды рядовыхъ тружениковъ, которые бываютъ незамѣтны въ обыкновенное время, потому что скромны, но которыхъ энергія, умъ и находчивость проявляются именно въ то время, когда

[1]) «Московскія вѣдомости» 1775 г. № 4 (прибавленіе).

всѣ другіе дѣятели теряютъ голову. Военная коллегія, это высшее правительственное мѣсто, въ которомъ засѣдали первые чины имперіи, въ рѣшительныя минуты медлила, терялась и слишкомъ плохо понимала значеніе возбужденнаго Пугачовымъ движенія. Сенатъ дѣлалъ несообразныя распоряженія. Всѣ губернаторы мѣстностей, съ которыми мятежъ имѣлъ близкую связь, Рейнсдорпъ, фонъ-Брантъ, Шетневъ и даже Кречетниковъ оказались плохими администраторами. Главнокомандующіе дѣйствующими войсками нисколько не оправдали великихъ надеждъ, возлагаемыхъ на нихъ страною. Каръ, не потрудился даже узнать силъ и расположенія непріятеля. Щербатовъ дѣйствовалъ нерѣшительно. Панинъ медлилъ въ самыя горячія минуты. Ни одинъ генералъ не выдался хоть бы какимъ-либо крупнымъ дѣломъ, а Декалонгъ даже положительно повредилъ дѣлу своею недѣятельностію [1]). Одинъ Бибиковъ оставилъ по себѣ свѣтлую память. До чего популярность его возрасла въ самое короткое время, видно изъ того, что тотчасъ послѣ его смерти въ обществѣ уже пѣли сочиненную въ честь этого генерала пѣсню:

Братъ Бибиковъ! твой плодъ
Увялъ въ срединѣ лѣта,
И славный твой восходъ
Лишенъ въ полудни свѣта.

---

[1]) Бибиковъ въ письмѣ къ князю Волконскому прямо упрекаетъ Декалонга въ томъ, что этотъ генералъ далъ возможность Пугачову усилиться («Продолженіе времени 1774—1777 г.» Рукоп. Румянц. муз., выше упомянутый нами дневникъ Васильева). Помѣщенное въ этомъ дневникѣ письмо писано Бибиковымъ изъ Бугульмы, 26 марта, послѣ битвы подъ Татищевской крѣпостью.

Куда простеръ свой взоръ,
Злодѣи не дерзали,
Днесь паки изъ-за горъ
Возникнуть предпріяли [1]).

---

[1]) Эта пѣсня внесена въ дневникъ Васильева вскорѣ послѣ смерти Бибикова, съ замѣчаніемъ: «получена пѣсня въ честь генералу Бибикову, *пѣваемая между обществомъ*, слѣдующая:

1.

Да радость умолчитъ,
Съ слезами вспомнимъ друга,
Котораго гремитъ
Къ отечеству заслуга,
И коего, на насъ
Злясь, рокъ похитилъ гнѣвный:
Мы радостный свой гласъ
Премѣнимъ въ гласъ плачевный.

2.

Братъ Бибиковъ! и т. д.

3.

Лютѣйшу смерть въ степяхъ
Знать зависть умолила,
Дабы въ прекрасныхъ дняхъ
Животъ твой прекратила:
Чтобъ на пути ты палъ
И чтобъ тогда скончался,
Когда ужъ достигалъ
И къ славѣ ты касался.

4.

Съ простымъ ты былъ простой,
Ты мудръ былъ съ мудрецами,
Съ героями герой,
Другъ вѣрной со друзьями.
Пусть скроетъ въ гробъ твой прахъ
Отъ свѣта край далекій,
Но въ дружескихъ сердцахъ
Не умрешь ты во вѣки. («Прод. врем. 1774—1777 г.»)

Но если кромѣ Бибикова ни одна личность въ это время не выдавалась изъ ряда дюжинныхъ дѣятелей, то тѣмъ рельефнѣе встаютъ передъ нами простые офицеры, заслужившіе себѣ историческую славу. Между ними, конечно, первое мѣсто занимаетъ полковникъ Михельсонъ, которому, впрочемъ, отдана должная дань уваженія всѣми историками. Но другая личность какъ-то осталась въ туманѣ, забытая всѣми, можетъ быть по тому, что энергіи этого человѣка не предоставлено было болѣе широкаго поля дѣятельности. Мы говоримъ о полковникѣ Цыплетевѣ. Его заслуги не оцѣнены. О немъ никто не знаетъ, можетъ быть оттого, что онъ какъ-то обойденъ былъ въ свое время. Правда, ему дали чинъ генерала; но дѣла по его способностямъ не дали. Мы уже не разъ говорили о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ къ встрѣчѣ съ Пугачовымъ, когда онъ несся отъ Казани въ нижнее поволжье. Это было въ іюлѣ и августѣ 1774 года. Но еще въ 1773 году, въ концѣ октября, едва только Пугачовъ началъ усиливаться и когда всѣ мѣстныя власти довольно апатически относились къ наступавшей грозѣ, Цыплетевъ понялъ, что народными движеніями шутить нельзя, и тотчасъ же принялъ энергическія мѣры. 1-го же ноября онъ распорядился такимъ образомъ: 1) находившейся въ Царицынѣ легкой полевой командѣ быть въ полной готовности, и командиръ ея Дицъ исполнилъ это приказаніе; 2) привести въ порядокъ всю военную царицынскую липію, снабдивъ форпосты казаками и пушками; 3) всѣмъ казакамъ волжскаго войска, отставнымъ, малолѣткамъ и выросткамъ сдви-

нуться отъ хуторовъ къ Волгѣ и быть въ готовности встрѣтить непріятеля, кто бы это ни былъ — Пугачовъ, или киргизъ-кайсаки; 4) царицынскому гарнизону быть въ готовности выступить, если нужно въ походъ и на прикрытіе крѣпостей, но въ то же время наблюдать, чтобы не взбунтовались плѣнные турки, которыхъ было въ Царицынѣ болѣе 900 человѣкъ; 5) вооружить мѣстныхъ обывателей — бобылей, малороссіянъ, поляковъ, купцевъ; 6) артиллерію приготовить къ дѣлу, поставить на лафеты и снабдить боевыми припасами; 7) съ Дону вытребовать на царицынскую линію до 500 казаковъ, изъ Дербетевыхъ Улусовъ взять до 2,000 калмыковъ, да изъ Астрахани просить подкрѣпленія; 8) въ волжскомъ войскѣ, вдоль войсковыхъ земель отъ Антиповской станицы вплоть до Ахтубинскаго городка, за Волгой, по берегу этой рѣки устроить форпосты противъ каждаго жилья и ежедневно дѣлать разъѣзды такъ, чтобы сторожевые казаки утромъ съѣзжались на полупути, размѣнивались вѣстями и вновь расходились на рекогносцировки, изслѣдуя тщательно «шляхи» т. е. слѣды въ степи къ Волгѣ и на нагорной сторонѣ, такіе же слѣды отъ Волги къ жилищамъ; 9) противъ самого Царицына, за Волгой, устроить особый форпостъ (главный), съ офицеромъ, унтеръ-офицеромъ, солдатами и казаками, съ пушкою и канонирами; этимъ форпостнымъ, верстахъ въ 10-ти отъ Ахтубинскаго-городка, въ степи, съѣзжаться съ форпостными волжскаго войска и мѣняться вѣстями, а потомъ слѣдовать на низъ и вновь возвращаться, непрестанно наблюдая за степью; 10) при форпостахъ

на Волгѣ, имѣть готовыя лодки и передавать вѣсти отъ форпоста къ форпосту и на противоположную сторону Волги; 11) офицеру главнаго форпоста разъ въ недѣлю осматривать всѣ форпосты; 12) противъ Царицына, за Волгой и по сю сторону Волги, на песчаныхъ косахъ, имѣть двѣ косныя лодки съ 8 гребцами; сторожевые должны окликать каждое проходящее по Волгѣ судно и ночью стрѣлять въ подозрительныя суда; 13) ниже Царицына устроить форпосты по нагорной сторонѣ, потому что по луговой это неудобно по множеству «ериковъ» (впадающихъ въ Волгу глубокихъ овраговъ); 14) всѣмъ рыбакамъ велѣно быть на нагорной сторонѣ съ своими лодками, а на луговой находиться лишь форпостнымъ лодкамъ; судамъ велѣно приставать опять-таки только къ нагорной сторонѣ [1]).

За этими распоряженіями, мимо Царицына не могло ничто прокрасться, не бывъ не замѣченнымъ.

Наконецъ, оборона Цыплетевымъ Царицына и первая испытанная здѣсь Пугачовымъ неудача лишила послѣдняго на нѣсколько дней энергіи. Тутъ и подоспѣлъ Михельсонъ съ своимъ окончательнымъ, рѣшительнымъ ударомъ.

«Присутствіе духа, неусыпная бдительность, дѣятельность и мужество сопровождали этаго страшнаго (fürchterlichen) человѣка во всѣхъ его предпріятіяхъ.» Такъ говоритъ о Михельсонѣ его современникъ и очевидецъ описываемыхъ нами событій, иностранецъ, из-

[1]) *О Пугачовѣ* (главное цариц. дѣло), л. 511—513.

давшій свои записки въ Германіи [1]). Въ другомъ мѣстѣ этотъ писатель въ такихъ словахъ выражается о Михельсонѣ: «Гордое нѣмецкимъ именемъ нашего спасителя сердце мое излилось въ благословеніяхъ на его особу, и, пока я живу, я не могу слышать имени Михельсона безъ глубочайшаго благоговѣнія и величайшаго уваженія» [2]).

Не лишены также интереса отзывы этого наблюдательнаго иностранца какъ о главныхъ мотивахъ, вызвавшихъ пугачовщину, такъ и о томъ, почему въ Россіи такъ легко могла встать и до такой страшной катастрофы дойти эта смута. Онъ говоритъ, что во многомъ тутъ виноваты помѣщики и ихъ безчеловѣчныя отношенія къ крестьянамъ: «дворяне, по его словамъ, служили только для угнетенія своихъ ближнихъ, и потому, если они обращались съ своими крестьянами наравнѣ со скотомъ, то они и не заслуживали ни малѣйшей пощады» [3]). Что же касается тогдашняго состоянія Россіи, представлявшей всѣ данныя къ безурядицамъ, то относительно этого предмета онъ отзывается слѣдующимъ образомъ: «При существованіи значительнаго числа мелкихъ гарнизоновъ, которые содержатся правительствомъ въ большихъ и малыхъ крѣпостяхъ, нѣтъ ничего легче, какъ уничтожить эти крѣпости одну за другою, едва лишь вспыхнетъ возмущеніе, потому что крѣпости не могутъ подать одна другой никакой помощи, не подвергая величайшей

[1]) Bemerkungen, 219—220.
[2]) Тамъ же 205.
[3]) Тамъ же 233.

опасности населеніе мѣстностей, лишенныхъ гарнизона. Открытые города представляютъ еще большія опасности, и, не смотря на это, въ нихъ господствуетъ непростительная безпечность, въ отношеніи общественнаго спокойствія и безопасности. Воеводы и другія высшія начальственныя лица могли бы, еслибъ только позаботились объ этомъ, получать вѣсти изъ кабаковъ и народныхъ сходбищъ о возмутительныхъ рѣчахъ и тайныхъ совѣщаніяхъ черезъ вѣрныхъ и преданныхъ людей; но они положительно не заботятся объ этомъ. Оттого есть много деревень, въ которыхъ проживаетъ всякая вредная сволочь, воры и разбойники, и при всемъ томъ воеводы, которые могли бы очень хорошо слѣдить за намѣреніями и дѣйствіями этихъ нарушителей спокойствія, нисколько не принимаютъ на себя труда останавливать ихъ безчинства или нечаянными и частыми поисками предупреждать ихъ.» — «Богатый дворянинъ (говоритъ онъ дальше) мало горюетъ о томъ, что во время своего одинокаго путешествія онъ можетъ подвергнуться опасности отъ разбойниковъ, потому что для его особы они нисколько не страшны: онъ никогда не путешествуетъ иначе, какъ окруженный огромнымъ числомъ провожатыхъ [1]); а если этого нѣтъ, то все же разбойники очень боятся нападать на такихъ

---

[1]) Что иностранецъ говоритъ правду, т. е. что въ прошломъ еще вѣкѣ русскіе большіе господа и даже средней руки помѣщики ѣздили по Россіи не такъ, какъ мы теперь ѣздимъ, а съ большою свитою и съ вооруженными конвоями, то это подтверждаютъ архивныя дѣла того времени. См. статьи: «Атаманъ Ивановъ и есаулъ Юдинъ»; «Атаманъ Брагинъ и разбойникъ Зубакинъ»; «Заметаевъ» и др.

проѣзжихъ, за которыхъ они могутъ понести большую отвѣтственность, или которые имѣютъ столько вліянія на начальство, что могутъ потребовать самаго строгаго слѣдствія надъ виновными» [1]).

Таковы отзывы иностранцевъ о состояніи Россіи того времени. Русская литература конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія указывала на то же въ своихъ «письмахъ», «путевыхъ замѣткахъ», разсказахъ, аллегоріяхъ, басняхъ, разсѣянныхъ на страницахъ тогдашнихъ журналовъ, въ годы, предшествовавшіе пугачовщинѣ [2]).

XIV.

Долго не могъ оправиться русскій народъ послѣ этого кроваваго пира. Оргія была слишкомъ бѣшеная, опьяненіе полное, и за то тяжко было пробуждаться послѣ этой оргіи. Отуманенному воображенію долго томившагося въ тяжкой долѣ народа казалось, что счастье было «такъ близко, такъ возможно». За эту пору дикой оргіи у него вылилось все, что цѣлыми столѣтіями накипало на сердцѣ, и когда тѣ изъ нихъ, которые уцѣлѣли, опомнились и увидѣли свою ошибку, положеніе ихъ стало еще невыносимѣе.

Ужасную картину представляла Россія не только

---

[1]) Bemerkungen, 240 — 250.

[2]) На эту сторону тогдашней журналистики мы указывали нѣкогда особо въ статьѣ: «Обличительная литература въ первыхъ русскихъ журналахъ и стѣсненіе гласности.» 1769 — 1775 г. (Русское Слово, 1860 г.).

въ то время, когда въ Москвѣ еще шелъ сложный процессъ по этому дѣлу, но и тогда, когда отъ сожженнаго трупа этого страшнаго человѣка, который заставлялъ содрогаться весь государственный организмъ огромной монархіи, осталась только горсть земли [1]) и когда настала пора залечить нанесенныя имъ всему государству раны. Остроги, а гдѣ не доставало остроговъ — землянки, сараи и амбары долго переполнены были народомъ, ждавшимъ тяжелаго наказанія за свои ошибки. Долго еще читали связаннымъ колодникамъ: «по учиненіи вамъ жесточайшаго плетьми наказанія и утвержденіи цѣлованіемъ креста и евангелія въ возвращеніи себя въ должную вѣрность и въ безмолвственное законной государынѣ повиновеніе и въ послушаніе учрежденнымъ отъ ея величества начальникамъ и собственнымъ помѣщикамъ, имѣете вы возвратиться въ домы свои.» Долго еще чинилось это «жесточайшее» наказаніе, и долго еще по всѣмъ дорогамъ попадались своры злосчастныхъ арестантовъ, навязанныхъ на длинные канаты и съ трудомъ влекущихъ на себѣ «ручныя и ножныя колодки». Если кто-либо изъ этихъ колодниковъ оказывалъ «хотя малое беззаконіе», то такого, «яко недостойнаго уже совсѣмъ жить, кололи». Крестьянъ у помѣщиковъ осталось на половину: большая часть пропала безъ вѣсти, перебита, перемерла, много пошло въ рудники. Въ каждой семьѣ недоставало кого-нибудь. Поля остались

---

[1]) «Пугачова трупъ и прочихъ на Болотѣ и съ ешафотомъ сожгли» («Продолж. врем. 1774 — 1777 г.»).

не вспаханными, не засѣянными. Подати не заплачены. Въ архивныхъ дѣлахъ того времени, во всѣхъ мелочахъ, сама собой рисуется страшная картина того положенія, въ какомъ очутилась Россія, въ особенности же мѣстности непосредственно, пострадавшія отъ мятежа [1]).

Вотъ нѣкоторыя черты, дающія понятіе объ этой картинѣ.

«Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ казни Пугачова, а всѣ дороги, пролегающія по мѣстностямъ, пострадавшимъ отъ мятежа, все еще оставались не безопасными отъ множества бродившихъ по разнымъ направленіямъ шаекъ (говоритъ очевидецъ). Но вслѣдъ затѣмъ другой бичъ посѣтилъ страну и распугнулъ эти шайки одну за другою. Всеобщій неурожай, охватившій страну болѣе чѣмъ на сто нѣмецкихъ миль въ окружности, вызвалъ страшный голодъ между крестьянами. Проселочныя дороги были покрыты несчастными, которыхъ медленная походка и обезображенныя голодомъ лица не могли не возбуждать живѣйшаго сострадапія. Но, при всеобщей нуждѣ, состраданіе это могло быть только пассивнымъ и не могло явиться на столько дѣйствительнымъ, на сколько требовало этого бѣдственное положеніе несчастнаго парода. Тѣ изъ помѣщиковъ, которые, какъ хорошіе хозяева, наполнили свои амбары хлѣбомъ на случай нужды, должны были по-

[1]) Мы не заимствуемъ этихъ подробностей изъ архивныхъ дѣлъ провинціальныхъ городовъ поволжья, потому что это составило бы матеріалъ для весьма объемистой книги. Мы коснулись этого предмета только въ общихъ чертахъ.

могать своимъ собственнымъ крестьянамъ и могли подать очень скудную помощь тѣмъ, которые отъ голода скитались по ихъ землямъ. Многіе изъ этихъ несчастныхъ валялись мертвыми по большимъ дорогамъ, въ то время, когда ихъ безчеловѣчные помѣщики въ роскоши и полной нѣгѣ проживали по губернскимъ городамъ и въ столицѣ и, предаваясь азартнымъ играмъ [1]), проигрывали такія суммы, десятой доли которыхъ достаточно было для того, чтобы спасти отъ ужасовъ голодной смерти множество семействъ. Многіе помѣщики были до того жестоки, что охотнѣе заботились о своихъ гончихъ собакахъ, чѣмъ о крестьянахъ, кровавому поту которыхъ они большею частью обязаны были тѣмъ благосостояніемъ и богатствомъ, которое расточали такимъ непростительнымъ образомъ.»

«Куда ни посмотришь, говоритъ очевидецъ, вездѣ видишь одно только бѣдствіе. Саровская пустынь, монастырь, который своими запасами и собранными отъ доброхотныхъ жителей суммами въ состояніи былъ помогать нуждающимся, стала для цѣлой страны главнымъ убѣжищемъ всѣмъ голоднымъ, которые издалека стекались туда. Пять сотъ голодныхъ въ продолженіе трехъ дней были снабжаемы въ этомъ монастырѣ обѣдомъ, чтобы послѣ того уступить мѣсто другимъ пяти стамъ голоднымъ» и т. д.

---

[1]) Что иностранецъ правъ, указывая на развитіе въ тогдашнемъ обществѣ азартныхъ игръ, то подтвержденіе этому можно видѣть въ именномъ указѣ императрицы объ азартныхъ играхъ, который мы цитировали выше при обозрѣніи общаго состоянія Россіи.

Вникнувъ во всѣ подробности эпохи Пугачова, какъ то открываютъ намъ главнымъ образомъ архивныя дѣла того времени, мы положительно можемъ сказать, что тѣ поступаютъ ошибочно, которые стараются найти разгадку этого явленія въ пропскахъ какой-либо недовольной партіи, а еще менѣе въ придворной интригѣ. Европа также не принимала участія въ этомъ дѣлѣ. Что и недовольная партія, и придворные «враги», какъ называетъ нѣкоторыхъ изъ своихъ «персональныхъ оскорбителей» императрица, и раскольники, и даже наши западные политическіе недоброжелатели могли воспользоваться смутой для своихъ цѣлей, чтобъ запутать и запугать императрицу, все это возможно и это такъ и было. Но самое явленіе вызвано было болѣе важными причинами. Начала его надо искать глубже, а именно, въ политическихъ ошибкахъ предковъ, за которыя исторія наказывала потомство, передавая какъ бы по наслѣдству подобные долги отцевъ на отвѣтственность дѣтей.

Пугачовъ до самозванства и первыя дѣйствія самозванца до взятія Татищевской крѣпости.

(Преимущественно на основаніи показаній самого Пугачова.)

I.

Въ войскѣ донскомъ, въ Зимовейской станицѣ жилъ служилый казакъ Иванъ Михайловъ Пугачовъ. У него было два сына, Никита и Емельянъ, и двѣ дочери. До семнадцатилѣтняго возраста Емельянъ жилъ при отцѣ, какъ и прочіе казачьи малолѣтки, на свободѣ и въ праздности, и на восемнадцатомъ году записанъ былъ въ казаки, на мѣсто отца, который вышелъ въ отставку. Черезъ годъ Емельянъ женился, и не прошло недѣли, какъ его нарядили въ прусскій походъ вмѣстѣ съ прочими донскими казаками, а начальникомъ отряда назначенъ полковникъ Илья Денисовъ. Молодой Пугачовъ обратилъ на себя вниманіе полковника своей «отличною проворностью», и тотъ взялъ его къ себѣ въ ординарцы. По выступленіи съ Дона казаки провели первую зиму въ Познани, потомъ, оставивъ зимнія

квартиры, однажды въ ночное время были настигнуты отрядомъ прусскаго войска. Когда въ войскѣ сдѣлалась тревога, Пугачовъ, у котораго подъ присмотромъ находились лошади Денисова, въ торопяхъ, одну упустилъ; за оплошность Денисовъ наказалъ его «нещадно плетью», что̀ долго помнилъ молодой ординарецъ.

Вскорѣ къ войску пришло извѣстіе, что императрица Елизавета Петровна скончалась, и на престолъ вступилъ Петръ III. Съ прусскимъ королемъ заключено было перемиріе, и русскія войска пошли противъ своихъ прежнихъ союзниковъ; но воевали не долго: корпусъ гр. Чернышева былъ отосланъ въ Россію. Едва наши войска успѣли перейдти Одеръ, какъ получили извѣстіе, что на престолъ вступила императрица Екатерина Алексѣевна. Войска присягнули ей въ вѣрности. Присягалъ и Пугачовъ, которому было тогда 20 лѣтъ.

— «О названіи себя государемъ мнѣ тогда и въ голову еще не приходило», говорилъ онъ о себѣ впослѣдствіи.

Воротившись изъ походу домой, Пугачовъ прожилъ въ своей станицѣ четыре года. Но вскорѣ онъ опять былъ командированъ въ Польшу съ другими казаками подъ начальство генерала Кречетникова. Служба ихъ состояла въ томъ, что они выгоняли изъ Польши русскихъ бѣглыхъ, которые огромными партіями шатались за границей. Съ одной партіей такихъ бродягъ Кречетниковъ отправилъ казаковъ въ Черниговъ, откуда Пугачовъ воротился въ свою станицу. Но и теперь онъ недолго пробылъ дома. Черезъ полтора года

изъ войска донскаго наряжено было четыре полка въ турецкій походъ, подъ предводительствомъ атамана Грекова. Пугачовъ поступилъ въ полкъ храбраго Кутейникова и произведенъ въ *хорунжіе*. Находясь въ походѣ, Пугачовъ не разъ имѣлъ случай проявить свои честолюбивыя наклонности: его давно мучила жажда славы, подвиговъ и отличій передъ товарищами; но рядовая служба безвѣстнаго хорунжаго, бѣднаго, безграмотнаго, взросшаго въ полудикой станицѣ, не могла выдвинуть его впередъ. Въ пьяномъ видѣ, онъ хвастался передъ казаками своей саблей, и на вопросъ одного изъ нихъ: откуда онъ взялъ ее? Пугачовъ отвѣчалъ, что сабля пожалована ему государемъ Петромъ I, что онъ крестникъ этого государя. Впослѣдствіи, онъ самъ заклинался, что выдумалъ это безъ цѣли, по одному самолюбивому побужденію — стать извѣстнымъ между товарищами. И онъ достигъ своей цѣли: слухъ о немъ пропесся между казаками, дошелъ до полковника, и о Пугачовѣ говорили, хоть нѣкоторые знали, что это хвастовство. — Время доказало, что эта личность выходила изъ ряда обыкновенныхъ.... По взятіи Бендеръ главнокомандующій русскими войсками графъ Петръ Ивановичъ Панинъ отпустилъ Пугачова, за болѣзнію домой на мѣсяцъ и съ нимъ сто казаковъ.

— Что-жъ! (говорилъ послѣ Пугачовъ) Когда я, будучи въ арміи, назывался государя Петра Перваго крестнымъ сыномъ, о томъ никогда и въ разумъ не приходило назваться мнѣ самимъ государемъ...

Отпускъ былъ такъ непродолжителенъ, что Пуга-

човъ не имѣлъ времени поправиться; но не смотря на то, что болѣзнь нисколько не уменьшилась, молодой хорунжій собралъ свой отрядъ и повелъ къ арміи. Миновавъ Донецъ, онъ почувствовалъ, что не въ силахъ дальше ѣхать. Вмѣсто себя онъ нанялъ другаго казака, а самъ воротился домой и занемогъ опасно: на рукахъ и ногахъ открылись у него огромные раны, и не было никакой надежды къ скорому выздоровленію. «Станичные командиры», видя такое положеніе Пугачова, совѣтовали ему взять станичный аттестатъ и билетъ для свободнаго проѣзда и ѣхать въ Черкаскъ лечиться.

Въ это время Пугачовъ совершилъ первое гражданское преступленіе, и оно было началомъ всей его послѣдующей, ужасной дѣятельности: онъ способствовалъ побѣгу одного изъ своихъ родственниковъ, казака Павлова, которому тяжкими казались условія тогдашней казацкой жизни.

Донское начальство узнало, кто способствовалъ этому побѣгу.

Пугачовъ видѣлъ бѣду; онъ хорошо былъ увѣренъ, что за такія поступки на Дону не прощаютъ—и самъ бѣжалъ.... Это было первое бѣгство Пугачова... Онъ бѣжалъ, не сказавъ о томъ никому, не простившись ни съ женой и дѣтьми, ни съ старухой матерью; двѣ недѣли онъ жилъ въ степи; бродилъ по лѣсу и по берегамъ рѣчекъ, питаясь чѣмъ Богъ послалъ, бродилъ безъ цѣли, какъ бродили тогда цѣлыя сотни тысячъ людей недовольныхъ, виновныхъ и невинныхъ,—и эта скучная жизнь бѣглаго надоѣла ему, потому что суж-

дена была ему иная доля. Онъ самъ пришелъ домой, гдѣ его взяли подъ караулъ и отослали въ Чирскую станицу, въ розыскную команду. На допросѣ онъ признался во всемъ, закованъ въ колоду и посланъ по станицамъ въ Черкаскъ за безопаснымъ конвоемъ. Когда его привезли въ Цымлянскую станицу, пріятель его, казакъ Худяковъ, съ которымъ они водили хлѣбъ-соль, просилъ станичнаго атамана отдать ему Пугачова на поруки, для доставленія въ Черкаскъ. Атаманъ согласился. Тогда Худяковъ снялъ съ него колоду и отправилъ въ Черкаскъ съ своимъ сыномъ, «малолѣткомъ», которому не было и двадцати лѣтъ. При прощаньи, отецъ сказалъ сыну на ухо, чтобъ тотъ отпустилъ Пугачова съ дороги. Сынъ такъ и сдѣлалъ: когда они выѣхали въ степь, Пугачовъ простился съ молодымъ Худяковымъ и пошелъ, куда глаза глядятъ, потому что ему уже нельзя было воротиться на родину. Черезъ нѣсколько времени онъ вышелъ въ Малороссію, въ Изюмскій полкъ, и въ слободѣ Кабаньей явился къ одному мужику, по фамиліи Коровка, которому признался, что онъ бѣглый донской казакъ и не знаетъ, куда ему дѣваться. Коровка научилъ его, какъ спастись отъ смерти, и совѣтъ этотъ проложилъ Пугачову дорогу къ той жизни, какая ожидала его. Онъ совѣтовалъ пробраться въ Польшу, а оттуда явиться уже въ качествѣ польскаго выходца-раскольника, что дозволено было послѣдними распоряженіями правительства.

Пугачовъ принялъ этотъ совѣтъ. Здѣсь только онъ узналъ, что есть возможность обмануть всѣхъ, спасти свою голову и цѣлый вѣкъ прожить безопасно. Ко-

ровка далъ ему въ проводники сына, и они поѣхали въ стародубскій монастырь, населенный раскольниками и всякимъ сбродомъ: это былъ притонъ всего, что бѣжало изъ-подъ плетей и висѣлицы, отъ произвола помѣщиковъ и подъячихъ. Пугачовъ прожилъ въ монастырѣ пятнадцать недѣль у какого-то раскольническаго старца Вавилы и опять услышалъ тотъ же совѣтъ, какой далъ Пугачову Коровка.

Тогда Пугачовъ и сынъ Коровки отправились въ Польшу проѣхали между русскими форпостами и явились въ знаменитой столицѣ польскихъ раскольниковъ, въ слободѣ Веткѣ, которая населена была людьми всякаго сорта. Но больше трехъ дней Пугачовъ не хотѣлъ оставаться въ Веткѣ и воротился въ Россію, потому что онъ могъ теперь назваться польскимъ выходцемъ. Правда, желаніе его было пробраться въ Бендеры; но съ тѣмъ фальшивымъ паспортомъ, какой написалъ ему сынъ Коровки, этого нельзя было сдѣлать: тамъ предъявлялись печатные паспорты. Находясь въ Польшѣ, Пугачовъ нанимался въ косцы и заработалъ небольшое количество денегъ, съ которыми и могъ выйти въ Россію. Пугачовъ явился на добрянскій форпостъ и сказался польскимъ выходцемъ, утаивъ настоящее свое званіе. Оставаясь въ продолженіе шести недѣль въ карантинѣ, онъ для прокормленія себя нанимался въ работники, и здѣсь впервые посѣтила его мысль — назваться именемъ покойнаго государя. Странная мысль родилась не въ немъ самомъ, а пришла отъ другихъ. Съ нимъ былъ одинъ бѣглый солдатъ, который нашелъ въ Пугачовѣ

сходство съ государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ. Это узналъ добрянскій купецъ Кожевниковъ и, «лаская его разными образами», старался вывѣдать отъ него тайну его происхожденія. Пугачовъ не утаилъ предъ нимъ ничего. Тогда Кожевниковъ говоритъ Пугачову:

— Слушай мой другъ! Если ты хотѣлъ бѣжать за Кубань, то бѣжать одному не можно. Хочешь ты пользоваться и начать лучшее намѣреніе? Есть люди здѣсь, которые находятъ въ тебѣ подобіе государя Петра Ѳедоровича... Прими ты на себя это званіе и поди на Яикъ. Я точно вѣдаю, что яицкіе казаки притѣснены: объявись тамъ подъ симъ именемъ и подговаривай ихъ бѣжать съ собою. Сей солдатъ скажется гвардейцемъ и будетъ всѣхъ увѣрять, что ты подлинно государь, и онъ тебя знаетъ, а простой народъ сему повѣритъ. Обѣщай яицкимъ казакамъ награжденіе, по 12-ти рублей на человѣка; деньги же если будетъ нужда, я вамъ дамъ, и прочіе помогутъ, съ тѣмъ только, чтобы вы насъ, раскольниковъ, взяли съ собою: ибо намъ здѣсь жить старовѣрамъ стало трудно, и гоненіе намъ дѣлаютъ непрестанное.

Пугачовъ обрадовался этой смѣлой мысли; но онъ не зналъ, какъ привести ее въ исполненіе. Заговорщики призвали на совѣтъ добрянскаго кузнеца Крылова и начали разсуждать о приведеніи мысли въ дѣло. На совѣтѣ положили, чтобъ Пугачову ѣхать на Иргизъ, въ Мечетную слободу, къ игумену Филарету. Кожевниковъ и Крыловъ говорили, что Филаретъ приметъ его, дастъ помощь и совѣты, какъ человѣкъ лучше всѣхъ понимающій положеніе дѣлъ яицкаго войска; они

положительно увѣряли, что за Пугачовымъ пойдутъ всѣ раскольники. Самозванецъ и мнимый гвардеецъ, получивъ паспорты, немедленно отправились въ путь и на дорогѣ заѣзжали къ Коровкѣ и получили отъ него 370 рублей на вспомоществованіе общему дѣлу, потомъ къ извѣстному луганскому казаку Кузнецову, который нѣкогда совѣтывалъ Пугачову возмутить яицкихъ казаковъ и бѣжать за Кубань.

Кузнецовъ спрашивалъ ихъ, куда они намѣрены пробраться, и Пугачовъ сказалъ, что идутъ на Пргизъ.

— Нынѣ и на Пргизѣ стало великое гоненіе старовѣрамъ, такъ не лучше ли пробраться въ другое мѣсто? замѣтилъ Кузнецовъ.

Пугачовъ признался, что онъ думалъ прежде вмѣстѣ съ зятемъ бѣжать за Кубань; но Кузнецовъ возразилъ, что эта мысль несбыточная.

— Какъ можно бѣжать въ такой далекой путь малому числу? Слышно здѣсь, что яицкое войско давно бунтуетъ, такъ лучше его подговорить бѣжать вмѣстѣ.

— Какимъ способомъ и путемъ пробраться на Яикъ? спросилъ Пугачовъ.

Кузнецовъ присовѣтовалъ то же, что совѣтывали ему Кожевниковъ и Крыловъ, — идти къ Филарету; говорилъ, что раскольники не пожалѣютъ ничего, дадутъ денегъ, сколько угодно, и всѣ за него стапутъ; что въ этомъ дѣлѣ приметъ дѣятельное участіе донской казакъ Вершиловъ, «почтенный человѣкъ между раскольниковъ» и имѣющій огромныя денежныя средства. При этомъ онъ самъ вручилъ ему 74 рубля да казакъ Долотинъ далъ 42.

Такъ они доѣхали до Малыковки (нынѣ Вольскъ, уѣздный городъ Саратовской губерніи) и явились къ управителю, который приказалъ имъ обождать нѣсколько дней, а между тѣмъ намѣренъ былъ отправить въ симбирскую правительственную канцелярію для записки ихъ новопоселенцами на Иргизъ. Въ это время происходилъ рекрутскій наборъ и мнимый гвардеецъ, спутникъ Пугачова, пошелъ въ солдаты наемщикомъ за одного малыковскаго крестьянина, и съ той поры имъ не довелось уже встрѣтиться. Пугачовъ, съ позволенья малыковскаго управителя, не бывъ въ Симбирскѣ, поѣхалъ на Иргизъ въ филаретовскій монастырь, къ настоятелю Филарету, о которомъ говорили ему въ Добрянкѣ Кожевниковъ и Крыловъ; онъ пробылъ у настоятеля три дня и потомъ, вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ опять въ Малыковку просить управителя, чтобъ тотъ не отправлялъ его въ Симбирскъ, «ибо, говорилъ Пугачовъ, лошадь у меня худа, такъ что не на чемъ скоро отправиться». Изъ уваженія къ Филарету управитель согласился, и Пугачовъ вновь явился въ иргизскомъ монастырѣ, гдѣ, впрочемъ, пробылъ недолго и поселился въ Мечетной слободѣ.

Раскольники, слѣдовательно, были первыми руководителями этого обширнаго замысла.

II.

Это было въ ноябрѣ 1772 года. 15 ноября Пугачовъ вмѣстѣ съ крестьяниномъ Филипповымъ, отправился въ Яицкій городъ для покупки рыбы. Повидимому, это

начало того обширнаго заговора, руководителемъ котораго былъ Филаретъ до той поры, пока не были втянуты въ него сотни лицъ и пока смута не взволновала весь сѣверовосточной край Россіи. Въ Яицкѣ Пугачовъ остановился у казака Дениса Пьянова, отъ котораго вывѣдалъ о состояніи яицкаго войска. Однажды, когда они сидѣли за столомъ и къ обѣду недостало хлѣба, хозяинъ замѣтилъ съ горестью:

— Вотъ до чего мы дошли, что уже и хлѣба недостало.

— Отчего? спросилъ Пугачовъ.

— У насъ было въ Яицкомъ городѣ убійство войсковой руки; казаки, въ томъ числѣ и я, хотя не дрался, однако-жъ при той свалкѣ былъ, убили генерала форъ-Траубенберга и многихъ изъ его команды, также и старшинской, казаковъ и чиновныхъ людей не мало. А какъ дошло сіе убійство до ея величества, то присланъ былъ для усмиренія генералъ Фрейманъ; а какъ онъ шелъ, то войсковые казаки выѣхали было противъ его на сраженіе и не хотѣли впускать въ Яицкій городокъ; однако-жъ, Фрейманъ осилилъ, и войско, кое противъ его выѣзжало, возвратясь въ городокъ, увидя свою бѣду неминучую, согласилось все бѣжать за море въ Золотую Мечеть, а многіе разбѣжались, въ томъ числѣ и я шатался по степи и на узеняхъ былъ въ укрывательствѣ.

— Такъ вы хотѣли, видно, то же самое сдѣлать, какъ намъ Некрасовъ сдѣлалъ измѣну (замѣтитъ Пугачовъ): подговоря многихъ и бѣжалъ за Кубань, на рѣку Лобу. А передъ выходомъ обѣщалъ каждому

казаку по 12 рублей на человѣка; а какъ вывелъ въ поле, то ни полушки и не далъ.

— Да какъ быть-то! (сказалъ Пьяновъ) — великое гоненіе... Вотъ я и теперь въ бѣгахъ: того и смотри, какъ придутъ и возьмутъ подъ караулъ.

— Да какъ же быть? (снова замѣтилъ Пугачовъ), хотя по поимкѣ тебя и поколотятъ, да можетъ и простятъ; а когда пойдете за границу, такъ и почтутъ васъ измѣнниками, — получите величайшій отъ государыни гнѣвъ....

Но это смиреніе въ словахъ только маскировало его хитрые происки, раздражало недовольныхъ и вызывало на откровенность. Пугачовъ далъ замѣтить Пьянову, что онъ пріѣзжалъ не спроста, многаго не высказалъ и на многое намекнулъ. Крестьянинъ Филипповъ, бывшій съ Пугачовымъ въ Яицкѣ, привезъ домой много странныхъ слуховъ и, по простотѣ ли сердца, по наущенію ли Пугачова, распустилъ ихъ въ народѣ, который не замедлилъ донести о томъ малыковскому управителю. Тогда велѣно было схватить Пугачова, который былъ уже въ Малыковкѣ и продавалъ рыбу, и посадить подъ караулъ для допроса; но Пугачовъ, приведенный къ допросу, твердо отвѣчалъ, что онъ не подговаривалъ яицкихъ казаковъ къ походу на Лобу для подданства турецкому султану; не сулилъ по 12 рублей на человѣка; что на границѣ у него нѣтъ двухъ сотъ тысячъ рублей и на семьдесятъ тысячъ товара и что никакой паша съ пятью милліонами не ожидаетъ ихъ за границей. А доносчики именно показывали, что онъ говорилъ такъ, а не иначе. Его

стали немилосердно сѣчь батогами, выпытывая, не солдатъ ли онъ, не барскій ли человѣкъ, — но Пугачовъ упорно стоялъ на своемъ и говорилъ, что у него съ Пьяновымъ разговоръ касался Некрасова — и только.

Послѣ допроса его отправили въ Симбирскъ съ двумя конвойными: дорогой онъ сталъ упрашивать проводниковъ, чтобъ отпустили его; но тѣ требовали по сту рублей, а Пугачовъ не имѣлъ этой суммы. Въ Симбирскѣ его не приводили къ допросу. Здѣсь онъ опять пробовалъ подкупить чиновниковъ, обѣщая имъ три рубли за освобожденіе; нашелъ подъячаго, который брался уговорить воеводу, ассесора и секретаря; но какъ съ Пугачовымъ этой суммы не было, то онъ ни въ чемъ не успѣлъ и вскорѣ посланъ былъ въ Казань. Скованный въ ручныя и ножныя кандалы, онъ приведенъ былъ въ губернскую канцелярію и спрошенъ: что за человѣкъ? и опять отвѣчалъ, что бѣглый донской казакъ.

Затѣмъ онъ приведенъ былъ въ острогъ. Вмѣстѣ съ другими колодниками Пугачова посылали на работы, преимущественно на арское поле. Въ острогѣ онъ свелъ дружбу съ однимъ арестантомъ, богатымъ купцемъ Парфеномъ Дружининымъ, отъ котораго ничего не скрывалъ и подговаривалъ къ побѣгу; но Дружининъ не зналъ, какъ и куда бѣжать.

Въ острогѣ, въ одномъ караульномъ солдатѣ они замѣтили, по выраженію Пугачова, «малороссійскую наклонность къ неудовольствію въ его жизни» и воспользовались этой слабостью, чтобъ привлечь его на свою сторону. Пугачовъ дѣйствовалъ такъ хитро, что

умѣлъ пріобрѣсти всеобщую любовь, и не было никого, въ комъ бы онъ не находилъ къ себѣ сочувствія. Разъ пропали у него деньги, и товарищи, узнавъ объ этомъ, хотѣли отыскать виновнаго: «я считаю сіе за милостыню... Кто взялъ — Богъ съ нимъ», сказалъ имъ Пугачовъ. Онъ не пилъ вина и часто молился Богу, за что̀ арестанты и солдаты считали его добрымъ человѣкомъ.

— И сія жизнь не была тому причиною, чтобы вкрасться людямъ въ любовь, и послѣ какъ назовусь государемъ, чтобы можно было на сію благочестную жизнь ссылаться, — говорилъ послѣ самозванецъ, когда ему довелось передавать людямъ исповѣдь своей жизни.

Многіе въ городѣ узнали объ этихъ прекрасныхъ качествахъ арестанта и охотнѣе всѣхъ давали ему милостыню: «Кто здѣсь Емельянъ Пугачовъ? Вотъ ему рубль», — часто слышали караульные отъ приходившихъ къ острогу, и слава о Пугачовѣ разошлась между арестантами.

Когда былъ обдуманъ планъ побѣга, и они открыли его согласному съ ними караульному солдату, малороссіянину, и тотъ одобрилъ его, Дружининъ увидѣлся съ своимъ пятнадцатилѣтнимъ сыномъ, который жилъ въ Казани, далъ ему денегъ и велѣлъ купить лошадь и кибитку. Когда все было готово, Дружининъ приказалъ сыну выѣхать ко двору одного знакомаго ему священника, но такъ, чтобъ никто этого не замѣтилъ, и гдѣ-нибудь вблизи дожидаться ихъ; сами же они въ этотъ день намѣрены были отпроситься у дежурнаго офицера за сборомъ милостыни. Офицеръ отпустилъ

арестантовъ съ двумя конвойными солдатами, изъ которыхъ одинъ былъ участникомъ ихъ заговора. Это было въ послѣднихъ числахъ мая 1773 года. Попа они не застали дома и должны были воротиться въ острогъ, «ибо говорили, по небытности попа дома, не съ кѣмъ напиться и напоить до-пьяна другаго солдата, который не былъ къ побѣгу согласенъ; а съ попадьею-де пить не хорошо, да она же и пить не согласится; а безъ хозяина чинить сіе дурно». Но часа черезъ два, въ обѣдъ, они снова получили позволеніе выйти изъ острога и между тѣмъ замѣтили, что маленькій Дружининъ все приготовилъ къ отъѣзду и кибитка была не далеко. Дружининъ послалъ попа въ питейный домъ купить вина и меду, и всѣ, кромѣ Пугачова, начали пить. Принесеннаго попомъ вина оказалось мало, и Дружининъ опять послалъ его въ кабакъ: всего больше они старались споить того солдата, который не зналъ о заговорѣ; впрочемъ, и самъ попъ не вѣдалъ, что они готовятся бѣжать. Послѣ попойки арестанты простились съ попомъ и пошли въ острогъ. На улицѣ встрѣтилъ ихъ маленькій Дружининъ съ своей кибиткой.

— Ямщикъ! что возмешь довезть до острога? крикнулъ къ нему отецъ, показывая видъ, что не знаетъ его.

— Много ли васъ? спросилъ мальчикъ.

— Четверо.

Маленькій заговорщикъ запросилъ пять копѣекъ, и арестанты съ конвойными сѣли въ кибитку. Ямщикъ покрылъ ихъ рогожкою, чтобъ не видно было,

куда повезетъ ихъ, и поскакалъ въ противную сторону отъ острога. Пьяному солдату показалось, что они ѣдутъ слишкомъ долго.

— Что такъ долго ѣдемъ? спросилъ онъ.

— Видно, не въ ту дорогу поѣхали, — отвѣчалъ Пучовъ: — и когда уже выѣхали на арское поле, открыли рогожку: солдатъ удивился, что они уже за Казанью.

— Оставайся съ благополучіемъ! сказали ему заговорщики и вытолкнули изъ телѣги.

Пушкинъ въ «Исторіи Пугачовскаго бунта» совершенно иначе разсказываетъ побѣгъ Пугачова изъ Казани. Онъ говоритъ, что преступникъ, «подъ стражею двухъ гарнизонныхъ солдатъ, ходилъ по городу, для собиранія милостыни. У Замочной Рѣшетки (такъ называлась одна изъ главныхъ Казанскихъ улицъ) стояла готовая тройка. Пугачовъ, подошедъ къ ней, вдругъ оттолкнулъ одного изъ солдатъ, его сопровождавшихъ; другой помогъ колоднику сѣсть въ кибитку, и вмѣстѣ ускакали изъ города» [1]). Замѣтно, что Пушкинъ пользовался показаніемъ солдата, выброшеннаго изъ кибитки на арскомъ полѣ, который, чтобы правдоподобнѣе маскировать свою оплошность, сочинилъ небывалую исторію. Мы видѣли, что дѣло было не такъ.

Черезъ три дня пришла въ Казань конфирмація военной коллегіи на рѣшеніе казанскаго суда: «Оному Пугачову, за побѣгъ его за границу въ Польшу и за утайку по выходѣ его оттуда въ Россію о своемъ

---

[1]) Ист. Пуг. бунта, I, 15.

званіи, а тѣмъ больше за говореніе возмутительныхъ и вредныхъ словъ, касающихся до побѣга всѣхъ яицкихъ казаковъ въ Турецкую область, учинить наказаніе плетьми и послать, такъ какъ бродягу и привыкшаго къ праздной и продерзкой жизни, въ городъ Пелымъ, гдѣ употреблять его въ казенную работу» [1]). Но эта конфирмація осталась пришитою къ дѣлу, — Пугачова искать уже было поздно...

III.

Цѣлыя сутки скакали бѣглецы, не останавливаясь и не кормя лошади, и пріѣхали въ одну татарскую деревню, гдѣ укрывалась жена Дружинина. Взявъ ее съ собою и прикупивъ еще одну лошадь, они поскакали къ тому городу, гдѣ жилъ Дружининъ и, не доѣзжая съ версту, послали маленькаго Дружинина взять остальныхъ дѣтей; но жители узнали его, хотѣли связать, и мальчикъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Арестанты поѣхали дальше и на другой день остановились уже на берегу рѣки Вятки, на перевозѣ. На вопросъ, куда они ѣдутъ? бѣглецы отвѣчали, что на Кураковскій заводъ и были перевезены черезъ Вятку. Но никто изъ нихъ не зналъ дороги ни на Яикъ, ни на Иргизъ, а между тѣмъ нельзя было не думать, что ихъ ищутъ; что, быть можетъ, погоня уже близко; а спросить о дорогѣ было не у кого и небезопасно.

---

[1]) Ист. Пуг. бунта, пр. 28 — 29.

Но вотъ они повстрѣчали на дорогѣ неизвѣстнаго человѣка; спросили, какъ и гдѣ переѣхать Каму и какая дорога доведетъ на Яикъ? Тотъ указалъ имъ перевозъ и велѣлъ ѣхать на село Сарсасы.

Пугачовъ вспомнилъ, что въ Сарсасахъ у него есть знакомый мужикъ Алексѣй Кандалинцевъ, котораго онъ узналъ въ Казани, и потому прошелъ прямо въ его домъ, между тѣмъ какъ Дружининъ остановился за селомъ.

Отсюда, обманувъ Дружинина, Пугачовъ вмѣстѣ съ Кандалинцевымъ пробрался на Иргизъ; но прежде они пріѣхали на таловскій уметъ, содержателемъ котораго былъ нѣкто Оболяевъ, по прозванію Еремкина Курица. Здѣсь Пугачовъ раздумалъ уже ѣхать на Иргизъ, гдѣ его помнили и могли опять схватить. Передавъ объ этомъ Кандалинцеву, онъ купилъ у него пару лошадей съ телѣгой и остался на уметѣ. Еремкина Курица узналъ Пугачова: они познакомились съ нимъ въ то время, когда Пугачовъ, вмѣстѣ съ крестьяниномъ Филипповымъ, въ первый разъ ходилъ мутить яицкое войско, и этотъ же Филипповъ предалъ его.

— Что, Емельянъ, — отпущенъ изъ-подъ караула? спросилъ Курица.

— Нѣтъ: а я бѣжалъ, — и просилъ Курицу позволить ему пожить у него нѣсколько времени.

— Живи: я много добрыхъ людей скрывалъ.

Находясь у Еремкиной Курицы, Пугачовъ проводилъ время въ охотѣ, стрѣлялъ птицъ и ловилъ въ степи звѣрей. Въ одно время пріѣхали на уметъ, также для охоты, нѣсколько яицкихъ казаковъ и во время

обѣда разговорились о печальномъ положеніи яицкаго войска: говорили, что они скрываются отъ городскихъ властей; что по убіеніи генерала фонъ-Траубенберга, на казаковъ наложено взысканіе, на иного 30, 40, а на иныхъ 50 рублей; что казакамъ той суммы заплатить нечѣмъ, — и они разбѣжались.

— А съ женъ нашихъ взять нечего (добавляли они); что хотятъ, то и дѣлаютъ съ ними... А заступиться за насъ некому; а сотниковъ нашихъ, кои было вступились за войско, били кнутомъ и послали въ ссылку. Итакъ, мы въ конецъ разорились и разоряемся. А какъ мы укрываемся и послѣ пойманы будемъ, то и намъ, какъ сотникамъ, какъ видно также пострадать будетъ... И чрезъ это мы погибаемъ, да и намѣрены, по причинѣ той обиды, разбѣжаться всѣ. Да мы и прежде уже хотѣли бѣжать въ Золотую Мечеть, однако-жъ, отдумали до времени...

Пугачовъ слушалъ и обдумывалъ: въ голову его опять закралась мысль, которая и прежде изрѣдка посѣщала его... Онъ видѣлъ, что настала его пора, и рѣшился объявить недовольному народу, что онъ — императоръ Петръ III, котораго давно помнила Россія.

Пугачовъ былъ не первый, воспользовавшійся вѣрою народа, что не умиралъ императоръ Петръ III, какъ возвѣщено было милостивымъ манифестомъ; что онъ живъ и находится гдѣ-то въ укрывательствѣ; что придетъ пора, когда онъ явится своему народу и поведетъ его къ счастью путемъ мирнымъ, гдѣ нѣтъ ни неправыхъ поборовъ и тяжкихъ податей, ни жестокихъ

помѣщиковъ и судей неправедныхъ. До Пугачова было нѣсколько самозванцевъ, которые всѣ кончили свое дѣло несчастливо. А между тѣмъ ничто не могло разбить страннаго самообольщенія народа, который чаялъ пришествія добраго царя.

Въ то время, когда Пугачовъ, спасаясь отъ смертной казни, ожидавшей его за способствованіе къ побѣгу на Терекъ зятю своему Павлову, бѣжалъ изъ родной станицы и скитался по Украйнѣ и Польшѣ, не зная гдѣ преклонить голову; раньше, чѣмъ Кожевниковъ и Крыловъ подали ему мысль назваться покойнымъ императоромъ, — императоръ уже явился, и смуты выразили сочувствіе народа къ нему. Это былъ самозванецъ Богомоловъ.

Изъ разговора, слышаннаго Пугачовымъ за обѣдомъ отъ яицкихъ казаковъ, а также изъ словъ Дениса Пьянова, горько жаловавшагося ему на бѣдственное положеніе, до какого дошло яицкое войско, наконецъ, по всему видѣнному и слышанному, Пугачовъ могъ заключить, что въ яицкомъ войскѣ непокойно и что сдерживаемыя народныя страсти ищутъ только предлога и опоры, чтобы мстить за оскорбленія; притомъ онъ вспомнилъ слова прежнихъ своихъ знакомыхъ Кузнецова, Кожевникова, Крылова, Коровки и игумена Филарета, и въ немъ заговорила его природная страсть выдвинуться изъ ряда обыкновенныхъ людей, изъ той узкой среды, куда толкнула его несправедливая судьба (такъ онъ думалъ). Ему было тридцать лѣтъ, когда жизненныя силы его находились въ полномъ цвѣтѣ, страсти опредѣлительнѣе вырази-

лись какимъ-то смутнымъ желаніемъ чего-то лучшаго, неизвѣданнаго имъ, стремленіемъ къ тому законному хорошему счастью, о которомъ онъ мечталъ еще въ отцовскомъ домѣ: а между тѣмъ онъ все еще оставался безвѣстнымъ казакомъ, бѣглымъ арестантомъ, безвозвратно потерявшимъ и свою семью, и родину, и свой первый офицерскій чинъ, и всю карьеру честнаго человѣка. Жажда славы, подвиговъ и всеобщей извѣстности, съ самаго малолѣтства овладѣвшая его пылкой душой, все еще не была удовлетворена и всего сильнѣе говорила въ немъ.

IV.

Яицкое войско до самаго восшествія на престолъ императрицы Екатерины II, въ дѣлахъ внутренняго распорядка и суда, обладало драгоцѣннымъ правомъ, къ сожалѣнію рѣдко выпадающимъ на долю не только подвластныхъ странъ, но даже самостоятельныхъ государствъ, — правомъ *самоуправленія*. «Совершенное равенство правъ; атаманы и старшины, избираемые народомъ, временные исполнители народныхъ постановленій; круги, или совѣщанія, гдѣ каждый казакъ имѣлъ свободный голосъ и гдѣ всѣ общественныя дѣла рѣшены были большинствомъ голосовъ; никакихъ письменныхъ постановленій; *въ куль да воду* — за измѣну, трусость, убійство и воровство: таковы главныя черты сего управленія», говоритъ Пушкинъ въ своей исторіи, основываясь на современныхъ свидѣтель-

ствахъ. Когда случалось какое-либо общее войсковое дѣло, на колокольнѣ соборной церкви били *сполохъ*, чтобы всѣ казаки шли на сборное мѣсто къ войсковой избѣ, гдѣ ожидалъ ихъ атаманъ. Когда народъ былъ въ сборѣ, атаманъ выходилъ изъ избы съ булавою въ рукѣ; за нимъ шли эсаулы съ жезлами, входили въ войсковый кругъ, клали жезлы и шапки на землю, читали молитву и кланялись сперва атаману, а потомъ на всѣ стороны казакамъ. Послѣ того опять брали жезлы и шапки въ руки, подходили къ атаману, чтобы принять отъ него приказанія, возвращались къ народу и громко привѣтствовали его словами:

— Помолчите, атаманы-молодцы и все великое войско яицкое!

Потомъ, объявивъ дѣло, для котораго собрались, спрашивали:

— Любо-ль, атаманы-молодцы?

Тогда со всѣхъ сторонъ или кричали любо, или поднимали ропотъ и крики: нелюбо, нелюбо! и атаманъ самъ начиналъ увѣщавать несогласныхъ, объясняя дѣло и исчисляя выгоды отъ принятія предложенія. Когда атаманомъ были довольны и видѣли, что дѣло правое, то соглашались; въ противномъ случаѣ ропотъ не умолкалъ, и воля народа исполнялась [1]).

Эти исконныя права свободнаго народа мало-помалу стѣснялись русскимъ правительствомъ, которое исподволь вдавливало въ общую рамку административныхъ формъ все, что не согласовалось съ ними: такъ

---

[1]) Истор. и стат. об. ур. каз. (Ист. П. Б., I, пр. 13).

втянуты были въ систему русской жизни вольная малороссійская речь посполитая, запорожская сѣчь, войско донское, волжское и яицкое. Иногда дорого обходилось самой Россіи то тяжелое ярмо, которое она налагала на подвластныя ей полусвободныя области; но она ни на шагъ не отступала отъ своей системы. Яицкое войско продало свою волю кровью многихъ тысячъ. Правительство, по своему обыкновенію, лаская однихъ, чтобы привлечь на свою сторону, вооружало противъ нихъ остальное населеніе; оно умѣло возбуждать внутренніе раздоры, возстановляло одну сторону противъ другой и потомъ пользовалось плодами рукъ своихъ. Съ самаго начала царствованія Екатерины II народная партія яицкаго войска жаловалась на притѣсненія со стороны лицъ, преданныхъ правительству, на чиновниковъ, которые грабили и оскорбляли всѣхъ, кто имѣлъ съ ними какое-либо столкновеніе, и, потерявъ всякое терпѣніе, начала бунтовать. Правительство нарядило слѣдственную коммисію изъ генералъ-маіоровъ Потапова, Черепова, Бримфельда и Давидова, и гвардіи капитана Чебышева. Войсковаго атамана Андрея Бородина удалили отъ должности; на его мѣсто избрали Петра Тамбовцева. Казаки тайно посылали ходатаевъ въ Петербургъ, къ самой императрицѣ, принести справедливую жалобу на притѣсненія: но графъ Чернышевъ, тогда уже президентъ военной коллегіи, самоуправно приказалъ схватить ихъ, заковать въ оковы и наказать, какъ бунтовщиковъ. Казаки теряли надежду. Правительственная партія издѣвалась надъ своими противниками, давая народу чувствовать,

что прошла его воля, попраны всѣ права и завѣтные обычаи, которыми гордилось старое войско; даже бороды казацкія не были оставлены въ покоѣ: ихъ грозили сбрить.

Не оставалось ничего больше, какъ силой защищаться отъ позора и мстить за оскорбленія, за насмѣшку, которая такъ обидна въ устахъ сильнаго врага, и они рѣшились защищаться и мстить. 13 января 1771 года Яицкій городъ весь поднялся на ноги и пошелъ на площадь; изъ церкви вынесены были иконы; явился казакъ Кирпишниковъ и повелъ недовольныхъ къ квартирѣ присланнаго отъ правительства чиновника гвардейскаго капитана Дурнова; толпа встрѣтилась съ генераломъ фонъ-Траубенбергомъ, который шелъ на нихъ съ войскомъ и пушками и велѣлъ расходиться по домамъ. Ему отвѣчали крикомъ и выговоромъ.... Понимая невозможность успокоить или даже обмануть народъ, который вышелъ требовать своихъ правъ, генералъ приказалъ открыть по немъ огонь изъ пушекъ; тогда толпа бросилась на пушки, заставила ихъ умолкнуть и погнала по городу фонъ-Траубенберга и его войско. Траубенберга закололи, едва онъ успѣлъ добѣжать до воротъ своей квартиры, Тамбовцева повѣсили, Дурнова изранили, но оставили въ живыхъ; засадили подъ караулъ всѣхъ чиновниковъ и стали править войскомъ сами, тихо и разумно.

Но эта кровавая расправа не прошла даромъ. Въ Яицкѣ явился генералъ Фрейманъ; два раза разбилъ казаковъ въ кровопролитныхъ схваткахъ; наполнилъ плѣнными городскія тюрьмы и, когда тамъ уже не

доставало мѣста, набилъ ими лавки гостинаго двора. Войсковой кругъ былъ уничтоженъ. Рѣдкій миновалъ кнута, или Сибири, или рекрутства.

«Сіи строгія и необходимыя мѣры, говоритъ Пушкинъ, возстановили наружный порядокъ; но спокойствіе было ненадежно. «То ли еще будетъ!» говорили прощенные мятежники: «такъ ли мы тряхнемъ Москвою.» Казаки все еще были раздѣлены на двѣ стороны: согласную и несогласную (послушную и непослушную). Тайныя совѣщанія происходили по степнымъ уметамъ и отдаленнымъ хуторамъ. Все предвѣщало новый мятежъ. Недоставало предводителя. Предводитель сыскался» [1]).

Когда казаки уѣхали съ Таловскаго умета, Пугачовъ просилъ Еремкину Курицу истопить на другой день баню, и вмѣстѣ пошли въ нее мыться. По выходѣ изъ мыльни, Курица замѣтилъ какіе-то знаки на тѣлѣ у Пугачова.

— Что это у тебя на груди?

— Это знаки государевы, отвѣчалъ Пугачовъ.

Курица пришелъ въ недоумѣніе.

— Что ты говоришь? какіе государевы?

— Государевы!.. Я самъ государь Петръ Ѳедоровичъ...

Курица до того пораженъ былъ этимъ извѣстіемъ, что не сказалъ ни слова. Они вошли въ землянку. Пугачовъ снова заговорилъ о своемъ высокомъ званіи

---

[1]) Ис. Пуг. бунта, I, 12.

и говорилъ съ увѣреностью. Курица повѣрилъ «и дѣлалъ ему, яко царю, приличное учтивство».

— Еслибъ яицкіе казаки войсковой руки умные люди какіе проѣхали, то я бы съ ними погуторилъ, сказалъ мнимый царь.

— Ко мнѣ будетъ скоро яицкой Григорій Закладной, для лошади попросить, доложилъ Еремкина Курица.

Когда пріѣхалъ Закладной, Пугачовъ распорядился по-царски: приказалъ пожаловать его лошадью отъ своего имени. А Еремкина Курица докладывалъ:

— Ты самъ не называйся при Закладномъ государемъ, а я ему объявлю, что ты царь, и попрошу его, чтобы онъ прислалъ сюда изъ городка умнаго человѣка, Короваева съ товарищемъ, кого онъ знаетъ.

Услышавъ неожиданную вѣсть, Закладной «поблагодарилъ Бога, что открывается благополучіе», и поскакалъ въ городъ. Черезъ сутки пріѣхалъ и Короваевъ съ товарищемъ. Когда Курица доложилъ о пріѣздѣ ихъ, самозванецъ приказалъ ввести того и другаго въ сарай, гдѣ находился самъ.

— Ты ли надёжа государь нашъ, Петръ Ѳедоровичъ? говорилъ Короваевъ.

— Я... Чрезъ кого вы извѣстны обо мнѣ стали?

Тотъ сказалъ, что ихъ прислалъ Закладной.

— Ну, яицкіе казаки! Коли вамъ угодно, такъ вы меня примите, — я государь вашъ, Петръ Ѳедоровичъ; а не угодно, такъ откажите: я поѣду на Узень вашу и тамъ буду жить до времени.

— Я поѣду въ войско и тамъ съ другими поду-

маю (сказалъ Короваевъ), — и пріѣдемъ сюда въ третій день съ умными и престарѣлыми людьми.

— Хорошо, поѣзжай... Да скажи о семъ хорошимъ людямъ!

Тутъ самозванецъ сталъ говорить, какимъ образомъ онъ, царь, спасся отъ смерти въ Петербургѣ и гдѣ былъ до сихъ поръ; говорилъ, что и *примѣты царскія* имѣетъ. Слушатели внимали словамъ его съ полною вѣрою. Затѣмъ Короваевъ и товарищъ его уѣхали.

Въ это время случилось обстоятельство, которое могло гибельно кончиться для Пугачова. У русскаго царя недостало рубашекъ: находясь въ острогѣ, онъ такъ обносился, что нечѣмъ было смѣнить грязнаго бѣлья, да и прочее платье Бѣлаго царя было не лучше рубахи. Онъ вспомнилъ, что въ прошломъ году, живя въ Мечетной слободѣ, оставилъ свои рубашки на квартирѣ у Степана Косова, и потому рѣшился съѣздить за ними вмѣстѣ съ Еремкиной Курицей.

Только бѣгствомъ Пугачовъ спасся отъ погони. При возвращеніи его на уметъ, Короваевъ представился самозванцу, когда тотъ, стоя у рѣки, мылъ руки, чтобъ онѣ, вѣроятно, казались болѣе царскими. Короваевъ попросилъ самозванца къ себѣ въ станъ, предложилъ ему свою лошадь, а самъ слѣдовалъ за нимъ пѣшкомъ. Въ станѣ былъ одинъ только Шигаевъ. Сѣли обѣдать. Но лишь только начали рѣзать хлѣбъ, увидѣли, что къ нимъ подъѣзжаютъ два человѣка, нѣкто Чика, будущій графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, президентъ военной коллегіи Пугачова, и Мясниковъ.

— Надобно отъ нихъ укрыться; сказалъ Короваевъ: эти люди не надежные, а особенно Чика.

Самозванецъ и Шигаевъ бросились въ траву. Подъѣхалъ Чика.

— Что ты, Короваевъ, — зачѣмъ здѣсь? спросилъ онъ.

— Пріѣхалъ звѣря бить.

— Нѣтъ! видно, людей обманывать... Вы пріѣхали къ государю, да и я вѣдь того же ищу.

Когда Короваевъ услышалъ, что Чика уже знаетъ все, то просилъ самозванца показаться. Они поздоровались очень дружелюбно и сѣли обѣдать вмѣстѣ. Послѣ обѣда Короваевъ обратился къ самозванцу:

— Покажи-тко намъ царскіе знаки, чтобъ было намъ чему вѣрить, и не прогнѣвайся, что я васъ о семъ просилъ.

Самозванецъ взялъ ножикъ и, разрѣзавъ воротъ у рубашки до пупа, показывалъ имъ свои раны.

— Отъ чего эти знаки? спросили его.

— Когда въ Петербургѣ противъ меня возмутились, такъ это гвардейцы кололи штыками.

— А это что у васъ? спросилъ Чика, увидѣвъ у него на лѣвомъ вискѣ пятно отъ золотухи.

— Это шрамъ у меня, — потому что болѣло.

И когда казаки спрашивали, какимъ образомъ онъ ушелъ изъ Петербурга, самозванецъ сказалъ, что его спасъ одинъ офицеръ и вмѣсто него похороненъ другой.

— И намъ слышно было, что государь скончался; однако-жъ, болѣе поговаривали, что онъ живъ, да взять не знали гдѣ... А теперь видимъ, что ваше

величество здѣсь... Да гдѣ-жъ вы такое долгое время были? спрашивали казаки.

— Былъ я въ Кіевѣ, въ Польшѣ, въ Египтѣ, въ Ерусалимѣ и на рѣкѣ Терекѣ, а оттоль вышелъ на Донъ, а съ Дону пріѣхалъ къ вамъ и слышу, что вы да и вся чернь, обижены... Такъ я хочу за васъ вступиться и удовольствовать... и хотя не время было мнѣ явиться, однако-жъ, видно, Богъ привелъ... А когда вы меня не примете, такъ я пойду на Узень для жительства до времени.

— Примемъ, батюшка! сказали въ одинъ голосъ казаки: только вступись за насъ и въ нашихъ отъ старшинъ обидахъ помоги. Мы въ конецъ всѣ разорились отъ большихъ денежныхъ поборовъ... Да гдѣ уметчикъ? спросили они.

— Въ Мечетной взяли подъ караулъ.

— За что?

— Богъ знаетъ! мало ли есть злыхъ людей? И меня хотѣли было арестовать, однако-жъ, я ушелъ... И гдѣ-то я не былъ! Былъ въ Царицынѣ подъ карауломъ, былъ и въ Казани, и изо всѣхъ мѣстъ Богъ меня вынесъ.

— Да какимъ образомъ вы спаслись?

— Вѣдь вездѣ не безъ добрыхъ людей... Помогутъ, такъ и уйдешь. Да вотъ и теперь надобно думать, что при Мечетной будетъ погоня за мною, такъ надобно отселѣ скрыться куда ни есть.

— Теперь поѣдемъ къ намъ въ хуторъ, и тамъ поживете, а мы между тѣмъ станемъ соглашать къ принятію васъ войско, сказалъ Шигаевъ.

Но Короваевъ и Чика замѣтили:

— У тебя Шигаевъ въ хуторѣ жить не можно для того, что многіе ѣздятъ. Я лучше возьму на свои руки; а гдѣ будемъ съ нимъ жить, я вамъ послѣ объявлю, а теперь вамъ не скажу. А вы поѣзжайте въ городокъ и купите матеріи на знамена, и все, что должно, исправлять надобно проворно, добавилъ Чика.

Послѣ этого, раздѣлившись на 2 партіи, они всѣ поѣхали на казачьи уметы, по направленію къ Яицкому городку; въ тридцати верстахъ отъ города заговорщики снова съѣхались и ночевали вмѣстѣ, а на другой день опять разстались: Шигаевъ и Короваевъ отправились въ городъ для покупокъ, а Чика и Мясниковъ повезли самозванца на хуторъ къ казакамъ Кожевниковымъ; не доѣзжая они остановились въ степи, и Чика поѣхалъ впередъ переговорить, могутъ ли Кожевниковы принять царя. Тѣ, конечно, приняли.

V.

Въ то время, когда Пугачовъ приводилъ въ исполненіе давно задуманный планъ и уже сталъ выходить изъ ничтожества, котораго не тѣрпѣла его душа, казанское начальство производило о немъ развѣдыванія и безполезные поиски; о побѣгѣ важнаго колодника дали знать во всѣ ближайшія мѣста; казанскій губернаторъ, генералъ-аншефъ Яковъ Ларіоновичъ фонъ-Брантъ донесъ объ этомъ происшествіи военной коллегіи, которая предписала ему, почти три мѣсяца спустя послѣ

побѣга арестанта, дѣлать секретные поиски въ селеніяхъ Оренбургской губерніи и особенно въ жилищахъ яицкихъ казаковъ. Но время было потеряно.

Между тѣмъ неожиданное происшествіе встревожило умы всѣмъ, кто могъ понимать его важность. 15 сентября отставной сотникъ Липилинъ объявилъ яицкому коменданту подполковнику Симонову, что казаки затѣваютъ что-то недоброе. Онъ сказалъ, что на сызранской дорогѣ шатается непзвѣстный арестантъ, бѣжавшій изъ Казани; что онъ видѣлъ его на Таловскомъ уметѣ, говорилъ съ нимъ.... А по городу уже ходили нехорошіе слухи...

Симоновъ разослалъ отряды во всѣ мѣста, гдѣ, по его соображеніямъ, могъ укрываться опасный арестантъ. Отряды возвращались и доносили, что его нѣтъ нигдѣ.

Но черезъ три дня тотъ, кого искали, самъ явился подъ Яицкомъ.

У Кожевниковыхъ высокая особа введена была въ отдѣльную избу. Хозяинъ уже не разспрашивалъ, кто его гость, потому что Чика все пересказалъ. Сообщники Пугачова тогда же разъѣхались въ разныя мѣста вербовать слугъ царю, а между тѣмъ Кожевниковъ, по приказанію Чики, шилъ знамена къ предстоящему походу. Вдругъ, пріѣхалъ изъ Яицка братъ Кожевникова и привезъ нерадостную вѣсть, что вездѣ ищутъ того человѣка, который находится въ ихъ домѣ, и что отряды скоро будутъ въ хуторѣ. — «А какъ у насъ отыщутъ, такъ будетъ намъ великая бѣда!...» Въ ту же ночь Пугачовъ вмѣстѣ съ Мясниковымъ ускакалъ на рѣку Усиху, верстъ за 30 или за 40 отъ ху-

тора, приказавъ Кожевникову и Коновалову (который жилъ въ одномъ съ нимъ поселкѣ) привезти за нимъ палатку и съѣстнаго: извѣстіе, привезенное изъ города, не могло не встрѣвожить самозванца, у котораго въ перспективѣ былъ или тронъ Романовыхъ, или топоръ палача. Оттого такъ безконечно долго тянулись для него часы слѣдующаго дня, когда онъ видѣлъ, что, не смотря на его приказъ, ни Кожевниковъ, ни Коноваловъ не пріѣзжали, а время проходило безполезно. Не дождавшись никого, онъ, въ тотъ же вечеръ, самъ поскакалъ на хуторъ и приказалъ ѣхать за собой обоимъ соумышленникамъ. На Усихѣ онъ пробылъ четыре дня, въ продолженіе которыхъ не явилась къ нему ни одна душа, хотя онъ предварительно о томъ распорядился. Мысль, что ему измѣнили, не разъ приходила въ голову самозванца; но онъ не терялъ надежды, потому что ему, въ сущности, ничего не оставалось въ жизни: терять уже было нечего, на милость не надѣялся — да онъ и не ждалъ милости... А между тѣмъ раскрывалъ планъ своихъ дѣйствій немногимъ оставшимся съ нимъ: онъ говорилъ, что когда яицкое войско выѣдетъ *на плавню*, онъ соберетъ своихъ приверженцевъ, явится къ казакамъ и перевяжетъ всѣхъ старшинъ; потомъ войдетъ въ Яицкъ, выгонитъ Симонова и арестуетъ всю команду. А когда это не удастся, добавлялъ онъ, «то подумавъ пойдемъ, куда разсудимъ»...

Сомнѣнія и надежда не покидали самозванца до тѣхъ поръ, пока не пріѣхали въ станъ два казака, Львовъ и Ивановъ, и не успокоили его, одобривъ

планъ нападенія. Они тогда же отправились въ городъ собирать новыхъ приверженцевъ. Думали даже, если плавни не будетъ, идти прямо на Яицкъ.

— Если Богъ поможетъ мнѣ воцариться, сказалъ Пугачовъ: — то Яицкому городку быть вмѣсто Москвы или Петербурга, а яицкимъ казакамъ имѣть надъ всѣми перевѣсъ...

Онъ приказалъ немедленно прислать къ нему писаря для исполненія его словесныхъ приказаній.

— Хорошо, сказалъ Львовъ.—А я пришлю вашему величеству и кафтанъ съ шапкою получше.

На другой день явился въ станъ казакъ Никита Карповъ—тотъ самый, который послѣ поставленъ былъ Пугачовымъ въ атаманы яицкаго войска; съ нимъ пріѣхалъ Иванъ Почиталинъ, впослѣдствіи любимый секретарь самозванца, и привезъ для своего государя зеленый кафтанъ, бешметъ и шапку; Чика привезъ знамена, Мясниковъ сапоги. Въ тотъ же день Карповъ представилъ самозванцу татарина Идорку, явился Алексѣй Кочуровъ, будущій сподвижникъ Пугачова и нѣкоторые другіе. Одни пріѣзжали въ станъ, представлялись лжеимператору и принимали участіе въ совѣтѣ, другіе откланившись уѣзжали приводить въ дѣло его рѣшенія (совѣта). Въ пылу разговора прискакали въ станъ два гонца, одинъ изъ братьевъ Кожевниковыхъ и другой казакъ, и сказали:

— Наряжается въ яицкомъ городкѣ партія къ вамъ для поимки и скоро сюда будетъ, такъ надобно себя спасать...

Это извѣстіе навело такой страхъ на весь совѣтъ,

что заговорщикъ, бросивъ палатку, поскакалъ въ степь съ одними знаменами, съ которыми не хотѣли разставаться, какъ съ символами своего великаго значенія и будущей власти.

— Куда ты меня ведешь? спросилъ Пугачовъ Чику, на котораго уже и тогда больше всѣхъ полагался. Чика руководилъ поѣздомъ.

— Поѣдемъ въ Толкачевъ хуторъ. А когда можемъ собрать столько людей, чтобъ появиться къ городку, такъ думать нечего — поѣдемъ туда со славою. Когда же увидимъ, что не съ чѣмъ, то скроемся въ Узени... Я думаю, когда подъѣдемъ къ Яицкому городку, то многіе къ намъ пристанутъ: вѣдь не захотятъ быть замучены, когда донесено будетъ, что съ нами были согласны.

Чика слишкомъ хорошо зналъ и положеніе своего войска, и слабыя стороны управленія, и неудовольствіе народа, чтобы такъ дерзко разсчитывать на успѣхъ. Самъ Пугачовъ съ дѣтства еще, которое протекло среди независимаго Дона, и горькимъ опытомъ послѣдующей жизни, которую онъ провелъ среди людей, непріязненно постановившихъ себя въ отношеніи ко всему, что исходило отъ престола и законныхъ властей,— навыкъ угадывать, какія язвы были самыя чувствительныя въ больномъ организмѣ государства, и потому касался самыхъ больныхъ ранъ народа. Онъ самъ былъ изъ среды этой вѣчно роптавшей массы, притомъ изъ среды преступниковъ, которыхъ довелъ до остроговъ, можетъ быть, этотъ же самый разладъ съ жизнью и недовольство своимъ положеніемъ. Онъ зналъ, что

на зовъ его откликнется много голосовъ и не здѣсь такъ тамъ встанутъ за него милліоны недовольнаго народа,—иначе онъ не говорилъ бы такъ самоувѣренно, что въ случаѣ неудачи на Яикѣ, онъ «бросится въ Русь», увлечетъ ее за собою и повсюду поставитъ новыхъ судей, ибо въ нынѣшнихъ, говорилъ онъ, «присмотрѣна мною многая неправда».

Увѣренность Чики, съ которою онъ говорилъ послѣднія слова, не могла не придать твердости Пугачову; притомъ онъ самъ видѣлъ во всѣхъ окружавшихъ его полную готовность помогать ему всѣми силами. Во время этого бѣгства Идорка просилъ самозванца, не прикажетъ ли онъ ему ѣхать въ свои кибитки, собрать лошадей и ждать на дорогѣ его поѣзда къ Яицку. Самозванецъ, конечно, позволилъ, и татаринъ поспѣшилъ исполнить его волю. Въ полночь Пугачовъ прибылъ въ Толкачевъ хуторъ, гдѣ все уже знало о появленіи великой особы и все было на ногахъ; въ числѣ прочихъ представлялся ему Якимъ Давилинъ, который впослѣдствіи считался дежурнымъ въ свитѣ Пугачова и былъ въ милости. Тутъ же самозванецъ приказалъ секретарю своему написать указъ на Кожихаровъ форпостъ; а въ указѣ между прочимъ объявлялъ, что государь Петръ Третій, императоръ всероссійскій, принявъ царство, жалуетъ вѣрныхъ яицкихъ казаковъ рѣками, морями, лѣсами, крестомъ и бородою. Самозванецъ зналъ, что эти милости привлекутъ на его сторону всѣхъ недовольныхъ, и раскольники толпами пойдутъ подъ его знамена. Онъ приказывалъ, чтобы всѣ казаки, бывшіе на форпостѣ, шли къ нему, какъ

законному государю. Когда секретарь написалъ указъ и давалъ самозванцу подписать его, то лжеимператоръ приказалъ самому Почиталину написать подъ указомъ имя императора, говоря, что ему нельзя подписываться до самой Москвы,—что онъ не долженъ казать свою руку и что «есть въ ономъ великая причина». Указъ произвелъ свое дѣйствіе: казаки оставили форпостъ и явились въ станъ самозванца, у котораго такимъ образомъ уже было въ отрядѣ сорокъ человѣкъ казаковъ и двадцать калмыковъ. Не теряя времени, Пугачовъ приказалъ развернуть знамена. Они навязаны были на конейныя древка. Всѣхъ знаменъ было восемь, и на полотнѣ не было ничего нашито кромѣ осмиугольнаго раскольничьяго креста. Помолясь Богу, Пугачовъ поднялъ ихъ, — и это бѣлое полотно съ осьмиугольнымъ крестомъ долго носилось по Россіи и много, много крови было подъ нимъ пролито....

Весь отрядъ Пугачова сѣлъ на коней, обошелъ Кожихаровъ форпостъ и выѣхалъ на яицкую дорогу. Татаринъ Идорка встрѣтилъ его, у своихъ кибитокъ, съ двадцатью человѣками татаръ и съ яицкими казаками. Проходя мимо Бударинскаго форпоста, самозванецъ взялъ съ него еще двадцать казаковъ и повелъ свой отрядъ далѣе.

VI.

Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, передъ самымъ началомъ пугачовскихъ смутъ, за пограничною линіею русскихъ владѣній на востокѣ, кочевали въ

степяхъ три многочисленныя орды киргизъ-кайсаковъ. Большая орда управлялась въ то время ханомъ Эрали, средняя — Аблай-ханомъ и меньшая — Нурали-ханомъ, владѣнія котораго находились въ сосѣдствѣ съ землями яицкаго войска. Состоя подъ покровительствомъ русскаго правительства, они въ то же время были самыми безпокойными сосѣдями нашими: какъ подвластные русскому престолу, киргизъ-кайсаки давали намъ, въ случаѣ необходимости, помощь войскомъ; какъ сосѣди, они грабили наши купеческіе караваны, угоняли стада, уводили плѣнныхъ, а, иногда переправясь черезъ Яикъ, входили въ русскія поселенія, пробирались мимо пограничныхъ крѣпостей и форпостовъ, грабили все, что могла захватить ихъ нестройная, разсыпная конница, и съ добычей уходили вновь въ свои кочевья. Въ защиту отъ нихъ проводились укрѣпленныя линіи, воздвигались крѣпостцы, ставились на возвышенныхъ мѣстахъ маяки и пикеты, посылались сторожевые разъѣзды въ степь: но при всѣхъ предосторожностяхъ кайсаки налетали, какъ саранча, мгновенно производили грабежъ въ разныхъ мѣстахъ и также исчезали мгновенно, оставляя соженныя села и деревни. Они называли себя самыми покорными слугами Россіи, и не было сосѣда опаснѣе ихъ.

На привалѣ у Бударинскаго форпоста татаринъ Идорка далъ мысль Пугачову воспользоваться этими качествами киргизъ-кайсацкаго народа. Самозванецъ тотчасъ же приказалъ написать къ Нурали-хану указъ, въ которомъ, называя себя государемъ Петромъ III, требовалъ отъ хана вспомогательнаго войска и сына

въ заложники; а между тѣмъ, не дожидаясь возвращенія посланнаго, пошелъ прямо къ Яицку. По дорогѣ онъ заходилъ еще въ два форпоста и взялъ съ каждаго по двадцати человѣкъ. Почти у самаго городка схваченъ былъ яицкій казакъ Скворкинъ «старшинской руки», то-есть принадлежавшій партіи правительства, и приведенъ предъ Пугачова. Въ страхъ другимъ, самозванецъ приказалъ его повѣсить; — это была первая жертва народной мести. Въ то же время явился къ Пугачову одинъ киргизскій мулла и просилъ письма къ Нурали-хану, говоря:

— Я вѣрно уповаю, что Нурали-ханъ дастъ помощь.

Тогда Пугачовъ приказалъ написать письмо и вручилъ муллѣ, а войску своему, которое состояло уже изъ ста сорока человѣкъ, въ томъ числѣ двадцати татаръ и двадцати калмыковъ, велѣлъ построиться въ одну шеренгу и прямо идти на городъ. Знамена распустились.

— Я пошлю туда къ войску указъ, говорилъ самозванецъ казакамъ:—и когда насъ примутъ, такъ прямо въѣдемъ, а когда будутъ противиться, то поѣдемъ мимо за Строгановъ садъ и тамъ ночуемъ.

Изъ города замѣтили бѣлыя, развѣвающіяся знамена и толпу, двигавшуюся по направленію къ рѣчкѣ Чагану, черезъ которую перекинутъ былъ мостъ отъ города. Всѣ догадались, что это за толпа и какія знамена. Никто не ожидалъ столь быстраго появленія таинственнаго арестанта, котораго надѣялись увидѣть въ городской тюрьмѣ, закованнаго по рукамъ и по ногамъ, — и въ городѣ началось необыкновенное вол-

неніе. Партія, недовольная правительствомъ, скрывавшая свою злобу и отлагавшая до времени месть, потому что была безсильна, выражала явно, чему она сочувствуетъ; люди сомнительной вѣрности, только до поры казавшіеся благонамѣренными, не могли непринять сторону недовольныхъ. Комендантъ Симоновъ увидѣлъ, что отъ казаковъ ему не ждать добра, — а между тѣмъ надо было защищаться во что бы то ни стало, потому что бѣлыя знамена развѣвались все ближе и ближе. Онъ рѣшился предупредить нападеніе. Тогда Пугачовъ увидѣлъ, что изъ города выступили всѣ яицкіе казаки, и за ними пѣхота съ пушками, и перебрались черезъ мостъ. Пѣхота и пушки остановились у моста, а казаки шли на встрѣчу Пугачова; ихъ, какъ донесли ему, было тысячъ до трехъ. «Я думалъ въ то время, что разберутъ по рукамъ», говорилъ послѣ Пугачовъ; но, не устрашенный этой первою встрѣчей, онъ шелъ прямо противъ яицкаго отряда, будучи увѣренъ, что многіе изъ нихъ скоро станутъ подъ его бѣлое знамя. Казаки остановились. Изъ толпы яицкаго войска отдѣлился отрядъ человѣкъ до двухъ сотъ и подвигался къ Пугачову. Ими командовалъ премьеръ-маіоръ Наумовъ [1]). Тогда со стороны Пугачова показался казакъ на конѣ, держа на головѣ царскую грамату. Посолъ вручилъ пакетъ старшинѣ Акутину, который предводительствовалъ яицкими казаками, и велѣлъ его «вычесть въ кругу», а самого Аку-

[1]) У Пушкина здѣсь перепутаны имена: Наумовъ два раза названъ капитаномъ Крыловымъ; но тутъ же, на одной страницѣ, называется и Наумовымъ. Ист. Пуг. бунта, I, 20.

тина требовалъ къ Пугачову «для опознанія» государя, потому что старшина бывалъ въ Петербургѣ и видѣлъ Петра III. Казаки требовали, чтобы бумага была прочитана въ кругу. Наумовъ не позволялъ. Войско пришло въ негодованіе, и ставшіе во главѣ недовольныхъ казаки, Овчинниковъ и Лысовъ, первые ушли къ Пугачову; за ними послѣдовало человѣкъ до пятидесяти, которые тотчасъ же перебѣжали къ самозванцу и силою перетащили съ собой много другихъ казаковъ, не хотѣвшихъ идти за ними, ухвативъ подъ уздцы ихъ коней. Отрядъ Наумова обратился въ бѣгство, а за нимъ отступили къ городу и прочіе казаки. Пугачовъ двинулся вверхъ по Чагану, намѣреваясь перевести свое двухсотенное войско черезъ рѣку въ бродъ. Вечерѣло. Чтобы не допустить этой переправы, отъ городской команды отдѣлили отрядъ съ намѣреніемъ пересѣчь дорогу Пугачову: тогда онъ приказалъ своему отряду ударить на нихъ со всѣхъ сторонъ и отрѣзать отъ города. Атака была такъ стремительна, что рѣдкій успѣлъ ускакать въ городъ, тогда какъ прочіе были захвачены въ плѣнъ и перевязаны; иные сами передались Пугачову. Изъ Яицка не подано было никакой помощи. Пойманные и связанные казаки «старшинской руки» отданы были на ночь подъ крѣпкую стражу; въ числѣ ихъ находился престарѣлый старшина Витошковъ, бывавшій въ Петербургѣ.

— Знаешь ли ты меня? спросилъ его Пугачовъ.

Витошковъ отвѣчалъ, что видѣлъ его еще маленькаго.

— Вотъ спросите: онъ меня знаетъ, сказалъ Пу-

гачовъ тѣмъ, которые еще сомнѣвались въ его происхожденіи.

На утро казаки спрашивали самозванца:

— Что, ваше величество, прикажете дѣлать надъ взятыми въ плѣнъ казаками?

— Надобно ихъ увѣрить, да привесть къ присягѣ, отвѣчалъ тотъ.

— Мы имъ не вѣримъ! возражали казаки.

— Мы, ваше величество, знаемъ, кого можно простить и кого повѣсить: тутъ есть великіе злодѣи, — говорили Овчинниковъ, Лысовъ и другіе съ ними.

Самозванецъ видѣлъ, что надо исполнить ихъ желаніе, и приказалъ дѣлать рели. Изъ плѣнныхъ отобрано было одиннадцать подозрительныхъ казаковъ— и тутъ же повѣшено.

— Не погрѣшите, да безвинныхъ людей не погубите, просилъ Пугачовъ, когда вѣшали несчастныхъ.

— Мы, ваше величество, знаемъ! отвѣчали казаки въ одинъ голосъ.

Палачевскую должность исправляли въ это время казаки Ѳедоръ Карташовъ и Яковъ Бурковъ: они охотно пошли въ эту должность. Повѣшены были: сотники Черториговъ, Ранневъ и Коноваловъ; пятидесятники — Руженикова, Толстовъ, Подъячевъ и Колпаковъ; рядовые — Сидоровкинъ, Ларзяневъ и Чукалинъ. Это была вторая искупительная жертва народной мести. Сотникъ Витошковъ былъ помилованъ по просьбѣ войска [1]).

---

[1]) У Пушкина Витошковъ, названный Витошкиновымъ, поименованъ въ числѣ повѣшенныхъ. Но самому Пугачову лучше знать, кого онъ ка-

По совершеніи казни, Пугачовъ снова отправилъ въ городъ указъ, требуя покорности; онъ повелѣвалъ войску одуматься и встрѣтить своего законнаго государя; но посланный не возвращался. Пугачовъ пошелъ опять къ городу, но, встрѣченный пушечнымъ огнемъ, отступилъ.

— Что, други мои, васъ терять напрасно: пойдемъ туда, гдѣ насъ примутъ, говорилъ онъ своему войску, удаляясь отъ Яицка,

А казаки говорили: «Пойдемъ, ваше величество полемъ до илецкой станицы». И онъ повелъ ихъ вверхъ по оренбургской дорогѣ. Симоновъ не смѣлъ и думать о преслѣдованіи, потому что на яицкое войско не надѣялся, а солдаты нужны были въ городѣ, гдѣ со дня на день готовъ былъ вспыхнуть бунтъ. При малѣйшемъ смятеніи, стоило только отворить двери городской тюрьмы и открыть лавки гостиннаго и мѣноваго двора, наполненныя предводителями прежнихъ войсковыхъ бунтовъ, и гибель всѣхъ пограничныхъ русскихъ крѣпостей была неизбѣжна. Въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ Симоновъ отправилъ немедленно гонца къ оренбургскому губернатору, генералъ-поручику Рейнсдорпу, и просилъ помощи; но это извѣстіе пришло въ Оренбургъ слишкомъ поздно: путь къ сѣверу былъ уже закрытъ для проѣзда нарочнаго, и онъ долженъ былъ пробираться окольными

шалъ, особенно въ первое время: въ допросѣ онъ сказалъ Потемкину, что простилъ Витошкова (Чт. Мос. Общ. Ис. и Др. р. 1858, кн. II, материотеч. 20). Пушкина ввела въ ошибку лѣтопись Рычкова.

дорогами. Гонецъ могъ проѣхать въ Оренбургъ только чрезъ Самару...

Пугачовъ явился на Гнилинскій форпостъ и взялъ оттуда лошадей и пушку. Это было первое орудіе въ его артиллеріи. Не доходя другаго форпоста, онъ приказалъ остановиться и сдѣлать войсковой кругъ, гдѣ позволилъ казакамъ, по старинному обычаю, который былъ у нихъ отнятъ правительствомъ, выбрать войсковаго атамана, полковника, эсаула и другихъ чиновниковъ. Атаманомъ избранъ былъ Овчинниковъ, полковникомъ — Лысовъ, Витошковъ эсауломъ. Послѣ того Пугачовъ приказалъ сдѣлать счетъ своему войску, и насчитали 450 человѣкъ: войско это умножено было Давилинымъ, котораго Пугачовъ послалъ впередъ по линіи къ Илецкому городку забирать съ форпостовъ людей и выводить къ нему навстрѣчу. Самъ Пугачовъ бралъ всѣхъ, кого встрѣчалъ, и форпостная стража, вся, со всей линіи, стала подъ его знамена; одни шли охотно и охотно цѣловали крестъ и евангеліе; другіе присягали по необходимости. Пушки, порохъ, ядра и ружья, все бралъ Пугачовъ и, въ продолженіе сутокъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, становился вдвое могущественнѣе того, какимъ былъ наканунѣ: въ теченіе одной недѣли онъ былъ атаманомъ ничтожной шайки и предводителемъ многочисленной, нестройной, но уже страшной арміи. Въ Илецкій городокъ онъ послалъ указъ на имя атамана Портнова, повелѣвая выйти съ войскомъ на встрѣчу, всѣхъ казаковъ жаловалъ, по своему обыкновенію, крестомъ и бородою, рѣками и лугами, деньгами и провіантомъ, свинцемъ и порохомъ

и вѣчною вольностью. Впереди себя онъ отправилъ своего вѣрнаго Овчинникова съ десятью казаками. Овчинниковъ послалъ указъ Портнову. Получивъ указъ, атаманъ не думалъ читать его народу; но казаки возмутились и принудили его «вычесть въ кругу государево письмо». Ночью Портновъ приказалъ спустить внизъ по Илеку плоты, чтобы разорвать мостъ, который велъ къ городу; но мостъ устоялъ, и казаки арестовали своего атамана. Овчинниковъ вошелъ въ городъ. Вслѣдъ за нимъ вошелъ и Пугачовъ при колокольномъ звонѣ и стеченіи народа. Его встрѣтили съ хлѣбомъ-солью и со всѣми знаками повиновенія. Пугачовъ прошелъ прямо въ церковь, велѣлъ пѣть молебенъ и многолѣтіе государю Петру Ѳедоровичу; на ектеніяхъ упоминалось то же имя, а имя императрицы было исключено. Пугачовъ говорилъ къ народу:

— Когда Богъ донесетъ меня въ Петербургъ, то зашлю ее въ монастырь, и пускай за грѣхи свои Богу молится. А у бояръ села и деревни отберу, а буду жаловать ихъ деньгами; а которыми я лишенъ престола, тѣхъ безъ всякой пощады перевѣшаю. Сынъ мой — человѣкъ еще молодой, такъ онъ меня и не знаетъ. — А самъ между тѣмъ горько плакалъ передъ Богомъ и говорилъ: Дай Богъ, чтобъ я могъ дойти до Петербурга и сына своего увидѣть здороваго!...

Проходя изъ церкви въ отведенный для него домъ, онъ не переставалъ говорить къ народу, возбуждать въ немъ самыя несбыточныя надежды и затрогивать самыя больныя и вѣчно новыя раны его сердца. Во

время обѣда онъ приказалъ растворить для народа питейный домъ и пить за его здоровье.

— Я ваше величество узналъ, говорилъ одинъ старый казакъ, увидѣвъ Пугачова:—я въ то время былъ въ Петербургѣ, какъ вы обручались.

— Ну, старичокъ, хорошо, когда ты меня узнаёшь, говорилъ Пугачовъ и снова ласкалъ народъ надеждами, а самъ плакалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Пришли илецкіе казаки и стали жаловаться на своего атамана: Портнова обвиняли въ томъ, что онъ не хорошъ къ войску, обижаетъ его, «да и ваше величество (прибавляли недовольные) хотѣлъ обидѣть и поломать плотами мосты». Пугачовъ приказалъ повѣсить атамана, разграбить его домъ, имущество и взять деньги. Малолѣтняго сына атаманскаго самозванецъ взялъ къ себѣ. Взялъ крѣпостныя пушки, нѣсколько бочекъ пороху, прибавилъ триста человѣкъ къ своему войску и снова двинулся по оренбургской дорогѣ. На пути приказалъ сдѣлать кругъ илецкимъ казакамъ и выбрать полковника, эсауловъ, сотниковъ и хорунжихъ. Званіемъ полковника удостоили Творогова, который былъ судьею и секретаремъ. Съ дороги Пугачовъ послалъ указъ въ крѣпость Разсыпную, требуя немедленной сдачи; а между тѣмъ самъ шелъ не останавливаясь. Въ Разсыпной хотѣли защищаться; но Пугачовъ взялъ приступомъ жалкія укрѣпленія, повѣсилъ коменданта, маіора Веловскаго, офицеровъ и священника; взялъ пушки и порохъ; повербовалъ въ казаки солдатъ; а находившіеся въ крѣпости казаки пошли къ нему охотою.

VII.

Въ шесть дней Пугачовъ прошелъ 170 верстъ, но еще нигдѣ не встрѣчалъ сопротивленія. До Оренбурга оставалось только сто верстъ. Это было 24 сентября. Что же дѣлалось въ Оренбургѣ? Что предпринимали власти? 22 сентября, вечеромъ, прискакалъ въ Оренбургъ гонецъ съ извѣстіемъ, что Илецкій городъ взятъ, и казаки измѣнили присягѣ. До сихъ поръ въ городѣ никто не зналъ, что происходило за двѣсти и за сто верстъ отъ Оренбурга. Страшная вѣсть разнеслась по городу въ тотъ же самый вечеръ изъ дома губернатора, у котораго былъ балъ, по случаю празднованія дня рожденія Государыни Императрицы. Гости развезли вѣсть по городу, и поднялись странные толки. Прискакалъ и другой гонецъ, изъ Яицка, посланный Симоновымъ черезъ Самару. Прискакалъ, наконецъ, третій гонецъ, Якишбай, съ татарскимъ письмомъ отъ Нурали-хана, «объявляю, писалъ ханъ, — что на сихъ временахъ проявился здѣсь Ея Императорскому Величеству измѣнникъ и приговариваетъ заблудящія рѣчи, что онъ якобы великій императоръ Петръ Ѳедоровичъ», что ханъ имѣлъ уже отъ него два посланія и подъѣзжалъ къ Яицку, предлагая Симонову свою помощь, но получилъ въ отвѣтъ, что и безъ него обойдутся. «Мы, на степи находящіеся люди, прибавлялъ Нурали, — не знаемъ, сей ѣздящій, воръ ли? или реченный государь самъ? Посланный отъ меня подъ однимъ претекстомъ нарочный возвратясь объявилъ,

что какой онъ человѣкъ — не знаетъ и не опозналъ, томко де борода у него русая.» Ханъ давалъ знать, что подвластная ему орда можетъ перейти Яикъ, эту запретную линію, черезъ которую не смѣла перешагнуть нога Киргиза; что онъ сдѣлаетъ это безъ позволенія губернатора. Письмо дышало какой-то двусмысленной самоувѣренностью и не менѣе двусмысленнымъ смиреніемъ и угрожающими намеками. Ханъ требовалъ возвращенія аманата, именитаго Иштекбай-батырь; смиренно предлагалъ отдать обратно 50,000 лошадей, угнанныхъ башкирцами и бѣжавшихъ изъ орды кизылбашей. Испуганный губернаторъ спѣшилъ увѣрить хана, что кончина императора Петра III извѣстна всему свѣту; что самъ онъ видѣлъ государя въ гробу и цѣловалъ его мертвую руку; возвратилъ аманатовъ кизылбашей и скотъ; просилъ хана выдать самозванца правительству, если тотъ бѣжитъ въ киргизскія степи. Не успѣлъ онъ отвѣчать Нурали, какъ пришло еще новое извѣстіе.... Рейнсдорпъ не зналъ что дѣлать.

Потерявъ безъ толку почти двое сутокъ, когда нельзя было медлить ни минуты, Рейнсдорпъ 24 сентября командировалъ къ Яицку бригадира, барона Билова съ 410 солдатами пѣхоты и конницы, при шести орудіяхъ, приказавъ забирать по дорогѣ людей со всѣхъ крѣпостей и форпостовъ. Рейнсдорпъ обѣщалъ пять сотъ рублей награды тому, кто приведетъ къ нему Пугачова живаго въ руки, и 250 за мертваго: такъ дешево оцѣнена была голова, мечтавшая надѣть на себя корону Мономаховъ и Романовыхъ. Подполковнику Симонову велѣно командировать изъ Яицка маіора

Наумова съ легкими полевыми командами и съ казаками въ тылъ Пугачову и для соединенія съ барономъ Биловымъ; изъ Ставрополя приказано выслать 500 человѣкъ калмыцкаго войска, которое можно было собрать въ ближайшихъ кочевьяхъ, 500 башкирцевъ да 300 сентовскихъ татаръ; командиру Верхне-Озерной дистанціи, бригадиру барону Корфу, — идти форсированнымъ маршемъ къ Оренбургу.

Но было уже поздно.

Изъ Разсыпной Пугачовъ повелъ свое войско на Нижне-Озерную крѣпость. На встрѣчу ему шелъ изъ крѣпости капитанъ Суринъ съ ротою солдатъ и отрядомъ казаковъ, высланными (поздно уже!) комендантомъ крѣпости, на помощь покойному Веловскому, наканунѣ повѣшенному вмѣстѣ съ женою. Суринъ встрѣтился съ Пугачовымъ на дорогѣ, попался въ плѣнъ и былъ повѣшенъ. Отрядъ его увеличилъ собой войско самозванца, охотно промѣнявъ Сурина на Пугачова. Народная память сберегла имя этого капитана, и солдаты еще при Пушкинѣ пѣли (можетъ быть и теперь поютъ):

Изъ крѣпости изъ Зерной,
На подмогу Разсыпной,
Вышелъ капитанъ Суринъ
Со командою одинъ...

Быстрые переходы Пугачова никому не давали времени ни опомниться, ни обсудить критическое положеніе страны, въ которое ее поставили событія одной недѣли. Всѣ распоряженія Рейнсдорпа оказались безполезными, и онъ со страхомъ видѣлъ, что надо

думать уже о защитѣ Оренбурга и своей собственной квартиры. Баронъ Биловъ, выступивъ изъ Оренбурга и, миновавъ Татищевскую крѣпость, приближался уже къ Озерной, какъ въ ночное время, верстъ за пятнадцать отъ крѣпости, услышалъ пушечные выстрѣлы; глухой гулъ орудій заставилъ его остановиться. Онъ полагалъ, что опоздалъ приходомъ; что крѣпость уже взята Пугачовымъ и отступилъ. Справедливо или ложно то было, но къ нему дошелъ слухъ, что Пугачовъ идетъ съ трехтысячнымъ войскомъ, и онъ засѣлъ въ Татищевой. Рейнсдорпъ снова, въ тотъ же день, приказалъ ему «неотмѣтно и немедленно» слѣдовать къ Озерной; но Биловъ не двинулся ни на шагъ. Баронъ Корфъ также сидѣлъ въ Верхне-Озерной и не слушалъ приказаній Рейнсдорпа. Напрасно разсчитывали и на калмыковъ, башкирцевъ и сентовскихъ татаръ: вмѣсто пятисотъ калмыковъ едва набрали триста, да и тѣ бѣжали съ дороги; изъ сентовскихъ татаръ никто не дошелъ до Билова и также бѣжали, не слушаясь приказаній. Маіоръ Наумовъ и войсковой старшина Мартемьянъ Бородинъ съ легкою полевой командой и казаками, отправленные изъ Яицка въ тылъ Пугачову, выступивъ въ степь, совершенно потерялись изъ виду, и долго не было объ нихъ никакого слуху, и никто не зналъ, гдѣ они и что съ ними сдѣлалось.

Едва разнеслась вѣсть о гибели Веловскаго и Сурина, — какъ Пугачовъ осаждалъ уже Озерную; не успѣлъ онъ сдѣлать приступа, какъ казаки, бывшіе въ крѣпости, покинули ее и явились къ самозванцу. Въ крѣпости остался только комендантъ, маіоръ Харловъ

и ничтожная горсть инвалидовъ съ двумя офицерами. Харловъ не надѣялся на успѣхъ; едва ли разсчитывалъ онъ даже остаться въ живыхъ и поспѣшилъ отправить свою молодую жену, съ которою онъ жилъ только нѣсколько недѣль, къ ея отцу, къ Елагину, коменданту Татищевской крѣпости. Въ ночь на 26 сентября, желая ободрить своихъ старыхъ солдатъ, онъ приказалъ стрѣлять изъ двухъ пушекъ, которыя у него были: эти-то, какъ ихъ называетъ Пушкинъ, *несчастные* выстрѣлы испугали Билова... За то роковая пальба была какъ бы сигналомъ для Пугачова и привлекла его вниманіе; утромъ онъ явился передъ крѣпостью, слѣдуя впереди своего войска.

— Берегись, государь, сказалъ ему старый казакъ:— неравно изъ пушки убьютъ.

— Старый ты человѣкъ! (отвѣчалъ самозванецъ) развѣ пушки льются для царей.

Но крѣпости было нечѣмъ и некѣмъ защищать. Двѣ крѣпостныя пушки напугали только храбраго барона, но не могли испугать Пугачова; да и стрѣлять никто не хотѣлъ. Харловъ бѣгалъ отъ одного инвалида къ другому, умоляя и приказывая дѣйствовать: его уже никто не слушался, да и напрасное было бы усиліе. Харловъ самъ схватилъ зажженный фитиль, выпалилъ едва ли не на воздухъ и бросился къ другой пушкѣ. Несчастный думалъ, что онъ одинъ можетъ защитить крѣпость! Но осаждающіе ворвались въ городъ, и осада была кончена. Побѣдители бросились на Харлова и одинъ за другимъ наносили ему тяжелыя раны: все, что имѣло чинъ и значеніе, все

дворянское и правительственное, все, что носило атрибуты власти, столько лѣтъ давившей народъ, — поднимало всю силу народнаго негодованія и гибло, какъ дотолѣ губило само все, къ чему ни прикасалось. Подъ ударами Харловъ просилъ пощады, давалъ выкупъ за свою жизнь и повелъ къ тому мѣсту, гдѣ спрятано было его имущество. Его не пощадили. Одни расправлялись въ городѣ, другіе за городомъ ставили уже рели, чтобы вѣшать, кого народъ укажетъ. Передъ висѣлицей сидѣлъ Пугачовъ и принималъ присягу жителей и солдатъ. Между ними показался Харловъ, ведомый казаками, весь исколотый и въ крови, съ вышибленнымъ глазомъ и обезумѣвшій отъ ранъ. Выбитый глазъ висѣлъ у него на щекѣ. Повѣсивъ двухъ офицеровъ Фигнера и Кабалерова, одного писаря и татарина Бикбая, Пугачовъ велѣлъ повѣсить и Харлова. Когда надѣвали на него петлю, солдаты просили Пугачова, чтобъ помиловалъ ихъ коменданта, котораго имъ стало жаль. Но казаки требовали казни. Разсказываютъ, что Бикбай самъ взошелъ на лѣстницу, приставленную къ висѣлицѣ, перекрестился и самъ затянулъ себѣ петлю. Видъ смерти сдѣлалъ его равнодушнымъ къ магометовой религіи...

Въ 28 верстахъ отъ этой, сейчасъ взятой крѣпости, и въ 54 верстахъ отъ Оренбурга стоитъ Татищевская крѣпость. Войско Пугачова потянулось къ ней. Получивъ послѣднія нерадостныя вѣсти, Рейнсдорпъ, въ тотъ же день писалъ указъ въ уфимскій уѣздъ, въ башкирскія волости, и приказалъ нарядить тысячу человѣкъ башкирцевъ, съ старшинами, съ исправными

ружьями и на добрыхъ коняхъ; командиромъ къ нимъ посланъ былъ старшина и почтъ-коммиссаръ Мендей Тулеевъ; башкирцамъ обѣщано было награжденіе. Къ бригадиру Билову командировали еще 300 сентовскихъ татаръ съ старшиною. Но изъ этихъ никто къ нему не явился. Съ дороги Пугачовъ послалъ указъ въ Татищевскую крѣпость, повелѣвая сдаться. Въ Татищевской комендантомъ былъ полковникъ Елагинъ; въ крѣпости сидѣлъ также баронъ Биловъ съ отрядомъ. Они рѣшились защищаться. Утромъ 27 сентября знамя Пугачова забѣлѣлось вдали, войско его заняло высоты, облегавшія крѣпость, и осажденные видѣли, какъ самозванецъ разставилъ свою артиллерію, и дула пушекъ самъ направлялъ на городъ. Толпы казаковъ кружили около самыхъ стѣнъ крѣпости и кричали солдатамъ, чтобъ не слушались бояръ и сдались. Крики ихъ заглушены были выстрѣлами изъ крѣпостныхъ орудій и отвѣтными выстрѣлами Пугачова. Сотникъ Подуровъ, начальствовавшій въ крѣпости надъ оренбургскими казаками, передался Пугачову со всѣмъ своимъ отрядомъ. Пугачовъ раздѣлилъ свое войско на двѣ части; одной половиной, которая облегала городъ въ нижней части, командовалъ Витошковъ; другую половину повелъ на приступъ самъ Пугачовъ и атаковалъ верхнюю часть укрѣпленія. Гулъ орудій и ружейная пальба не умолкали съ полдня до полночи. Ночью осаждающіе подожгли сѣно подлѣ крѣпостнаго оплота, дымъ повалилъ на крѣпость; пламя шло къ стѣнамъ, коснулось деревянныхъ укрѣпленій, перекинулось въ городъ и произвело общее смятеніе. Осажденные оро-

бѣли, бросились тушить огонь; осаждающіе бросились на нихъ, ворвались въ крѣпость, сошлись съ гарнизономъ и задавили его. Казаки кололи пиками, другіе рубили, чѣмъ попало. Схватили барона Билова и отрубили ему голову. Схватили Елагина, содрали кожу, какъ съ барана, вырѣзывали сало (онъ былъ тучный) и мазали свои раны. Жену его изрубили въ куски. Вдову маіора Веловскаго, повѣшеннаго въ Разсыпной, удавили. Всѣхъ офицеровъ перевѣшали. Нѣсколько гарнизонныхъ солдатъ и башкирцевъ вывели изъ крѣпости въ поле и разстрѣляли картечью. Весь гарнизонъ, носившій, по тогдашнему обыкновенію, напудренныя косы, остригли въ кружало, по-казацки, всѣхъ привели къ присягѣ и поверстали въ казачью службу. Захватили всѣ пушки, числомъ до тридцати, съ двумя единорогами, всю полковую, кабацкихъ и соляныхъ сборовъ денежную казну, множество военной аммуниціи, провіанта, соли и вина. Пугачовъ приказалъ тушить городъ, но было уже поздно. Войско вышло въ поле и расположилось лагеремъ. Оно простиралось у него до 3,000 человѣкъ.

Самозванецъ Ханинъ.

Исторія такихъ государствъ, какъ Россія, всегда будетъ оставаться неполною, недосказанною повѣстью минувшей жизни народа, если не будетъ останавливаться на тѣхъ моментахъ этой, повидимому, безцвѣтной и однообразной жизни массъ, въ которые народъ заявлялъ чѣмъ-либо о своемъ скромномъ существованіи. Правда, иныя изъ этихъ заявленій удивляютъ историка видимымъ отсутствіемъ смысла и цѣли; иногда они кажутся совершенно безумными, ребяческими манифестаціями, и имъ до сихъ поръ не считали нужнымъ давать мѣсто въ исторіи; но, какъ бы то ни было, не намъ обвинять народъ въ томъ, что онъ еще не развился до осмысленныхъ выраженій своей внутренней жизни и своихъ ожиданій; что онъ не успѣлъ еще научиться жить и дѣйствовать разумно.

Все XVIII столѣтіе богато событіями, которыя должны войти въ будущую исторію русскаго народа; однако, съ сожалѣніемъ мы должны признаться, что намъ болѣе извѣстны только тѣ моменты этой исторіи,

которые ставятъ народъ въ невыгодномъ свѣтѣ, или, по крайней мѣрѣ, невыгодно для него могутъ быть поняты и перетолкованы. Особенно бросаютъ тѣнь на чистоту народныхъ побужденій событія второй половины этого вѣка, время самозванцевъ, хотя не вина народа, что онъ, противъ воли, поставленъ былъ въ необходимость дѣйствовать такъ, а не иначе. Оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ, мы замѣтимъ, что въ русской исторіи самыя неполныя и отрывочныя свѣдѣнія объ исторической жизни народа и его самодѣятельныхъ политическихъ моментахъ должны считаться драгоцѣнными матеріалами: здѣсь все ново и любопытно. Къ числу такихъ свѣдѣній должны принадлежать и извѣстія о самозванцахъ, выразившихъ собой извѣстную сторону исторической жизни русскаго народа. Личность Пугачова, при разработкѣ неизданныхъ архивныхъ дѣлъ, уясняется болѣе и болѣе, и намъ становится болѣе понятнымъ это смутное время—послѣднія сорокъ лѣтъ прошлаго вѣка, на которое ошибочно взглянулъ нашъ великій поэтъ Пушкинъ, въ своей *Исторіи Пугачевскаго бунта.* Въ числѣ самозванцевъ, Пугачовъ былъ не первый; но онъ не былъ и послѣднимъ: не дальше какъ черезъ четыре—пять лѣтъ послѣ его казни явилось новое лицо, принявшее на себя имя, которымъ Пугачовъ взволновалъ бо̀льшую половину Россіи; эта личность была несчастнѣе Пугачова, и волненіе, вновь начинавшееся въ поволжьѣ съ появленіемъ новаго самозванца, было тотчасъ же подавлено.

Этотъ новый самозванецъ былъ казакъ Ханинъ [1]).

Въ мартѣ 1780 года, по секретному распоряженію дубовскаго начальства, волжскими казаками схвачены были въ хуторѣ помѣщиковъ Персидскихъ, на Илавлѣ, донской казакъ Максимъ Ханинъ, два малороссіянина и двѣ женщины, изъ коихъ одна была молодая крестьянская дѣвушка, и за карауломъ привезены въ Дубовку [2]). Они обвинялись въ важномъ государственномъ преступленіи. По снятіи первыхъ допросовъ, въ самой Дубовкѣ взято было еще одно подозрительное лицо, прикосновенное къ дѣлу. Но такъ какъ дѣло это было великой государственной важности, то черезъ два дня, всѣ шесть колодниковъ отправлены на судъ въ Царицынъ, и при этомъ дубовское начальство извѣщало царицынскаго коменданта, полковника Цыплетева, что, по показанію одной изъ арестованныхъ женщинъ, молодой дѣвушки, Ханинъ называлъ себя *непристойнымъ ему именемъ;* что прежде онъ находился въ арміи Пугачова и производилъ немалые гра-

---

[1]) Предшественники Пугачова были: Степанъ Малый (или Степано Пикколо), дѣйствовавшій и царствовавшій въ Черногоріи подъ именемъ Петра III, и Кремневъ, извѣстія о которомъ сообщены намъ В. И. Ламанскимъ. Матеріалы о самозванцѣ Ханинѣ получены нами отъ профессора И. И. Костомарова, который, по порученію начальника Саратовской губерніи, извлекъ ихъ изъ стараго царицынскаго архива. Хотя извѣстія о Ханинѣ очень кратки; но такъ какъ личность эта не была, кажется, извѣстна никому изъ нашихъ историковъ, то мы и пользуемся имѣющимися у насъ матеріалами для настоящей статьи.

[2]) Дубовка, посадъ, въ которомъ теперь до 12 тысячъ жителей, находится въ Саратовской губерніи, на Волгѣ, въ 317 верстахъ на югъ отъ Саратова. Въ этомъ мѣстѣ Волга протекаетъ въ 60 верстахъ отъ Дона, и на этомъ пространствѣ строится желѣзная дорога.

бежи, но отъ наказанія спасся бѣгствомъ; что зимой 1780 года, онъ съ однимъ малороссіяниномъ ѣздилъ за чѣмъ-то по русскимъ селамъ, а къ нему потомъ, тоже неизвѣстно по какимъ дѣламъ, пріѣзжалъ изъ далекаго русскаго села священникъ. Все это, добавляли въ извѣщеніи изъ Дубовки, «крайне до сумнѣнія доводитъ, что какія ни есть непстовыя разглашенія отъ нихъ въ русскихъ мѣстахъ не были-ль.»

Разглашенія были въ самомъ дѣлѣ странныя.

Когда Пугачовъ казненъ былъ въ Москвѣ, а прочіе его соучастники, двигатели народныхъ силъ минувшаго возмущенія, наказаны, кто смертною казнью, кто кнутомъ и ссылкою въ Сибирь, волжскіе казаки, находившіеся до того времени въ Дубовкѣ, были тотчасъ переселены на Терекъ, въ наказаніе за присягу Пугачову и участіе въ его послѣднихъ попыткахъ овладѣть Царицыномъ и удержать за собой ускользавшую изъ его рукъ власть надъ умами народа. Дубовка опустѣла. Въ ней осталось лишь нѣсколько казаковъ, подъ названіемъ *семейства*, которое управлялось войсковымъ старшиной Савельевымъ. На мѣсто казаковъ Дубовка стала заселяться выходцами изъ сосѣднихъ губерній. Въ 1778 году, Шатскаго уѣзда, села Хомутовки, экономическій крестьянинъ Гаврила Прохоровъ, въ числѣ прочихъ переселенцевъ, пришелъ съ своимъ семействомъ въ Дубовку, чтобы записаться въ число ея обывателей, и, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, отъѣзжая снова на родину, оставилъ въ деревнѣ Морцѣ дочь свою, восемнадцатилѣтнюю дѣвушку, въ услуженіи у одного крестьянина. Вѣроятно, дѣвушка была хороша

собой, потому что обратила на себя вниманіе сосѣдей. Потомъ она противъ воли вовлечена была въ смутное народное дѣло, которое начинало тогда вновь разыгрываться въ поволжьѣ, еще не успѣвшемъ вздохнуть послѣ недавняго страшнаго волненія, и принимало зловѣщій характеръ. Эта же дѣвушка была безсознательною причиной того, что дѣло это потушено въ самомъ началѣ, и притомъ безъ жертвъ, безъ крови и безъ шума. Къ хозяину молодой крестьянки пріѣзжали иногда гости или знакомые изъ другихъ деревень, и они-то сдѣлали ее безвинною участницей замышлявшагося тогда заговора.

Въ февралѣ 1780 года, въ Морецъ пріѣхалъ одинъ священникъ съ сыномъ, а съ ними два крестьянина изъ одного русскаго села и приглашали дочь Прохорова ѣхать куда-то съ ними.

— Поѣдемъ съ нами къ Петру Ѳедоровичу, говорили они: — тебѣ жить будетъ не худо.

И когда дѣвушка отказывалась, ее взяли насильно и увезли.

Въ это время отецъ ея возвратился въ Дубовку и черезъ нѣсколько дней отправился за дочерью; но тамъ ея уже не было: ее увезли изъ Морца. Крестьянинъ, у котораго она находилась въ услуженіи, сказалъ Прохорову, что за ней пріѣзжали такіе-то и такіе люди и повезли на Медвѣдицу. Прохоровъ поѣхалъ искать дочь. На пути онъ повстрѣчался съ людьми, которые взяли его дочь, уже не далеко отъ Медвѣдицы, въ Березовской степи, у станицы этого имени, и сталъ спрашивать ихъ, куда они дѣвали его дочь.

— Не плачь, сказалъ ему священникъ: — мы отвезли ее въ хорошее мѣсто, къ большому боярину Петру Ѳедоровичу.

Они обнадеживали притомъ Прохорова, что онъ не останется безъ вознагражденія.

— Да и сынъ твой, отданный въ солдаты, возвратится, говорили они и запрещали кому бы то ни было сказывать объ этомъ.

Дѣвушку, между тѣмъ, эти люди привезли изъ Морца на рѣчку Илавлу, въ хуторъ войсковаго атамана волжскаго войска, Василія Персидскаго, и отдали какому-то слесарю-ружейнику, отставному донскому казаку Максиму Ханину и, переночевавъ у него, уѣхали. Этотъ Ханинъ былъ то самое лице, которое называли «большимъ бояриномъ Петромъ Ѳедоровичемъ». По всему замѣтно было, что съ этимъ именемъ связана какая-то важная тайна, извѣстная немногимъ; что подъ именемъ Ханина кроется другая личность... На слѣдующую ночь Ханинъ открылся дѣвушкѣ, что онъ не мужикъ и не казакъ, а государь императоръ Петръ Третій; онъ, говорилъ, что вѣсть о его смерти распущена ложно; что тотъ, кого называли Пугачовымъ не казненъ въ Москвѣ; что императоръ Петръ Третій и Пугачовъ одно лице, и это лице — онъ, котораго ложно называютъ казакомъ Ханинымъ, ружейникомъ и т. п. Самозванецъ, желая обольстить дѣвушку, обѣщалъ взять ее замужъ, сдѣлать государыней. Вѣрила ли его словамъ дѣвушка, или не вѣрила; но она долго не соглашалась быть государыней, долго сопротивлялась, — однако, напрасно...

Кромѣ священника съ сыномъ и упомянутыхъ крестьянъ, къ самозванцу пріѣзжали изъ разныхъ мѣстъ неизвѣстные люди, и часто приходили малороссіяне изъ сосѣдней слободы Ольховки, привозили ему хлѣбъ и разные подарки, называли батюшкой, государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ, и о чемъ-то съ нимъ совѣтовались.

Видно было, что готовился заговоръ, что Ханинъ не даромъ ѣздилъ по русскимъ селеніямъ, что не даромъ являлись къ нему гости и сторонніе посѣтители, и такое живое участіе принимали въ его судьбѣ духовныя особы, пріѣзжавшія къ самозванцу Богъ-вѣсть откуда. Но это продолжалось не много времени. Сосѣднее населеніе было встревожено и, быть-можетъ, обрадовано таинственною вѣстью о появленіи между ними царя, который почему-то упорно сохранялся памятью народа и жилъ въ его воображеніи много лѣтъ спустя послѣ кончины. Самая гибель Богомолова, Пугачова и Кремнева, со всѣми ихъ приверженцами, не разбила этой странной вѣры: такъ евреи, въ своей двутысячелѣтней безпріютности и въ потерѣ національнаго единства, утѣшаютъ себя ожиданіемъ какого-то освободителя.

Первый доносъ на самозванца былъ сдѣланъ крестьяниномъ Прохоровымъ; а молодая дочь его навела слѣдователей на мысль, что готовится какой-то заговоръ. Не подозрѣвая всего, что́ творилось въ глуши степныхъ хуторовъ дубовское начальство предварительно приказало взять отъ Ханина привезенную къ нему дѣвушку и, прежде возвращенія къ отцу, подвергло

ее допросу въ присутствіи волжскаго войсковаго старшины Савельева, управлявшаго тогда Дубовкою, походнаго атамана и двухъ старшинъ. Здѣсь только объяснилось, что дѣвушка прикосновенна къ важному государственному дѣлу, о которомъ до сихъ поръ никто не подозрѣвалъ. Она разсказала, какъ взята была отъ своего хозяина, въ Морцѣ, и привезена къ какому-то таинственному человѣку, называвшемуся и казакомъ Ханинымъ, и большимъ бояриномъ Петромъ Ѳедоровичемъ; какъ онъ открылся ей въ томъ, что онъ государь; какъ пріѣзжали къ нему неизвѣстные люди и о чемъ-то говорили и пр. Когда допросили ея отца, онъ показалъ то же, что зналъ, слышалъ и видѣлъ, и тѣмъ усилилъ подозрѣніе присутствовавшихъ. Тотчасъ же распорядились схватить всѣхъ, на кого показывали Прохоровъ и его дочь. 12-го марта былъ допросъ этихъ двухъ лицъ, а 15 числа самъ Ханинъ и его домочадцы, малороссіяне Токаревъ и Любецкій, служившіе у него работниками, и находившаяся въ его домѣ женщина, тогда же арестованные, были уже допрашиваемы въ царицынской комендантской канцеляріи. Привезенъ былъ и Прохоровъ съ дочерью. Главное лице между арестованными былъ Ханинъ, мужчина лѣтъ пятидесяти. Кромѣ нѣсколькихъ ружей, въ домѣ его не нашли ничего подозрительнаго, могущаго навести на мысль о заговорѣ; но изъ новаго допроса, начатаго съ Прохорова, его дочери и прислуги Ханина открылось много важныхъ обстоятельствъ; всѣ допрашиваемые уличали Ханина въ самозванствѣ, въ похищеніи царскаго имени; изъ всѣхъ показаній видно

было, что заговоръ начатъ не въ домѣ Ханина, а гдѣ-то на сторонѣ; что прислуга самозванца уже послѣ узнала о томъ, что онъ называетъ себя государемъ, и узнала почти нечаянно, и что объ этомъ знали раньше ихъ лица, совершенно имъ неизвѣстныя, изъ другихъ провинцій. Но Ханинъ заперся во всемъ, въ чемъ его уличали, можетъ быть, потому что главныхъ участниковъ заговора онъ не видѣлъ въ присутствіи, или увѣренъ былъ въ ихъ безопасности: священникъ еще не былъ пойманъ, не были открыты и другіе заговорщики. На судѣ, передъ комендантомъ Цыплетевымъ и другими присутствовавшими, онъ разсказалъ вкратцѣ свою прежнюю жизнь, которая проведена была дурно и преступно. Самозванецъ родился въ войскѣ донскомъ, въ Михайловской станицѣ, гдѣ и состоялъ на службѣ; около шестидесятаго года, за воровство былъ наказанъ кнутомъ въ Новохоперской крѣпости и отставленъ отъ службы; жилъ потомъ въ Березовской станицѣ наемнымъ работникомъ; оттуда сошелъ въ Дубовку, гдѣ кормился своими трудами, и, наконецъ, поселился на Илавлѣ въ хуторѣ Персидскаго; онъ сознался, что привезенную къ нему дѣвушку «по усильству своему растлилъ». Обо всемъ прочемъ говорилъ, что никогда не называлъ себя государемъ, и его никто не называлъ «батюшкой».

— Оное взнесено на меня напрасно, и я никогда никому о семъ не говаривалъ, а изъ чего оное произошло, не знаю, сказалъ онъ въ концѣ допроса; но, уличенный очными ставками, сознался въ своихъ намѣреніяхъ.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ:

Въ 1778 г. Ханинъ ѣздилъ за чѣмъ-то въ Самару. Въ Самарѣ онъ возобновилъ старое знакомство съ однимъ уральскимъ казакомъ, по фамиліи Оружейниковымъ, вмѣстѣ съ которымъ они служили когда-то подъ знаменами Пугачова. Встрѣча, по обыкновенію, произошла во царевомъ кабакѣ. По выходѣ изъ питейнаго дома, между разговоромъ, Оружейниковъ спросилъ Ханина: откуда онъ? и тотъ отвѣчалъ, что изъ Дубовки. На новые вопросы уральца, Ханинъ отвѣчалъ, между прочимъ, что находился «у бывшаго злодѣя Пугачова въ толпѣ». Едва онъ это выговорилъ, Оружейниковъ обратился къ нему и сказалъ:

— Для чего ты называешь его Пугачовымъ и армію его толпой? Онъ былъ не Пугачовъ, а дѣйствительно императоръ Петръ Ѳеодоровичъ третій.

— Каковъ онъ былъ собою? спросилъ его Ханинъ, который, хотя и находился подъ знаменами Пугачова, однако, надо думать, не видалъ въ лицѣ самозванца.

Тогда Оружейниковъ взглянувъ на него, сказалъ:

— Таковъ, какъ ты.

Эти слова запали въ душу Ханину, и онъ рѣшился на смѣлый поступокъ. Думалъ ли онъ, что неудачи, испытанныя Пугачовымъ, его паденіе и трагическая смерть произошли отъ стеченія случайныхъ обстоятельствъ, которыхъ въ другой разъ можно было избѣгнуть, или обольщала его та громкая, хотя печальная извѣстность, которая постигла первыхъ самозванцевъ, или, наконецъ, имъ руководили самыя недалекія, мелочныя стремленія,—только онъ рѣшился идти по слѣдамъ

Пугачова и пошелъ по нимъ обдуманно. Это не была случайная вспышка, которая, повидимому, руководила дѣйствіями предшественника Пугачова, молодаго Богомолова: Богомоловъ не обдумалъ плана, по которому долженъ былъ дѣйствовать; онъ, находясь въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ Ханинъ, не успѣлъ даже вдохнуть въ окружающихъ увѣренность въ его высокомъ назначеніи и поселить единодушіе въ солдатахъ, съ которыми находился въ одномъ отрядѣ. Богомоловъ сказалъ даже на допросѣ, что онъ будто бы «въ пьянствѣ, безъ дальняго замысла объявилъ себя императоромъ Петромъ Третьимъ», и, можетъ-быть, это такъ и было въ самомъ дѣлѣ. Напротивъ, Ханинъ старался подготовить умы къ своему появленію; на его сторонѣ былъ и опытъ, и увѣренность въ сочувствіи народа. Возвратившись изъ Самары, онъ началъ приводить въ исполненіе задуманный планъ: сначала открылся немногимъ довѣреннымъ лицамъ, которыя развезли тайну по сосѣднимъ селамъ; потомъ самъ лично ѣздилъ по русскимъ поселеніямъ и разжигалъ народныя страсти, таинственно и какъ бы противъ воли открывая свое происхожденіе. Еще до возвращенія на Илавлу, онъ, какъ безъ сомнѣнія видно, успѣлъ побывать во многихъ мѣстахъ и переговорить не съ однимъ лицемъ.

Мы видѣли, что заговоръ былъ обнаруженъ въ самомъ началѣ, и народъ не успѣлъ заявить своего сочувствія къ самозванцу одною изъ тѣхъ манифестацій, съ которыми его спокойная натура, апатическая до поры до времени, такъ успѣла свыкнуться въ то смут-

ное время. Послѣ перваго допроса, въ Царицынѣ, преступниковъ разсадили по разнымъ мѣстамъ, предварительно осмотрѣвъ, нѣтъ ли съ ними ножей и другаго оружія: самозванца скрыли въ особой «каморкѣ» при гауптвахтѣ, а Токарева, Любецкаго, Пелагею Васильевну (женщина, служившая у Ханина) и Прохорова съ дочерью задержали у Предтеченскихъ воротъ, гдѣ былъ родъ тюрьмы. Къ нимъ никого не пускали, и преступники не могли никуда выходить. Въ то время было обыкновеніе посылать преступниковъ въ міръ кормиться подаяніемъ, потому что казенныхъ денегъ, ассигнованныхъ на содержаніе арестантовъ, отчасти было не достаточно, отчасти же эта сумма расходилась по карманамъ чиновниковъ; а иногда даже совершенно не ассигновалась въ пользу преступниковъ. Для сбора милостыни приковывали колодниковъ къ одной цѣпи или связывали канатомъ и водили по городу, какъ на сворахъ, «на связкахъ», и колодники, звеня кандалами, распѣвали по улицамъ, площадямъ и подъ окнами: «Подайте, православные христіане, бѣднымъ заключеннымъ, несчастнымъ узникамъ, подайте, Христа ради!» Ханина и другихъ арестантовъ, раздѣлявшихъ его участь, не только не посылали въ міръ, для сбора подаяній и на городскія работы, но даже не позволяли выходить изъ каморъ на дворъ для естественныхъ надобностей: двери, гдѣ они были заключены, отворялись только для подачи пищи и осмотра колодниковъ. Такъ научилъ осторожности Цыплетева первый самозванецъ Богомоловъ, котораго чернь и преданные ему артиллеристы хотѣли

отбить у караульныхъ и прозвели жаркую свалку на базарной площади въ Царицынѣ. Пугачовъ научилъ ихъ быть еще осторожнѣе.

Но первый допросъ не могъ удовлетворить слѣдователей. Были обстоятельства, которыя заставляли подозрѣвать, что Ханинъ не все сказалъ. Съ Илавлы привезли еще двухъ соучастниковъ его, крестьянъ помѣщика Персидскаго, малороссіянъ Андрея и Кондратія Колесниковыхъ, «за наикрѣпчайшимъ карауломъ, въ ножныхъ колодкахъ и наручняхъ», которыхъ взяли тайно, «непримѣтнымъ образомъ», какъ доносилъ коменданту Цыплетеву волжскій войсковой старшина. Колесниковыхъ взяли въ слободѣ Ольховкѣ, гдѣ у нихъ происходили совѣщанія съ самозванцемъ, и гдѣ Ханину представлено было еще одно лице, пріѣзжавшее издалека, малороссіянинъ Печерскій, который могъ бы разгласить о появленіи мнимаго царя у себя на родинѣ. Кромѣ того, Цыплетеву прислали изъ Дубовки частное письмо, полученное отъ казаковъ Варламова и Заикина, которымъ они извѣщали, вѣроятно, узнавъ стороной о широкихъ затѣяхъ самозванца, что у Ханина, на хуторѣ казака Гнусаря, была «непристойная гульба», клонившаяся, какъ подозрѣвали, къ «его зловредному замыслу», потому больше, что самозванецъ безъ всякой причины и повода подарилъ Гнусарю двадцать рублей денегъ и ружье, «флинту». По тому времени это былъ царскій подарокъ.

Когда допрошены были Колесниковы, показаніями которыхъ разъяснились нѣкоторыя новыя обстоятельства заговора, Ханина съ соучастниками потребовали

къ пыткѣ. Сначала присутствующіе увѣщавали его сознаться, но напрасно. Только подъ истязаніями допроса, въ мученіяхъ пытки, самозванецъ признался во всемъ, да и то едва ли. Въ его умѣ созрѣвалъ обширный замыселъ. Когда Ханинъ былъ въ Самарѣ и видѣлся съ упомянутымъ уральскимъ казакомъ, Оружейниковымъ, этотъ приглашалъ его уйти въ Сѣчь къ Запорожцамъ и побудить ихъ къ мятежу. Оружейниковъ говорилъ, что всѣ офицеры стоящаго на Уралѣ полка, кромѣ полковника и маіора, всѣ нижніе чины и болѣе тридцати человѣкъ уральскихъ казаковъ готовы поднять бунтъ, что тамъ есть и запорожцы, которые обѣщали помощь своего войска. Они намѣревались идти прямо на Москву и взять ее; оттуда идти къ Петербургу и также взять. Заговорщики разсчитывали, помня недавнее дѣло Пугачова, что за ними пойдутъ и солдаты русской арміи [1]). Въ головѣ ихъ уже бродила безумная мысль, что они возьмутъ «ея императорское величество подъ свою власть и сковавъ посадятъ въ заточеніе, а знатныхъ всѣхъ особъ истребятъ на смерть».

Нѣтъ сомнѣнія, что Ханинъ имѣлъ и другіе замыслы, но онъ о нихъ не сказалъ; не сказалъ также и о своихъ планахъ.

Вотъ, въ силу этой-то смѣлой мысли, Ханинъ,

[1]) ...«И при всемъ томъ разсуждали между собою, что какъ они съ запорожцами на сіе зло пойдутъ, то помогутъ имъ и изъ полковъ преданностію (то-есть предательствомъ, измѣною), такъ какъ и въ бывшее замѣшательство происходило, военнослужители.» (Собственныя слова Ханина, сказанныя на допросѣ.) По собственному признанію Ханина, онъ увѣренъ былъ, что войска «подадутъ ему людьми способъ».

присвоивъ себѣ имя покойнаго императора, сталъ дѣйствовать рѣшительно и бросилъ въ народъ опасное сѣмя, которое всходило скоро, потому что падало, относительно, на благопріятную почву. Давно знакомый магическій шопотъ: «живъ батюшка государь Петръ Ѳедоровичъ», ходилъ по народу, передаваясь изъ устъ въ уста, съ уха на ухо, и обѣщалъ недоброе, пока не схваченъ былъ дерзкій слесарь, безграмотный казакъ, имѣвшій виды на всероссійскій престолъ.

Извѣстіе о появленіи этого новаго самозванца естественно должно было произвести страшную тревогу въ оффиціяльномъ мірѣ. Тогдашній астраханскій губернаторъ, знаменитый Иванъ Варѳоломеевичъ Якобій [1]), одинъ изъ умнѣйшихъ людей вѣка Екатерины, прискакалъ въ Царицынъ, чтобы самому лично слѣдить за дѣломъ, которое могло разыграться новою кровавою драмой, еще такъ недавно поколебавшею весь организмъ государства. Онъ нашелъ самозванца уже пойманнымъ и скованнымъ; за соучастниками его разосланы были тайные поиски. Онъ приказалъ подвергнуть пыткѣ тѣхъ, которые были у него въ рукахъ: его тревожила неизвѣстность, съ какимъ намѣреніемъ заговорщики «дерзнули отдать титлу великаго имени» одному изъ среды своей. Якобій велѣлъ настрого «развѣдывать и примѣчать, не будетъ ли въ здѣшней ок-

[1]) Иванъ Варѳоломеевичъ Якобій (р. 1726 г. ум. 1803) генералъ-поручикъ. Онъ былъ астраханскимъ губернаторомъ съ 1776 по 1781 годъ; затѣмъ до 1783 года былъ генералъ-губернаторомъ уфимскимъ и симбирскимъ, а съ 1783 по 1789 годъ — генералъ-губернаторомъ колыванскимъ и иркутскимъ, послѣ чего былъ преданъ суду, продолжавшемуся нѣсколько лѣтъ. *М. Л.*

ружности оставаться по нихъ какихъ слѣдовъ и отрыжковъ»; а между тѣмъ, отъѣзжая въ Саратовъ, приказалъ и заговорщиковъ, послѣ пытки, везти вслѣдъ за собою.

3-го апрѣля ихъ пытали, а 8-го вывезли изъ Царицына по саратовской дорогѣ. Командиромъ отряда, сопровождавшаго заговорщиковъ, назначенъ былъ капитанъ Зубовъ; конвой состоялъ изъ небольшой партіи солдатъ съ унтеръ-офицеромъ и двѣнадцати казаковъ съ старшиною. Всѣ были вооружены. Кромѣ того, изъ всѣхъ селеній, черезъ которыя провозили арестантовъ, брали народъ для сопровожденія секретнаго поѣзда и для защищенія его въ случаѣ опасности, или, какъ выразился Цыплетевъ, «на цѣлое себя и важныхъ колодниковъ сохраненіе». Злу начальникъ, какъ называли самозванца, закованъ былъ въ ножныя кандалы и наручни; прочіе семь колодниковъ, не исключая женщины и молодой дѣвушки, въ ножныя желѣза. Конвою строжайшимъ образомъ запрещено было останавливаться въ степи, а ночныя стоянки велѣно имѣть непремѣнно въ жилыхъ мѣстахъ. Когда же конвой останавливался ночевать, арестантовъ вновь тщательно осматривали, а хозяевъ высылали вонъ изъ дома, чтобы даже они не знали и не подозрѣвали, какого гостя принимаютъ у себя. Ханину отводили особое помѣщеніе, и Зубовъ былъ при немъ неотходно. Народъ, проѣзжіе и прохожіе, встрѣчавшіеся съ поѣздомъ во время его шествія, не смѣли заговаривать съ конвойными, а тѣмъ менѣе съ арестантами, и потому никто не зналъ, кого везутъ подъ такимъ строгимъ прикры-

тіемъ. Имени Ханина не смѣли произносить даже конвойные, а еще меньше разсказывать, кто онъ такой. «Ежели что въ государственныхъ дѣлахъ подлежать будетъ тайности, оного отнюдь въ партикулярныхъ письмахъ никому не писать, ниже къ тому, отъ кого отправленъ, кромѣ настоящихъ реляцей, подъ неупустительнымъ штрафомъ», говорилось въ инструкціи, данной Зубову. Наконецъ, строжайшимъ образомъ предписывалось остерегаться, чтобы самозванецъ, въ дорогѣ, не былъ кѣмъ отбитъ и скрытъ гдѣ-либо; въ случаѣ нечаянныхъ нападеній со стороны народа, велѣно было защищаться «сильною и вооруженною рукой». Такъ мало довѣряли мѣстныя власти видимой тишинѣ и покорности народа, и такъ сомнительно было спокойствіе повольжья, возстановленіемъ котораго столь усердно занимались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и съ такими огромными массами войскъ лучшіе умы того времени, графъ Петръ Панинъ и Суворовъ.

Однако, торжественный поѣздъ Ханина никѣмъ не былъ остановленъ въ дорогѣ: самозванецъ благополучно прибылъ въ Саратовъ на окончательный судъ. Вслѣдъ за нимъ, черезъ недѣлю, по той же дорогѣ и съ такими же предосторожностями, слѣдовалъ другой поѣздъ. Это везли соумышленниковъ Ханина, захваченныхъ послѣ. Второй поѣздъ состоялъ изъ девяти арестантовъ

Что было съ Ханинымъ по пріѣздѣ въ Саратовъ, мы не знаемъ. Для насъ осталось также неизвѣстною участь священника съ сыномъ (послѣ оказалось, что они были изъ села Вязовки), принимавшихъ, какъ видно,

дѣятельное участіе въ заговорѣ, а также участь Печерскаго и Маслова, который вмѣстѣ съ священникомъ привозилъ къ самозванцу дочь Прохорова. Судьба ихъ рѣшилась въ Саратовѣ, и всѣ обстоятельства раскрытыя по слѣдствію, замыслы заговорщиковъ, показанія тѣхъ участниковъ возмущенія, которые оставались на Уралѣ, Оружейникова и запорожцевъ, если только они были пойманы, — все это остается до сихъ поръ тайной, потому что бо̀льшая часть бумагъ истреблена временемъ. Хапинъ, конечно, если не умеръ подъ кнутомъ или на висѣлицѣ, то кончилъ жизнь въ Сибири. Запорожская Сѣчь была вскорѣ уничтожена.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Самозванецъ Степанъ Малый 1
Дополнительныя данныя о Степанѣ Маломъ 55
Самозванецъ Богомоловъ 72
Пугачовъ 98
Пугачовъ до самозванства и первыя дѣйствія самозванца до взятія Татищевской крѣпости 216
Самозванецъ Ханинъ 268

САМОЗВАНЦЫ

и

ПОНИЗОВАЯ ВОЛЬНИЦА.

ТОМЪ II.

ПОНИЗОВАЯ ВОЛЬНИЦА.

САМОЗВАНЦЫ

и

ПОНИЗОВАЯ ВОЛЬНИЦА.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ

Д. Мордовцева.

ТОМЪ II.

Атаманъ Ивановъ и эсаулъ Юдинъ. — Атаманъ Кулага. — Атаманъ Заметаевъ. — Атаманъ Филиповъ и разбойникъ Сучковъ. — Атаманъ Буковъ и Тимофѣевъ. — Атаманъ Шагала и Рыжій. — Атаманъ Дегтяренко. — Атаманъ Брагинъ и разбойникъ Зубакинъ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Гостиный Дворъ, № 18, 19 и 20.

МОСКВА. Кузнецкій Мостъ, д. Рудакова.

1867.

Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.
На углу Могилевской и Канонерской, № 7/2.

ПОНИЗОВАЯ ВОЛЬНИЦА.

Атаманъ Ивановъ и эсаулъ Юдинъ.

I.

Хотя грустно, что до сихъ поръ для исторіи нашего народа мы можемъ представить только не совсѣмъ благовидные факты изъ его исторической жизни, факты, повидимому, набрасывающіе тѣнь на чистоту его побужденій; однако, утѣшимъ себя мыслью, что невольныя заблужденія его вызваны обстоятельствами, отстранить которыя было не въ его волѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что для полнаго пониманія историческаго склада государства необходимо знать и оцѣнить, между прочимъ, и такія явленія, которыя, повидимому, препятствовали успѣшному ходу государственной жизни, останавливали ея развитіе, — однимъ словомъ, — явленія регрессивныя. Такими явленіями, съ извѣстной точки зрѣнія, считаются тѣ препятствія, которыя встрѣчала администрація въ поволжьѣ и по всѣмъ украйнымъ провинціямъ

въ прошломъ столѣтіи. Препятствія эти правительство встрѣчало въ самомъ населеніи украйныхъ провинцій и особенно въ народѣ, бродячемъ, непривыкшемъ къ мѣсту, и въ бѣглыхъ всякаго рода, а на Волгѣ — въ такъ называемыхъ «сходцахъ» и «понизовой вольницѣ».

Замѣчено, что русскій народъ, не смотря на осѣдлый характеръ, свойственный земледѣльческой странѣ, склоненъ къ бродячей жизни; что безъ видимыхъ причинъ онъ покидаетъ родину и идетъ искать чего-то на чужой сторонѣ. Но эта неуживчивость лежитъ, кажется, не въ характерѣ народа, какъ объясняютъ многіе, а есть слѣдствіе неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ. Если замѣчаютъ, что онъ легко покидаетъ родное село и кладбище отцевъ, то слѣдовало бы замѣтить, что, покидая одно, онъ ищетъ другаго, лучшаго: пойманный и уличенный «Иванъ, непомнящій родства», на вопросъ судьи о причинѣ побѣга, всегда отвѣчаетъ, что не «отъ добра бѣгаетъ», что «отъ добра добра не ищутъ». Такъ, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, въ XVIII столѣтіи народъ бѣжалъ въ Польшу и за турецкую границу; въ болѣе позднее время, въ нынѣшнемъ столѣтіи, онъ бѣгалъ на Яикъ, «на сытовыя воды и кисельные берега», на «Дарью-рѣку» и на «Новую линію», нѣсколько лѣтъ назадъ цѣлыя села бѣжали въ Анапу: — потому что невѣдомыя страны эти представлялись обѣтованною землею, гдѣ трудъ не тяжелъ и не неблагодаренъ, гдѣ человѣку живется легко и свободно. Передъ самымъ царствованіемъ императрицы Екатерины II, во время крестьянскихъ смутъ, народъ бѣжалъ цѣлыми вотчинами къ Царицыну и Ка-

мышину. Цѣлыя села покидали свои родныя усадьбы, забирая лошадей, скотъ и домашнюю рухлядь. По всѣмъ мѣстамъ разглашалась вѣсть, что бѣглые, переправясь за Волгу, порыли тамъ себѣ землянки и живутъ счастливо. Говорили, что переселенцевъ принимаетъ за Волгой какой-то маіоръ Парубучъ [1]). Съ трудомъ могли остановить движеніе. Съ давнихъ поръ по всему низовью и за Волгой разсѣяны были вышедшіе изъ разныхъ мѣстъ Россіи «сходцы», которые никуда не приписывались, не обзаводились хозяйствомъ и жили Богъ вѣсть чѣмъ. При заселеніи Петербурга и его окрестностей, сходцевъ требовали на житье въ новую столицу: но эти «подлые люди», какъ назывались они въ указахъ, бѣгали за Кубань, на Куму, за Волгу и Яикъ, въ Бухарскую сторону, въ Персію, гдѣ «босурманились», жили «звѣрски, въ отчаяніи» [2]). Въ Россію они не хотѣли идти; а если и возвращались, то только за тѣмъ, чтобъ дополнить собой шайки бродягъ. По обнародованіи извѣстнаго манифеста, которымъ приглашались на житье въ Россію иностранцы и вызывались раскольники, послѣдніе толпами стали переходить польскую границу и являться на русскихъ форпостахъ и въ крѣпостяхъ, для внесенія себя въ списки выходцевъ; съ ними шли и бѣглые помѣщичьи крестьяне. Раскольники, возвращаясь на родину, селились на новоотведенныхъ мѣстахъ, но не могли уже мириться съ новымъ положеніемъ и снова начинали бродячую жизнь.

---

[1]) Полн Собр. Зак. XV. 10,791.
[2]) Тамъ же, XVI. 12,093.

Помѣщичьи крестьяне также неласково принимались своими господами: какъ скоро являлись они въ покинутыя вотчины, гдѣ по ревизскимъ сказскамъ значились въ числѣ бѣглыхъ или вовсе были пропущены, помѣщики прямо вели ихъ въ присутствіе и брили [1]). Встрѣтивъ такой пріемъ, бѣглые опять покидали вотчины и разсыпались по Россіи. Они снова уходили за польскую границу; уводили съ собой родныхъ, знакомыхъ; бунтовали цѣлыя имѣнія и, погулявъ за границей, огромными шайками врывались въ предѣлы Россіи, расходились по всѣмъ дорогамъ, грабили и разоряли все; нападали на крѣпости и форпосты; наводили страхъ на жителей, многихъ брали съ собой и удалялись въ Польшу. За ними посылались отряды; они тайно переходили границу, ловили бѣглыхъ, приводили въ Россію и силою водворяли на прежнихъ мѣстахъ [2]). Но непрочны были такимъ путемъ добытые подданные.

Во время послѣднихъ смутъ крестьяне толпами убѣгали въ Сибирь и самовольно селились тамъ, не имѣя никакого письменнаго вида. Число бѣглецевъ такъ увеличилось, что ихъ велѣно было переписать и положить въ подушный окладъ [3]). Къ своимъ помѣщикамъ они не хотѣли возвращаться и скорѣе согласились жить въ Сибири или всю жизнь шататься по міру, чѣмъ быть въ прежней зависимости. Иные убѣгали въ раскольничьи скиты, разсѣянные по лѣсамъ; основывали новыя пустыни; другіе шли въ православные монастыри,

[1]) Полн. Собр. Зак. XVI. 12,266, XIX. 13,517.
[2]) Тамъ же, XVI. 11,894.
[3]) Тамъ же, XVI. 11,860.

посвящались въ монахи [1]) и лучше хотѣли отказаться навсегда отъ міра, чѣмъ воротиться домой. Многіе, особенно послѣ заразы 1770 года, лишившись родныхъ и поддержки, бродили по міру, заходили въ Москву, шатались по выморочнымъ домамъ и грабили [2]). Переходя изъ села въ село, бѣглые, на вопросъ воеводъ и комендантовъ, что за люди? отвѣчали: выходцы изъ Польши въ силу манифеста 62 года, и пропускались безпрепятственно. Между этими шайками ходили бѣглые солдаты, вездѣ находившіе радушный пріемъ и покойный ночлегъ; самыя войска были не въ блестящемъ положеніи. Отставные солдаты высылались въ казанскую губернію на поселеніе; они ходили безъ конвоя и, разсѣявшись по Россіи, праздно проводили время «къ безславію государства», пускались на воровства и грабежи. Ихъ велѣно было водить съ конвоемъ [3]). Регулярныя войска, размѣщенныя по квартирамъ, продолжали чинить жителямъ «дурно», какъ чинили его при Алексѣѣ Михайловичѣ и при Иванѣ Грозномъ: ихъ постой былъ ничѣмъ не лучше грабежа, и они доводили хозяевъ до того, что тѣ бросали свои дома и убѣгали отъ постояльцевъ. Былъ даже указъ, которымъ вмѣнялось командирамъ войскъ, не допускать хозяевъ къ побѣгу.

Но больше всего бѣгали арестанты и пересыльные въ Сибирь. Колодники, навязанные на длинные канаты, проходили непзмѣримыя пространства: ихъ во-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. XIX. 13, 413.
[2]) Тамъ же, XIX. 13,767.
[3]) Тамъ же, XVI, 11,617.

дили изъ Рогервика и болѣе отдаленныхъ мѣстъ до самаго Нерчинска; въ Твери и другихъ поволжскихъ пристаняхъ устроены были особыя суда, на которыхъ везли ссыльныхъ до Казани и Самары [1]). Дорогой они бѣгали, потому что отправка была плохая и притомъ тяжелая. Всѣхъ сибирскихъ арестантовъ водили для пытки въ Иркутскъ: Нерчинскъ посылалъ пытать своихъ колодниковъ за 946 верстъ, Селенгинскъ—за 402 версты черезъ море, Якутскъ—за 2,266 верстъ, Охотскъ —за 3,037; разстояніе между камчатскимъ Большерѣцкимъ острогомъ и Иркутскомъ даже было вовсе неизвѣстно: въ теченіе года арестанты не доходили до Иркутска, умирали отъ голода и холода; другіе бѣгали съ дороги [2]). Да и нельзя было не бѣгать даже тѣмъ, которые содержались въ тюрьмахъ внутри Россіи: арестанты помѣщались дурно, въ какихъ-то хлѣвахъ сырыхъ и темныхъ, въ подвалахъ и погребахъ; ихъ набивали въ тѣсные казематы до послѣдней возможности, хотя и не велѣно было помѣщать болѣе трехъ человѣкъ на одной квадратной сажени, гдѣ три человѣка могли свободно лечь и умереть; арестантскія дѣла тянулись безконечно-долго; а по прочтеніи приговоровъ и по наказаніи, преступниковъ долго не высылали въ Сибирь, а оставляли въ тюрьмахъ, заставляя ихъ ходить по міру для сбора милостыни; милостыня отбиралась тюремнымъ начальствомъ, а колодникамъ изъ этого подаянія выдавалось по копѣйкѣ кормовыхъ

---

[1]) Полн. Собр. Зак. XVI.
[2]) XVII. 12,345.

на сутки. За то бѣглые арестанты дѣлались самыми закоренѣлыми разбойниками. Къ довершенію сумятицы, между толпами бѣглыхъ крестьянъ, раскольниковъ и арестантовъ, бродилъ по всей Россіи вольный малороссійскій посполитый народъ, цѣлыми массами подвигаясь на востокъ и наводняя собою поволжскія губерніи. Смѣлость бродячаго населенія доходила до того, что они нападали на партіи рекрутъ-новобранцевъ, разбивали конвойные отряды и уводили съ собой будущихъ солдатъ, не допуская до присутствія.

Изъ бѣглыхъ формировались шайки воровъ и разбойниковъ. Съ первыхъ лѣтъ царствованія Петра I, да и вообще съ самаго начала утвержденія общаго гражданскаго порядка въ Россіи, съ призваніемъ на престолъ дома Романовыхъ, ни одна правительственная мѣра не преслѣдовалась съ такимъ постоянствомъ, какъ искорененіе воровъ и разбойниковъ. Это была одна изъ самыхъ чувствительныхъ ранъ стараго русскаго общества, которая постоянно напоминала правительству, что администрація не уложилась еще въ стройныя формы. По всѣмъ концамъ государства ходили правильно-организованныя шайки разбойниковъ, предводительствуемыя избранными изъ себя атаманами и эсаулами; атаманы назывались почетнымъ именемъ *батюшки* и держали своихъ подчиненныхъ въ безпрекословномъ повиновеніи; провинившихся разбойниковъ казнили по приговору собственнаго суда: вѣшали, топили, убивали изъ ружья, кололи или выгоняли изъ артели. Разбойники нападали на обозы, грабили и жгли селенія, вѣшали попадавшихся имъ

въ руки, разбивали караваны по рѣкамъ. Противъ нихъ постоянно издавались указы; учреждены были въ каждомъ уѣздѣ особые сыщики съ военными отрядами, которые завѣдовали судомъ и казнью виновныхъ. Въ 1762 году искорененіе разбойниковъ поручено было губернаторамъ, воеводамъ, комендантамъ крѣпостей, командирамъ войскъ, расположенныхъ по квартирамъ, и самимъ помѣщикамъ. Имъ дана была изъ сената подробная инструкція. Даже при подачѣ ревизскихъ сказокъ велѣно было отмѣчать, что въ вотчинѣ или волости нѣтъ ни становъ, ни разбойниковъ, ни пристанодержателей. Вездѣ учреждены были заставы, караулы и разъѣзды. Способъ, принятый нынѣ на Кавказѣ для стѣсненія черкесовъ, употреблялся тогда въ отношеніи къ разбойникамъ: въ степныхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ проводились новыя дороги; по обѣимъ сторонамъ дорогъ широко вырубался лѣсъ для прохода отрядовъ; дѣлались лѣсныя просѣки и учреждались съѣзжіе и сторожевые пункты. При появленіи шаекъ, изъ городовъ и крѣпостей командировались гарнизонные отряды; противъ большихъ разбойничьихъ партій высылались отряды изъ полковъ дѣйствующей арміи; за неимѣніемъ войскъ собирались и вооружались, чѣмъ могли, отставные унтеръ-офицеры и солдаты, сгонялись вооруженные обыватели и всѣ, кто только могъ владѣть топоромъ или рогатиной [1]).

Это смутное время, обнимающее цѣлыя два столѣтія, оставило намъ много пѣсенъ, которыя и теперь

---

[1]) Указ. Екат. 1779: 65 — 67.

не забываются народомъ, и въ которыхъ говорится о крѣпкихъ караулахъ и заставахъ, разставленныхъ по дорогамъ.

Впрочемъ, не помогали ни заставы, ни крѣпкіе караулы. Разбойниковъ ловили и сажали въ тюрьмы; но непойманные дѣлались еще жесточе. По судамъ разбойничьи дѣла тянулись безконечно долго, потому что не завершались до тѣхъ поръ, пока не находили всѣхъ оговоренныхъ. Оттого тюрьмы и остроги съ выходами и подземельями, были наполнены до невозможности. «Разбойники, воры, грабители, взяточники, похитители государственной казны и убійцы, говоритъ сенатъ, сидя по тюрьмамъ, наносили народу страшный вредъ, причиняли ему всевозможныя бѣдствія, истязанія и «невинное кровопролитіе». По прошествіи довольно значительнаго времени послѣ первыхъ допросовъ, арестанты, мстя кому по злобѣ или по наущенію товарищей, оговаривали невинныхъ и доводили до пытокъ; потомъ какъ бы въ насмѣшку надъ закономъ, оговаривали» съ нихъ и показывали на другихъ, ни въ чемъ невиноватыхъ. Сидя цѣлые годы подъ карауломъ, они находили средства къ побѣгу, разбивали тюрьмы и погреба, въ которыхъ содержались; другіе, отправляемые въ Сибирь и Рогервикъ «на связкахъ», перепутанные длиннымъ канатомъ вмѣсто цѣпи, уходили съ дороги отъ приставниковъ, подвергая ихъ тѣмъ же пыткамъ, которыя сами выдержали, и возвращались «на прежнія свои злодѣйства съ вящимъ устремленіемъ къ погубленію бѣдныхъ поселянъ», какъ съ прискорбіемъ выразился сенатъ; особенно доставалось тѣмъ, кто

ихъ приводилъ, или показывалъ на нихъ, или открывалъ ихъ станъ: такихъ они «тирански мучили, жгли, грабили, убивали до смерти и разоряли до основанія», наводя ужасъ на цѣлые уѣзды. Они наводили такой страхъ на жителей, что никто не рѣшался ихъ ловить; притомъ всегда брали самого доказчика, оговаривали и пытали вмѣстѣ съ ворами. Разбойныя дѣла велѣно было производить спѣшно, въ одинъ мѣсяцъ, а иногда, не выходя и въ праздникъ изъ присутствія, тутъ же дѣлались очныя ставки и пытки.

Чтобы поощрить сыщиковъ, имъ выдавали изъ казны деньги за каждаго пойманнаго разбойника: за атамана платили тридцать рублей, за простаго разбойника десять, за пристанодержателя — пятьдесятъ, еслибъ даже его представилъ въ судъ самъ разбойникъ [1]).

Въ случаѣ отысканія гдѣ-либо воровъ или становъ, на все село, къ которому принадлежали разбойники, налагалась *выть* — плата за все пограбленное имущество [2]). Тогда производились стачки истцевъ съ судьями: обоюдное «похлѣбство», скрѣпляемое взяткой, заставляло судью обвинять разбойниковъ въ бо̀льшихъ грабежахъ, чѣмъ они произвели на самомъ дѣлѣ; въ случаѣ упорства, виновныхъ пытали и принуждали говорить то, чего добивались истцы и судьи. Потому на цѣлыя волости налагались огромныя выти, и часть собранныхъ денегъ шла въ карманы судей, а другою вознаграждались просители.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. XVI. 11,750.

[2]) Тамъ же, XVII. 12,455.

Разбои были такимъ естественнымъ дѣломъ, что въ самыхъ столицахъ нельзя было разсчитывать на совершенную безопасность. Даже Петербургъ былъ окруженъ шайками воровъ и разбойниковъ, которые грабили пѣшаго и коннаго; въ шести верстахъ отъ Петербурга разбойники убили французскаго курьера; въ самомъ городѣ попадались на улицахъ мертвыя тѣла, а въ домахъ производились открытые разбои. Столица представляла видъ города, находящагося въ осадномъ положеніи: въ трехъ главныхъ частяхъ Петербурга расположены были отряды, начальство надъ которыми поручено было генералъ-лейтенантамъ Ушакову и Бороздину и вице-адмиралу Мордвинову; на всѣхъ перекресткахъ разставлены были рогаточные караулы, по ночамъ ходили частые дозоры и пропускали только того, кто имѣлъ фонарь; всѣмъ караульнымъ положено было имѣть трещотки, и по первой тревогѣ жители выходили изъ домовъ, какъ на пожаръ [1]).

Но нигдѣ разбои не принимали такихъ страшныхъ размѣровъ, какъ въ поволжьѣ. Въ продолженіе всего прошлаго столѣтія исторія поволжья да и всей юговосточной Россіи представляетъ странную картину борьбы стараго порядка съ новымъ, необузданной воли съ администраціей. Колонизація края идетъ довольно успѣшно; правительство обращаетъ вниманіе на водвореніе порядка и тишины въ новонаселенныхъ провинціяхъ; ограждаетъ ихъ укрѣпленными линіями и форпостами отъ вторженія дикихъ азіятскихъ ордъ;

[1]) Ук. 1762.

вызываетъ изъ-за границы нѣмецкихъ поселенцевъ; поволжскіе города начинаютъ строиться и богатѣть, поля — засѣваться хлѣбомъ. Но старый порядокъ менѣе всего уничтожался въ поволжьѣ; дряхлый XVII вѣкъ не робко прятался передъ нововведеніями, а долго напоминалъ о себѣ жестокими сценами, возмущая спокойствіе страны. По Волгѣ и по степямъ, тамъ, гдѣ плавали торговые караваны и начинали ходить обозы отъ города до города, — разъѣзжали тѣ же толпы разбойниковъ съ своими избранными атаманами и эсаулами, грабили суда и обозы, жгли села, убивали народъ или завлекали въ свои шайки. Этихъ шаекъ было безчисленное множество; онѣ собирались мгновенно, по зову атамана, имѣли вездѣ пристанодержателей, отдѣльные разбойничьи станы, прятались въ заводахъ, вòложкахъ, по оврагамъ и степнымъ балкамъ; въ случаѣ опасности расходились, потомъ собирались снова и грабили. За ними, какъ и въ остальной Россіи, посылались отряды солдатъ, которые они иногда разбивали, а иногда и сами были разбиваемы, попадались въ руки и жестоко наказывались: ихъ вѣшали, били кнутомъ, ссылали въ Нерчинскъ. Они возвращались снова на Волгу къ своимъ станамъ; набирали новыя шайки или приставали къ старымъ, мстили за свои спины и вырванныя ноздри; отчаянно нападали на военные отряды; застигали въ расплохъ и грабили цѣлыя селенія, жгли хутора и уметы, вѣшали всѣхъ сопротивляющихся имъ, преимущественно помѣщиковъ и чиновниковъ. Разъѣзжая по Волгѣ «въ легкихъ лодочкахъ», они имѣли свои пушки, которыми отстрѣ-

ливались отъ военныхъ разъѣздовъ; свободно приставали къ рыболовнымъ ватагамъ, гдѣ часто встрѣчали ихъ съ хлѣбомъ-солью и только изрѣдка защищались имѣвшимися на ватагахъ караульными пушками, которыя доставались побѣдителямъ. Разбойники не страшились ни воинскихъ высылокъ противъ нихъ, ни обывателей: о приближеніи командъ ихъ извѣщали пристанодержатели, находившіеся почти въ каждомъ селѣ, особенно по хуторамъ; обыватели не вредили имъ, потому что боялись ихъ мщенія и оговора, а иногда и считали выгоднымъ быть въ дружбѣ

Съ понизовыми бурлаками,
Съ ярыгами кабацкими.

«Понизовые бурлаки» извѣстны были по всей Россіи; ихъ знало правительство, какъ самыхъ опасныхъ разбойниковъ; ихъ боялись коменданты крѣпостей, расположенныхъ по юго-восточнымъ и восточнымъ линіямъ; ихъ трепетали волжскіе судопромышленники, которыхъ бурлаки каждую весну абордировали на своихъ косныхъ лодкахъ; отбирали ихъ казну, брали товары, ружья, пушки, порохъ и паспорты. Не одна мать оплакивала любимаго сына, ходившаго «во царевъ кабакъ» и завлеченнаго въ разбой понизовыми бурлаками, какъ поется до сихъ поръ въ пѣснѣ:

Не водись, мой сынъ, съ бурлаками,
Что со бурлаками, со ярыгами;
Не ходи, мой сынъ, во царевъ кабакъ,
Ты не пей, мой сынъ, зелена вина:
Потерять тебѣ, сыну, буйну голову.

Полная лѣтопись похожденій всѣхъ главныхъ шаекъ понизовой вольницы и удовлетворительное объясненіе этого явленія въ русской исторіи возможны только при хорошей разработкѣ неизданныхъ архивныхъ дѣлъ, и потому мы передаемъ здѣсь одни извѣстные намъ факты изъ этой внутренней, такъ сказать, домашней и никѣмъ нетронутой исторіи нашего народа, къ которому принадлежала вольница.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, шайки понизовой вольницы начали замѣтно увеличиваться, и поволжье, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, говоря языкомъ того времени, «было непокойно». Дѣйствія разбойничьихъ шаекъ нижняго края Волги, въ періодъ времени между 1770 — 1782 годомъ, и составляютъ предметъ нашей статьи. Свѣдѣнія, находящіяся въ ней, извлечены изъ одного царицынскаго архива, и есть основаніе думать, что о другихъ партіяхъ вольницы и атаманахъ можно было бы узнать изъ разбора прочихъ архивовъ поволжскихъ городовъ.

Въ 1770 году, въ апрѣлѣ, плылъ по Волгѣ командированный въ Томскій пѣхотный полкъ офицеръ Кретовъ [1]): верстахъ въ шестидесяти ниже Царицына, на Поповицкомъ приверхѣ, онъ встрѣтился съ шайкою разбойниковъ («снизу бѣгущихъ»), въ числѣ двадцати или болѣе человѣкъ. Неизвѣстная партія плыла вверхъ по Волгѣ, въ лодкѣ; разбойники вооружены были баграми и ружьями и, поровнявшись съ судномъ, на которомъ

---

[1]) Царицын. арх. № 135. *Дѣло о командированіи по рѣкѣ Волгѣ команды для истребленія появившихся разбойниковъ. 1770.*

плылъ Кретовъ, напали на него и взяли ловкимъ абордированіемъ, къ которому такъ привыкли. Они избили Кретова; многіе порывались заколоть его, но ограничились только грабежемъ. Въ апрѣлѣ же слѣдовалъ Волгою сержантъ Деревягинъ, отправленный съ нѣсколькими солдатами саратовскимъ комендантомъ, полковникомъ Юнгеромъ, въ Астрахань, для принятія пороху, свинцу и медикаментовъ: ниже села Золотова, въ урочищѣ Щербаковѣ, въ ночи на 19-е число напала на его судно лодка съ разбойниками, человѣкъ двадцать. Съ лодки началась пальба. Деревягинъ тоже приказалъ стрѣлять по разбойникамъ и отразилъ нападеніе [1]).

Спокойно не проходило Волгою ни одно судно.

Губернаторы и воеводы поволжскихъ городовъ получали жалобу за жалобой. Губернаторы упрекали въ безпечности воеводъ и комендантовъ; воеводы и коменданты наказывали разъѣзднихъ офицеровъ, — и все напрасно. Въ маѣ того же года астраханскій губернаторъ Никита Афанасьевичъ Бекетовъ писалъ всѣмъ городовымъ комендантамъ, астраханскому воеводѣ и астраханской почтовой конторѣ, а также «состоящимъ отъ Астрахани вверхъ по Волгѣ рѣкѣ до города Саратова по станицамъ и простымъ дистанціямъ казачьимъ старшинамъ и другимъ командирамъ», т. е. начальникамъ форпостовъ, расположенныхъ вдоль Волги,

---

[1]) «Напавъ на судно невѣдомо какіе воровскіе люди въ лодкѣ, въ числѣ человѣкъ до двадцати, чинили изъ ружей пальбу, токмо повреждения не сдѣлали; потому и онъ принужденъ былъ чинить отпоръ ружейнымъ же выстрѣломъ, до трехъ патроновъ, съ пули.»

что «вольница» на Волгѣ не уменьшается, а постоянно прибываетъ; что шайки разбойниковъ нарушаютъ спокойствіе страны. Напоминая начальникамъ отрядовъ прежніе свои ордеры «о искорененіи воровскихъ партій и о учиненіи разъѣздовъ», Бекетовъ снова приказывалъ истреблять «злодѣевъ» всѣми возможными способами. Онъ предписывалъ развѣдывать о нихъ по всѣмъ проѣзжимъ мѣстамъ и, въ случаѣ появленія разбойниковъ, отправлять тотчасъ по дистанціямъ «пристойную команду лучшихъ казаковъ и гарнизонныхъ солдатъ при хорошемъ и надежномъ командирѣ, давъ свое пристойное наставленіе», сверхъ того, посылать частые разъѣзды отъ города до города, отъ форпоста къ форпосту и отъ дистанціи къ дистанціи. Въ случаѣ недостатка въ казенныхъ лодкахъ, онъ приказалъ брать обывательскія, «ибо, добавлялъ онъ, оное слѣдуетъ для всего общества ко искорененію такого злодѣйства». — Между прочимъ, Бекетовъ писалъ объ этомъ къ царицынскому коменданту, полковнику Дебонбергу, потому что Царицынъ былъ главнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ южнаго поволжья, и потому что Волга въ этомъ мѣстѣ и всѣ окрестности Царицына и Дубовки наполнены были разбойничьими шайками и представляли обширное поле для неутомимой ихъ дѣятельности. Онъ давалъ знать Дебонбергу, что «если и за симъ таковые разбойники искоренены не будутъ, то безъ отвѣта, а въ противномъ случаѣ и безъ штрафа остаться не можетъ», и велѣлъ о результатѣ поисковъ доносить ему ежемѣсячно. Кромѣ того, «для незабвеннаго исполненія» этого приказа, онъ велѣлъ списать

во всѣхъ мѣстахъ копіи съ него и, гдѣ онѣ будутъ списаны, росписаться на подлинномъ приказѣ, который и выслать къ нему обратно. Саратовскому воеводѣ Строеву приказано сноситься объ этомъ предметѣ, то есть о нарядѣ командъ для уничтоженія разбойничьихъ шаекъ, съ тамошнимъ комендантомъ, полковникомъ Юнгеромъ. Наконецъ, въ заключеніе этого строгаго приказа, Бекетовъ добавлялъ: «а что касается до казачьихъ постовъ, то если отъ которой дистанціи слѣлается подобное грабительство, то оныхъ мѣстъ командиры за слабое ихъ вблизости себя смотрѣніе *не только разжалованы, но и нещадно еще на тѣлѣ штрафованы будутъ.*»

Вслѣдъ за тѣмъ стали употреблять слѣдующее средство къ поимкѣ и искорененію разбойниковъ: какъ скоро посылаемые отъ города до города на лодкахъ разъѣзды примѣчали плывущее по Волгѣ торговое судно, то подъѣзжали къ нему, привязывали къ борту свой катеръ и всѣ всходили на судно; на суднѣ они прятались вмѣстѣ съ оружіемъ, которое при нихъ было, а пустая лодка плыла за судномъ въ видѣ завозни, которыя употребляются при всякомъ промышленномъ суднѣ. Когда разбойники абордировали судно своими баграми, хозяева и лоцмана не препятствовали имъ всходить на палубу. Тогда выходили скрытыя на суднѣ команды и ловили грабителей [1]).

---

[1]) Этотъ способъ поимки разбойниковъ рекомендованъ былъ Бекетовымъ. «Какъ имѣ, говоритъ онъ, мнѣ извѣстно, что тѣ воровскія партіи по Волгѣ рѣкѣ производятъ немалые грабежи и о поимкѣ ихъ ни откуда рапортовъ я не имѣю, то почему предвидится — во искорененіи ихъ посту-

Но это не помогало. Хотя царицынскій комендантъ въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ со дня этого распоряженія и доносилъ постоянно Бекетову, что «въ прошедшемъ (такомъ-то) мѣсяцѣ опредѣленной по рѣкѣ Волгѣ разъѣздъ чиненъ былъ да и нынѣ чинится, точію воровскихъ партей въ здѣшней округѣ нигдѣ не предусматривается»,—но воровскіе люди за всѣми строгими мѣрами не переставали возмущать поволжье.

II.

Въ то время, когда Бекетовъ придумывалъ вѣрнѣйшій способъ для искорененія разбойниковъ, а мѣстныя власти поволжья «недреманнымъ окомъ» наблю-

---

дается нерачительно, а по разсужденію моему къ поимкѣ тѣхъ злодѣевъ предосматривается и таковой легчайшій способъ, чтобъ посылаемыя отъ города до города для поимки ихъ команды, какъ скоро какое плывущее по Волгѣ внизъ или вверхъ обывательское судно наѣхать могутъ, то бъ всѣ, съ лодки своей вошедъ на оное, со всѣми будущими при'нихъ ружьи, находились скрытно, ни мало себя не оказывая, а лодку свою при томъ суднѣ вели бъ, привязавъ порожнюю, какъ обыкновенно при всѣхъ промышленныхъ судахъ таковыя бываютъ. Когда же тѣ злодѣи по своему намѣренію сдѣлаютъ на то судно нападеніе и на оное, не видавъ той команды, войдутъ, то сами себя къ поимкѣ подвергнутъ въ руки; для чего имѣя такую скрытную команду, хозяевамъ тѣхъ судовъ противу таковыхъ злодѣевъ никакого сопротивленія до тѣхъ поръ, донделе оные на судно войдутъ, не чинить, а по выходѣ, обще съ командою къ неупустительному всѣхъ переловленію всевозможное стараніе прилагать и, ловя оныхъ, въ отсылкѣ тѣмъ командамъ въ городовыя канцеляріи по данному наставленію безъ отрицанія поступать. Каковое средство въ тѣ отправленныя команды производить, разъѣзжая городъ отъ города на идущихъ внизъ и вверхъ Волги рѣки судахъ, со всякимъ во искорененіи тѣхъ злодѣевъ стараніемъ.» На ордерѣ этомъ въ заголовкѣ написано: *по секрету.*

дали за тишиной во ввѣренныхъ имъ мѣстностяхъ, разбойничьи атаманы, которыхъ каждый городъ и пригородъ, каждый уметъ и хуторъ выводили ежегодно на сцену, продолжали формировать шайки воровскихъ людей и грабили пѣшаго и коннаго. Въ 1771 году становится извѣстнымъ атаманъ Ивановъ [1]) съ своею многочисленною шайкою, которая, въ случаѣ надобности, для совершенія какой-либо важной экспедиціи, могла дать своему предводителю до ста человѣкъ, что, впрочемъ, было не въ правилахъ разбойниковъ прошлаго вѣка: атаманъ, предпринимая воровской походъ, бралъ съ собой не болѣе 10 — 20 разбойниковъ, а иногда съ пятью-шестью человѣками производилъ самые смѣлые набѣги. Въ 1771 году мы находимъ станъ Иванова не въ степи, не въ лѣсу или гдѣ-либо въ дикомъ и глубокомъ оврагѣ, а въ одной изъ многолюдныхъ донскихъ станицъ, именно въ Качалинѣ. Качалинская пристань на Дону, составляя ближайшій пунктъ, гдѣ Донъ подходитъ къ Волгѣ на разстояніи только шестидесяти верстъ, и въ прошломъ столѣтіи служила крайней точкой сухопутнаго волока между Дономъ и Волгою, гдѣ теперь проводится волжско-донская желѣзная дорога. Въ Качалинѣ грузились на суда волжскіе товары, перегружались подвезенные съ верховьевъ Дона, Хопра и Медвѣдицы, и разгружались клади, пришедшія съ низовьевъ Дона, съ Азовскаго и Чернаго морей. Качалинъ былъ по-

[1]) Цар. арх. № 188. *Дѣло о содержащихся при царицынской гражданской канцеляріи ворахъ, разбойникахъ и другихъ бѣглецахъ и оклеветанныхъ ими Качалинской станицы атаманъ и казакахъ. 1772 года.*

стоянно наполненъ бурлаками изъ верховыхъ городовъ, и эти бурлаки весьма легко обращались въ разбойниковъ, когда находили смѣлаго атамана. Такимъ былъ Ивановъ. Хотя онъ имѣлъ свой станъ въ Качалинѣ, но жилъ тамъ, не какъ атаманъ разбойниковъ, и не укрывался, а нанималъ квартиру у станичнаго казака, по фамиліи Лузанова, и считался его нахлѣбникомъ. Съ Ивановымъ жили у Лузанова еще два или три постояльца, тоже разбойники, и платили своему хозяину за квартиру и столъ *по пяти копѣекъ въ сутки.* У Иванова былъ эсаулъ, по фамиліи Юдинъ, который жилъ отдѣльно отъ своего атамана. Прочіе члены шайки, разбойники Лукинъ, Стряхинъ, Лобановъ и другіе, до ста человѣкъ, жили гдѣ кому Богъ привелъ: кто на постоянной квартирѣ, а кто гдѣ день, гдѣ ночь, какъ они сами выражались. Въ числѣ разбойниковъ ивановской шайки былъ одинъ, который слылъ между ними за бѣглаго дьякона города Тобольска. Разбойникъ самъ говорилъ, что онъ изъ Сибири и до побѣга былъ дьякономъ въ тобольскомъ успенскомъ соборѣ; называлъ онъ себя Яковомъ Никитинымъ. Вообще шайка состояла изъ сброда самой разнохарактерной вольницы: тутъ были каторжники, военные дезертеры, дворовые и посадскіе люди, рекруты, помѣщичьи и экономическіе крестьяне, купеческіе приказчики; — но самый большій процентъ въ этомъ капиталѣ составляли понизовые бурлаки, люди, давно забывшіе и свою родину, и свои семьи и едва ли помнившіе имена, данныя имъ при крещеніи, потому что имъ такъ часто приходилось мѣнять ихъ, смотря по обстоятель-

ствамъ и по паспорту, попадавшему имъ въ руки. Это была въ полномъ смыслѣ.

....Смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній....

Разбивъ какое-нибудь плывущее по Волгѣ судно и идущій по степи обозъ, разбойники одѣвались въ платье ограбленныхъ ими жертвъ, брали ихъ паспорты и прикидывали какой кому къ лицу, къ росту, глазамъ и волосамъ: Ивану приходилось по примѣтамъ назваться Петромъ, бѣглому каторжнику — купеческимъ сыномъ и т. д. Зимой и лѣтомъ, когда не предвидѣлось воровскихъ экспедицій, шайка Иванова жила въ Качалинѣ мирно,— кто съ паспортомъ, а кто и безъ всякаго письменнаго вида: иной жилъ въ работникахъ у какого-нибудь казака, другой находилъ пріютъ у вдовы-казачки, съ которой сживался любовно; иной работалъ на Дону,— на баркахъ, на паромѣ, въ полѣ и на пожняхъ; были и такіе, которые имѣли свой курень и жили отдѣльно. У этой шайки былъ свой секретарь, какой-то бурлакъ Агапъ, который жилъ у казака Загубникова и приготовлялъ для шайки «воровскіе паспорты».

Лѣтомъ 1771 года, атаманъ Ивановъ водилъ свою шайку на Волгу, на разбой, и ограбилъ восемь судовъ съ товарами. Какъ велика была добыча — видно изъ того, что въ «дуванѣ» (въ дѣлежѣ) каждому разбойнику досталась на долю довольно порядочная сумма денегъ и много разнаго товара. Изъ этого награбленнаго добра они дарили въ Качалинѣ своимъ знакомымъ кумачи, платки, деньги и проч.

Послѣ всякаго дувана, если не предвидѣлось новыхъ воровскихъ походовъ, разбойники расходились по разнымъ мѣстамъ и къ осени, когда на Волгѣ становился ледъ и навигація прекращалась, они возвращались въ Качалинъ на зимнія квартиры и жили до новыхъ походовъ. Такъ, они возвратились и послѣ лѣтнихъ экспедицій 1771 года. Но въ это время мѣстныя военныя власти, вѣроятно, провѣдали о мѣстопребываніи шайки Иванова, потому что вскорѣ, именно весной 1772 года, командированъ былъ въ Качалинъ сотникъ Горскій съ отрядомъ казаковъ и захватилъ нѣкоторыхъ разбойниковъ на мѣстѣ; вслѣдъ за тѣмъ отряжена была небольшая партія нижнихъ чиновъ подъ начальствомъ капитана Куткина, который также переловилъ нѣсколько человѣкъ. Взятъ былъ и атаманъ Ивановъ съ эсауломъ Юдинымъ. Пойманныхъ воровъ привезли въ Царицынъ и приставили къ нимъ караулъ. Впрочемъ, большая часть шайки Иванова спаслась отъ рукъ Горскаго и Куткина и продолжала жить въ Качалинѣ, а надъ пойманными наряжена была судная коммиссія, президентомъ которой назначенъ былъ секундъ-маіоръ Казадаевъ; коммиссія открыла свои засѣданія допросами арестантовъ.

На допросахъ разбойники показали, что начальникъ Качалинской станицы, атаманъ Сухановъ, станичный писарь Поповъ и многіе изъ казаковъ и казачекъ знали о ихъ промыслѣ, но потворствовали имъ, потому что получали отъ нихъ подарки и пивали съ ними въ кабакѣ. Разбойникъ Стряхнинъ, напримѣръ, сознался, что «пристань имѣлъ въ Качалинской ста-

ницѣ у вдовы, казачьей женки Катерины Фроловой, съ воровскимъ паспортомъ, который объявленъ былъ станичному атаману Тихону Потапову (Суханову), которому изъ грабленныхъ далъ кумачъ, а сверхъ того, ево-жъ напвалъ въ кабакѣ виномъ». Эсаулъ Юдинъ говорилъ, что «по приходѣ, въ Качалинской станицѣ жили у казака Марка Кустова, безъ пашпорта, завѣдомо вора, о чемъ былъ извѣстенъ и станичный атаманъ» и т. д. Такихъ «оговорныхъ» нашлось до двадцати человѣкъ, между которыми попадается имя казака Трехъ-Островской станицы, Ивана Семенникова, принимавшаго въ этомъ же году дѣятельное участіе въ заговорѣ извѣстнаго Лже-Петра III, — самозванца Богомолова. Всѣхъ оговоренныхъ тотчасъ же забрали подъ караулъ и привезли въ Царицынъ.

Но въ ночь съ 20-го на 21-е апрѣля атаманъ Ивановъ бѣжалъ изъ-подъ ареста. Съ нимъ бѣжали нѣкоторые изъ его товарищей, какъ-то: Лукинъ и Стряхнинъ. Между тѣмъ, оговоренные не признавались ни въ чемъ, особенно станичный атаманъ и писарь. Первый, на обвиненія Стряхнина (послѣ бѣжавшаго), отвѣчалъ: «Иванъ Стряхнинъ вѣдомства моего въ станицѣ у казачьей женки Катерины Фроловой съ печатнымъ пашпортомъ жительство имѣлъ; а что тотъ пашпортъ былъ воровской или нѣтъ, того я не зналъ, и въ томъ, что онъ былъ несумнительный, много былъ смотрѣнъ; грабленнаго-жъ кумача отъ него никакого не бралъ, и что онъ разбойникъ, о томъ я подлинно не зналъ и вина съ нимъ никогда не пивалъ.» На другія обвиненія онъ отвѣчалъ почти такими же фра-

зами; подобными фразами защищали себя и прочіе оговоренные. «Показаннаго дьякона Никитина, говорилъ станичный писарь, чтобъ онъ былъ бѣглой дьяконъ, я не зналъ, а въ работѣ на перевозномъ паромѣ его видалъ и считалъ его за работнаго человѣка, а не за дьякона; съ пашпортомъ ли же онъ, или безъ пашпорта, я о томъ неизвѣстенъ, а о томъ долженъ знать войсковой сборщикъ» и т. д. Слѣдовательно, трудно было ожидать истины отъ ихъ показаній.

Военносудная коммиссія не рѣшила, однако, участи разбойниковъ изъ шайки Иванова: ея назначеніе было изслѣдовать только степень виновности Качалинскаго станичнаго атамана Суханова, станичнаго писаря и прочихъ двадцати оговоренныхъ арестантами, а судъ надъ разбойниками производился особо. Сухановъ съ писаремъ и нѣкоторые казаки были хотя и оправданы, оставлены, однако, въ подозрѣніи; нѣсколько же человѣкъ изъ жителей Качалина были присуждены къ наказанію, потому что улики ихъ виновности были ясны и неопровержимы, и въ сношеніяхъ съ разбойниками они выдались сами.

Это происходило *за три дня* до бунта, вспыхнувшаго 25-го іюня въ Царицынѣ во имя Лже-Петра III Богомолова, котораго народъ желалъ силой освободить изъ-подъ караула, когда происходила въ городѣ такая жаркая схватка между народомъ и войскомъ, и самъ комендантъ Цыплетевъ едва не былъ убитъ, вслѣдствіе чего, находя присутствіе лжеимператора въ безпокойномъ Царицынѣ не безопаснымъ, его, вмѣстѣ съ его государственнымъ секретаремъ, на другой же день,

т. е. 26 іюня, еще до свѣту вывезли тайно изъ Царицына въ Черный-Яръ.

Надъ разбойниками и надъ дѣйствіями всей шайки Иванова производилось еще особое слѣдствіе, но исхода его мы не знаемъ. Неизвѣстно также, что сталось съ ея атаманомъ, кто онъ былъ, откуда родомъ, собиралъ ли своихъ молодцевъ послѣ бѣгства изъ Царицына, водилъ ли ихъ на новые разбои и чѣмъ кончилъ свою удалую жизнь: съ ружьемъ ли и ножемъ въ рукѣ, на Волгѣ или въ полѣ, умеръ ли подъ ударами кнута, пріютила ли его Сибирь въ своихъ золотыхъ рудникахъ.

Знакомство съ архивами прошлаго вѣка все болѣе и болѣе убѣждаетъ въ мысли, что правительство, повидимому, столь сильное извнѣ, было безсильно у себя дома и не въ состояніи было спасти страну отъ крайней неурядицы. Болѣзнь крылась глубоко и палліативы были недостаточны для успокоенія массъ. Нисколько неудивительно, что въ описываемое нами время сами блюстители порядка, долженствовавшіе «недреманнымъ окомъ» смотрѣть за спокойствіемъ страны, поступали иногда не хуже понизовыхъ бурлаковъ: солдаты, оберегавшіе волжскіе караваны отъ разбойниковъ, иногда сами ихъ пощипывали, въ случаѣ оплошности судохозяевъ. Такъ, военносудная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ секундъ-маіора Казадаева, назначенная для изслѣдованія виновности лицъ, оговоренныхъ шайкою атамана Иванова, въ одно и то же время должна была разбирать *дѣло о грабежѣ у слѣдующаго отъ Саурова до города Астрахани на суднѣ съ разнымъ хлѣбомъ*,

въ дачахъ города Царицына, пахотнаго солдата Козмы Полякова, напавшими разбойническими людьми его Полякова и работниковъ его пашпортовъ и денегъ. (Цар. арх. № 198. 1772 г.) А изъ дѣла этого видно, что «разбойническіе люди», ограбившіе судно, были солдаты царицынскаго баталіона, намѣревавшіеся воспользоваться украденными паспортами для побѣга!

Атаманъ Кулага.

Обходя молчаніемъ внезапное появленіе и такое же внезапное исчезновеніе предшественника Пугачова, царицынскаго Лже-Петра III, самозванца Богомолова, какъ происшествіе уже извѣстное, и не касаясь событій народной драмы 1771—75 годовъ и всѣхъ ея эпизодовъ, группирующихся около Пугачова, мы перейдемъ къ историческимъ проявленіямъ народной жизни въ эпоху, слѣдующую за смертью Пугачова. Но, приступая къ передачѣ событій послѣ 1775 года, напомнимъ только, что связью между временемъ Пугачова и послѣдующимъ служитъ явленіе атамана Заметаева, въ которомъ народъ видѣлъ преемника Пугачова, и котораго графъ Панинъ, въ печатныхъ объявленіяхъ, разсылаемыхъ по Россіи, называлъ «чудовищемъ», а Суворовъ считалъ опасною личностью.

Почти въ одно время съ Заметаевымъ начинаетъ дѣйствовать разбойничій атаманъ Кулага, котораго въ оффиціальныхъ бумагахъ того времени величали иногда *славнымъ разбойникомъ* [1]).

[1]) Цар. арх. № 337. *Дѣло о разбойническомъ атаманѣ, именуемомъ Кулагою, съ шайкою его. 1773*

Около 1755—56 года изъ нижегородскаго имѣнія княгини И. Я. Голицыной, изъ деревни Отеревой, неизвѣстно куда скрылся молодой крестьянинъ, Константинъ Васильевъ Дудкинъ. Нѣсколько лѣтъ этотъ добрый молодецъ шатался, какъ самъ говорилъ, по разнымъ мѣстамъ, преимущественно по Волгѣ-матушкѣ рѣкѣ; спознавался добрый молодецъ «съ понизовыми бурлаками, со ярыгами кабацкими» и, наконецъ, очутился въ Астрахани, въ главномъ разбойничьемъ притонѣ, откуда бродягамъ лежалъ широкій путь на всѣ четыре стороны — къ киргизамъ, къ донскимъ казакамъ, на Уралъ и въ Персію; лучшіе притоны были на взморьѣ, на ловецкихъ ватагахъ, гдѣ атаманы набирали свои шайки и водили ихъ оттуда на расшивахъ, на косныхъ и ловецкихъ лодкахъ, вооруженныхъ иногда пушками, вверхъ по Волгѣ, къ персидскимъ границамъ и къ киргизамъ за устье Эмбы и за Мертвый Култукъ, гдѣ подвизался Заметаевъ. Въ Астрахани бродяга Дудкинъ попался въ руки къ мѣстному начальству и съ тѣхъ поръ перемѣнилъ и свое имя, и свою кочевую жизнь простаго бурлака. Пойманный безъ всякаго письменнаго вида, Дудкинъ назвался бѣглымъ рекрутомъ Степаномъ Кулагинымъ и съ тѣхъ поръ слылъ въ народѣ подъ именемъ *Кулаги*.

Мнимаго рекрута засадили подъ караулъ, судили въ астраханской военной коммиссіи и опредѣлили въ солдаты въ Самарскій полкъ, съ фамиліею Кулагина, гдѣ онъ прослужилъ тринадцать лѣтъ. Но въ это время княгиня Голицына узнала, что Дудкинъ, столько лѣтъ пропадавшій безъ вѣсти и уже считавшійся погибшимъ,

служилъ въ Самарскомъ полку подъ ложнымъ именемъ. Она послала въ полкъ довѣренное лице, убѣдилась въ истинѣ слуховъ и приказала «поверстать» его въ зачетъ рекрута, съ отдачею въ астраханскій баталіонъ. Кулага снова поступилъ на службу, но уже пробылъ въ ней недолго: солдатская, подначальная жизнь не могла удовлетворить его натуру, давно свыкшуюся съ буйной волей, такой жизни не хотѣлъ сносить будущій атаманъ разбойниковъ, извѣдавшій и прелесть, и горечь бродячей жизни. Кулага бѣжалъ.

Это было въ 1770 году. Въ первое же время своей независимости Кулага началъ подбирать себѣ шайку и готовить популярность своему имени. Еще не будучи извѣстенъ за опытнаго разбойничьяго атамана, Кулага успѣлъ навербовать товарищей, на первый разъ двѣнадцать человѣкъ, и они съ помощью людей одного астраханскаго чиновника, секретаря Торнакова, ограбили его домъ и избили до полусмерти его жену. Но едва разбойники успѣли раздѣлить добычу, какъ были схвачены и засажены въ казематъ, находившійся при Троицкомъ монастырѣ. Военносудная коммиссія, назначенная надъ преступниками, опредѣлила прогнать ихъ сквозь строй («прогнать сквозь шпицъ-рутенъ»). Но монастырская тюрьма не могла удержать Кулагу: въ августѣ 1774 года, въ то смутное время, когда Пугачовъ прошелъ уже Саратовъ и подвигался все къ югу, и когда всѣ уцѣлѣвшіе остроги были набиты арестантами, ждавшими освободителя, мнимаго Петра III, Кулага бѣжалъ изъ монастыря, и съ нимъ ушло другихъ колодниковъ до 25 человѣкъ.

Съ этой поры популярность Кулаги утвердила за нимъ титулъ атамана и почетное между разбойниками названіе *батюшки*. Впрочемъ, бо́льшая часть бѣжавшихъ изъ Троицкаго монастыря была переловлена. Самъ Кулага едва спасся бѣгствомъ на взморье и принужденъ былъ всю зиму укрываться въ урочищѣ Бертюлѣ. Но весной онъ рѣшился организовать свою шайку и занялся вербованіемъ молодцевъ, въ которыхъ не было недостатка. Однимъ изъ первыхъ его товарищей былъ семинаристъ Силантьевъ. Силантьевъ былъ родомъ изъ Казани, сынъ тамошняго протопопа, воспитывался въ казанской семинаріи и, неизвѣстно по какимъ причинамъ, бѣжалъ оттуда, когда ему было девятнадцать лѣтъ. Въ 1764 году бѣглый бурсакъ явился въ Астрахань и поступилъ въ приказчики къ астраханскому купцу Озерову, у котораго и занималъ эту должность до 1771 года. Въ этомъ году онъ рѣшился идти въ разбойники, соединился съ астраханскимъ казакомъ Ершовымъ и, успѣвъ пригласить только двухъ человѣкъ въ свою партію, прежде всего разграбилъ лавку Мѣшкова. Но первый подвигъ его былъ несчастливъ: грабители были схвачены, уличены въ преступленіи и засажены въ одну тюрьму съ Кулагою, который, какъ мы сказали, содержался въ Троицкомъ монастырѣ. Вѣроятно, здѣсь они познакомились, потому что семинаристъ, спасшись отъ наказанія, прежде всѣхъ присталъ къ шайкѣ Кулаги. Силантьевъ спасся изъ монастыря въ числѣ 25 человѣкъ и притомъ въ одно время съ Кулагою. Кулага скрывался всю зиму въ Бертюлѣ, а Силантьевъ ниже этого урочища въ вы-

сокихъ камышахъ. Весною 1774 года они соединились для предстоящихъ подвиговъ. Другимъ отважнымъ сподвижникомъ Кулаги и товарищемъ его злополучій былъ нѣкто Тарабаринъ, бѣглый солдатъ, служившій прежде въ астраханскомъ четвертомъ баталіонѣ. Онъ оставилъ свой баталіонъ только въ іюлѣ 1775 года, нѣсколько времени жилъ въ камышахъ, скрываясь отъ сыщиковъ, и уже въ августѣ поступилъ въ шайку Кулаги. Еще раньше Тарабарина присталъ къ Кулагѣ разбойникъ Шумниковъ, родомъ изъ Владимірской губерніи, изъ экономическихъ крестьянъ села Ославскаго. Шумниковъ, какъ самъ говорилъ, отданъ въ рекруты «во второй наборъ подъ Турка» и, по приведеніи къ присягѣ, отправленъ былъ въ полкъ; пройдя съ партіею Владиміръ, онъ бѣжалъ съ дороги и пробрался на Волгу, въ городъ Дмитріевскъ (Камышинъ), на соляную пристань; здѣсь онъ нанимался въ работники къ разнымъ хозяевамъ и работалъ на солевозныхъ судахъ всю зиму 1771 года; оттуда сошелъ, по обыкновенію всѣхъ бродягъ, въ Астрахань, гдѣ шатался между черноярченскими ловцами въ продолженіе трехъ лѣтъ, не находя для себя занятія по сердцу. Но весной 1775 года онъ познакомился съ Кулагой и въ его шайкѣ нашелъ искомую волю и дѣятельность. Когда Шумниковъ спознался съ кулагинскою шайкою, онъ былъ еще очень молодъ: ему было только двадцать лѣтъ, потому что шестнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ рекруты. Еще мальчишкой, послѣ бѣгства изъ полка, онъ бродилъ по Россіи. Наконецъ, въ шайкѣ Кулаги былъ еще одинъ такой же юный разбойникъ, Ѳедоръ Ва-

сильевъ, уроженецъ богатаго села Лыскова, *«помѣщика Грузинскаго царевича Егора Вахтундеича крестьянинъ*[1])». Васильевъ также отданъ былъ въ солдаты въ Нижнемъ и «по учиненіи присяги», когда рекрутскую ихъ партію гнали въ Москву, бѣжалъ изъ города Павлова. Потомъ въ селѣ Подловьевѣ онъ соединился съ неизвѣстными бурлаками, такими же, какъ самъ онъ, бродягами, и всѣ вмѣстѣ «въ лодкѣ сбѣжали до города Астрахани». Въ Астрахани Васильевъ не имѣлъ постояннаго жительства и оставался тамъ недолго, а пробрался въ море, гдѣ и жилъ между ловцами. Наскучила ли ему эта жизнь на морѣ, хотѣлось ли ему повидать свою родину, только молодой бродяга «намѣреніе возымѣлъ, чтобъ пройтить пока вверхъ» и, случайно ли столкнувшись въ Астрахани съ Кулагою, или привлеченный въ его шайку молвой его имени, уже извѣстнаго и по взморью на всемъ понизовьѣ, поступилъ подъ начальство этого разбойника.

Кромѣ упомянутыхъ здѣсь лицъ, семинариста Сплантьева, бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ Тарабарина, Шумникова и Васильева, въ шайкѣ Кулаги находилась не одна отважная голова; только эти четыре разбойника были, какъ кажется, всѣхъ ближе къ нему: притомъ Сплантьевъ, какъ сынъ протопопа и воспитанникъ семинаріи, могъ служить ему въ качествѣ секретаря, потому что самъ Кулага былъ безграмотенъ. Впрочемъ, шайка Кулаги, смотря по обстоятельствамъ, то увеличивалась прибытіемъ новыхъ лицъ, то умень-

[1]) Въ другомъ мѣстѣ — *Вахтунгеича.*

шалась: иные разбойники, сдѣлавъ два-три набѣга, оставляли шайку. Иногда, конечно, они тайно скрывались отъ атамана, а иногда онъ самъ, по личнымъ разсчетамъ, уменьшалъ составъ своего маленькаго ополченія. Ополченіе это было дѣйствительно невелико, хотя умѣло тревожить край, наводило иногда большой страхъ на жителей понизовья, причиняло тревогу властямъ и вообще надѣлало много шуму.

Кулага, какъ всѣ вообще поволжскіе разбойники прошлаго вѣка и атаманы, державшіе разбой на Каспійскомъ морѣ, былъ попреимуществу пиратъ. Какъ и Заметаевъ, онъ предпочиталъ дѣйствительно ходить на легкой коснѣ или рыбачьей лодкѣ, а не на большомъ суднѣ. Эта «легкая лодочка» поволжскаго разбойника довольно извѣстна изъ старинныхъ пѣсенъ, которыя теперь уже рѣдко поются. Но въ первое время Кулага не имѣлъ у себя ни судна, ни лодокъ, а дѣлалъ свои переходы сухимъ путемъ; онъ производилъ грабежи, сообразуясь съ силой своей шайки и не рѣшаясь предпринимать такихъ нападеній, какія могли удаваться только при помощи огнестрѣльнаго оружія и на водѣ, гдѣ онъ могъ разсчитывать на свою ловкость и увертливость, на умѣнье гребцевъ обращаться съ веслами и парусами. Къ этимъ сухопутнымъ походамъ Кулаги, вѣроятно, принадлежитъ нападеніе на Башмаковку, гдѣ разбойники ограбили питейный домъ, запаслись водкой и отправились на новые промыслы. Послѣ погрома башмаковскаго кабака, одинъ изъ товарищей Кулаги, разбойникъ Шумниковъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, покинулъ свою шайку и снова,

въ качествѣ простаго бурлака, отправился на ловецкіе станы, гдѣ и работалъ за деньги.

Скромные, сухопутные грабежи скоро перешли въ отважные разбои, когда шайка Кулаги завладѣла гдѣ-то, или просто украла большую завозню, родъ небольшаго судна, которое называлось «досчаникомъ». Кулага посадилъ на него свой отрядъ и отправился въ первую морскую экспедицію, которая какъ нельзя болѣе удалась ему. Не имѣя въ своей маленькой командѣ ни пушки, ни ружей, ни сабель, Кулага съ жалкимъ бурлацкимъ вооруженіемъ, какое нашлось у его шайки, отправился вверхъ отъ взморья и сдѣлалъ нападеніе на старую ватагу купца Скворцова. Въ то время ватаги, мѣста рыболовныхъ становъ, были не то, что въ настоящее время: частыя нападенія разбойниковъ, киргизъ-кайсаковъ и калмыковъ заставляли хозяевъ имѣть на своихъ ватагахъ вооруженную стражу, которая могла бы дать отпоръ всякому насилію и оружіе отразить оружіемъ; на болѣе богатыхъ ватагахъ всегда имѣли запасъ пороху, ружей, пикъ и проч.; на иныхъ находилась артиллерія, конечно, плохенькая, какія-нибудь двѣ-три чугунныя пушки, но все-таки достаточная для отраженія непріятеля; рабочіе на ватагахъ и самые ловцы могли въ одно время быть и промышленниками и солдатами. Плохо ли былъ защищенъ станъ Скворцова, или Кулагѣ помогла его отвага, только станъ былъ взятъ и ловцы ограблены. Кулага забралъ у нихъ деньги, взялъ также шесть ружей «съ приборами», двѣ шашки, ловецкую одежду, хлѣбъ, рыболовныя сѣти и паспорты. Паспорты тотчасъ были разо-

браны шайкою «по сходству примѣтами», чтобы на всякій случай имѣть подъ руками законный видъ, которымъ можно было бы прикрываться въ опасности. Разбойникъ-семинаристъ, конечно, прочиталъ своимъ товарищамъ эти добытые паспорты, и въ какомъ. изъ нихъ примѣты болѣе подходили къ наружности котораго-либо изъ разбойниковъ, тотъ и доставался на его долю.

Ограбивъ ватагу Скворцова, Кулага взялъ для себя двѣ лодки, на которыхъ удобнѣе было производить разбои, а свой досчаникъ бросилъ на ватагѣ. Шайка пересѣла теперь на легкія лодочки и отправилась на новые подвиги...

Что сверху-то было Волги-матушки,
Что плыветъ-гребетъ *легка-лодочка;*
Хорошо-то была лодка изукрашена,
У ней носъ, корма раззолочены,
Что расшита легка лодочка
На двѣнадцатеры веселочки;
На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ,
На носу стоитъ эсаулъ съ багромъ,
По краямъ лодки добры-молодцы,
Посреди лодки красна-дѣвица,
Эсаулова родная сестрица,
Атаманова полюбовница и т. д.

Правда, лодка, на которой ѣхалъ Кулага, не была изукрашена и раззолочена; самъ атаманъ, конечно, смотрѣлъ простымъ бурлакомъ и добрые молодцы, быть можетъ, одѣты были въ лохмотьяхъ; не было у нихъ и красной дѣвицы; но легкая лодочка, предводительствуемая Кулагой, нападала такъ же храбро, какъ и раззолоченныя. Кулага зналъ, что съ лодками легче было

управляться; лодку можно было спрятать въ любомъ камышѣ; ее можно было перетащить черезъ широкую песчаную косу и отмель; лодка могла плыть невидимою и незамѣченною подъ самымъ бортомъ судна, которое разбойники собирались абордировать; лодка на двѣнадцать веселъ могла убѣгать отъ преслѣдователей, какъ птица на крыльяхъ.

Въ это время Кулага раза два посѣтилъ своего прежняго товарища Шумникова, бывшаго сподвижникомъ его при разграбленіи питейнаго дома на Башмаковкѣ. Шумниковъ, какъ мы сказали, находился на ловецкихъ ватагахъ и почему-то бросилъ ремесло разбойника, хотя, можетъ быть, на время. Кулага пріѣзжалъ къ нему, и Шумниковъ снабжалъ своего атамана-батюшку съѣстнымн припасами.

29-го іюня во второмъ часу по полуночи, Кулага съ одной только лодкою на десять веселъ и съ десятью только разбойниками явился на Щучинской ватагѣ купца Шарыпина. Онъ, кажется, съ намѣреніемъ выбралъ 29-е іюня, потому что, по случаю праздника Петрова дня, Кулага ожидалъ, что всѣ люди на ватагѣ должны быть или пьяны, или въ отлучкѣ. Дѣйствительно, онъ не засталъ тамъ никого и потому не встрѣтилъ никакого сопротивленія. Ватага была обобрана, какъ и прочія мѣста, куда являлась кулагина шайка. Не оставаясь здѣсь долго, разбойники съ Щучинской ватаги отправились далѣе и прибыли къ табуну Шарыпина, который находился за рѣкою Болдою. Вѣроятно, разбойники искали хозяина и его денегъ, или имъ нужно было получить какія-либо свѣдѣнія отъ табунщика,

калмыка Лозана Танкіева, только они, неизвѣстно по какой причинѣ, жестоко, «смертельно» избили нагайками этого бѣднаго пастуха и калмычку, жену его, избили такъ, что нельзя было даже надѣяться, останутся ли въ живыхъ эти несчастные. Послѣ этого Кулага снова поплылъ внизъ по рѣкѣ Болдѣ къ Каспійскому взморью [1]). Въ этихъ похожденіяхъ прошла ночь Петрова дня.

На другой день, рано утромъ, когда еще только начало разсвѣтать, небольшой отрядъ «разъѣздной команды» поручика Иванова, находившійся на рѣкѣ Болдѣ для охраненія окрестностей отъ нападенія разбойниковъ и состоявшій изъ капрала и нѣсколькихъ солдатъ, случайно усмотрѣлъ лодку, которая плыла на веслахъ внизъ по Болдѣ. Извѣстно, что разъѣздныя команды, или *высылки*, о которыхъ мы говорили въ первой главѣ, съ самаго начала XVII столѣтія постоянно разъѣзжали по Волгѣ на лодкахъ, оберегая безопасность судоходства и преслѣдуя воровскія партіи

---

[1]) Въ поданномъ въ астраханскую оберъ-комендантскую канцелярію отъ астраханскаго купца Степана Шарыпина объявленіи написано: «минувшаго-де іюня 29 числа, во второмъ часу по полуночи, въ небытность на Щучинской ево ватагѣ работныхъ людей, пріѣхавъ на оную ватагу *въ одной лоткѣ на десять веселъ воровской атаманъ, называемый Кулага, съ товарыщи своими десятью человѣками, съ ружьями, палашами, большими ножами*, которые по пріѣздѣ взяли на той ево ватагѣ изъ его припасовъ и у протчихъ нѣсколько экипажа, и побывъ на той ево ватагѣ самое малое время, и съ оной ватаги поѣхали въ собственный ево конной табунъ, имѣющейся при той ватагѣ за Болдою рѣкою, и въ ономъ табунѣ находящагося пастуха, калмыка Лозона Танкіева, били ево и жену ево нагайками смертельно, и будутъ ли отъ тѣхъ ихъ побой живы, или нѣтъ, неизвѣстно, и съ того табуна оные разбойники поѣхали внизъ по рѣкѣ Болдѣ.»

отъ дистанціи до дистанціи. Такая высылка находилась въ то время на Болдѣ [1]). Когда плывшая по этой рѣкѣ лодка поровнялась съ рыбнымъ плотомъ, находящимся на Трехъ-избинской ватагѣ упомянутаго купца Шарыпина, разъѣздная команда стала окликать ее, спрашивая по обыкновенію: что за̀ люди? — «Добрые люди», — данъ былъ отвѣтъ съ лодки этими «невѣдомыми людьми», и, нетронутые высылкою, неизвѣстные пловцы приблизились къ ватагѣ. Они подъѣхали къ кухнѣ этого заведенія, пристали къ берегу, — и вдругъ изъ лодки выскочилъ «воровской атаманъ, разбойникъ Кулага, и съ нимъ воровская его партія». — Ограбивъ Щучинскую ватагу, Кулага пробирался къ Каспійскому взморью и по дорогѣ рѣшился снова попытать счастья на другомъ заведеніи Шарыпина. Къ счастью его, и на Трехъ-избинской ватагѣ почти никого не было, потому что и работные люди почти всѣ

---

[1]) Вотъ одна старая разбойничья пѣсня, въ которой проклинаются эти *высылки* и воевода, отправляющій ихъ для поимки добрыхъ молодцевъ:

Еще ходимъ мы, братцы, не первый годъ,
И мы пьемъ-ѣдимъ на Волгѣ все готовое,
Цвѣтное платье носимъ припасеное,
Еще лихъ ли на нашъ супостатъ злодѣй,
Супостатъ злодѣй, воевода лихой,
Высылаетъ отъ Казани *часты высылки*,
Высылаетъ все *высылки стрѣлецкія*,
Они ловятъ насъ, хватаютъ добрыхъ молодцевъ,
Называютъ насъ ворами, разбойниками.
А мы, братцы, вѣдь ни воры, ни разбойники,
Мы люди добрые, ребята все поволжскіе,
Еще ходимъ мы по Волгѣ не первый годъ, —
Воровства, грабительства довольно есть.

на срокъ отпущены были для разсчету въ Астрахань, а потому, обманувъ разъѣздную команду ложнымъ отвѣтомъ на ея окликъ, Кулага могъ свободно управиться съ оставшеюся на ватагѣ прислугою и разсчитывать на успѣхъ. Но разъѣздная команда, замѣтивъ, что въ движеніяхъ невѣдомыхъ людей было что-то недоброе, тотчасъ вооружилась противъ «оныхъ злодѣевъ» и открыла ружейный огонь. «И какъ усмотря оныхъ злодѣевъ, капралъ и солдаты тотчасъ противу ихъ вооружились и стрѣляли по ворамъ изъ ружей: но напротиву того воровской атаманъ Кулага съ товарищи своими по солдатамъ изъ ружей и пистолетовъ палилъ же, и была сильная пальба съ обоихъ сторонъ, *и по той пальбѣ было сраженіе, отъ которой стрѣльбы нѣкоторые воры были ранены, также и солдаты.* Напослѣдокъ тѣ воры, усилившись съ сандовми (?) и дротиками, изъ рукъ у солдатъ ружья выбили, которыхъ солдатъ, по преодолѣніи, тѣ воры били нещадно, имѣющіяся жъ при промыслѣ его (Шарыпина) на водѣ ловецкія ево и протчія лодки изрубили и затопили.»

Послѣ этой жаркой схватки, когда команда была обезоружена и солдаты избиты «нещадно», однако же, не умерщвлены, и когда Кулага увидѣлъ себя полнымъ господиномъ ватаги, онъ ограбилъ ее и ни минуты долѣе не оставался на берегу. Шайка его, съ нѣкоторыми ранеными, опять вошла въ лодку и продолжала свой путь къ морю. Одно, вѣроятно, ружье было брошено на ватагѣ.

Замѣчательно, что въ то самое время, когда Кулага производилъ этотъ смѣлый разбой на Трехъ-из-

бинской ватагѣ, знаменитый Заметаевъ, пойманный за пять дней передъ этимъ, сидѣлъ въ Кумшацкой станицѣ, закованный въ желѣза. Вообще разбои этихъ двухъ самыхъ популярныхъ атамановъ производились въ одни и тѣ же мѣсяцы, только Заметаевъ совершалъ свои воровскія экспедиціи большею частію на Каспійскомъ морѣ, имѣлъ схватки съ киргизами и доходилъ до азіятскаго берега Каспійскаго моря, а Кулага рыскалъ преимущественно въ устьѣ Волги и по взморью. Наконецъ, вслѣдъ за послѣднимъ сраженіемъ, онъ также выплылъ въ открытое море и направился къ такъ называемому морскому Бибиковскому стану, принадлежавшему тоже купцу Шарыпину. Что дѣлалъ Кулага на этомъ станѣ и куда потомъ отправился, мы не знаемъ.

Но скоро вѣсть о Кулагѣ и его подвигахъ достигла Астрахани. Астраханское начальство, встревоженное незадолго до этого страшными успѣхами Заметаева и не знавшее о поимкѣ его, еще болѣе встревожилось, узнавъ, что кромѣ Заметаева существуетъ еще какой-то Кулага атаманъ. Оберъ-комендантъ города Астрахани, генералъ Левинъ, тотчасъ разослалъ ко всѣмъ поволжскимъ комендантамъ и начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ строжайшіе ордеры о принятіи дѣятельнѣйшихъ мѣръ противъ новаго опаснаго разбойника. Онъ приказалъ, во что бы то ни стало, выслѣдить и искоренить его безъ *«всякаго упущенія, не принося никакихъ въ томъ невозможностей»;* предписывалъ и «разъѣзднымъ командамъ накрѣпко подтвердить, подъ опасеніемъ, есть ли въ томъ хотя малая

оплошность и упущеніе послѣдуетъ, поступленія по всей строгости законовъ и вслѣдъ по часту репортовать о томъ, что̀ будетъ происходить». Подобное предписаніе получено было также въ Царицынѣ, и Цыплетевъ отвѣчалъ на него Левину, что «находящимся въ разъѣздахъ по рѣкѣ Волгѣ и сухопутно господамъ командирамъ, чтобъ они по точности вышеписаннаго въ ордерѣ вашего превосходительства предписанія, въ сыску и поискѣ воровъ, *а наипаче важныхъ разбойниковъ, имѣли всеусердное и неусыпное стараніе, безъ упущенія, наикрѣпчайше отъ меня подтверждено*».

Между тѣмъ слухи о Кулагѣ и о томъ, гдѣ онъ и что̀ дѣлаетъ, совершенно замолкли. Онъ точно безъ вѣсти пропалъ. Такъ прошло три мѣсяца. Наконецъ, 1-го октября царицынскій комендантъ узналъ отъ кого-то частнымъ образомъ, что Кулага, неизвѣстно какими судьбами, съ Каспійскаго моря очутился уже въ Дубовкѣ и тамъ пойманъ съ своими товарищами, а между тѣмъ въ тотъ же день прошелъ по Царицыну слухъ, что четыре разбойника изъ его шайки были недавно въ этомъ городѣ и, нѣсколько часовъ назадъ, отправились вверхъ по Волгѣ на плывущей съ солью расшивѣ. Не медля ни минуты, комендантъ послалъ въ Дубовку нарочнаго, царицынскаго казака Корецкова, выѣхавшаго вслѣдъ за расшивой, въ пятомъ часу пополудни, съ указомъ, въ которомъ сообщалъ канцеляріи войсковыхъ дѣлъ, чтобы она приняла слѣдующія мѣры: если дѣйствительно Кулага пойманъ и еще не отправленъ въ Царицынъ, — то останавливать всѣ плывущія снизу по Волгѣ суда, брать съ нихъ рабочихъ

людей и, спросивъ паспорты, приводить каждаго изъ нихъ къ Кулагѣ: если Кулага, на вопросъ о принадлежности взятыхъ съ судна рабочихъ къ его шайкѣ, скажетъ, что дѣйствительно принадлежали, то, не смотря ни на что, если бы даже эти уличенные имѣли паспорты, брать подъ караулъ, оковывать въ желѣза и присылать въ Царицынъ «за крѣпкимъ присмотромъ, дабы оные въ дорогѣ утечки учинить не могли». На другой день волжская войсковая канцелярія увѣдомила Цыплетева, что Кулага дѣйствительно пойманъ, вмѣстѣ съ четырьмя соучастниками, въ волжскомъ войскѣ и уже совсѣмъ приготовленъ былъ къ отправкѣ въ Царицынъ, какъ пріѣхалъ въ Дубовку посланный Цыплетевымъ казакъ Корецковъ и остановилъ проводы разбойниковъ. Между тѣмъ за проходившими мимо Дубовки судами стали слѣдить внимательно. Едва успѣлъ воротиться Корецковъ, Цыплетевъ тотчасъ же отправилъ въ Дубовку другаго курьера и требовалъ, чтобы также взяты были съ судовъ и другіе подозрительные люди и привезены въ Царицынъ; — но чтобы хозяевамъ судовъ не дѣлали ни остановокъ, ни притѣсненій, а велѣли слѣдовать «своимъ трактомъ».

Поимка Кулаги была дѣломъ совершенно случайнымъ: въ ночь на 25-е сентября, часу въ третьемъ по полуночи, войсковой старшина волжскаго войска Андрей Персидскій и квартирмейстеръ Филиппъ Кріулинъ замѣтили, что по Волгѣ, въ такую позднюю пору, видимо, пользуясь темнотою ночи, подозрительнымъ образомъ пробиралась вверхъ съ невѣдомыми людьми лодка; лодка была перехвачена, и находившіеся въ ней

четыре человѣка взяты и приведены въ войсковую канцелярію. Сначала неизвѣстно было, что́ это за люди; но случай опять выдалъ Кулагу: въ Дубовкѣ находился въ это время астраханской губернской канцеляріи сказочный Аѳанасій Ивановъ; однажды онъ зашелъ въ кабакъ и увидѣлъ тамъ человѣка, лице котораго было ему знакомо; этого человѣка онъ видѣлъ прошлой зимой въ Астрахани, когда тотъ сидѣлъ въ острогѣ, и теперь узналъ въ немъ извѣстнаго атамана. Примѣченный въ кабакѣ незнакомецъ дѣйствительно былъ Кулага, которому, при его популярности, трудно было укрыться. Лице разбойника было знакомо многимъ, особенно въ Астрахани, гдѣ онъ надѣлалъ столько шуму и тревогъ, а потому Ивановъ, узнавъ его, отправился въ войсковую канцелярію и донесъ, что Кулага въ Дубовкѣ. Это было 25-го сентября, именно черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ въ канцелярію привели неизвѣстныхъ четырехъ бродягъ, пойманныхъ почью на Волгѣ Персидскимъ и Кріулинымъ. Вѣсть, переданная Ивановымъ дубовскимъ властямъ, заставила подозрѣвать, нѣтъ ли Кулаги между этими четырьмя взятыми бродягами, и въ самомъ дѣлѣ оказалось, что онъ былъ въ числѣ ихъ. Съ нимъ находился также и товарищъ его Тарабаринъ.

Въ послѣдній разъ мы видѣли Кулагу, при взятіи Трехъ-избинской ватаги на Болдѣ и при пораженіи разъѣздной команды. Послѣ того онъ выѣхалъ въ море. Изъ архивныхъ дѣлъ, разобранныхъ нами, не видно, долго ли онъ пробылъ на морѣ и какіе еще производилъ грабежи; но по всей вѣроятности, опасаясь все

болѣе и болѣе распространявшихся о немъ слуховъ, будучи увѣренъ, что разъѣздныя команды ищутъ его по всѣмъ направленіямъ, и имя Кулаги не разъ произносилось въ комендатскихъ да гражданскихъ канцеляріяхъ, писалось и переписывалось въ ордерахъ и промеморіяхъ, повторялось шопотомъ и на базарахъ,— однимъ словомъ, испугавшись своей популярности, Кулага рѣшился оставить мѣста, гдѣ его знали. Онъ покинулъ море и снова вошелъ въ Волгу. Неизвѣстно, какъ онъ пробрался мимо Астрахани, только, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, мы встрѣчаемъ его уже за Дубовкой. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ думалъ попытать счастья гдѣ-нибудь въ верховыхъ городахъ и, собравъ самыхъ вѣрныхъ товарищей: Тарабарина, бурсака Силантьева, Шумникова, Васильева и двухъ Ивановыхъ, отправился въ Русь на зимовку. Такимъ образомъ изъ всей шайки его осталось только шесть человѣкъ, съ которыми онъ и доплылъ до Царицына въ двухъ лодкахъ, не слишкомъ опасаясь преслѣдованій и не боясь иногда завернуть во царевъ кабакъ, который и былъ причиной его гибели. Нѣсколько ниже Царицына, разбойники раздѣлились на двое: Кулага и Тарабаринъ сѣли на одну лодку, взявъ съ собой еще какихъ-то двухъ незнакомыхъ прохожихъ, а прочіе товарищи, съ другою лодкою, остались въ Царицынѣ, гдѣ намѣревались пріобрѣсти лошадей и ѣхать на Донъ «для якобы работъ». Кулага, Тарабаринъ и два незнакомые прохожіе [1]), какъ мы видѣли, взяты уже за Дубовкой;

[1]) Послѣ оказалось, что прохожіе не были разбойники и даже не бродяги. Одинъ изъ нихъ, — муромскій крестьянинъ Григорьевъ, на-

оставшіеся при другой лодкѣ также раздѣлились по двое: бурсакъ Силантьевъ и Васильевъ, бросивъ лодку, покинули своихъ товарищей, нѣсколько дней прожили въ Царицынѣ на квартирѣ и потомъ отправились въ путь пѣшкомъ; недалеко отъ Волги, на бечевинкѣ, они были пойманы казаками и приведены въ Дубовку. Два остальные разбойника изъ партіи Кулаги, оставшіеся при лодкѣ, Ивановы, продали ее въ Царицынѣ и нанялись на какое-то судно, въ качествѣ бурлаковъ. Не смотря на то, что всѣ суда, плывшія вверхъ, осматривали въ Дубовкѣ и рабочихъ приводили къ Кулагѣ,— Ивановыхъ не нашли, или, какъ сказано въ дѣлѣ, Ивановы, «по осмотру имъ, Кулагинымъ, на идущихъ снизу судахъ, не угаданы». Но вмѣсто нихъ случайно былъ пойманъ Шумниковъ, оставившій, какъ мы видѣли, шайку Кулаги вскорѣ послѣ разгрома питейнаго дома на Башмаковкѣ. Сговорился ли онъ съ Кулагою пробраться «въ Русь», или самъ рѣшился оставить морскія ватаги, только въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда Кулага уже давно

ходясь въ Астрахани, потерялъ свой паспортъ и, вслѣдствіе манифеста, публикованнаго послѣ казни Пугачова, получилъ въ Астрахани новый видъ, «съ тѣмъ чтобъ онъ шелъ въ домъ прямѣйшимъ трактомъ»; случай столкнулъ его съ Кулагой: увидѣвъ на Волгѣ лодку этого разбойника, Григорьевъ, «совокупясь еще съ товарищемъ подошедъ, просили, чтобъ доѣхать въ Дубовку, почему они и пріѣхали сюда (въ Дубовку), а что они бѣглые солдаты и разбойники, того не знали, съ которыми и взяты за караулъ» (изъ допроса Григорьева). Другой прохожій,—уржумскій крестьянинъ Ямщиковъ, тоже жилъ въ Астрахани, гдѣ просрочилъ свой паспортъ и, какъ Григорьевъ, получилъ новый, добрался до Царицына, выпросилъ себѣ мѣсто на лодкѣ у Кулаги и, подобно Григорьеву, взятъ былъ съ Кулагою въ Дубовкѣ. Мы думаемъ, что прохожіе эти были нѣкогда въ войскѣ Пугачова, а не потеряли паспортовъ.

проплылъ Астрахань, онъ подговорилъ съ собой бѣглаго астраханскаго солдата Петрова, пріобрѣлъ особую для себя лодку и явился въ Царицынъ; здѣсь они продали лодку и отправились искать по хуторамъ работы; на дорогѣ пристали къ нимъ еще одинъ бѣглый солдатъ, и уже на рѣчкѣ Пичугѣ они были пойманы. Такъ переловлены были всѣ главные товарищи Кулаги.

9-го октября всѣ они были привезены въ Царицынъ, а 13-го отправлены по форпостамъ въ Астрахань на судѣ.

Въ сопровожденіе арестантовъ, «по ихъ важности, какъ оные въ чиненіи сильныхъ разбоевъ не малое время упражнялись безъ недостатка», командированъ былъ большой конвой подъ начальствомъ офицера Ахапкина, которому дана была особая инструкція относительно надсмотра за преступниками [1]).

---

[1]) Инструкція эта сама по себѣ составляетъ очень любопытный историческій матеріалъ и, кромѣ того, показываетъ, какое значеніе могъ имѣть Кулага въ глазахъ правительства. Ахапкину повелѣвалось:

1) «Съ гобвахты отъ караульнаго господина офицера принять показаннаго атамана, скованнаго въ наручни и на обѣихъ ногахъ въ колодкѣ, а прочихъ какъ въ наручняхъ, такъ и въ такихъ же колодкахъ осмотря, гораздо укрѣпить.

2) «А потомъ, принявъ изъ комендантской канцеляріи запечатанные конверты, рапортъ къ астраханскому оберъ-коменданту, господину генералъ-маіору Василію Васильевичу Левину, и сообщеніе господину подполковнику и черноярскому коменданту Айдарову и подорожную для вашего благородія на двѣ лошади, да прогонныхъ денегъ какъ до Астрахани, такъ и на обратный путь, всего 14 руб. 88 коп. да кормовыхъ денегъ 70 коп. отъ воеводской канцеляріи, слѣдовать въ путь, при наряженномъ съ вами конвоѣ съ линіи для разстановленія по состоящимъ отъ Царицына форпостамъ и въ Черной Яръ команды казаками, и, будучи въ трактѣ, оставляя назначенное, гдѣ сколько слѣдуетъ, по форпостамъ число казаковъ, а съ послѣдняго, съ Мазайскаго, то-жъ и съ под-

Въ слѣдующемъ году начальники волжскаго войска, собственно той части, которая осталась не переселенною на Терекъ, будучи заподозрѣны въ неблаговидныхъ сношеніяхъ съ разбойниками, выставляли передъ правительствомъ, какъ важную услугу, оказанную Россіи, то обстоятельство, что стараніемъ ихъ пойманъ *«оный славный разбойникъ Кулига»*.

лежащими въ Черной Яръ 15-ю человѣками слѣдовать до Астрахани, приявъ тѣхъ разбойниковъ 7 человѣкъ отъ стоящаго при гобвахтѣ карауленаго офицера, заклепавъ всѣхъ въ крѣпкія ручныя и ножныя колодки, посадя на подводы, распредѣлить къ нимъ изъ конвою къ каждому по разсмотрѣнію вашему.

3) «Будучи въ пути, имѣть крѣпкую предосторожность, дабы утечки учинить не могли, подъ опасеніемъ за оное лишенія чести и по законамъ наказанія, осматривать всегда колодки и наручни въ пути, окружась конвоемъ, а на ночлегахъ и ночегьяхъ въ форпостныя землянки сажать и при нихъ часовымъ смотрѣть для недопущенія ихъ до разворовъ и чтобъ не могли другъ другу помогать въ сбиваніи колодокъ, къ лучшему смотрѣнію стараться на ночь доставать на свѣтъ жиру или лучины и, сверхъ того, то мѣсто окружать особыми часовыми, ибо отъ такихъ злодѣевъ ничего не можно ожидать, какъ при всякомъ послабленіи сдѣлать уходъ и обратиться на прежнія злодѣйствы не оставятъ, то вамъ въ томъ нужда состоитъ, чтобъ они ежечасно были подъ вашимъ самоличнымъ смотрѣніемъ, а и ночью имѣете карауленихъ осматривать и накрѣпко имъ подтверждать о семъ, дабы находились осторожны.

4) «На пропитаніе ихъ купить здѣсь сутки на трое хлѣба, употребя по 2 коп. на человѣка въ сутки, и онымъ удовольствовать.

5) «По прибытіи въ Черный Яръ, къ тамошнему господину коменданту явясь, по здѣшнему сообщенію при подачѣ онаго донесть, чтобъ на дальной путь конвоемъ и пропитаніемъ не оставилъ онъ снабдить ко своему расположенію, и въ Енотаевской крѣпости равно отъ тамошнего господина коменданта всѣмъ снабдиться, а по прибытіи въ Астрахань, того жъ часа представить къ его превосходительству и, по отдачѣ оныхъ, просить отпуску и слѣдовать обратно и явиться въ командѣ какъ наискорѣе.»

Атаманъ Заметаевъ [1]).

Царствованіе Императрицы Екатерины II представляетъ два, совершенно противоположные характера; извнѣ — успѣшныя дипломатическія сношенія петербургскаго кабинета съ иностранными дворами и торжество русскаго оружія, внутри — трудную борьбу администраціи съ повсемѣстной неурядицей. На всемъ отражался характеръ внутренняго броженія, и кровавая драма Пугачова выразила собой своевольную мірскую расправу. Но казнью этого самозванца на московской площади не прекратили сразу народнаго броженія, оно выражалось отдѣльными вспышками. Шайки разбойниковъ, правильно организованныя, съ выборными атаманами и эсаулами, бродили по Россіи, грабили, вѣшали и жгли всѣхъ, кѣмъ были недовольны. Волненіе замѣтно было преимущественно въ юговосточныхъ предѣлахъ имперіи, гдѣ разбойники нападали на

[1]) Подлинные документы о событіяхъ этого времени извлечены изъ стараго царицынскаго архива Н. И. Костомаровымъ и переданы въ распоряженіе автора настоящей статьи.

плывущія по Волгѣ суда, разбивали обозы и жгли села, не боясь ни высылокъ изъ крѣпостей, ни войскъ, растянутыхъ по всему поволжью, начальство надъ которыми ввѣрено было лучшимъ генераламъ того времени, графу Петру Ивановичу Панину, Суворову и другимъ.

Весною 1775 года, юго-восточный край, еще неуспокоившійся послѣ тяжелой поры пугачовщины, взволнованъ былъ новой вѣстью, что въ скоромъ времени долженъ явиться нѣкто Заметаевъ и произведетъ волненіе, подобное тому, какое произвелъ Пугачовъ. Вѣсть эта прошла отъ нижняго поволжья къ сѣверу, коснулась самыхъ отдаленныхъ русскихъ провинцій и встревожила правительство. Въ Астрахань, Енотаевскъ Черный Яръ, въ Царицынъ, Черкаскъ, Саратовъ, Симбирскъ, Москву и Петербургъ приходило извѣстіе за извѣстіемъ, что по Волгѣ и по Каспійскому морю разъѣзжаютъ, въ косныхъ лодкахъ, шайки разбойниковъ, съ пушками и ружьми, грабятъ суда, разбиваютъ рыболовныя ватаги, храбро отбиваются отъ высылаемыхъ противъ нихъ отрядовъ, удаляются въ море и снова плывутъ вверхъ, появляются на Волгѣ и снова грабятъ. Народъ съ суевѣрнымъ страхомъ ждетъ новыхъ смутъ, и толки о Заметаевѣ не умолкаютъ: имя его переходитъ изъ устъ въ уста; объ немъ говорятъ на базарахъ: графъ Панинъ, назначенный главнокомандующимъ императорскихъ войскъ для возстановленія тишины во всѣхъ взволнованныхъ Пугачовымъ провинціяхъ, и Суворовъ, принявшій начальство надъ войсками, растянутыми по всему поволжью, внима-

тельно слѣдили за этими слухами и съ сожалѣніемъ догадывались, что одиннадцати-мѣсячное дѣло ихъ, въ которое они положили столько трудовъ, и конецъ котораго уже близко видѣли, можетъ вновь разстроиться, что возстановленіе тишины въ потрясенномъ краѣ еще далеко и сомнительно.

Въ началѣ іюня, по распоряженію Суворова, находившагося въ Симбирскѣ, секундъ-маіоръ Соловьевъ выступилъ съ своимъ отрядомъ съ зимнихъ квартиръ и пошелъ правымъ берегомъ Волги къ Астрахани, наблюдая за плывущими по Волгѣ караванами судовъ и лодками. Слѣдуя по астраханской дорогѣ, онъ не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній ни о Заметаевѣ, ни о другихъ разбойничьихъ шайкахъ: узнать было не отъ кого, разспрашивать народъ было опасно. Разбойники появлялись неожиданно, небольшими партіями, дѣлали тревогу и исчезали въ своихъ станахъ или разбродились по лѣсу и степямъ, а лодки или прятали въ безопасныхъ мѣстахъ, или топили, надѣясь безъ труда отбить новыя; часто уходили на Волгу, выжидали, вновь собирались и шли на грабежъ.

Не зная, что̀ предпринять, сознавая также трудность порученнаго ему дѣла, Соловьевъ обратился къ царицынскому коменданту Цыплетеву и спрашивалъ, не знаетъ ли чего «о злодѣйскихъ оборотахъ» Заметаева и гдѣ его шайка? Цыплетевъ отвѣчалъ, что о Заметаевѣ онъ имѣетъ свѣдѣнія отъ астраханскаго оберъ-коменданта генерала Левина; что заметаевская шайка открыла свои дѣйствія грабительствами около Синяго Морца на Каспійскомъ морѣ, перенесла опу-

стоженія въ другія сосѣднія мѣста, но гдѣ теперь, — не знаетъ. Отъ черноярскаго коменданта, полковника Айдарова, извѣстились, что 14 мая, верстахъ въ семи за Енотаевской крѣпостью, видѣли на Волгѣ три вооруженныя разбойничьи лодки, съ шестьюдесятью неизвѣстными людьми; что противъ нихъ высланы отряды; но что никто не знаетъ, къ какой шайкѣ принадлежитъ эта новая партія, кто атаманъ и гдѣ именно находится самъ Заметаевъ.

Заметаевъ въ это время производилъ грабежи на Каспійскомъ морѣ. Опасясь, чтобъ онъ не пробрался въ верховыя губерніи, Суворовъ отрядилъ часть войскъ изъ поволжской арміи съ бригадиромъ Пилемъ въ Саратовъ и ввѣрилъ ему прикрытіе Волги. Такимъ образомъ, понизовье отъ моря до Чернаго Яра защищалъ отрядъ Соловьева, кордоны котораго, пройдя Волгою до Царицына, отдалились онъ нея въ степь, слѣдуя по сарептской дорогѣ, чтобы снова приблизиться къ берегу Волги; отъ Чернаго Яра до Дубовки плавали разъѣздныя лодки, отряженныя изъ Царицына; между Дубовкою и Камышиномъ были новые разъѣзды; самъ Пиль наблюдалъ среднее поволжье, ниже и выше Саратова до Симбирска, гдѣ находился Суворовъ. Волга была заперта со всѣхъ сторонъ, и для проѣзда въ верховье разбойникамъ оставались только лѣсистыя воложки ниже Царицына и ахтубинскіе протоки, гдѣ можно было скрывать лодки въ густыхъ тальникахъ; на сухомъ пути сторожили ихъ построенные вдоль Волги какъ въ нагорной, такъ и на луговой сторонѣ форпосты, небольшія крѣпостцы, вооруженныя пушками

и защищаемыя небольшими отрядами. Вездѣ ждали Заметаева.

Въ этомъ ожиданіи прошло три недѣли, а вѣстей о разбойникахъ не было ни откуда. Тяготясь неизвѣстностью, Пиль отправилъ къ Цыплетеву нарочнаго узнать, гдѣ, что̀ дѣлаетъ Заметаевъ, и не слышно ли еще чего о немъ. Изъ Астрахани между тѣмъ пришло извѣстіе, что тамъ, при морскихъ ватагахъ, въ недавнее время показалась разбойническая шайка, состоящая изъ девятнадцати человѣкъ, которая, разъѣзжая водою въ большой лодкѣ, въ разныхъ мѣстахъ грабитъ и разоряетъ «россійскихъ людей», что противъ нея отряжены военныя команды, которыя ее повсюду преслѣдуютъ. Увѣдомляли также, что разбойники, раздѣлясь на двѣ части, разошлись въ разныя стороны: одни, въ числѣ пяти человѣкъ, отправились въ море на лодкѣ, а другіе четырнадцать разбойниковъ, взявъ лошадей съ ватаги астраханскаго купца Бодрова, вступили на моздокскую дорогу, проложенную въ степи томскимъ полкомъ, и пробираются къ Дону, чтобы свободнѣе пройти въ верховыя мѣста. Но никто не зналъ, что за разбойники и кто ихъ атаманъ.

Тогда съ царицынской линіи командированы были три партіи казаковъ для разъѣздовъ по степи и наблюденія за разбойниками; дано было знать по всѣмъ линейнымъ крѣпостямъ и форпостамъ, что шайка намѣрена пробраться въ верховые города, въ глубь Россіи. Изъ Дербетевыхъ улусовъ нарядили отряды калмыцкаго нерегулярнаго войска; калмыцкій полковникъ, князь Дондуковъ, сражавшійся противъ войскъ Пугачова и

бывшій въ то время къ Сарептѣ, дѣлалъ разъѣзды въ той части степи, которая склонялась къ Волгѣ; дано было о томъ же знать на Донъ, въ Черкаскъ, всѣмъ войсковымъ старшинамъ, станичнымъ атаманамъ и казакамъ, увѣдомили бригадира Пиля, донесли Панину, Суворову. По всѣмъ пунктамъ, гдѣ расположены были войска и находились гарнизоны, разосланы примѣты неизвѣстныхъ разбойниковъ: всѣ знали, что предводитель шайки ростомъ невеликъ, собою толстъ, лицемъ рыжъ, съ малыми рябинами, волосы на головѣ русые, борода и усы рыжіе, на лѣвой рукѣ, близъ мизинца имѣетъ рану, отъ роду ему около сорока лѣтъ; — что другіе разбойники острижены по-бурлацки и нѣкоторые съ бритыми бородами, а у двухъ молодыхъ парней еще и бородъ не выросло; что эсаулъ ихъ росту высокаго, посредственной толщины, лицемъ смуглъ, волосы на головѣ черные, борода и усы бритые.

Между тѣмъ по высочайшему повелѣнію графъ Панинъ разослалъ по всему поволжью печатные экземпляры объявленій (потому что писаннымъ народъ не вѣрилъ: писанными его часто обманывали) о предупрежденіи народныхъ смутъ, по случаю появленія Заметаева. Въ объявленіи графъ Панинъ, напоминая народу о минувшихъ смутахъ, произведенныхъ «злодѣемъ и самозванцемъ Пугачовымъ, воспріявшимъ уже на московской площади за свои беззаконія смертную казнь», говорилъ, что онъ съ великой сердечной радостью примѣчалъ возстановленіе прежней тишины и повиновенія въ народѣ. «Но нынѣ, продолжаетъ онъ,

съ великимъ оскорбленіемъ услышалъ я, что между народомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разглашаются и разсѣяваются плевела таковыя, якобы какой-то разбойникъ Заметаевъ проявится и будетъ производить новое народное разореніе.» Онъ увѣщавалъ народъ не вѣрить новому разглашенію; грозилъ жестокимъ наказаніемъ; пугалъ новыми смутами и всеобщимъ опустошеніемъ; запрещалъ не только произносить, но даже упоминать имя Заметаева и всякаго другаго подобнаго ему «чудовища».

Объявленія прочитаны были народу вездѣ, гдѣ онъ могъ собираться. Мѣстныя начальства употребляли свои мѣры и угрозы, чрезъ что̀ слухи становились все чудовищнѣе и невѣроятнѣе и расли съ каждымъ днемъ: хотѣли добра, а дѣлали зло.

Въ это время въ Царицынъ вступили два эскадрона гусаръ и пикинеровъ изъ отряда маіора Соловьева, которые должны были оберегать Волгу у Царицына. Въ то же время около Дубовки примѣчена была небольшая разбойничья партія; противъ нея высланъ изъ Царицына небольшой отрядъ регулярнаго войска, а изъ Дубовки выступили казаки, и шайка была разбита и разогнана; пять человѣкъ попались въ плѣнъ и отправлены въ Астрахань. Но это не помогало: не смотря на то, что разъѣзды безпрестанно сновали по Волгѣ во всѣхъ направленіяхъ и, по тогдашнему выраженію, «недреманнымъ окомъ» оберегали плывущіе по Волгѣ караваны, удалыя шайки безбоязненно нападали на расшивы, кладнуши и косныя лодки, разбивали цѣлые караваны, грабили и опустошали

берега Волги. Разъѣзды не находили ничего, не видѣли никакихъ воровскихъ людей и рапортовали по начальству, что все обстоитъ благополучно: а между тѣмъ не проходило дня, чтобъ по городамъ и селамъ не являлись ограбленные судохозяева, избитые лоцмана, такіе же бурлаки, у которыхъ разбойники отнимали паспорты и деньги, а съ судовъ брали товары, пушки, ружья, свинецъ и порохъ.

А о Заметаевѣ все еще не знали ничего вѣрнаго: надерживается ли около Астрахани, выѣхалъ ли въ открытое море, или уклонился въ другую сторону, или, наконецъ, разбитъ, — никто ничего не могъ сказать положительнаго.

Но вскорѣ послѣ того напали и на слѣдъ Заметаева: на кумской степи взяты были два калмыка, находившіеся въ его шайкѣ. На допросѣ калмыки показали, что въ началѣ іюня находились они въ числѣ семнадцати человѣкъ на взморьѣ, въ морскихъ косахъ, на Камышевой ватагѣ. Въ одинъ день пріѣхали туда, въ восьмивесельной косной лодкѣ девятнадцать человѣкъ разбойниковъ, которыхъ испуганный хозяинъ ватаги встрѣтилъ съ хлѣбомъ и солью. Они пробыли на ватагѣ двое сутокъ и никому не сдѣлали вреда, даже заплатили хозяину хорошую цѣну за корову, которую зарѣзали для себя. Оттуда разбойники взяли одного русскаго рабочаго и двухъ калмыкъ проводниками къ другой рыболовной ватагѣ купца Бодрова. Здѣсь они переночевали и на другой день пошли къ табору Бодрова взять для себя лошадей; но дикія степныя лошади не дались разбойникамъ въ руки;

тогда они погнали къ табуну всѣхъ ватажныхъ работниковъ, выбрали для себя по лошади, приказали ѣхать съ ними самому табунщику, восьми рабочимъ и двумъ калмыкамъ, взятымъ на Камышевой ватагѣ. Отсюда они поѣхали уже въ двухъ лодкахъ, а лошадей гнали берегомъ; при переправѣ черезъ Ильмень одну лошадь утопили. На другой день шайка раздѣлилась на двѣ партіи: пять разбойниковъ взяли у Бодровыхъ работниковъ лодку, три чугунныя пушки и отправились въ море; а другіе четырнадцать человѣкъ дали рабочимъ денегъ, нѣсколько бурлацкихъ кафтановъ и другой одёжи и отпустили на ватагу въ своей лодкѣ, а сами съ двумя калмыками и табунщикомъ выѣхали въ степь. Они быстро слѣдовали вверхъ по Кумѣ, не давая лошадямъ ни малѣйшаго роздыха. Дорогою разбойники почему-то хотѣли убить калмыковъ, но тѣ упросили ихъ. Разъ ночью, когда шайка остановилась въ лѣсу для роздыха, калмыки бѣжали, бросились въ Куму и переплыли на другую сторону рѣки. Калмыки сказывали, что изъ разговоровъ, происходившихъ между разбойниками, можно было понять, что нѣкоторые изъ нихъ хотѣли ѣхать на Донъ и оттуда человѣка по два по три пробираться въ верховыя мѣста; другіе, у которыхъ лошади изнурены были отъ быстраго переѣзда, раскаявались, что такъ далеко углубились въ степь и хотѣли воротиться къ Волгѣ. Видно было, что общаго совѣта уже не было между ними, и они переговаривались тихо, тайно отъ атамана. Калмыки говорили притомъ, что «атаманъ ихъ разбой-

ической у нихъ въ почтеніи и ими безпрепятственно повелѣваетъ; всѣ зовутъ его батюшкой».

Не оставалось никакого сомнѣнія, что это былъ знаменитый Заметаевъ, взволновавшій однимъ именемъ своимъ все нижнее и среднее поволжье. Примѣты атамана и эсаула были тѣ именно, о которыхъ зналъ весь юго-восточный край. Другаго подобнаго атамана не было: на Камышевой и Бодровой ватагахъ узнали Заметаева.

Тогда вновь разосланы были отряды по всѣмъ направленіямъ: изъ Астрахани выступили команды по кизлярскому тракту и на всѣ окрестныя дороги; сосѣдніе города нарядили новые отряды; къ сѣверу Заметаеву запертъ былъ путь неразрывною цѣпью разъѣздовъ отъ Волги вплоть до самаго Дона: одинъ отрядъ прикрывалъ всѣ выходы по моздокской дорогѣ; другой придерживался середины царицынской линіи противъ Грачевской крѣпости; третій, наконецъ, дѣлалъ поиски отъ Донскаго редута внизъ по Дону, склоняясь отъ этого редута къ тому отряду, который оберегалъ проходы у Грачевской крѣпости, а этотъ склонялся къ разъѣзду моздокскому.

Но въ обширной кумской степи Заметаева отыскать было нелегко: куда онъ поѣдетъ? Ему представлялась широкая дорога на всѣ четыре стороны; по безлюдной степи онъ могъ пробраться на Кубань, въ Грузію, къ Моздоку, выйти къ Дону, пробраться въ верховье между селеніями и берегами рѣкъ. Пограничныя линіи съ крѣпостями и форпостами были плохою защитой Россіи: мимо крѣпостей спокойно

проходили цѣлыя орды и также спокойно возвращались въ свои степи, не потерявъ ни одного человѣка.

Розыски были безполезны.

Но вотъ, 24 іюня, утромъ къ Дону, противъ Кумшацкой станицы, подъѣхали какіе-то неизвѣстные люди; ихъ было девять человѣкъ, изъ которыхъ семь ѣхали верхами на лошадяхъ, а двое шли пѣшіе; у всѣхъ были ружья и у нѣкоторыхъ ножи и сабли. Они остановились на берегу Дона, повидимому, для отдыха; четверо изъ нихъ пошли по направленію къ станицѣ; изъ оставшихся двое легли спать, третій, повидимому, начальникъ ихъ, отправился къ рѣкѣ, вѣроятно, для того, чтобъ вынуть изъ находившагося тамъ вентеря рыбы; а одинъ взлѣзъ на дерево, должно думать, для того, чтобъ въ качествѣ караульнаго обозрѣвать окрестность. Тогда одинъ изъ пріѣхавшихъ, спрятавшись отъ караульнаго, осторожно взялъ одну изъ оставленныхъ товарищами лошадей, сѣлъ на нее и тихонько поѣхалъ къ станицѣ. Никто не замѣтилъ его отсутствія. Бѣглецъ переплылъ Донъ и скрылся. Вскорѣ изъ станицы явились вооруженные казаки и захватили этихъ людей. Ихъ привели въ станицу и немедленно отправили къ войсковому сыскному старшинѣ, завѣдовавшему дѣлами о разбойникахъ и бѣглыхъ.

Доносчикъ, который бѣжалъ съ лошадью черезъ Донъ въ станицу и объявилъ, что за Дономъ находятся разбойники, былъ малороссіянинъ Ничипоренко, служившій въ работникахъ у астраханскаго купца Бодрова. Это табунщикъ, о которомъ мы уже упоминали.

Между пойманными неизвѣстными людьми нашелся

и атаманъ. На допросѣ онъ показалъ, что зовутъ его Игнатомъ Петровымъ *Запрометовымъ*, что родомъ онъ изъ Переславля-Залѣсскаго, дьячковскій сынъ; въ 1773 году отданъ въ солдаты въ кизлярскій пѣхотный полкъ; командированъ былъ въ Грузію, а лѣтомъ 1774 года бѣжалъ изъ баталіона и степными дорогами пробрался въ астраханскія Черни, гдѣ питался всю зиму по рыболовнымъ ватагамъ, а весной набралъ съ разныхъ ватагъ восьмнадцать человѣкъ охотниковъ и повелъ ихъ на разбой; его выбрали атаманомъ; въ большой косной лодкѣ они разъѣзжали по ватагамъ, грабили, что̀ имъ ни попадалось, набирали новыхъ охотниковъ, а потомъ съ ватаги Бодрова отправились къ Дону, чтобъ наняться къ кому-либо въ работники. На Дону ихъ поймали.

Кромѣ лошадей, оружія и денегъ, при разбойникахъ нашли нѣсколько одежды: три шапки, двѣ бархатныхъ, одна съ золотымъ позументомъ, вѣроятно, атаманская; три черкесски, кафтанъ канаватный съ семью серебряными пуговицами, красныя рубахи и проч.

Запрометовъ былъ не кто другой, какъ знаменитый Заметаевъ. Извѣстіе о поимкѣ его быстро разнеслось по всему поволжью. Отрадная вѣсть пришла и къ Суворову. Одни донскіе казаки не подозрѣвали, какое важное лице находится въ ихъ рукахъ: они думали, что поймали одного изъ обыкновенныхъ разбойниковъ, которые цѣлыми ватагами водили шайки къ юго-восточнымъ предѣламъ Россіи и безъ страху шатались по задонскимъ степямъ и въ понизовьѣ. Они только то замѣтили, что пойманные воры «на образъ всѣ велико-

россійскіе люди», а у атамана, сверхъ того, серебряные часы.

Казаки заковали Заметаева въ кандалы, а прочихъ въ колодки и отправили съ нарочнымъ въ Царицынъ. Но вслѣдъ за тѣмъ изъ Симбирска, отъ генерала Каковинскаго пришелъ къ нимъ запросъ: нѣтъ ли въ войскѣ донскомъ, казака по фамиліи Заметаева, а если есть, то гдѣ онъ? Только тогда казаки догадались, что «заключена въ тѣхъ разбойникахъ важность»; они поняли, что отправили Заметаева съ очень слабымъ конвоемъ и немедленно командировали за нимъ одного надежнаго походнаго эсаула. Эсаулъ заковалъ его въ желѣза и за карауломъ привезъ въ Царицынъ.

Теперь уже не было сомнѣнія, что схваченъ точно Заметаевъ, который долженъ былъ «проявиться» на Руси и произвесть новое народное возмущеніе. Именемъ этого, пойманнаго теперь, дьяческаго сына, взволнована была Россія и встревожено правительство. Теперь только обнаруженъ былъ весь рядъ его грабежей и удалыхъ похожденій.

Заметаевъ дѣйствительно былъ сынъ дьячка изъ Переславля-Залѣсскаго. Пьянство заставило его бѣжать изъ Кизляра и сдѣлаться атаманомъ разбойниковъ. Изъ Кизляра онъ пробрался степью до Царицына, какъ простой бродяга, никому неизвѣстный и никѣмъ непринимаемый; но въ Царицынѣ онъ не останавливался, а прошелъ въ Дубовку, гдѣ казацкая жизнь была повольнѣе и разгульнѣе; съ голода онъ нанимался косить сѣно за самую ничтожную плату и работалъ наравнѣ съ прочими бездомными бурлаками. Такая жизнь не

могла его успокоить. Онъ собралъ въ Дубовкѣ такихъ же, какъ и самъ, недовольныхъ жизнію и рѣшился идти на разбой. Они взяли лодку и поплыли внизъ по Волгѣ: шайка его состояла всего только изъ пяти человѣкъ. За Татьяницкой перемѣной, отважный бродяга напалъ на двѣ расшивы, обобралъ у бурлаковъ паспорты и поѣхалъ дальше. Здѣсь начало его подвиговъ и той странной популярности, которая соединялась съ его именемъ. Но имя онъ пріобрѣлъ впослѣдствіи, а теперь былъ просто бродяга.

Это было лѣтомъ 1774 года. Подъѣхавъ къ Черному Яру, бродяги вошли въ городъ, но были узнаны по фальшивымъ паспортамъ, взяты подъ караулъ и признались, что разбили на Волгѣ двѣ расшивы. Находясь подъ карауломъ, они слышали, что «Пугачовъ заступилъ уже Дубовку». Изъ Чернаго Яра ихъ отправили въ Астрахань чрезъ Енотаевскую крѣпость; въ Астрахани они содержались подъ карауломъ съ мѣсяцъ. Но караулъ не удержалъ Игнатія Петрова,—онъ бѣжалъ съ товарищемъ. Они вышли къ морю, на морскія ватаги, и опять повели бродячую жизнь. На ватаги напали киргизъ-кайсаки. Народъ спасался бѣгствомъ и скрылся въ богатомъ Култукѣ, на Пичугиной ватагѣ: тамъ бродилъ и Игнатій Петровъ съ товарищемъ, вербуя въ свою шайку удальцевъ и безпріютныхъ. Въ числѣ первыхъ, приставшихъ къ партіи Заметаева, былъ не менѣе знаменитый разбойникъ того времени, Кулага. Для совѣщаній они собирались на пустой Грековой ватагѣ и положили идти на разбой. Охотниковъ нашлось пятнадцать человѣкъ. Они до-

стали лодку, убрали, оснастили и вооружили ее. Атаманомъ избранъ Игнатій Петровъ и названъ двойнымъ прозвищемъ: Запрометовъ и Заметаевъ.

Снарядились въ походъ. Первымъ дѣломъ Заметаева было нападеніе на Займинцову ватагу: онъ разбилъ и ограбилъ ее. Оттуда разбойники поплыли моремъ на востокъ, къ киргизъ-кайсакамъ, прошли Эмбу и Мертвый Култукъ и напали на рыболовную расшиву. Расшива была взята и ограблена. Узнавъ, что киргизы часто наѣзжаютъ къ морю и подъ видомъ торга заманиваютъ русскихъ на берегъ, грабятъ и берутъ въ плѣнъ, Заметаевъ рѣшился обмануть ихъ. Онъ приказалъ выстрѣлить изъ вѣстовой пушки. Услышавъ сигналъ, киргизы приблизились къ морю и ожидали разбойниковъ. Заметаевъ напалъ на нихъ и между ними произошло сраженіе: киргизы были разбиты и бѣжали; нѣкоторые попались въ плѣнъ; другіе были ранены, одного нашли убитымъ. Разбойники взяли у нихъ платье, товары и отпустили плѣнныхъ. Оттуда Заметаевъ повелъ свою шайку къ Астрахани, наводя ужасъ на всѣ морскія ватаги: онъ напалъ на Шестовскую ватагу и ограбилъ; напалъ на Бѣлужью ватагу и также ограбилъ. На взморьѣ не знали, что дѣлать, куда спасаться, и со страхомъ ожидали новыхъ нападеній Заметаева. На Уварахъ и Иванчугѣ собрались ловцы, предчувствуя грозу, вооружили свои лодки и пошли на разбойниковъ. Ловцы напали первые, и завязалась перестрѣлка: двое изъ разбойниковъ были убиты. Заметаевъ не устоялъ и принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Шайка удалилась въ море.

Но въ морѣ Заметаевъ пробылъ не долго. Приплылъ снова къ ватагамъ, и снова начались грабежи. Онъ былъ на Гречихиной ватагѣ и снова дрался съ ловцами; вскорѣ потомъ напалъ на одинокаго караульнаго солдата и отнялъ у него ружье съ прибором; на другомъ стану взялъ двухъ молодцевъ въ разбой. На Музуркиной ватагѣ напалъ на расшиву, взялъ съ нея дань чихиремъ и отпустилъ. Пошелъ опять на Гречихину ватагу и еще двоихъ пригласилъ въ разбой, а двоихъ отослалъ прочь съ Колпачка, за ссорою. На возвратномъ пути Заметаевъ настигъ астраханскаго купца Бодрова съ рабочими; взялъ ихъ, привезъ на Шарыпину ватагу и обобралъ у нихъ деньги. Оттуда приказалъ привести себя на Бодрову ватагу, взялъ еще расшиву и ограбилъ; тамъ ограбилъ онъ цаловальника, набралъ вина и велѣлъ шайкѣ пить.

Но не долго послѣ этого счастіе служило Заметаеву: не смотря на то, что онъ дѣйствовалъ въ открытомъ морѣ, вѣсть о немъ наполнила собой всѣ понизовые города, слава его прошла далеко на сѣверъ; уже многіе знали, гдѣ искать его, и искали.

Во время гульни, когда шайка распивала вино, отнятое у цаловальника, на нее наѣхала высылка изъ Астрахани: небольшой отрядъ солдатъ, рыбаки и множество понятыхъ въ лодкахъ. Заметаевъ вступилъ въ бой. Разгоряченные виномъ и одушевляемые атаманомъ, разбойники дрались храбро. Перестрѣлка продолжалась съ четверть часа, не прекращаясь ни на минуту. Офицеръ, командовавшій отрядомъ, былъ убитъ: его убилъ самъ Заметаевъ. Солдаты оробѣли и начали

отступать. Разбойники напали съ большей силой и разстроили команду. Солдаты бросились въ воду, ища спасенія: ихъ ловили и вытаскивали изъ воды. Убитъ былъ одинъ изъ солдатъ, нѣкоторые взяты въ плѣнъ, прочіе бѣжали. Заметаевъ овладѣлъ лодкой, двумя пушками и ружьями: онъ шелъ не противъ солдатъ и потому отпустилъ захваченныхъ.

Послѣ этого дѣла Заметаевъ сталъ думать и о томъ, что̀ ожидаетъ его. Оставаться на Волгѣ и въ морѣ было не безопасно, особенно послѣ умерщвленія офицера. Многіе видѣли Заметаева въ лице и, вѣроятно, помнили наружность атамана; примѣты его развозились по комендантскимъ, воеводскимъ, гражданскимъ и войсковымъ канцеляріямъ при промеморіяхъ и ордерахъ и были извѣстны каждому; эсаула его также знали многіе, знали и другихъ товарищей. Заметаевъ отплылъ въ море къ устью Кумы, въ кумскій Култукъ, и пробылъ въ бездѣйствіи цѣлую недѣлю, раздумывая и совѣтуясь, что̀ предпринять. Къ нему дошла вѣсть, что маіоръ Арбековъ съ отрядомъ ищетъ его по взморью; прослышали, что по Волгѣ производятся безпрестанные разъѣзды, а его шайка состояла всего изъ девятнадцати человѣкъ.

Заметаевъ прекратилъ разбои. Черезъ недѣлю разбойники воротились на Камышеву ватагу, купили себѣ корову на зарѣзъ и въ послѣдній разъ погуляли на свободѣ.

Тогда стали совѣтоваться; думали оставить море, удалиться въ степь и разойтись; Заметаевъ думалъ идти на Царицынъ; эсаулъ не хотѣлъ разставаться съ

Волгой и приглашалъ товарищей отъ Богатаго Култука идти вверхъ по Ахтубѣ; оттуда онъ намѣревался «по яицкому кряжу пройти въ Русь». На томъ и порѣшили: прощаніе Заметаева съ эсауломъ было на Бодровой ватагѣ, послѣ чего ужъ имъ не довелось встрѣтиться въ жизни.

Эсаулъ Заметаева прозывался Жеребцовымъ. Что съ нимъ было послѣ разлуки съ атаманомъ, куда онъ прошелъ съ своей небольшой шайкой: вышелъ ли въ Русь, какъ думалъ, кончилъ ли жизнь въ разбоѣ съ оружіемъ въ рукахъ, или въ тюрьмѣ, умеръ ли отъ кнута на Руси, или скончался въ Нерчинскѣ, — неизвѣстно. Но съ тѣхъ поръ объ немъ ничего не было слышно. Намъ извѣстна только судьба его атамана.

О похожденіяхъ Заметаева на кумской степи мы уже отчасти знаемъ: дорога и голодъ изнурили его шайку; они питались лошадьми, ѣли траву и изнурились до крайности; одинъ изъ разбойниковъ бѣжалъ, а пятеро брошены въ степи за усталью лошадей.

Ко всѣмъ допросамъ, которые дѣлали разбойникамъ, Заметаевъ самъ прикладывалъ руку, называя себя бѣглымъ солдатомъ Игнатіемъ Петровымъ Запрометовымъ и Заметаевымъ.

Въ Царицынѣ разбойниковъ заковали въ самыя твердыя ручныя и ножныя кандалы и разсадили по разнымъ комнатамъ, а Заметаева приковали къ стѣнѣ въ позорныхъ покояхъ: къ разбойникамъ, для караула, приставили отрядъ гусаръ и боялись водить ихъ, какъ прочихъ арестантовъ, по міру собирать милостыню, а постоянно держали подъ карауломъ и кормили отъ

казны. Когда Заметаеву приносили пищу, при этомъ всегда присутствовалъ офицеръ, который наблюдалъ за преступникомъ «недреманнымъ окомъ».

Заметаевъ интересовалъ всѣхъ своею личностью: объ немъ, какъ мы видѣли, спрашивалъ генералъ Каковинскій. Но больше всѣхъ интересовался имъ Суворовъ. Вслѣдъ за извѣстіемъ, что Заметаевъ пойманъ, Суворовъ спрашивалъ объ немъ Цыплетева: «настоящая ли его фамилія Заметаевъ, или онъ имѣетъ другое прозвище? отчего сначала возросли его злыя предпріятія? въ какомъ числѣ была его шайка? въ какихъ мѣстахъ и какія производилъ злодѣянія и какое употреблялъ оружіе? имѣлъ ли при своей партіи пушку? изъ какихъ людей состояла его шайка, и кто онъ самъ? куда имѣлъ онъ намѣреніе обратиться?» Суворовъ, сверхъ того, велѣлъ узнать и «проникнуть»: 30 апрѣля былъ ли Заметаевъ и съ кѣмъ именно у Каспійскаго моря на Шестовомъ бугрѣ? взялъ ли у питейнаго служителя, или цаловальника бочку вина въ 40 ведеръ и далъ ли ему собственноручную росписку? Онъ ли разбилъ высланную изъ Астрахани команду и убилъ офицера, гдѣ и когда? Какія имѣетъ примѣты? похожъ ли на то лице, которое разыскивала астраханская губернская канцелярія? сколько ему лѣтъ и проч. Наконецъ, Суворовъ сдѣлалъ собственноручную приписку къ ордеру: *А паче ежелибъ возможно было развѣдать о его дальновидномъ политическомъ злонамѣреніи: ибо онъ оглашаемъ былъ во многихъ странахъ.*

На всѣ новые вопросы Заметаевъ отвѣчалъ прямо и коротко; повторяя то, что показалъ прежде, онъ

говорилъ, что шайка назвала его Заметаевымъ, и онъ принялъ это имя; что у него были пушки и ружья; двѣ чугунныя пушки онъ взялъ на Колпачкѣ, а на Эмбѣ съ расшивы взяты двѣ мѣдныя пушки. Порохъ и свинецъ также бралъ съ судовъ и по ватагамъ; на Дьяконовой ватагѣ приказалъ кузнецамъ наготовить жеребьевъ изъ тянутаго желѣза. Съ Пугиной ватаги взялъ три чугунныя полуфунтовыя пушки съ порохомъ и ядрами. Онъ говорилъ, что по минованіи надобности въ пушкахъ онъ возвращалъ ихъ хозяевамъ.

Суворовъ понялъ всю силу популярности Заметаева и боялся обмануться. Онъ имѣлъ два показанія о примѣтахъ разбойника и хотѣлъ знать, какія примѣты больше подходятъ къ наружности атамана, дѣйствительно ли эсаулъ его остался на Каспійскомъ морѣ.

Заметаевъ навелъ на всѣхъ такой страхъ, что для конвоированія его изъ Царицына въ Астрахань присланъ былъ цѣлый деташементъ вмѣстѣ съ маіоромъ Соловьевымъ. Но Цыплетевъ боялся отпустить отъ себя разбойниковъ и не отдалъ ихъ Соловьеву, а ждалъ приказаній отъ графа Панина, Суворова и губернатора Кречетникова, который въ то время находился въ Москвѣ. Узнавъ, что Заметаева хотѣли отдать Соловьеву, Кречетниковъ строго запретилъ отпускать его съ кѣмъ бы то ни было и писалъ, что если онъ уже и вывезенъ изъ Царицына, то непремѣнно воротить съ дороги; доносчика, малороссіянина Ничипоренка, приказалъ освободить изъ-подъ караула.

Получивъ свободу и проходя въ тотъ же день базаромъ, Ничипоренко узналъ еще двухъ разбойниковъ

изъ шайки Заметаева и своими руками привелъ на гауптвахту. Когда ихъ свели съ атаманомъ глазъ на глазъ, они не могли запираться и сознались во всемъ. Это были тѣ изъ разбойниковъ, которые отстали отъ Заметаева на кумской степи.

3 сентября состоялся въ сенатѣ указъ, которымъ опредѣлялось наказаніе Заметаева съ товарищами. Наказаніе было ужасное: такъ какъ театромъ дѣйствій Заметаева было все нижнее поволжье отъ Саратова до моря и самое море, то разбойниковъ велѣно было бить жестоко кнутомъ повсемѣстно, т. е. на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, куда только могла проникнуть слава Заметаева, и заходила его шайка, и, поставивъ на лицѣ позорные знаки, сослать въ Нерчинскъ на каторгу въ вѣчную работу.

19 сентября, въ Царицынѣ, на той площади, гдѣ, вѣроятно, часто слышалось въ устахъ народа громкое и страшное имя Заметаева, этотъ народъ видѣлъ Заметаева на кобылѣ, избитаго и опозореннаго; атаману дали 70 ударовъ кнутомъ, его товарищамъ по 50.

29 сентября, Заметаевъ выѣхалъ изъ Царицына по саратовской дорогѣ. Его сопровождали секундъ-маіоръ фонъ-Гревсъ, десять баталіонныхъ солдатъ съ унтеръ-офицеромъ и полсотни конныхъ линейныхъ казаковъ съ старшиною, всѣ вооруженные, «для безопаснаго предостереженія онаго гнуснаго злодѣя, что объ немъ прежде еще во многихъ мѣстахъ въ народѣ наполнился слухъ и будто какого чудовища ожидали». Разбойники посажены были на подводы, всѣ закованные въ ручныя и ножныя кандалы; радомъ съ ними

ѣхали, на подводахъ же, конвойные солдаты, а весь поѣздъ замыкался со всѣхъ сторонъ цѣпью линейныхъ казаковъ. Народъ смотрѣлъ на этотъ таинственный поѣздъ и не могъ не только видѣть, но не смѣлъ и спрашивать, кого везутъ подъ такимъ тщательнымъ прикрытіемъ, хотя, быть можетъ, догадывался, что везутъ Заметаева. Сами конвойные не смѣли говорить народу, что̀ за люди сидятъ въ телѣгахъ: имъ запрещено было даже произносить имя Заметаева. По ночамъ, когда поѣздъ останавливался въ полѣ для ночлега, разбойниковъ клали въ одно мѣсто, а вокругъ нихъ ставили два «притина» изъ баталіонныхъ солдатъ и три казачьихъ; прочій конвой окружалъ ихъ со всѣхъ сторонъ, образуя родъ укрѣпленнаго лагеря. Когда ненастье заставляло останавливаться въ квартирѣ, изъ дому высылали хозяевъ, чтобъ тѣ не знали и не догадывались, кто̀ у нихъ находится. Въ Дубовкѣ конвой смѣнился, и, вмѣсто линейныхъ казаковъ, Заметаева конвоировали казаки волжскіе. При смѣнѣ стараго конвоя, новый собирался заблаговременно, въ отдаленіи отъ разбойниковъ, и, когда приближался къ подводамъ, на которыхъ сидѣли преступники, старый конвой въ ту же минуту удалялся, не говоря ни слова, такъ что самые конвойные не знали, кого сопровождаютъ. Начальникъ конвоя отвѣчалъ смертью за цѣлость ввѣренныхъ ему арестантовъ. 29 сентября, Заметаевъ въѣхалъ въ Дмитріевскъ, а 30, рано утромъ, выѣхалъ оттуда въ сопровожденіи тридцати пяти вооруженныхъ казаковъ, да двадцати вооруженныхъ же конныхъ обывателей. Потомъ Заметаевъ и его товарищи

привезены были на площадь города Саратова. Опять послѣдовала та же казнь кнутомъ, какую испытали преступники въ Царицынѣ: при наказаніи присутствовалъ знаменитый комендантъ Бошнякъ, преимущественно защищавшій Саратовъ отъ Пугачова. Народъ также видѣлъ наказаніе того, чье имя разнесено было имъ же по всей Россіи.

8 октября, Заметаевъ, уже два раза наказанный кнутомъ, выѣхалъ обратно въ Царицынъ. 24 октября его вывезли изъ Царицына въ Астрахань, чтобы вновь наказывать кнутомъ въ Астрахани и по всему взморью, по всѣмъ ватагамъ, куда проникала косная лодка Заметаева. Но въ другой разъ онъ выѣхалъ изъ Царицына уже не съ такимъ огромнымъ конвоемъ, какъ въ первый выѣздъ: вмѣсто пятидесяти казаковъ, его сопровождали теперь только пятнадцать человѣкъ; двукратное наказаніе кнутомъ, трудные переѣзды въ ненастное осеннее время обезсилили Заметаева. Онъ уже не такъ былъ страшенъ. Опасались только, чтобъ его не отняли на дорогѣ, а потому и больнаго его оберегали по-прежнему. Умершихъ въ дорогѣ разбойниковъ велѣно было зарывать въ землю, а Заметаева и мертваго должны были возить по мѣстамъ, гдѣ грабилъ онъ, и наказывать.

Неизвѣстно только, выдержалъ ли онъ всѣ тѣ наказанія, которыя ему назначались. Можетъ быть, долго еще трупъ его возили по взморью. Быть можетъ, не довелось уже везти его въ Нерчинскъ и класть на лицѣ знакъ [1]).

[1]) Народъ, забывшій Суворова, и теперь помнитъ Заметаева. Въ поволжьѣ разсказываютъ о немъ довольно фантастическія исторіи.

Атаманъ Филиповъ и разбойникъ Сучковъ.

Люди, принимавшіе на себя имя императора Петра III, были всѣ изъ солдатъ, казаковъ и рекрутъ: самозванецъ Кремневъ былъ солдатъ, Богомоловъ — казакъ легіонной команды, Пугачовъ — донской казачій офицеръ, Ханинъ — отставной казакъ; точно также всѣ разбойничьи атаманы, предводители шаекъ, большая часть эсауловъ и разбойниковъ были солдаты, военные дезертеры и молодые рекруты: знаменитый Заметаевъ былъ дезертеръ, Жеребцовъ (эсаулъ Заметаева), атаманъ Кулага, его товарищи: Тарабаринъ, Шумниковъ и Васильевъ, Брагинъ и Зубакинъ, — также бѣжавшіе изъ войска; Сучковъ, Хохловъ, Данилинъ, Збойковъ, Иванъ Рыжій и много другихъ, о которыхъ мы будемъ говорить, также всѣ военные бѣглецы. Атаманъ Наумъ Филиповъ [1]), о которомъ идетъ теперь рѣчь, родился въ крестьянскомъ семействѣ, Самарскаго

---

[1]) *Дѣло о разбойникѣ Степанѣ Сучковѣ съ товарищи. 1775.* Цар. Арх. № 323.

уѣзда, въ селѣ Марквашъ, въ имѣніи графа Девіера Въ 1756 году онъ былъ отданъ въ рекруты, въ тенгинскій пѣхотный полкъ, а изъ него перечисленъ въ томскій, который въ 1770 году былъ назначенъ въ Грузію. Когда томскій полкъ выступилъ изъ Царицына по кизлярской дорогѣ, Филиповъ бѣжалъ. Такъ и Кулага оставался въ полку лѣтъ четырнадцать или пятнадцать, но потомъ, какъ и Филиповъ, рѣшился искать счастія въ бродячей жизни поволжскаго разбойника. Филиповъ прежде всего пробрался на Донъ, въ самый центръ бурлацкихъ притоновъ, гдѣ атаманы, при нуждѣ, могли собирать до ста добрыхъ молодцовъ, именно въ Качалинскую станицу, гдѣ уже въ то время имѣлъ свой станъ атаманъ Ивановъ съ шайкою. Но Филиповъ не вступилъ въ шайку Иванова, а нанялся къ одному казаку-промышленнику въ рабочіе и съ качалинской пристани уплылъ на плотѣ своего хозяина внизъ по Дону, потому что плотъ слѣдовалъ въ Черкаскъ. Плаванье по Дону и бурлацкія обязанности, вѣроятно, не понравились Филиппову, и онъ, не доѣзжая до Кочетовской станицы, притворился тяжко больнымъ. Ему выдали заработанныя деньги и ссадили на берегъ. Съ рублемъ мѣди въ карманѣ мнимый больной пришелъ въ Кочетовскую станицу, поселился въ кабакѣ и дня два пилъ «на оныя деньги» зелено вино; кабацкая жизнь свела его съ кочетовскимъ казакомъ Топорковымъ, которому Филиповъ признался, что бѣжалъ изъ вотчины, и былъ нанятъ Топорковымъ въ работники, съ платою по семи рублей въ годъ и съ хозяйской одеждой. Топорковъ взялъ Филипова на свой

хуторъ, стоящій на Донцѣ верстахъ въ шести отъ Кочетовской станицы, и держалъ его два года, но потомъ, по признанію самого Филипова, Топорковъ выслалъ его изъ своего хутора, сказавъ: «мнѣ тебя уже болѣе держать не можно». Филиповъ рѣшился выйти на Волгу поискать счастья въ вольномъ поволжьѣ и пошелъ вверхъ рѣкой Дономъ и Медвѣдицей. Черезъ нѣсколько времени онъ былъ уже въ селѣ Руднѣ, Шацкаго уѣзда, на рѣкѣ Терсѣ, впадающей въ Медвѣдицу; тамъ встрѣтился съ знакомымъ солдатомъ Иваномъ Кирпишниковымъ, который вмѣстѣ съ нимъ былъ отданъ въ рекруты; узнавъ, что Кирпишниковъ, подобно ему, бѣжалъ изъ арміи и живетъ у руднинскаго малороссіянина Лифарева, Филиповъ просилъ познакомить его съ Лифаревымъ, который и послалъ ихъ обоихъ на свой хуторъ на рѣчку Щелканъ, гдѣ бѣглецы и прожили два года, въ качествѣ работниковъ. Но потомъ и Лифаревъ, сказавъ имъ: «вы уже мнѣ болѣе не надобны», — отослалъ отъ себя, вѣроятно, боясь попасться съ ними въ подъяческія руки, потому что это былъ уже 1774 годъ, когда противъ партій Пугачова и противъ всякихъ «невѣдомыхъ» людей принимались предосторожности. Филиповъ и Кирпишниковъ прошли за Волгу и противъ самаго Камышина нанялись на казенный перевозъ въ работники, гдѣ и оставались до самаго прихода въ Камышинъ Пугачова.

У Пугачова, во время слѣдованія его изъ Казани къ низовымъ городамъ, отправлены были Волгою цѣлые караваны судовъ съ съѣстными припасами, казной, награбленными товарами и тяжелой артиллеріей; на

этотъ флотъ самозванца поступили и Филиповъ съ Кирпишниковымъ. Во время слѣдованія флотиліи мимо Дубовки, Кирпишниковъ высадился на берегъ и вмѣстѣ съ другими принадлежавшими къ войску Пугачова поступилъ въ конницу этого самозванца, а Филиповъ остался на одномъ изъ судовъ и продолжалъ плыть къ Царицыну. Верстъ за пять до этого города, судно, на которомъ находился Филиповъ, пристало къ Денежному острову, но было атаковано, съ сухаго пути, высланнымъ изъ Царицына военнымъ отрядомъ. Такъ какъ Денежный островъ былъ недалеко отъ берега, то судно не могло спастись отъ атакующаго отряда и принуждено было сдаться; однако, Филиповъ счастливо избѣжалъ плѣна. Когда съ берега сдѣлано было нападеніе, Филиповъ и съ нимъ человѣкъ пятнадцать изъ находившихся на суднѣ соумышленниковъ Пугачова сѣли въ лодку, находившуюся при суднѣ, и бѣжали отъ отряда вверхъ по Волгѣ [1]). Они доплыли такимъ образомъ до Караваинской станицы, оставили свою лодку въ безопасномъ мѣстѣ и пошли въ станицу.

Всѣмъ извѣстно, что вскорѣ послѣ того Пугачовъ былъ разбитъ Михельсономъ, и волжская флотилія самозванца уничтожена. Спасшіяся отъ войскъ Михельсона и Суворова толпы пугачовскаго ополченія разбрелись по всей Россіи. Съ ними изчезаетъ изъ виду

[1]) «Не доплывя онаго (Царицына) верстъ съ пять (говорилъ послѣ Филиповъ на допросѣ), пристали къ Денежному острову, гдѣ высланною изъ Царицына воинскою командою оное судно съ сухова пути было атаковано; тогда мы испужавшись онаго, сѣвъ въ имѣющуюся при томъ суднѣ лодку человѣкъ до 15-ти, избѣгая себѣ поимки и наказанія, поѣхали вверхъ по рѣкѣ Волгѣ».

и товарищъ Филипова Кирпишниковъ. Между тѣмъ Филиповъ, съ пятнадцатью бѣглецами, изъ Караваинской станицы прошелъ на хуторъ казака Морозова, гдѣ надѣялся встрѣтить радушный пріемъ, потому что одинъ изъ его партіи, малороссіянинъ Власъ Якимовъ, жилъ прежде у Морозова и женатъ былъ на его крѣпостной дѣвкѣ. Морозовъ, дѣйствительно, позволилъ имъ переночевать у себя, хотя зналъ, что они бѣжали изъ пугачовскаго ополченія, и взялъ за это отъ бѣглецовъ нѣсколько дорогихъ подарковъ [1]). Утромъ вся партія разошлась въ разныя стороны, а на хуторѣ остались только Филиповъ, Хохловъ, Сучковъ, о которыхъ будетъ сказано послѣ, и Власъ Якимовъ. Скоро Филиповъ свелъ короткое, сердечное знакомство, или, какъ самъ выражался, — «спознался» съ сестрою волжскаго старшины Ощепкина, Ириною, которая жила на морозовомъ хуторѣ, и передалъ ей на сохраненіе часть своего добра [2]). Дня черезъ четыре бѣглецы встрѣтили на хуторѣ караваинскаго казака, по фамиліи Вдовина, котораго зналъ Хохловъ, и этотъ послѣдній спросилъ у него:

— Не можно ли намъ въ станицѣ у тебя въ домѣ сколько-нибудь пожить?

Бѣглецы имѣли свои виды переселиться ближе къ

---

[1]) «Отъ насъ съ Васильемъ Хохловымъ (слова Филипова) отобралъ платковъ *таліянскихъ* разныхъ цвѣтовъ пять, цѣной каждой по 3 рубли, да отъ пришедшаго съ нами одново бурлака взялъ тогда жъ сукна алова тонкова шесть аршинъ.»

[2]) .... «рубашки двѣ — александрійской нестреди, и изъ нихъ одна съ золотымъ позументомъ, третья отласная травчетая, съ золотомъ же, всего по цѣнѣ болѣе 20-ти рублевъ.»

Волгѣ, ибо жизнь на хуторѣ у Морозова не представляла имъ никакихъ особенныхъ выгодъ, между тѣмъ какъ Волга являлась широкимъ полемъ для ихъ дѣятельности.

— Тебя вся станица знаетъ, сказалъ Вдовинъ Хохлову: — то и Филипову по тебѣ въ ней жить можно.

Бродяги отправились въ станицу и жили у казака Вдовина съ недѣлю. Послѣ этого хозяинъ велѣлъ имъ идти къ станичному атаману и къ старшинамъ и у нихъ просить позволенія на житье въ станицѣ. Филиповъ и Хохловъ явились къ атаману, которымъ въ то время былъ нѣкто Кузнецовъ, и на этотъ разъ застали у него старшинъ Бирюлькина и Ощепкина, брата Ирины, съ которой Филиповъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. По обычаю того времени, когда власти и мѣстные чины не имѣли кабинетовъ, въ которыхъ бы они могли принимать просителей для «секретныхъ» объясненій, Филиповъ вызвалъ атамана попросту въ сѣни и, «поклонясь» начальнику станицы пятью рублями, просилъ его дозволить имъ съ Хохловымъ прожить зиму въ ихъ станицѣ. Атаманъ, получивъ взятку и вспомнивъ о своихъ гостяхъ, которые также участвовали въ управленіи станицею, сказалъ Филипову:

— Надо поклониться и старшинамъ.

Филиповъ вошелъ въ покой атаманской и предписаннымъ старшинамъ на первый случай далъ по полтиннику.

— Живите до лѣта въ станицѣ, сказали стар-

шины: — и есть-ли вы будете до насъ добры, то и мы васъ не оставимъ [1]).

Послѣ того Филиповъ уже ходилъ на домъ къ старшинамъ «для благодаренія» и далъ каждому изъ нихъ «по четыре рубли съ полтиною». Болѣе недѣли они снова прожили у Вдовина, какъ попечительный атаманъ опять призвалъ ихъ къ себѣ и говорилъ:

— Что вы живете у бѣднаго человѣка? Вамъ лучше, хотя и заплатить за постой, жить у исправнаго казака; а у него вамъ ни пить, ни ѣсть нечего.

Съ такимъ отеческимъ попеченіемъ заботились тогдашнія власти о бѣдныхъ бродягахъ. Дѣйствительно, Филиповъ и Хохловъ перешли на квартиру къ казаку Рябцову, у котораго и жили до самой весны.

Но въ продолженіе зимы Филиповъ не сидѣлъ, сложа руки. Онъ замышлялъ сдѣлаться атаманомъ и сталъ искать охотниковъ, «чтобы лѣтомъ, какъ самъ выражался, прибравъ партію, начать разбои». Начались между бродягами и сходки, и совѣщанья, — избраніе атамана, эсаула, хлопоты о пріобрѣтеніи лодокъ, оружія, пороху, точь-въ-точь какъ въ пѣснѣ, которая и теперь иногда раздается по Волгѣ:

Не черные вороны солетались,
Собирались понизовые бурлаки,
Они думали крѣпкую думушку заедино.
Ахъ, состроимъ мы, ребятушки, гребной стружокъ,
И подѣлаемъ заключенки кленовыя,
Понавѣсимъ мы веселочки ветловыя, —
Что мы грянемъ, ребятушки, внизъ по Волгѣ.

---

[1]) Подлинныя слова, взятыя изъ допросовъ.

Филиповъ, какъ мы выше замѣтили, имѣлъ при себѣ неотлучно другаго бродягу, Хохлова. Василій Хохловъ былъ землякъ и односелецъ Филипова. Онъ также былъ крестьянинъ графа Девіера, въ 1770 году взятъ въ рекруты, а черезъ четыре недѣли бѣжалъ. Изъ Симбирска онъ прошелъ черезъ Саратовъ и направился во вновь поселяемыя нѣмецкія колоніи, гдѣ, какъ онъ слышалъ, нуждались въ рабочихъ для стройки домовъ и охотно принимали всѣхъ пришельцевъ, не спрашивая, кто они и откуда. Хохловъ перебрался за Волгу, въ луговую сторону, и, явившись въ колонокъ Кустаревъ, что̀ выше села Золотаго, нанялся къ одному подрядчику въ работники. Тамъ онъ работалъ до самой осени, а послѣ Покрова дня съѣхалъ въ Камышинъ, нанялся на соляную пристань и скоро свелъ знакомство съ однимъ изъ волжскихъ казаковъ, которые своимъ свободолюбивымъ духомъ, наклонностью къ смутамъ и исканью казацкой воли, ничѣмъ не отличались отъ яицкихъ и донскихъ, какъ будто для нихъ не существовало ста лѣтъ, лежавшихъ между временемъ царя Алексѣя Михайловича и тѣмъ, въ которое они жили. «У насъ живутъ вашей братьи много: поѣдемъ со мною и у меня жить будешь», сказалъ Хохлову казакъ Мухинъ въ отвѣтъ на сѣтованья его, что вотъ приходитъ зима, а ему, бѣглецу, жить негдѣ и негдѣ достать работы для пропитанія. Хохловъ принялъ предложеніе Мухина, и они отправились въ Караванскую станицу, гдѣ Хохловъ и оставался до лѣта 1772 года, когда часть волжскихъ казаковъ должна была выступить въ Моздокъ. Съ ними вмѣстѣ вышелъ

изъ станицы и Мухинъ, оставивъ Хохлова на произволъ судьбы. И съ тѣхъ поръ началъ Хохловъ переходить со двора на дворъ, сказываясь то «осиротѣвшимъ крестьяниномъ», то бродягой, не помнящимъ роду-племени; онъ жилъ и у Морозова, и у Доношанкина или Лихоманкина, и у вдовы Маланьи Васильевой, по прозванію дворяншы, и у казака Защепина, у котораго дѣлалъ телѣги, для отправленія въ Моздокъ, и, наконецъ, у казака Гурова. Такъ онъ промаялся до 1774 года, а въ этомъ году опять побрелъ въ Камышинъ работать на соляной пристани, гдѣ и оставался «до приходу злодѣйской Пугачова толпы». Съ пристани онъ взятъ былъ въ пугачовскую флотилію вмѣстѣ съ землякомъ Филиповымъ и съ тѣхъ поръ не разлучался съ нимъ. Когда Филиповъ сталъ формировать свою шайку, Хохловъ первый пошелъ къ нему въ товарищи. Вмѣстѣ съ Хохловымъ онъ пригласилъ бѣглаго драгуна Кондакова, шатавшагося въ окрестностяхъ Караваинской станицы. Кромѣ того, въ шайку Филипова поступилъ и Степанъ Сучковъ, такой же дезертеръ, какъ и всѣ прочіе товарищи атамана. Сучковъ прежде служилъ въ 22-й легкой полевой командѣ, которая, во время осады Пугачовымъ Оренбурга, находилась въ яицкой крѣпости. Генералъ-маіоръ Мансуровъ, находившійся тогда съ войскомъ въ Яикѣ, не имѣя возможности сноситься съ осажденнымъ Оренбургомъ, потому что всѣ дороги были заняты толпами пугачовскаго ополченія, отправилъ съ депешей къ оренбургскому губернатору Рейнсдорпу этого Сучкова вмѣстѣ съ другимъ солдатомъ, чтобъ они тайно пробрались

сквозь армію Пугачова и доставили Рейнсдорпу необходимыя свѣдѣнія. Но недалеко отъ рѣки Илека они были пойманы пугачовскими сыщиками (а можетъ быть, и сами бѣжали — неизвѣстно) и приведены въ лагерь Пугачова; депеша у нихъ была взята, а сами они поверстаны въ войско самозванца. Черезъ мѣсяцъ Сучковъ бѣжалъ отъ Пугачова, пришелъ опять въ яицкую крѣпость; но, боясь наказанія за утрату депеши, снова бѣжалъ и пробрался черезъ Иргизъ и Малыковку (нынѣ городъ Волгскъ) въ Саратовъ. Здѣсь онъ жилъ работой до самаго прихода Пугачова въ Саратовъ, то-есть до 6-го августа 1774 года, нанимаясь къ разнымъ лицамъ поденно, а ночи проводя на берегу Волги, въ порожнихъ судахъ. По взятіи Пугачовымъ Саратова, Сучковъ поступилъ на флотилію самозванца и слѣдовалъ на судахъ внизъ по Волгѣ до Денежнаго острова, откуда и бѣжалъ съ Филиповымъ, когда ихъ судно было атаковано отрядомъ войскъ правительства. Зиму онъ проживалъ то у казака Морозова на хуторѣ, то на мельницѣ, жилъ и въ станицѣ у старшины Ощепкина, потому что, пока у него были деньги, его вездѣ охотно держали; потомъ вмѣстѣ съ малороссіяниномъ Якимовымъ онъ поселился въ землянкѣ, у какого-то безрукаго старика, и жилъ уже у него тайно, не показываясь въ станицѣ, а иногда только совѣтуясь съ Филиповымъ относительно предстоящихъ разбоевъ.

Итакъ, мы видимъ, первыми товарищами Филипова были все люди военные. О другихъ мы не говоримъ. Въ приготовленіяхъ и сходкахъ прошла зима, а съ наступленіемъ весны, на праздникъ пасхи, Фи-

липовъ, Хохловъ и Кондаковъ отправились къ Морозову на хуторъ, въ гости къ пріятельницѣ Филипова Иринѣ Ощепкиной. Время было такое, что пора бы и на Волгу: ледъ на рѣкѣ прошелъ, товарищи готовы, суда начали показываться на Волгѣ и спокойно проходили мимо станицы. По дорогѣ къ хутору Филипову съ товарищами повстрѣчалась партія прохожихъ, въ числѣ семи человѣкъ, такіе же, какъ и они, бродяги, которые, проживъ зиму по разнымъ казацкимъ хуторамъ на Дону, шли теперь промышлять на Волгу. Филиповъ пригласилъ и ихъ въ свою шайку, съ тѣмъ чтобы тотчасъ послѣ пасхи съѣхаться гдѣ-нибудь на берегу Волги и немедля начать разбои. Ниже Караваинской станицы находился пустой форпостъ оставленный, вѣроятно, во время нашествія Пугачова. Не смотря на то, что форпостъ не имѣлъ ни пушекъ, ни прочнаго укрѣпленія, разбойникамъ онъ представлялъ удобное мѣсто для стана, потому что въ форпостѣ они могли найти ночлегъ въ оставленныхъ казаками землянкахъ и, въ случаѣ нападенія, могли защищаться. Положено было всѣмъ съѣхаться на этомъ форпостѣ и потомъ уже, по общему согласію, приступить къ обдуманнымъ дѣйствіямъ. Послѣдняя партія, въ числѣ семи человѣкъ, отправилась по направленію къ Сестрянскимъ хуторамъ, откуда она должна была выйти на Волгу, а Филиповъ съ товарищами, переночевавъ у Морозова на мельницѣ, на другой день опять прибылъ въ станицу.

Въ пятницу пасхальной недѣли Филиповъ вывелъ, наконецъ, на Волгу свою маленькую партію. Недалеко отъ станицы они нашли свою лодку, спрятанную въ

ерикѣ еще въ прошломъ году, въ то время, когда они спасались отъ царицынскаго отряда, преслѣдовавшаго ихъ судно; въ буеракѣ они отыскали свое ружье, спрятанное вмѣстѣ съ лодкой, пистолетъ, пику, свинецъ и порохъ. Около форпоста они взяли въ свою шайку еще двухъ человѣкъ, бѣглыхъ же, бродившихъ всю зиму по окрестностямъ, а теперь занимавшихся рыбною ловлею. Три дня провела шайка на форпостѣ, въ пустой землянкѣ, выжидая другую партію, которая должна была пріѣхать сверху. Между тѣмъ эта другая партія, не дожидаясь распоряженій атамана, начала свои воровскіе подвиги, потому что ей представился удобный случай.

Зимой 1775 года командированъ былъ изъ Царицына въ Москву, «для преповожденія въ придворную ея императорскаго величества контору рыбы и икры», солдатъ Степановъ. Исполнивъ порученіе, Степановъ возвращался въ Царицынъ и сначала, до Нижняго, слѣдовалъ сухимъ путемъ, а изъ Нижняго пересѣлъ въ ловецкую лодку и плылъ Волгою; поѣздъ, сопровождавшій его состоялъ изъ шести такихъ лодокъ и на каждой изъ нихъ были рабочіе люди. Въ апрѣлѣ онъ въѣзжалъ уже въ земли волжскаго войска и, проѣхавъ Антиповскую станицу, приближался къ Караваинской. Не доѣзжая семи верстъ до Караваинокъ, поѣздъ замѣтилъ разбойничью лодку, которая, показавшись съ луговой стороны, быстро неслась по направленію къ этому маленькому каравану, сопровождавшему Степанова. Разбойники грозили и кричали, чтобъ поѣздъ присталъ къ берегу. Ловцы, ѣхавшіе съ Степановымъ, оробѣли. Степановъ ободрялъ ихъ, говорилъ, что они

должны защищаться, требовалъ сдѣлать отпоръ разбойникамъ, но напрасно: «видя обыкновенною ихъ трусостію наполненныхъ, принужденъ былъ тогда повиноваться строгому разбойническому приказанію». Поѣздъ присталъ къ берегу. Разбойники бросились на свои жертвы и всѣхъ ловцовъ обобрали «тиранскимъ образомъ, такъ что не оставили не точію чего на пропитаніе, но и послѣднія рубашки съ нихъ сняли». Степановъ вздумалъ было защищаться; но разбойники, «бивъ его смоленымъ толстымъ пенковымъ линкомъ немилосердно, сняли съ него казенный кафтанъ и штаны съ пуговицами да и послѣдней рубашки и сапоговъ на немъ не покинули» и оставили несчастнаго въ одномъ только казенномъ камзолѣ [1]). Разбойники отобрали у Степанова деньги, товаръ, закупленный имъ въ Нижнемъ, тонкія кружева, множество холстовъ и нитокъ. Обобранныя лодки остались съ раздѣтыми до-нага ловцами.

Разбойники, ограбившіе поѣздъ Степанова, принадлежали къ шайкѣ атамана Филипова: это была та партія, которая направилась къ Сестрянскимъ хуторамъ, и которую Филиповъ ждалъ къ себѣ на форпостъ въ воскресенье Ѳоминой недѣли.

Несчастный поѣздъ ловцовъ, съ голыми рабочими и съ начальникомъ, прикрытымъ однимъ только кам-

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ говорится, что разбойники «всѣхъ ихъ обрали, не оставя и для прикрытія наготы платья; а какъ онъ, Степановъ, имъ было попротивился, за что претерпѣлъ нѣсколько ударовъ толстымъ канатнымъ отрывкомъ, и снявъ съ него казенные кафтанъ и штаны съ пуговицами, да и послѣдней рубашки и сапоговъ на немъ не покинули».

золомъ, въ такомъ жалкомъ видѣ долженъ былъ ѣхать до самой Караваинской станицы, вышелъ на берегъ и въ такомъ же странномъ костюмѣ явился въ станицу. Степановъ тотчасъ отправился къ станичному атаману и, объявивъ ему и старикамъ о постигшемъ его несчастіи, просилъ помощи и команды для розыска разбойниковъ. Атаманъ, какъ послѣ объявлялъ Степановъ, «съ холодностію» [1]) отвѣчалъ ему:

— Поѣзжай! А команда для сыску разбойниковъ послана будетъ.

Холодность и грубость станичнаго атамана показались Степанову подозрительными; онъ заключилъ изъ нихъ, что отношенія самого атамана къ разбойникамъ были нечисты, что онъ зналъ, какая партія теперь буйствуетъ на Волгѣ и что дѣло это можетъ разыграться столько же дурно для атамана разбойниковъ, сколько и для него, атамана станичнаго. Получивъ отказъ, Степановъ долженъ былъ опять ѣхать одинъ съ своими ограбленными и робкими ловцами, не имѣя съ собой не только оружія, но даже пищи и одежды. Но едва они отъѣхали отъ станицы верстъ шесть и пристали къ ловецкому стану отогрѣть свое, почти ничѣмъ не прикрытое тѣло, какъ ловцы, бывшіе на этомъ стану, сказали имъ, что разбойники, ограбившіе Степанова, заѣзжали къ нимъ на станъ и, взявъ у нихъ рыбу и хлѣбъ, хвастались своимъ разбоемъ и грозили непремѣнно убить Степанова.

— «Напрасно мы солдата отпустили, не бросили

---

[1]) Въ другомъ объявленіи — «съ грубостію».

въ воду, говорили они: — ежели еще попадется къ намъ въ руки, то смерти не минуетъ... Всячески старатца будемъ, въ проѣздъ его изъ Караваинской станицы поимавъ умертвить.»

Эта фраза не могла не испугать Степанова, у котораго еще были въ свѣжей памяти «немилосердные» удары линьковъ, и потому онъ упросилъ своихъ ловцовъ тотчасъ же возвратиться въ Караваинскую станицу. Но едва они успѣли отъѣхать съ версту отъ рыболовнаго стана, какъ съ обѣихъ сторонъ Волги показались бѣгущія на нихъ разбойническія лодки, съ явнымъ намѣреніемъ исполнить угрозу. Къ счастью Степанова, попутный низовый вѣтеръ ударилъ въ поднятые паруса; лодки понеслись быстро, такъ что разбойники, не имѣя парусовъ, отстали и принуждены были прекратить погоню. Степановъ спасся въ станицѣ. Тамъ онъ опять обратился за помощью къ станичному атаману, снова просилъ дать отрядъ казаковъ для преслѣдованія разбойниковъ; но снова получилъ отказъ. На всѣ просьбы Степанова атаманъ отвѣчалъ «съ большою азартностію»:

—«Я не имѣю отъ войска граматы для сыску воровъ... одна команда уже послана, а другой не дамъ.

Изъ словъ атамана видно, что даже для пресѣченія преступленій нужна была особая войсковая грамата, а потому понятно, въ какомъ положеніи находилась страна.

Отвѣтъ атамана возмутилъ находившагося тамъ отставнаго капрала легіонной казачьей команды Серебрякова, и онъ сталъ упрекать атамана, говоря:

— Ты не стараешься сыскивать воровъ и дѣлаешь тѣмъ потачку.

На это атаманъ отвѣчалъ:

— Если ты старателенъ, то поѣзжай самъ,—а я команды не даю:—команда отъ меня послана для сыску воровъ по рѣкѣ Волгѣ.

Тогда Серебряковъ, пригласивъ своего брата и нѣсколько другихъ казаковъ изъ станицы, а вмѣстѣ съ нимъ Степановъ и ловцы, сѣвъ на лодки, отправились на поиски. Скоро они встрѣтили станичные разъѣзды, посланные атаманомъ вверхъ по Волгѣ, подъ начальствомъ эсаула. Серебряковъ упрекалъ эсаула въ послабленіи разбойникамъ:

— Ты не стараешься поймать воровъ...

Упрекъ былъ справедливъ, какъ оказалось впослѣдствіи.

— Видѣлъ ли ты разбойниковъ? спрашивалъ Серебряковъ.

— Нѣтъ, не видалъ; а нашелъ только за Волгой огни, у которыхъ, видно, они стояли.

Серебряковъ, Степановъ и ловцы соединились съ отрядомъ эсаула и всей массой отправились внизъ по Волгѣ. Не доѣзжая до пустаго форпоста, гдѣ былъ разбойничій станъ, высылка замѣтила лежащаго на берегу человѣка, а потому нѣкоторые изъ отряда, выскочивъ изъ лодокъ, схватили его прежде, чѣмъ онъ успѣлъ убѣжать. На допросы Степанова пойманный сначала говорилъ, что онъ бродяга, шатавшійся всю зиму около Караваинской станицы, а теперь вышелъ на Волгу кормиться; но когда капралъ Серебряковъ уличилъ бро-

дягу, сказавъ, что видѣлъ его прежде въ Караванской станицѣ, что зналъ его, какъ бѣглеца, служившаго подъ знаменами Пугачова и, по взятіи судна у Денежнаго острова, скрывшагося въ станицѣ, — пойманный отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно бѣжалъ изъ арміи Пугачова, когда она была разбита, потомъ жилъ въ Караванкахъ и, согласившись съ товарищами производить на Волгѣ разбои, поступилъ въ шайку Филипова. Съ помощью угрозъ Степановъ узналъ отъ него, что онъ оставленъ былъ на берегу въ качествѣ караульнаго для наблюденія за проѣздомъ по Волгѣ судовъ и, въ особенности, для извѣщенія своей шайки о проѣздѣ Степанова, въ случаѣ если онъ покажется на Волгѣ. Пойманный говорилъ, что разбойники дѣйствительно согласились убить Степанова; а теперь одна партія находится на пустомъ форпостѣ, въ землянкѣ. Степановъ, Серебряковъ и станичный эсаулъ рѣшили взять разбойниковъ обманомъ, потому что, не смотря на множество лодокъ и людей, которыми они располагали, они не надѣялись поймать хитрыхъ воровъ: для этого они послали впереди себя одну лодку, «для выману тѣхъ разбойниковъ», а сами слѣдовали за нею въ отдаленіи, позади лѣсу, такъ что разбойники могли видѣть одну только беззащитную лодку. И точно, разбойники, увидѣвъ ее, бросились изъ форпоста къ своей лодкѣ, которая стояла у берега, но, замѣтивъ около лѣса множество другихъ лодокъ, бѣжали съ берега въ горы. Степановъ, Серебряковъ и ловцы бросились за ними и поймали четырехъ человѣкъ; но одинъ изъ разбойниковъ, за которымъ погнались казаки разъѣзд-

ной команды, «по поноровкѣ» ихъ, успѣлъ убѣжать. Степановъ обвинялъ казаковъ въ стачкахъ съ разбойниками, говоря, что «казаки ловить ихъ ничего не старались, да и съ глазъ своихъ одного отпустили, и видно, что они дѣлали и всѣмъ имъ поноровку».

Какъ бы то ни было, но атаманъ, эсаулъ и нѣсколько другихъ разбойниковъ были пойманы, и Филиповъ обманулся въ своихъ надеждахъ: разбои его были для него не совсѣмъ счастливы: въ самомъ первомъ дѣлѣ онъ былъ пойманъ и уже не могъ разсчитывать на свободу. Разбойники признались Степанову, что атаманъ ихъ шайки — Филиповъ, а эсауломъ при немъ состоялъ пріятель его Хохловъ. Степанова удивило, что «бывшіе съ нимъ той (Караваинской) станицы казаки тѣхъ разбойниковъ, то-жъ и разбойники казаковъ называли, по знаемости, именами». Мы знаемъ напротивъ, что разбойники даже со станичными властями, — съ атаманомъ и старшинами были въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ. Пойманные разбойники говорили, что Степановъ ограбленъ не ими, а другою партіею изъ шайки Филипова, плывшею сверху Волги на сборное мѣсто, назначенное въ пустомъ форпостѣ; что послѣ та партія пріѣзжала къ атаману на станъ, перемѣнила свою лодку, чтобы не быть узнанною, и, взявъ хлѣба, рыбы и котелъ для приготовленія пищи, отъѣхала внизъ, за Балыклейскую станицу для того, чтобы караулить тамъ Степанова и убить его; атаманъ говорилъ, что та партія имѣетъ очень мало оружія — два ружья и одинъ дротикъ, «и ихъ-де, прибавлялъ Филиповъ, вамъ переловить легко

можно». Степановъ перевязалъ разбойниковъ веревками и разложилъ по ловецкимъ лодкамъ, чтобы отвезти ихъ прямо въ Царицынъ и сдать на руки военному начальству. Ему хотѣлось также воспользоваться указаніемъ атамана и неожиданно напасть на шайку, отъѣхавшую за Балыклейскую станицу, чтобы тѣмъ и самому избавиться отъ опасности быть утопленнымъ, или зарѣзаннымъ, или застрѣленнымъ, или, наконецъ, повѣшаннымъ, какъ обѣщали разбойники. Степановъ просилъ станичнаго эсаула дать ему нѣсколько казаковъ изъ его отряда, потому что съ одними своими, далеко нехрабрыми ловцами, которые притомъ должны были караулить связанныхъ и разложенныхъ по лодкамъ разбойниковъ, онъ не отважился бы напасть на партію, которая уже однажды такъ варваски его ограбила и насмѣялась надъ нимъ. Но эсаулъ ему «съ сердцовъ» въ томъ отказалъ, примолвя:

— Я своихъ казаковъ тебѣ не дамъ, — тѣ разбойники не въ нашихъ дачахъ.

При такомъ пониманіи мѣстными властями своихъ прямыхъ обязанностей, Степанову ничего не оставалось, какъ взять съ собой уже пойманныхъ разбойниковъ и продолжать свое опасное плаваніе: но эсаулъ приказалъ своимъ казакамъ отнять у него атамана Филипова съ товарищами, и когда Степановъ не соглашался уступить ему свою добычу, эсаулъ сказалъ:

— Мы и сами сумѣемъ переслать ихъ къ своей командѣ.

Потомъ приказалъ развязать разбойникамъ руки и ноги, крѣпко стянутыя веревками, и своими кушаками

велѣлъ перевязать имъ только руки «чрезмѣрно слабо». Степановъ принужденъ былъ ѣхать далѣе съ одними ловцами и разсчитывать на неизбѣжную смерть; но такъ какъ, по показанію атамана, разбойники стерегли Степанова верстахъ въ пяти или шести ниже Балыклейской станицы, то поѣздъ благополучно проплылъ все пространство Волги между Караваинками и Балыклейками, и вскорѣ Степановъ явился къ атаману этой послѣдней станицы; потерявъ все свое платье во время перваго разгрома поѣзда разбойниками, Степановъ принужденъ былъ снять кафтанъ съ одного изъ товарищей атамана Филиппова, чтобы только самому одѣться. Въ Балыклейкахъ онъ не засталъ станичнаго атамана, но, объявивъ о происшествіи эсаулу, просилъ его о снаряженіи разъѣздной команды. Однако, и здѣсь пришлось ему услышать такой же отвѣтъ, какой не разъ приходилось выслушивать отъ властей Караваинской станицы.

— У насъ воровъ нѣтъ!.. да и для сыску ихъ, чтобы посылать команды, не имѣется отъ войска граматы, сказалъ станичный эсаулъ.

Вслѣдъ за Степановымъ пріѣхалъ изъ Караваинской станицы тотъ эсаулъ, съ которымъ они ловили разбойниковъ. Эсаулъ требовалъ, чтобы Степановъ возвратилъ ему снятый съ разбойника кафтанъ, что онъ не разбойничій, а казачій. Отдавъ требуемое, Степановъ, съ своей стороны, просилъ балыклейскаго эсаула посадить подъ караулъ эсаула Караваинской станицы, жалуясь, что онъ отнялъ у него разбойниковъ, дѣлалъ имъ «облегченіе и поноровку», развязалъ

ихъ и даже отказалъ дать ему изъ своего отряда казаковъ для преслѣдованія покушавшихся на его жизнь разбойниковъ. Эсаулъ былъ посаженъ подъ арестъ. Степановъ просилъ держать его до присылки изъ станицы пойманныхъ имъ воровъ, но эсаулъ, неизвѣстно по какому поводу, былъ въ ту же ночь освобожденъ. Степановъ опять долженъ былъ ѣхать одинъ; но на этотъ разъ разбойники, вѣроятно, предупрежденные своими товарищами или мѣстными властями, очень къ нимъ ласковыми, не покушались уже на новое нападеніе. Проплывъ до Дубовки, Степановъ донесъ обо всемъ войсковому атаману, которымъ въ то время былъ полковникъ Василій Персидскій, уже нѣсколько извѣстный читателямъ по прежнимъ очеркамъ.

Наконецъ, Степановъ, въ концѣ апрѣля достигъ Царицына и 1-го мая подалъ во 2-й царицынскій баталіонъ къ баталіоннымъ дѣламъ объявленіе обо всемъ, происходившемъ въ дорогѣ. Объявленіе это сочинилъ ему сержантъ Ромашевъ, тотъ самый, который, три года тому назадъ, способствовалъ къ прекращенію въ донскихъ станицахъ возстанія, вспыхнувшаго въ народѣ для спасенія мнимаго императора Петра III (Самозванца Богомолова). Степановъ, говоря о нападеніи на него «воровскихъ невѣдомыхъ людей», о преслѣдованіи ихъ съ помощью разъѣздной команды, объ открытіи «воровскихъ» становъ въ луговой и нагорной сторонахъ Волги, въ пустомъ форпостѣ, наконецъ, о поимкѣ «воровскаго» атамана, эсаула и другихъ разбойниковъ и подозрительныхъ дѣйствіяхъ начальниковъ волжскихъ станицъ и жалуясь на нихъ,

прибавлялъ: «что я, видя такіе поводы, убоясь, чтобъ еще со мною не приключилось какой напасти, сѣвъ на ловецкія лодки, уѣхалъ въ путь».

Объявленіе Степанова требовало немедленнаго принятія мѣръ, тѣмъ болѣе, что со всѣхъ сторонъ получались письменныя извѣстія и ходили слухи, что все поволжье неспокойно, что нѣтъ ни проходу, ни проѣзду отъ воровскихъ шаекъ. Но какъ ни казались важными эти событія, какъ ни безнадежно было положеніе страны, лучшаго не откуда было ждать, и, отъ кого зависѣло счастье обнищалыхъ и опустошенныхъ провинцій, тѣ равнодушно смотрѣли на то, что дѣлалось въ захолустьяхъ, а ближайшіе къ этимъ захолустьямъ представители власти, видя пронесшуюся мимо нихъ страшную бурю, крестились и снова засыпали.

Полгода провалялось между кучъ рапортовъ, ордеровъ и промеморій, писавшихъ все о такихъ же «разбойныхъ случаяхъ и чинимыхъ повсюду злодѣйствахъ», объявленіе Степанова, и только въ ноябрѣ назначена была военносудная коммиссія по этому дѣлу. Всѣ эти слѣдственныя дѣла до того интересны, на нихъ такъ живо сохранился отпечатокъ времени и притомъ они такъ хорошо характеризуютъ эпоху и самую жизнь нашихъ провинцій прошлаго вѣка, что мы считаемъ ихъ важнѣйшими матеріалами для народной исторіи и извлекаемъ изъ нихъ все, что должно быть принято во вниманіе будущими историками нашего народа.

Волжское войско, запутанное съ головы до ногъ въ эти темныя воровскія дѣла, чувствуя много грѣховъ на своей совѣсти, всегда старалось прикрывать

дѣянія добрыхъ молодцевъ, а вмѣстѣ съ ними и себя лично. Оно желало бы замять и это дѣло, но не было возможности придать ему благовидное извиненіе, и оно выигрывало, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что тянуло время, или прямо отказывалось повиноваться ближайшимъ властямъ. Засадивъ въ казематы атамана Филипова съ товарищами, оно замолчало и не заботилось ни о какихъ послѣдствіяхъ. Тогда царицынскій комендантъ спрашивалъ волжское войско, что пойманные въ пустомъ форпостѣ разбойники отъ Караваинской станицы «истребованы-ль и нынѣ подъ караулъ отданы-ль; а ежели не требованы, то чего ради упущено». Потомъ онъ приказалъ: «разбойниковъ, равно атамана и эсаула, взявъ изъ станицы, подъ крѣпкимъ карауломъ прислать, къ поступленію съ ними по указамъ, въ комендатскую канцелярію». Волжское войско отвѣчало, что еще прежде оно приказывало явиться въ Дубовку караваинскому станичному атаману, старшинамъ, эсаулу и казакамъ для объясненія по дѣлу о Филиповѣ; но теперь, препровождая въ Царицынъ разбойниковъ, войсковой атаманъ оправдалъ ихъ, говоря, что они только «имѣли намѣреніе производить проѣзжающимъ по Волгѣ рѣкѣ людямъ разбои, только еще не чинили»; онъ увѣрялъ Цыплетева, что разбойники пойманы станичными старшинами Ѳедоромъ Букановскимъ и Алексѣемъ Сказоватовымъ, эсауломъ Селивантьевымъ и казаками разъѣздной команды, а не такъ, какъ объявлялъ ограбленный Степановъ; что разбойники тотчасъ же отправлены были въ Балыклейскую станицу подъ присмотромъ старшины Букановскаго, котораго Сте-

пановъ и посадилъ тамъ подъ караулъ — на сутки, а совсѣмъ не эсаула. Наконецъ, войсковой атаманъ добавлялъ, что онъ не посылаетъ въ Царицынъ ни станичнаго атамана Караваинской станицы, ни эсаула, какъ напрасно обвиненныхъ Степановымъ, и выставлялъ волжское войско съ хорошей стороны, говоря, что казаки безпрестанно ловятъ разбойниковъ и отсылаютъ въ Царицынъ.

Между тѣмъ, когда пойманные Степановымъ воровскіе люди еще сидѣли въ Дубовкѣ, въ городѣ произошелъ пожаръ, и во время этой суматохи изъ каземата бѣжали два арестанта, принадлежавшіе къ шайкѣ Филипова, въ числѣ которыхъ былъ драгунъ Кондаковъ, отъ котораго можно было много узнать объ отношеніяхъ чиновъ волжскаго войска къ разбойникамъ. Какъ бы то ни было, но главные предводители шайки— атаманъ Филиповъ, эсаулъ Хохловъ и Сучковъ оставались еще въ рукахъ царицынскаго коменданта и надъ ними наряженъ былъ судъ. Такъ какъ разбойники говорили, что они не производили ни грабежей, ни воровства, а волжское войско подтверждало ихъ слова, то Цыплетевъ требовалъ самаго тщательнаго изслѣдованія этого дѣла, прибавляя: «какъ отъ разрушенія злодѣйской (Пугачова) толпы минуло малое время, сумнительно повѣрить, чтобъ они не были на разбояхъ» (выше мы говорили, что Филиповъ, Хохловъ и Сучковъ — всѣ были въ арміи Пугачова и сами признались въ этомъ). Притомъ по словамъ Цыплетева, въ комендантской канцеляріи нашлось «приличество» по этому дѣлу, именно — объявленіе Степанова о на-

паденіи на него разбойниковъ; а потому и велѣно было истребовать въ коммиссію самого Степанова, чтобъ онъ уличилъ подсудимыхъ, если они въ самомъ дѣлѣ были виновны. Презусомъ военносудной коммиссіи назначенъ былъ секундъ-маіоръ Константинъ Петровъ, ассессорами — офицеры Махвиловъ, Зыбаровъ, за аудитора — Хромовъ. Коммиссія открыла свои засѣданія съ обыкновенными формальностями, въ 8-мъ часу утра 26 ноября. По обыкновенію, присутствовавшіе «отъ презуса уговариваны были, дабы при начинающемся даже и до кончанія сего дѣла поступали по самой чистой совѣсти» и хранили его въ глубокой тайнѣ; по обыкновенію подсудимые были приведены и спрошены, будутъ ли они довольны судомъ, присутствующимъ прочитана была, «для напоминовенія», присяга и т. д.

Прежде всего начался допросъ Сучкова. На предложенные ему семь обыкновенныхъ формальныхъ вопросовъ онъ отвѣчалъ [1]):

---

[1]) Вопросы, предлагавшіеся военнымъ подсудимымъ, выражались слѣдующимъ образомъ: 1) Какъ тебя зовутъ, чей ты сынъ, сколько тебѣ отъ роду лѣтъ? Въ службу ея императорскаго величества съ котораго году, мѣсяца и числа и съ какихъ чиновъ опредѣленъ? Грамотѣ читать и писать умѣешь ли? Въ церковь Божію ходишь ли? На исповѣди у священниковъ и у святаго причастія бывалъ ли?

2) О вѣрной ея императорскаго величества службѣ ты присягалъ ли? Военной артикулъ и приличные къ тому указы тебѣ читаны были-ль и что кому за какія преступленіи штрафы чинить велѣно, ты знаешь ли?

3) Напредъ сего въ штрафахъ и наказаніяхъ по суду и безъ суда не бывалъ ли?

4) Будучи ты въ рекрутахъ, денежное жалованье и провіантъ все сполна получалъ ли? Отъ командировъ обидъ, налогъ и притѣсненія тебѣ не было-ль?

5) Нынѣшній побѣгъ учинилъ ты когда, откуда и отчего и съ кѣмъ

«Степаномъ меня зовутъ, Ѳедоровъ сынъ, Сучковъ, отъ роду мнѣ 25 лѣтъ. Въ службу ея императорскаго величества взятъ я въ 1773 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, нижегородской губерніи, арзамасскаго уѣзду, села Черновскаго, вотчины помѣщика Ѳедора Иванова, сына Ермолаева, изъ крестьянъ и опредѣленъ въ 22-ю легкую полевую команду. Грамотѣ читать и писать не умѣю. Въ церковь Божію хаживалъ, на исповѣди и святаго причастія бывалъ.

«О вѣрной ея императорскаго величества службѣ я присягалъ. Военный артикулъ и приличные къ тому указы мнѣ читаны были, и что кому за какія преступленія штрафы чинить велѣно, я знаю.

«Напредъ сего въ штрафахъ и наказаніяхъ по суду и безъ суда не бывалъ.

«Будучи я въ 22-й легкой полевой командѣ, денежное жалованье, провіантъ, мундирныя и аммуничныя вещи получалъ сполна. Отъ командировъ обидъ, налогъ и притѣсненія мнѣ не было».

Слѣдующими за тѣмъ отвѣтами Сучковъ объяснялъ

именно и при томъ побѣгѣ не снесъ ли чего казеннаго или у товарищей своихъ партикулярнаго, и будучи въ ономъ, жительство и пропитаніе имѣлъ гдѣ и у кого именно, завѣдомо бѣглаго или незавѣдомо и не имѣлъ ли при себѣ воровскаго пашпорта и по немъ имя свое и прозваніе не перемѣнялъ ли?

Потомъ предлагаются другіе вопросы, сообразные съ обстоятельствами дѣла, и если подсудимый подозрѣвается въ преступленіяхъ, его спрашиваютъ,—не былъ ли на воровствахъ и разбояхъ, и смертнаго убивства, домамъ поджоговъ или какого другаго злодѣйства не чинилъ ли, не зналъ ли бѣглыхъ, воровъ и разбойниковъ, и, наконецъ, — *«намѣренія, чтобъ притить за границу не имѣлъ ли?»* Послѣдній вопросъ состоялъ въ томъ, самую ли «истинную правду» показалъ подсудимый и не утаилъ ли чего?

обстоятельства своего побѣга, свою бродячую жизнь, знакомство съ Филиповымъ, Хохловымъ и другими разбойниками и, наконецъ, поимку. Послѣ Сучкова приведенъ былъ къ допросу самъ атаманъ, который видимо старался избѣгнуть положительнаго признанія и потому утаилъ нѣкоторыя обстоятельства, уже извѣстныя слѣдователямъ. Онъ говорилъ, что вскорѣ послѣ побѣга изъ томскаго полка, работалъ на соляной пристани, что̀ противъ Камышина, и оттуда вмѣстѣ съ какимъ-то малороссіяниномъ они отправились будто-бы на озеро Узени «для ловли рыбы и звѣря», гдѣ, устроивъ землянку, жили ровно четыре года, питаясь выручаемымъ отъ разныхъ проѣзжихъ людей на ту рыбу и на звѣря хлѣбомъ; что въ 1774 году онъ возвратился снова на пристань, гдѣ и пробылъ «до приходу толпы государственаго злодѣя Пугачова» и т. д. Относительно поимки ихъ на пустомъ форпостѣ онъ говорилъ, что дѣйствительно имѣли въ виду производить на Волгѣ разбои, «однако, еще того своего злаго намѣренія исполнить не могли»; но что погубила ихъ лодка, оставленная имъ какими-то «незнаемыми» людьми, такъ какъ эта лодка оказалась принадлежавшею разбойникамъ, ограбившимъ Степанова съ ловцами. Хохловъ также путался въ своихъ показаніяхъ; но всѣ согласно показывали, что начальники Караваинской станицы и казаки были къ нимъ очень милостивы. Коммиссіи не оставалось ничего болѣе, какъ вытребовать въ судъ всѣхъ оговоренныхъ, которые, какъ она выражалась, «изъ одного своего *лакомства*» потворствовали разбойникамъ, именно: старшинъ Ощепкина и Бирюль-

кина, бывшаго станичнаго атамана Кузнецова и вновь избраннаго Кумскова, казака Морозова и пріятельницу воровскаго атамана, Ирину Бирюлькину. На первое требованіе, отъ 4 декабря, волжское войско не отвѣтило: тогда 16 января 1776 года послана была «дубликатная промеморія», а Цыплетева коммиссія просила «наикрѣпчайшимъ образомъ» подтвердить, чтобы оговоренные чины Караваинской станицы были непремѣнно присланы въ коммиссію, такъ какъ именнымъ императорскимъ указомъ 1763 года велено «становщиковъ и пристанодержателей съ крайнею прилежностію съискивать и дѣла оканчивать въ мѣсяцъ». Вытребованъ былъ въ коммиссію для обличенія разбойниковъ ограбленный ими Степановъ; назначены были новые слѣдователи по этому дѣлу, «презусъ» Авиловъ и нѣкоторые другіе ассессоры, которые передъ началомъ допросовъ дали слѣдующую присягу въ присутствіи священника: «Мы къ настоящему воинскому суду назначенные судіи клянемся всемогущимъ Богомъ, что мы въ семъ судѣ, въ приличающихся дѣлахъ, ни для дружбы или склонности, ни подарковъ или дачей; ниже страха ради, ни для зависти и недружбы, но токмо едино по челобитью и отвѣту, по ея императорскаго величества, нашей всемилостивѣйшей государыни императрицы, воинскимъ пунктамъ, правамъ и уставамъ приговаривать и осуждать хощемъ право и нелицемѣрно такъ, какъ намъ отвѣтъ дать на страшномъ судѣ Христовѣ, въ чемъ да поможетъ намъ Онъ, нелицемѣрный судія.»

Между тѣмъ 27 января получена была, наконецъ,

отвѣтная промеморія изъ волжскаго войска, и начальники его видимо отказывались повиноваться распоряженіямъ, которыя именемъ правительства дѣлались въ Царицынѣ. Войсковой атаманъ Персидскій между прочимъ писалъ въ коммиссію, что «хотя оные бѣглые по разбитіи отъ злодѣйской (Пугачова) толпы по пріѣздѣ въ дачехъ Караваинской станицы и шетались, но до разбитія злодѣя (Пугачова) они жительства не только не имѣли, но въ станицѣ не бывали, и по разбитіи злодѣя оные пойманы Караваинскою станицею посланными изъ оной отъ атамана старшинами и казаками въ разбоѣ, то ихъ показаніямъ на поимщиковъ, злобствуя за то, что они ими переловлены, едва-ль можно въ силу законовъ вѣрить, *а особливо есть-ли за поимку будутъ бывлые разбойники показывать и за то поимщиковъ забирать къ слѣдствію и чинить въ проѣздахъ убытки, то каждому впредь къ поимки таковыхъ ревность можетъ быть отнята*». Вслѣдствіе этого коммиссія, принимая въ соображеніе, что волжская войсковая канцелярія и «по прежде производившимся въ коммиссіи военнаго суда въ таковыхъ же держаніяхъ фергерамъ и крикерехтамъ вѣдомства своего старшинамъ и казакамъ, защищая ихъ въ толь противныхъ законамъ проступкахъ, отзываясь разными необстоятельными причинами, упорствуя, суду присылки не чинила», — опредѣлила допросить однихъ разбойниковъ, сначала съ увѣщаніемъ отъ лица присутствующихъ, потомъ черезъ священника, а, наконецъ, съ «пристрастіемъ, подъ битіемъ батоги». Затѣмъ разбойники уличены были Степановымъ и признались во всемъ,

кромѣ одного Сучкова, который не дождался конца слѣдствія и лежалъ въ тяжкой болѣзни. Такимъ образомъ, чтобы не тянулось дѣло, комендантъ приказалъ его кончить «по упорству» волжскаго войска, безъ допросовъ начальниковъ Караваинской станицы.

Такъ какъ послѣдніе листы въ дѣлѣ объ атаманѣ Филиповѣ утрачены, то мы не знаемъ, какое наказаніе постигло разбойниковъ; знаемъ только, что тягость преступленія ихъ увеличалась, помимо уликъ въ составленіи шайки, еще однимъ важнымъ обстоятельствомъ, именно, «похищеніемъ казеннаго интереса», потому что разбойники обвинялись въ снятіи съ Степанова «казеннаго кафтана и штановъ съ пуговицами [1])». О второй половинѣ шайки атамана Филипова, спасшейся отъ преслѣдованія разъѣздной команды, въ дѣлѣ также нѣтъ свѣдѣній: можетъ быть, на мѣсто Филипова она избрала себѣ новаго атамана и продолжала тревожить проходившіе по Волгѣ караваны.

Какъ бы то ни было, но къ октябрю 1775 года въ рукахъ правительства находилось уже нѣсколько предводителей разбойничьихъ шаекъ. Царицынъ и Дубовка представляли въ это время любопытное зрѣлище: не было дня, чтобъ по улицамъ этихъ городовъ не проходили конвои съ связанными въ колодки разбой-

---

[1]) Интересно, что военносудная коммиссія дѣлала запросъ баталіонному начальству, «во сколько цѣною положены по штату» солдатскій кафтанъ и штаны шитыя, и получила отвѣтъ, «что солдатскій кафтанъ съ пуговицами шитой по штату положенъ *два рубли шездесятъ две копеики пять шестыхъ на десятъ* (2 р. $62^5/_{16}$ к.), штаны съ пуговицами *шездесятъ девить копеекъ съ половиною двѣ трети одна осмая*» (!! $69^1/_2 + {}^2/_3 + {}^1/_8$ коп.).

никами; то везли въ телѣгѣ, окруженной казаками, какого-нибудь атамана, то приводили съ Волги и съ окрестныхъ степей его разсѣявшуюся шайку; сегодня народъ бѣжалъ на площадь смотрѣть на раздачу шпицъ-рутеновъ къ предстоящей экзекуціи, завтра — на мрачные проводы наказанныхъ. Въ тотъ день, когда провожали изъ Дубовки въ Царицынъ атамана Филипова, казаки вводили въ Дубовку атамана Кулагу съ Тарабаринымъ; когда Кулага сидѣлъ въ казематѣ, въ это же время арестовали разбойника Зубакина, коновода другой шайки, ходившаго съ своимъ воровскимъ отрядомъ во внутреннія губерніи Россіи [1]). Филиповъ засталъ въ Царицынѣ атамана Заметаева, послѣ ужаснаго наказанія отправлявшагося въ Саратовъ для другой публичной казни, а въ Дубовкѣ Заметаевъ нашелъ Кулагу, еще не отправленнаго въ Царицынъ. Наконецъ, около того же времени черезъ Царицынъ и Дубовку провезли, по распоряженію генералъ-аншефа гр. Ал. Потемкина, еще трехъ преступниковъ: малороссіянина Свирида Тарелкина (онъ же и Шевыревъ), разбойника изъ казачьихъ дѣтей Григорія Данилина и Будуджанова владѣнія калмыка Зотбу Гецуля Ножикова [2]). Эти — «по самоважнымъ дѣламъ колодники» пробыли въ Царицынѣ четыре дня и увезены въ Сибирь.

Между тѣмъ суровые зимніе мѣсяцы представляли тяжелое испытаніе для разбойниковъ. Съ наступле-

---

[1]) См. объ атаманѣ Брагинѣ и разбойникѣ Зубакинѣ.

[2]) *Дѣло о разбойникѣ Свиридѣ Тарелкинѣ съ товарищи. 1775.* Цар. арх. № 343.

ніемъ холодовъ шайки ихъ мало-по-малу начинали рѣдѣть, потому что при сильныхъ осеннихъ дождяхъ, яркіе костры, разводимые въ безопасныхъ мѣстахъ, въ чащѣ лѣса и въ оврагахъ, подъ прикрытіемъ ночи, мало грѣли тѣхъ, у кого была плохая обувь и кой-какая лѣтняя одежа. Это была пора добыванія паспортовъ, чтобы, подъ защитою законнаго свидѣтельства, можно было найти гдѣ-нибудь въ захолустьѣ пристанище на долгую и холодную зиму; а между тѣмъ съ какими опасностями соединенъ былъ промыслъ добычи паспортовъ, сколько нужно сдѣлать разбоевъ и воровства, чтобы добыть годное свидѣтельство, подобрать примѣты, ростъ и волосы; сколько нужно было пересвидѣтельствовать носовъ и подбородковъ, глазъ сѣрыхъ и черныхъ, сколько разъ напрасно ограбить или изувѣчить прохожаго и потомъ бросить его паспортъ, не подходящій къ примѣтамъ разбойника или просроченный. Но вотъ и Волга стала замерзать, по ней уже не тянутся караваны судовъ, рѣдко-рѣдко прокрадется по зарѣ маленькая лодченка, въ которой все лѣто мыкали горе понизовые бурлаки, теперь ищущіе на зиму пріюта. Некого грабить на Волгѣ... Пора добрымъ молодцамъ кланяться батюшкѣ-атаману и вѣрнымъ товарищамъ. И вотъ разбойники заводятъ свои лодки въ далекіе затоны, въ непроходимые камыши, прячутъ по лѣсамъ свои ружья и сабли, пики и пистолеты, сожгутъ не мало стоговъ сѣна и старыхъ дуплистыхъ пней, согрѣвая свои окоченѣлые члены, и потомъ разойдутся на всѣ четыре стороны, до весны, до краснаго солнышка. Погуляютъ потомъ тихонько въ каба-

кахъ, послушаютъ говору людскаго, нападутъ на хорошихъ людей и живутъ у нихъ до лѣта; а другіе между тѣмъ поплетутся въ степь, въ глухіе казачьи хутора, за Волгу, или на Илавлю и Медвѣдицу, найдутъ пристанище, кто за деньги, кто за имя Христово; иные выкопаютъ себѣ землянку и живутъ въ ней, какъ пустынники.

Атаманъ Буковъ и Тимофѣевъ.

Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ лучшіе притоны для понизовыхъ бурлаковъ представляли уединенные казачьи зимовники по Илавлѣ, Медвѣдицѣ и Хопру. Изъ дѣлъ царицынскаго архива мы видимъ, что зиму 1775 года на Медвѣдицѣ, въ числѣ множества другихъ разбойниковъ, скрывался атаманъ Гаврила Буковъ. Въ этомъ же году онъ былъ пойманъ и содержался въ Новохоперской крѣпости, но, послѣ сдѣланныхъ ему допросовъ, въ январѣ 1776 года бѣжалъ изъ крѣпости. За нимъ разосланы были во всѣ мѣста поиски, и между прочимъ комендантъ Новохоперской крѣпости, бригадиръ Аршеневскій, 19 января сообщалъ объ этомъ въ Царицынъ коменданту Цыплетеву и писалъ, что «по производимымъ въ канцеляріи Новохоперской крѣпости разбойнымъ дѣламъ, открылось, что по большой части разбойники и всякаго рода бѣглые проживаютъ по рѣкѣ Медвѣдицѣ въ землянкахъ, а разбойническій атаманъ Гаврила Буковъ между прочими допросами показалъ, что онъ прошлаго 1775 года зиму проживалъ на

рѣкѣ Медвѣдицѣ, въ урочищѣ Черни [1]), у живущаго въ лѣсу Березовской станицы казака, а какъ звать не знаетъ, на пчельникѣ постриженнаго монаха Льва, и съ нимъ обще зимовалъ же Березовской станицы отставной казакъ Лукъянъ Исаевъ, сынъ Малышевъ, который разбойникъ Буковъ по допросѣ бѣжалъ». Вслѣдствіе этого бригадиръ Аршеневскій просилъ Цыплетева отправить въ это урочище «пристойную воинскую команду» въ надеждѣ, «не зимуетъ ли оный Буковъ и нынѣ въ означенномъ урочищѣ у предписаннаго монаха Льва или казака Малышева».

Цыплетевъ, по полученіи этого сообщенія, предписалъ «находившемуся по Бузулуку у сыску воровъ и разбойниковъ войска донскаго господину старшинѣ», чтобы онъ отрядилъ съ надежнымъ командиромъ достаточное число донскихъ казаковъ для розыска Букова и другихъ воровъ и велѣлъ бы, «какъ по рѣкѣ Медвѣдицѣ въ лѣсныхъ мѣстахъ, такъ не откроется-ль объ нихъ слухъ и въ другихъ мѣстахъ, чинить поиски, и буде тотъ разбойнической атаманъ Буковъ съ товарищами ево иль одинъ поймапъ, или-жъ гдѣ въ пристанодержательствѣ у кого изловленъ будетъ, то и съ тѣми людьми, не обращая въ Царицынъ, отправить за безопаснымъ конвоемъ къ реченному господину бригадиру Аршеневскому». О дальнѣйшей судьбѣ Букова [2]),

[1]) Это, по всей вѣроятности, урочище Каменновы хутора, на рѣчкѣ Черной, принадлежащее донскимъ помѣщикамъ Каменновымъ. Урочище это и теперь малороссіяне называютъ — Чорна. Послѣ мы увидимъ, что въ этихъ мѣстахъ имѣли притонъ и другіе разбойники.

[2]) Не Буковъ ли воспѣтъ народомъ подъ названіемъ вора — Гаврюшеньки и Гаврюшки, упоминаемаго въ мѣстныхъ пѣсняхъ?

монаха Льва и казака Малышева мы ничего не знаемъ [1]).

Черезъ два мѣсяца послѣ отправленія съ Бузулука отряда для поисковъ за Буковымъ, началась новая гонка разъѣздныхъ командъ по Волгѣ и по всѣмъ окрестнымъ степямъ. Съ наступленіемъ весны, когда ледъ на Волгѣ тронулся, и показались суда съ московскими и персидскими товарами, понизовые бурлаки снова повыползли изъ своихъ трущобъ, покинули хутора и ихъ скучную, однообразную жизнь, бросили свои медвѣдицкія землянки, поправили лодки, отыскали свое старое оружіе, пристали къ своимъ атаманамъ и вышли на Волгу. Затѣмъ изъ Астрахани, изъ баталіоновъ, снова начались дезертировки солдатъ, которые шли или на взморье, или плыли вверхъ по Волгѣ, составляя шайки и останавливая каждое, плохо-защищенное судно. Астраханскій оберъ-комендантъ генералъ Левинъ снова писалъ всѣмъ комендантамъ городовъ нижняго поволжья, чтобы они принимали мѣры противъ появившихся разбойниковъ. «Понеже, писалъ онъ Цыплетеву, нынѣ Волга рѣка льдомъ вскрылась и мнѣ есть не безъизвѣстно, что по оной появляются воровскія разбойничьи шайки, того ради, ваше высокоблагородіе, извольте всѣмъ вѣдомства вашего людямъ наистрожайше подтвердить, дабы они отъ тѣхъ воровъ приняли крайнюю предосторожность и имѣли какъ водою, такъ и сухопутно, днемъ и ночью всегдашніе разъѣзды, дабы оныя воровскія шайки конечно прекращены были, да

[1]) *Дѣло о разбойническомъ атаманѣ Гаврилѣ Буковѣ и держателяхъ его казакѣ Малышевѣ и монахѣ Львѣ.* Цар. арх. № 399. 1776.

и особливо стараться праздно-шатающихся и безпашпортныхъ ловить, ибо изъ Астрахани, изъ военнослужащихъ дезертировано немалое число, то и ежели кто изъ воровскихъ шаекъ или и дезертировъ и праздношатающихся безпашпортныхъ поиманы будутъ, присылать ко мнѣ при рапортахъ, да и какое о поимкѣ тѣхъ злодѣевъ и прочихъ людей исполненіе чинено будетъ, ко мнѣ почасту рапортовать». Впрочемъ, еще раньше этого предписанія разъѣздныя команды изъ Царицына и Дубовки разосланы были по всѣмъ дистанціямъ, и сторожевыя лодки безпрестанно навѣдывались о томъ, что дѣлается на Волгѣ,—а на Волгѣ между тѣмъ было далеко неспокойно. Только потворствомъ разъѣздныхъ командъ разбойникамъ, или многочисленностію и дерзостію послѣднихъ можно объяснить то, что происходило въ это время въ понизовьѣ. Кромѣ постоянныхъ разъѣздовъ и экстренныхъ высылокъ, за тишиной на Волгѣ наблюдали команды съ форпостовъ, расположенныхъ по Волгѣ въ весьма близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи; не было, кажется, ни одного уголка и затона, куда не заглядывали бы разсыльные казаки и солдаты, а между тѣмъ разбои происходили почти каждую ночь, да и самый ясный день не спасалъ путешественниковъ отъ внезапныхъ нападеній. «Сего Апрѣля въ разныхъ числахъ, съ слѣдующихъ изъ Астрахани судовъ о нападеніи на нихъ разбойниковъ поданы объявленія», писалъ Цыплетевъ маіору Персидскому и просилъ его помощи въ этихъ опасныхъ обстоятельствахъ, потому что, за разными сухопутными командировками, за высылкой многихъ солдатъ и ка-

заковъ на царицынскую линію въ расположенныя по ней крѣпостцы и на форпосты, наконецъ, за разными экстренными командировками, въ Царицынѣ почти никого не было и на Волгу можно было послать только нѣсколько человѣкъ, — а между тѣмъ въ военныхъ людяхъ, по такому смутному времени, была крайняя нужда. Персидскій въ это время находился съ своимъ отрядомъ тоже на Волгѣ, и Цыплетевъ писалъ ему: «какъ ваше высокоблагородіе съ командою своею расположились уже въ волгскомъ войскѣ и уповательно противъ полевыхъ полковъ о искорененіи и поимкѣ оныхъ (разбойниковъ) имѣете наставленіе, того ради ваше высокоблагородіе, государя моего, прошу приложить въ томъ ваше всеудобовозможное стараніе и, тѣхъ злодѣевъ ловя, присылать въ царицынскую комендантскую канцелярію, за что отъ главныхъ правительствъ получите достойную похвалу и благодарность; а какъ въ царицынскихъ баталіонахъ въ людяхъ такой недостатокъ, что и караулы содержутца безсмѣнно, но однако-жъ въ двухъ лоткахъ при оберъ-офицерѣ солдатъ и царицинскихъ казаковъ тридцать человѣкъ внизъ по рѣкѣ Волгѣ къ Черному Яру посланы, а потому ваши разъѣзды нужны какъ къ Димитріевску, такъ и внизъ хотя до нижней рѣки Пичуги или Ахтубы, и какой въ томъ успѣхъ происходить будетъ, для донесенія его превосходительству господину генералъ-маіору и астраханскому оберъ-коменданту Василью Васильевичу Левину прошу меня увѣдомлять [1]).»

[1]) Цар. арх. № 432. *Дѣло о принятіи предосторожности отъ появившейся по рѣкѣ Волгѣ разбойнической секты* (шайки). *1776.*

Какъ, повидимому, ни тщательны были эти предосторожности, какъ ни строги мѣры, принятыя противъ разбойниковъ, но ни предписанія Левина, ни распоряженія Цыплетева и волжскаго войска не имѣли успѣха. Въ теченіе всѣхъ лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ 1776 года было открыто множество несчастныхъ случаевъ, но не поймано ни одного предводителя разбойниковъ; прошла и зима, наступило судоходное время 1777 года. Разбойники продолжали свои «продерзости», нападали «сильно и вооруженною рукою» на расшивы и кладнуши, а ихъ никто не ловилъ, — ихъ не пугали извѣстія о взятіи такого-то и такого атамана, о разбитіи того или другаго воровскаго стана. Правда, многіе изъ нихъ нападали не такъ смѣло, брали пошлину съ промышленниковъ не по-прежнему, не кричали, въ виду разъѣздныхъ командъ и около самыхъ городовъ проходящимъ судамъ свое страшное *«сарынь на кичку!* [1]). Многія изъ шаекъ видимо откочевывали подальше отъ Волги, гдѣ въ послѣднее время, особенно въ 1775 году, онѣ лишились столькихъ сильныхъ атамановъ, въ родѣ Заметаева и Кулаги. Какъ бы то ни было, но разъѣзднымъ командамъ не удавалось въ это время поймать сколько-нибудь популярную личность. Замѣтно, что лѣтомъ 1778 года нѣкоторыя шайки появляются на степномъ берегу Волги, у рѣки Илавли и начинаютъ сухопутные разбои.

Илавля, впадающая въ Донъ, въ верховьяхъ своихъ

---

[1]) Сигнальный крикъ разбойниковъ при нападеніи на суда. Крикъ этотъ еще такъ недавно раздавался на Волгѣ, и онъ очень памятенъ нынѣшнимъ мирнымъ бурлакамъ.

очень близко подходитъ къ небольшой рѣчкѣ Камышинкѣ, принимаемой Волгой у самаго города, съ тѣмъ же именемъ. Близость разстоянія двухъ небольшихъ рѣчекъ, одной волжскаго бассейна, а другой донскаго, дала нѣкогда Петру I мысль соединить ихъ каналомъ, хотя мысль эта оказалась неудобоисполнимою. Воровскіе казаки, желая пробраться изъ Дона въ Волгу, проводили свои лодки вверхъ по Илавлѣ до того мѣста, гдѣ рѣчка близко подходила къ Камышинкѣ; здѣсь лодки перетаскивались сухопутнымъ волокомъ въ Камышинку, и разбойники входили по ней въ Волгу, какъ до сихъ поръ поется въ старой казачьей пѣснѣ:

Что пониже города было Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала, пролегала мать-Камышинка-рѣка,
Какъ съ собой она вела круты красны берега,
Круты красны берега и зеленые луга,
Она устьицемъ впадала въ Волгу-матушку-рѣку;
Что по той ли быстринѣ, по Камышинкѣ-рѣкѣ,
Какъ плывутъ тутъ, выплываютъ два снарядные стружка [1]).
Хорошо были стружечки изукрашены,
Они копьями, знаменами, будто лѣсомъ порасли;
На стружкахъ сидятъ гребцы, удалые молодцы,
Удалые молодцы, все донскіе казаки,
Да еще ли гребенскіе, запорожскіе;
На нихъ шапочки сабольи, верхи бархатные,
Еще смурые кафтаны кумачемъ подложены.
Астрахански кушаки полушелковые,
Пестрядинныя рубашки съ золотымъ галуномъ [2]),
Что зеленъ-сафьянъ сапожки, кривые каблуки,

---

[1]) Въ другой поется:

Выгребали, выплывали пятьдесятъ легкихъ струговъ
Воровскихъ казаковъ.

[2]) Подобныя рубашки атаманъ Филиповъ далъ на сбереженіе своей любовницѣ, Иринѣ Ощепкиной. (См. выше.)

И съ зачесами чулки, да все гарусные;
Они веслами гребутъ, сами пѣсенки поютъ;
Они хвалятъ, величаютъ православнаго царя,
А бранятъ они, клянутъ воеводу,
Что съ женою и дѣтьми и со внучатами
Заѣдаетъ воръ-собака наше жалованье,
Кормовое, годовое, наше денежное;
Да еще же не пущаетъ насъ по Волгѣ погулять,
Внизъ по-матушкѣ по Волгѣ съ дунинай воспѣвать.

Вообще въ самое отдаленное время Камышкина и Илавля были такими же аренами разбойничьихъ подвиговъ, какъ и Волга, хотя на маленькихъ рѣчкахъ простору было меньше и около этихъ рѣчекъ можно было скрываться только нà-время и грабить сухопутные караваны да изрѣдка нападать на хутора и селенія, перекочевывать потомъ въ глухія степи или снова выходить на Волгу. Такъ, мы видимъ, что въ 1778 году разбойничьи шайки видимо стали отходить отъ Волги и устраивать станы по Илавлѣ, Медвѣдицѣ и Хопру, не оставляя, впрочемъ, въ покоѣ и волжскихъ береговъ. Начались опять разбои по хуторамъ и селамъ, расположеннымъ по правую сторону царицынской линіи; хотя имена атамановъ были извѣстны, и ни одно изъ нихъ не раздавалось по окрестностямъ громче другихъ; однако, положеніе обывателей было далеко незавидное. Въ это время, какъ извѣстно, волжское войско за присягу на вѣрность Пугачову переведено было на Терекъ; Дубовка, поволжскіе станицы, начиная отъ Антиповской до Балыклейской и ниже Дубовки, наконецъ, всѣ богатыя земли, принадлежавшія нѣкогда волжскому войску, стали заселяться, по распоряженію правительства выходцами изъ верховыхъ губерній. Переселенцы, пере-

возившіе на новыя, отведенныя имъ мѣста свое скудное имущество, были тревожимы на всѣхъ дорогахъ; ихъ грабили въ полѣ и въ домахъ, разбивали и жгли ихъ кое-какъ сколоченныя хижины. Между тѣмъ слухи ходили, что илавлинскіе шайки понизовыхъ бурлаковъ день ото дня усиливались бѣжавшими съ Терека и съ дороги волжскими казаками, не хотѣвшими переселяться въ такую даль отъ своихъ родныхъ пепелищъ. Эти новые помощники понизовой вольницы знали всѣ входы и выходы въ каждомъ селѣ, знали всѣхъ зажиточныхъ крестьянъ и помѣщиковъ, сидѣвшихъ издавна по Илавлѣ и Медвѣдицѣ, и водили своихъ товарищей на грабежъ, не опасаясь попасть въ засаду, а иногда разсчитывая на доброжелательство тѣхъ немногихъ волжскихъ казаковъ, которые остались въ Дубовкѣ и по станицамъ и обязаны были наблюдать за спокойствіемъ страны. Изъ Царицына былъ посланъ отрядъ для наблюденія за разбойниками, но отрядъ этотъ нисколько не помогалъ дѣлу. Кромѣ того, что разбойники имѣли по всѣмъ хуторамъ и селеніямъ пріятелей, которые увѣдомляли ихъ о движеніяхъ казацкаго отряда, шайки умѣли такъ искусно наблюдать за сторожевыми разъѣздами, что никогда не попадались имъ на глаза и потому не имѣли надобности защищаться силой; они, обыкновенно, на другой день грабили то село, откуда, какъ они знали, только-что накунѣ вышла разъѣздная партія; они нападали и на хуторъ, куда на другой день ожидали помощь разъѣздчиковъ, то-есть они и слѣдовали за отрядомъ и предупреждали его.

Въ такомъ жалкомъ положеніи была защита страны

отъ разбойниковъ. Ничтожная горсть казаковъ находилась съ походнымъ атаманомъ Забурунновымъ на поискахъ, и та была взята для другой надобности. Притомъ и самое требованіе войсковаго старшины Савельева предоставить защиту страны однимъ волжскимъ казакамъ — кажется намъ нѣсколько подозрительнымъ, при той роли, которую играли въ то время волжскіе казаки. Ослабить разъѣздныя команды на Волгѣ отдѣленіемъ отъ нихъ небольшихъ отрядовъ противъ плавлинскихъ разбойниковъ казалось крайне опаснымъ, потому что все теченіе Волги отъ Дубовки до Чернаго Яру, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ, осталось бы совершенно незащищеннымъ. Это значило бы бросить караваны судовъ на произволъ судьбы или, вѣрнѣе, въ руки разбойникамъ. Правда камышинскій комендантъ, полковникъ Ременниковъ, запявшій въ этомъ городѣ комендатскую должность на мѣсто умерщвленнаго Пугачовымъ Меллина, по распоряженію правительства, отправилъ по Волгѣ воинскія команды; но и эта помощь была ничтожной защитой отъ разбойниковъ, тѣмъ болѣе, что отряды, посланные Ременниковымъ, должны были сберегать огромное пространство и растянуться верстъ на 300 или 400. Одинъ отрядъ подъ начальствомъ прапорщика фонъ-Пистоленъ-Корса долженъ былъ наблюдать за разбойниками въ той части Волги, которая простиралась вверхъ до села Золотаго, одного изъ главныхъ разбойничьихъ притоновъ; другой отрядъ, подъ командою прапорщика Поспѣлова, защищалъ Волгу отъ Камышина внизъ до Дубовки. Они должны были «безпрестанное патрулеваніе свое произ-

водить съ перемѣною дистанціи», — вѣроятно, взаимно обмѣниваясь постами во время съѣзда въ Камышинѣ. Ременниковъ просилъ Цыплетева, чтобъ отряды, посланные изъ Царицына, непремѣнно съѣзжались въ Дубовкѣ съ отрядомъ, крейсировавшимъ между Камышиномъ и Дубовкою, «размѣнивались билетами» (какими билетами, мы не знаемъ) и въ случаѣ опасности его давали одинъ другому помощь. Слѣдовательно, волжскія разъѣздныя команды, растянутыя верстъ на 700 или 800, ни въ какомъ случаѣ нельзя было ослабить для вспомоществованія ими отрядовъ, посланныхъ противъ илавлинскихъ разбойниковъ, и по необходимости надо было ограничиваться ничтожными отрядами, находившимися подъ начальствомъ поручика Хомутскаго, походнаго атамана Забуруннова и капитана Зайцова, который былъ посланъ сюда отъ государственой экономіи для наблюденія за переселенцами и назывался «объѣзжимъ экономомъ».

Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ Цыплетевъ, получивъ отъ волжскаго войска представленіе о необходимости усилить илавлинскіе отряды, приказалъ всѣмъ волжскимъ казакамъ, еще не переселившимся на «ново-возводимую линію» (на Терекъ) поступить подъ команду объѣзжаго экономa Зайцова; Зайцовъ же долженъ былъ принять свое главное начальство надъ отрядомъ поручика Хомутскаго и вмѣстѣ съ донскими и волжскими казаками и ихъ начальниками двинуться противъ разбойниковъ, «учинить надъ тѣми злодѣями всевозможные поиски и всемѣрно постараться переловить ихъ всѣхъ безъ упущенія». Въ скоромъ времени Зай-

цовъ извѣщалъ Цыплетева, что разбойничьи партіи умножаются, что вся земля волжскаго войска наполнена воровскими шайками, бродящими около станицъ и въ особенности около хуторовъ; — что разбойники эти «чинятъ живущимъ въ тѣхъ хуторахъ и проѣзжающимъ людямъ грабежи и выжигаютъ селенія, а сколько извѣстно мнѣ стало нынѣ, и у крестьянъ лошадей множественное число уже покрадено, да и до днесь среди дня отнимаютъ». Зайцовъ добавлялъ, что крестьяне объявляютъ, будто главные зачинщики смутъ сами волжскіе казаки, выводимые на Терекъ. Не имѣя ни откуда защиты, Зайцовъ послалъ приказы въ волжскія станицы, Антиповскую, Караваинскую и Балыклейскую и велѣлъ старостамъ нарядить небольшую партію мужиковъ и чѣмъ-нибудь на первый случай вооружить ихъ, «хотя не всѣхъ ружьями, но по меньшой мѣрѣ рогатинами»; онъ велѣлъ, чтобы это крестьянское ополченіе соединилось съ отрядомъ волжскихъ казаковъ, высылаемыхъ изъ Дубовки, куда онъ отправлялся лично, чтобы и въ Дубовкѣ набрать и вооружить крестьянъ для передачи ихъ подъ команду казачьяго начальника; «а инаково, прибавлялъ онъ въ рапортѣ къ Цыплетеву, буде къ поиску тѣхъ воровъ въ степяхъ однихъ крестьянъ отправить, то какъ они о здѣшнихъ мѣстахъ мало еще свѣдомы и не настояще вооружены, а притомъ и безъ предводительства, почитаю, весьма будетъ неудобно, къ тому же безъ точнаго на то повелѣнія и смѣлости не имѣю.» Войсковой старшина Савельевъ писалъ между тѣмъ въ Качалинъ войска донскаго войсковому старшинѣ Грекову и просилъ у него помощи; Цыплетевъ

съ своей стороны просилъ Грекова о командированіи отряда донскихъ казаковъ на Илавлю. Грековъ отправилъ требуемый отрядъ и, сверхъ того сообщилъ, «къ медвѣдицкимъ сыскнымъ дѣламъ» о присылкѣ вспомоществованія илавлинскимъ разъѣздамъ, потому что на Медвѣдицѣ можно еще было располагать нѣкоторою частью казаковъ, не бывшихъ подъ ружьемъ. Такимъ образомъ къ илавлинскимъ разбойникамъ приближалась гроза съ четырехъ сторонъ: изъ Царицына давно выступалъ съ донскими казаками поручикъ Хомутскій, изъ Дубовки выходили волжскіе казаки вмѣстѣ съ крестьянами, взятыми изъ Антиповской, Караваинской и Балыклейской станицъ; изъ Качалина двинулся другой отрядъ донскихъ казаковъ, съ Медвѣдицы должна была придти такая же помощь. Только камышинскій комендантъ Ременниковъ отозвался на требованіе Цыплетева, что у него нѣтъ въ распоряженіи конпаго отряда, и что онъ не можетъ послать никакого секурса противъ илавлинскихъ шаекъ.

Вѣсть объ илавлинскихъ поволжскихъ неурядицахъ дошла, наконецъ, и до астраханскаго губернатора Якобія, который въ то время стоялъ лагеремъ при *Брагунскихъ* водахъ. Ему доносили, что страна для защищенія себя отъ разбойниковъ не имѣетъ достаточно силы, и что камышинскій комендантъ совершенно не можетъ подать сухопутной помощи, за неимѣніемъ конницы. Тогда Якобій, не принимая въ разсчетъ никакихъ отзывовъ, велѣлъ непремѣнно истребить разбойниковъ. «Какъ генерально указами ея императорскаго величества накрѣпко повелѣвается всѣ силы

вездѣ командующимъ употреблять — злодѣйскія, воровскія партіи искоренять (писалъ онъ, между прочимъ, Цыплетеву), — вслѣдствіе чего и должно каждому о томъ имѣть ежеминутное стараніе, потому и предписалъ я димитріевскому (камышинскому) коменданту, чтобъ по ближайшей дистанціи отъ Дмитріевска до волжской Антиповской станицы, а отъ нея простираясь даже и до половины казачьяго селенія, для поимки и искорененія тѣхъ злодѣевъ учредилъ онъ отъ себя изъ казаковъ всегдашній разъѣздъ, собравъ ихъ въ такое время изъ ненужныхъ командировокъ, *которой и продолжать до самаго прекращенія злодѣянія;* а другую половину тѣхъ селеній такими же разъѣздами защищать изволите ваше высокоблагородіе и поиски чинить снизу отъ Царицына и всячески прилежать самихъ злодѣевъ въ конецъ истребить и во всѣ окрестныя мѣста о преслѣдованіи ихъ давать знать.»

Наконецъ, въ сентябрѣ этого года Цыплетевъ отправилъ на Илавлю еще одинъ отрядъ донскихъ и царицынскихъ казаковъ и поручилъ начальство надъ ними провіантъ-коммиссару Ястребенкову, давъ ему словесное наставленіе, какъ дѣйствовать. Тамъ находились уже другіе отряды донскихъ казаковъ, и однимъ изъ нихъ командовалъ походный атаманъ Мельниковъ. 17 сентября соединился Ястребенковъ съ этими отрядами; они положили идти противъ разбойниковъ общими силами; поэтому командиры отрядовъ раздѣлили свои силы на четыре части, изъ которыхъ каждая должна была идти по извѣстному направленію, производя поиски, а послѣ этихъ розысковъ положено было всѣмъ

соединиться въ извѣстномъ сборномъ пунктѣ, чтобы узнать о результатѣ каждой отдѣльной экспедиціи. Такъ и сдѣлали. Нѣсколько дней отряды бродили по всѣмъ направленіямъ, и когда соединились у сборнаго пункта, никто ничего не могъ сказать о разбойникахъ. Поиски были напрасны, потому что разбойники знали о движеніи разъѣздовъ и умѣли вездѣ скрыть свои слѣды. Можетъ быть, этой неудачѣ помогла ссора между начальникамн отрядовъ, тѣмъ не менѣе разбойники не давались имъ въ руки. Вскорѣ Ястребенковъ прислалъ къ Цыплетеву нарочнаго казака съ извѣстіемъ о безуспѣшности поисковъ и жаловался на походнаго атамана Мельникова, будто онъ «съ своею командою дѣлаетъ непорядки и скрываетъ, по доказательству сосѣдей, пристанодержателей». Ястребенковъ находился въ это время съ отрядомъ своимъ, какъ самъ писалъ, *для залогу въ скрытномъ мѣстѣ.*

Между тѣмъ приближалась осень; до конца сентября разъѣздные отряды не сдѣлали ровно ничего для безопасности страны; разбойники, видя приближеніе холодовъ и не желая имѣть дѣла съ казаками, разбрелись въ безопасныя мѣста. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Есть основаніе думать, что илавлинскіе разбойники, кромѣ тѣсной связи съ волжскими казаками, были въ тѣсныхъ отношеніяхъ и съ донскими, иначе илавлинская экспедиція не кончилась бы такъ пусто. Ястребенковъ недаромъ говорилъ, что атаманъ Мельниковъ съ своей командой *дѣлаетъ непорядки*, а между тѣмъ отъ этихъ непорядковъ зависѣла жизнь и спокойствіе

цѣлаго края. Вообще понизовые бурлаки были счастливѣе на Илавлѣ, чѣмъ на Волгѣ [1]).

Съ наступленіемъ зимы 1778 года, когда разъѣздные отряды возвратились съ Илавли на зимнія квартиры, разбойники снова начали собираться партіями и нападать на обозы, проходившіе по степямъ и по Волгѣ, и на отдѣльно-стоящія поселенія, хотя нѣсколько измѣнили свою тактику. Имъ уже нельзя было собираться огромными шайками и цѣлые мѣсяцы проводить въ лѣсу, въ уединенныхъ притонахъ, откуда по временамъ отправлялись экспедиціи въ ближайшія деревни; суровое время заставило ихъ искать убѣжища въ жилыхъ мѣстахъ, у пристанодержателей. Само собою разумѣется, что, живя такимъ образомъ, трудно было держать частыя совѣщанія, и потому разбойники ограничивались маленькими сходками, человѣка по два по три, и, сговорившись о мѣстѣ соединенія, они выходили на разбой на самое короткое время и скоро возвращались каждый къ своему пристанодержателю. Но прежде, чѣмъ скажемъ о зимнихъ экспедиціяхъ, которыя возобновлялись почти каждый годъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, приведемъ нѣсколько свѣдѣній о разбояхъ на самой Волгѣ.

Весна 1789 года опять вызвала понизовыхъ бурлаковъ къ ихъ привычной дѣятельности. Съ появленіемъ на Волгѣ судовъ явились и разбойничьи лодки, а вслѣдъ за ними поплыли для дозора разъѣздные ко-

---

[1]) Цар. арх. № 716. *Дѣло о поимкѣ воровъ и разбойниковъ, появившихся на рѣкѣ Илавлѣ и Волгѣ. 1778.*

манды изъ Камышина, Дубовки, Царицына и Чернаго Яра. Хотя опасное ремесло разбойника едва ли кому могло казаться привлекательнымъ; однако, жизнь бѣднаго населенія была такъ некрасна, существованіе на бѣломъ свѣтѣ для многихъ было такой тяжелой обязанностью, кусокъ хлѣба такъ трудно вырабатывался, что даже простой мужичекъ рѣшался иногда, конечно, не изъ баловства и не для шутки, не отъ избытка счастья, а съ горя выйти на Волгу и попытаться добыть денегъ, которыя честнымъ трудомъ такъ нелегко добывались. Мы вообще думаемъ, что только очень достаточныя побужденія выгоняютъ робкаго мужика на большую дорогу; нелегка была жизнь и поволжскаго бурлака. Весной 1779 года начались переговоры между нѣкоторыми крестьянами поволжскихъ деревень [1]): между прочимъ составилась небольшая шайка въ среднемъ Ахтубинскомъ городкѣ, приписанномъ къ ахтубинскимъ шелковичнымъ плантаціямъ; нѣсколько человѣкъ крестьянъ, согласившись «разбивать плывущія по рѣкѣ Волгѣ суда», подговорили въ свою шайку нѣкоторыхъ изъ жителей верхняго погромнаго городка и начали готовиться къ выступленію на Волгу. Конечно, когда составилась шайка, приступили къ избранію атамана и эсаула, и первымъ избранъ былъ Василій Тимофѣевъ, двадцативосьмилѣтній крестьянинъ, казавшійся имъ достойнымъ этого почетнаго званія; эсауломъ къ нему выбрали крестьянина Погромнаго городка Андрея Та-

---

[1]) Цар. арх. № 776. *Дѣло о разбойническомъ атаманѣ Василіѣ Тимофеевѣ, есаулѣ Андреѣ Татариновѣ, съ шайкою. 1779 г.*

тарпнова. Разбойники приготовили нѣсколько ружей, атаманъ купилъ себѣ, кромѣ того, пистолетъ (за который заплатилъ полтинникъ!), шашку, достали пороху, желѣзный кистень и 25-го мая, взявъ небольшую лодку, выѣхали на Волгу въ числѣ только шести человѣкъ и направились прямо къ Денежному острову, лежащему въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Царицына. Это было самое удобное мѣсто для наблюденія за проходящими по Волгѣ судами, и разбойники избрали его для своей стоянки, остановившись на самомъ «приверхѣ» острова, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ дѣлитъ Волгу на два рукава. Разбойники провели ночь въ своемъ станѣ, провели и весь слѣдующій день, наблюдая за всѣмъ, что происходило на Волгѣ: наконецъ, на закатѣ солнца они выбрали одно сплавное судно, шедшее сверху, и, сообразивъ, что оно не устоитъ противъ нихъ, потому что не было защищено ни однимъ орудіемъ, атаковали его и ограбили. Судно это принадлежало балахнинскому дворцовому крестьянину Овчинникову, провіантскому поставщику, и находилось подъ присмотромъ работника его, экономическаго крестьянина Бѣлухина. Такъ какъ судно нагружено было хлѣбомъ, а не красными или другими цѣнными товарами, то разбойники и не могли собрать на немъ богатой добычи: они взяли желѣзный сундучекъ съ деньгами, какія находились на суднѣ, разное платье, топоры и прочіе инструменты, нужные для домашняго обихода, захватили четверикъ пшена себѣ на кашу и отпустили судно, не сдѣлавъ никому вреда. Едва они возвратились къ своему стану, на приверхъ острова, и

раздѣлили добычу, какъ увидѣли снова два судна, плывшія сверху, и, пропустивъ первое изъ нихъ, сдѣлали нападеніе на второе. Судно было защищено и, замѣтивъ приближеніе разбойниковъ, встрѣтило ихъ выстрѣлами изъ пушки; не имѣя равнаго оружія, разбойники должны были отступить, и такимъ образомъ судно прошло благополучно. Опасаясь, вѣроятно, чтобы станъ ихъ на Денежномъ островѣ, не былъ открытъ, и они не переловлены царицынскими разъѣздами, въ случаѣ подачи объявленія однимъ ограбленнымъ и другимъ спасшимся судномъ, разбойники не ночевали въ станѣ, а поплыли на другую сторону Волги, нагорную, и пристали къ берегу выше устья рѣчки Второй Мечетной; тамъ они расположились ночлегомъ, а утромъ опять направились къ Ахтубѣ. Но когда ночью они пристали къ берегу въ среднемъ Ахтубинскомъ городкѣ, на нихъ напала разъѣздная команда, высланная изъ Царицына, подъ начальствомъ пятидесятника Протопопова, «ради поиску и искорененія воровъ, разбойниковъ и ихъ пристанодержателей»; къ разъѣздному отряду присоединились крестьяне Ахтубинскаго городка,— и разбойники должны были сдаться. Но одинъ изъ нихъ, желая спастись, бросился въ воду, чтобы вплавь перебраться на другую сторону Ахтубы; въ то время, когда онъ уже плылъ, раздался выстрѣлъ, и разбойникъ былъ убитъ кѣмъ-то изъ разъѣздной команды.

На другой день разбойники привезены были въ Царицынъ, сданы, вмѣстѣ съ оружіемъ и награбленными вещами, въ комендантскую канцелярію и въ тотъ же день допрошены. Атаманъ признался во всемъ,

эсаулъ также, а за ними и ихъ подначальные товарищи. Все, что было взято ими съ судна, возвращено по принадлежности, кромѣ денегъ, которыя были разобраны ахтубинскими крестьянами при поимкѣ разбойниковъ; сами они отправлены были въ воеводскую канцелярію, «для надлежащаго по законамъ изслѣдованія и за продерзости ихъ наказанія».

Именнымъ указомъ, отъ 1763 года 10-го февраля, повелѣвалось выдавать изъ казны денежныя награды всякому, кто поймаетъ вора или разбойника и приведетъ въ судъ; за разбойничьяго атамана велѣно было платить по 30 рублей, за простаго разбойника 10, а за пристанодержателя 50 рублей. На основаніи этого указа пятидесятникъ Протопоповъ, поймавшій, вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ, атамана Тимофѣева, его эсаула и двухъ разбойниковъ, требовалъ себѣ вознагражденія. Долго не получая его, онъ подалъ коменданту «доношеніе», которое мы выписываемъ ниже [1]).

---

[1]) «Пойманные мною съ командою воровской атаманъ, есаулъ и разбойники отъ комендантской отосланы въ воеводскую канцелярію при промеморіи, а таково-жъ требовано о выдачѣ мнѣ съ командою за поимку тѣхъ разбойниковъ принадлежащихъ денегъ, но точію я и понынѣ неудовольствованъ; а высочайшимъ имяннымъ ея императорскаго величества, состоявшимся 763 г. февраля 10, публикованнымъ въ народъ указомъ, по 4 пункту между протчаго ясно изображено: «естли кто разбойническаго атамана или разбойника поимавъ приведетъ, таковымъ давать изъ казны нашей за атамана по тридцати, а за разбойника по десяти рублевъ, а возвращать оныя потомъ въ казну», и откуда, то въ томъ указѣ изъяснено-жъ. Того ради царицынскую комендантскую канцелярію покорнѣйше прошу, всходность всевысочайшаго матерняго ея императорскаго величества (указа), обнародованнаго вѣрноподданнымъ къ поощренію ловить и приводить воровъ, о выдачѣ за то награжденія мнѣ съ командою, повелѣннаго за приводъ атамана и трехъ человѣкъ разбойниковъ, въ

Само собою разумѣется, что уничтоженіе такой незначительной шайки, какъ Тимофѣева, не имѣло никакихъ послѣдствій для прочихъ поволжскихъ разбойниковъ. Такое болѣзненное явленіе въ русской исторіи, какъ поволжскіе разбои, не могло быть закрыто въ народной жизни одними палліативными средствами, потому что корни его лежали глубоко.

числѣ коихъ и есаулъ, дабы какъ я, такъ команда моя, за неудовольствіемъ остатца обиженными быть не могли, о томъ въ царицынскую воеводскую канцелярію покорнѣйше прошу сообщить еще промеморію, учинить милостивую резолюцію.»

Атаманъ Шагала и Рыжій.

I.

Истребленіе поволжскихъ разбойничьихъ шаекъ, при всей ихъ многочисленности, не было сопряжено съ такими трудностями, какъ преслѣдованіе воровскихъ партій, бродившихъ по степямъ и лѣсамъ и производившихъ свои набѣги или пѣшими отрядами въ десять, двадцать и тридцать человѣкъ, или на лошадяхъ, смотря по обстоятельствамъ и мѣсту дѣйствія. Поволжскія шайки, разъѣзжавшія вдоль береговъ Волги, всегда могли опасаться встрѣтить разъѣздныя команды, наконецъ, могли быть атакованы съ берега, въ самыхъ притонахъ, между тѣмъ какъ лѣса и степи съ своими балками и оврагами представляли для разбойниковъ безопасныя убѣжища. Притомъ сухопутныя шайки могли скорѣе, въ случаѣ опасности, расходиться по домамъ, у кого было свое пристанище, или къ становщикамъ, которыхъ можно было найти въ каждой деревнѣ. Въ эти шайки шли не одни понизовые бурлаки и бродячая вольница, но

и люди осѣдлые, крестьяне, спокойно возвращавшіеся къ сохѣ и боронѣ, послѣ удачной экспедиціи. Оттого иной разбойникъ, въ разное время, могъ участвовать въ нѣсколькихъ шайкахъ и, бросивъ одного атамана, когда его товарищамъ угрожала опасность, выжидалъ удобнаго случая, чтобъ или самому «подобрать» вѣрныхъ людей, или примкнуть къ другому удальцу. Такъ разбойники трехъ шаекъ, грабившихъ въ поволжьѣ въ продолженіе десяти лѣтъ, 1771—1781 г.), атамановъ Ивана Рыжаго, Шагалы и Дегтяренка, — одни и тѣ же лица, — то иногда являются въ шайкѣ одного, то другаго [1]).

Этимъ характеромъ отличаются похожденія Шагалы, бывшаго и простымъ разбойникомъ у Ивана Рыжаго, и атаманомъ другой шайки. Шагала представляетъ собой олицетвореніе типа тогдашняго понизоваго бурлака, о родѣ и племени котораго никто, кромѣ его самого, не зналъ; имени опредѣленнаго онъ также не носилъ, хотя и былъ приписанъ къ обществу камышинскихъ малороссіянъ «нагорной стороны», подъ именемъ Василья Полякова. Послѣ оказалось, что имя его было совсѣмъ не то, какое стояло въ именныхъ спискахъ камышинскихъ малороссіянъ и даже не Шагала, какъ онъ слылъ въ народѣ. Относительно этого прозвища онъ говорилъ, когда его впослѣдствіи поймали. «Я же называюсь и Шагала, оттого что назадъ тому года съ

---

[1]) Цар. арх. № 701. *Дѣло о разбойникахъ вѣдомства царицынской канцеляріи, приписныхъ въ подушный окладъ малороссіянахъ Иванъ Збойковъ и бѣломъ царицынскаго 1-го баталіона солдатъ Василъ Овчинниковъ. 1778 года.*

четыре послѣ пугачовщины здѣшній малороссіянинъ, Софронъ Вискалинъ, кой и нынѣ живъ, ходя со мною въ осеннее время для работъ, черезъ случившіеся на то время ручейки, усмотрѣлъ меня перепрыгивающимъ, сказалъ: «*Будь отнынѣ Шагала*». О происхожденіи своемъ Шагала разсказывалъ, будто отецъ его былъ родомъ малороссіянинъ изъ города Рыльска, откуда еще въ молодости переселился на Донъ и, занимаясь плотничнымъ ремесломъ, жилъ въ разныхъ мѣстахъ. «Между тѣмъ въ Пятиизбянской станицѣ сжился б..... дѣломъ съ россійскою женщиною, Марьею Лаврентьевою дочерью, кою и имѣлъ безъ вѣнца за свою жену, и, живучи въ той станицѣ, отъ ней рожденъ я, а больше у нихъ дѣтей не было. Я при матери, до смерти ея, былъ лѣтъ восьми, а послѣ той ея смерти, отецъ мой сошелъ со мною въ волгское войско, въ городокъ Дубовку и работалъ тамъ, вскармливая меня, по разнымъ людямъ; а оттуда, оставя меня у волгскаго казака, Кирея Степанова, сына Мигузова, пошелъ онъ работать на Донъ, гдѣ и померъ.» Будущій разбойникъ остался послѣ отца лѣтъ пятнадцати и жилъ у казака Мигузова года четыре. Девятнадцати лѣтъ онъ началъ свою бродячую жизнь, оставивъ Мигузова и переселившись въ Дубовку, гдѣ жилъ у казака Семисотнова не больше года; затѣмъ перебрался въ Балыклейскую станицу и нанялся къ казаку Бочарову «къ рыбной ловлѣ на лодку, въ весельную работу». Здѣсь онъ прожилъ лѣтъ восемь, и Бочаровъ, за усердіе Шагалы, записалъ его въ Камышинъ, въ число малороссіянъ, назвавъ сиротою. Когда волжское войско переведено было на

такъ-называемую «новую линію», въ Моздокъ, и Бочаровъ уѣхалъ вмѣстѣ съ другими казаками, Шагала остался въ Балыклейской станицѣ и переходилъ отъ одного хозяина къ другому.

Во время этихъ странствій по дворамъ, перекочевывая съ хутора на хуторъ, въ 1776 году Шагала поселился у камышинскаго бобыля Алексѣя Рускова, на рѣчкѣ Елховкѣ, и женился, говоритъ онъ, на дочери его, «дѣвкѣ Аннѣ, съ которою и вѣнченъ въ здѣшней (камышинской) городовой успенской церкви; но кто былъ священникъ, не припомню. Женясь жилъ у тово тестя около году, а потомъ, не захотя съ нимъ вмѣстѣ жить, передъ Покровомъ днемъ отошелъ и съ своею женою къ живущему на той же рѣчкѣ Елховкѣ своимъ хуторомъ не больше какъ въ полуверстѣ, здѣшнему мѣщанину Василью Алексѣеву, сыну Свѣтышеву, онъ же прозывается и Разстрыгинъ, и жилъ у нево въ особливой землянкѣ.» Бродячая жизнь сводила его не разъ съ людьми такого закала, для которыхъ не было другаго дѣла, какъ «подбирать воровскія партіи», жить лѣто на волѣ, на конѣ и съ пикой, а зиму—въ острогѣ. Сидя въ кабакѣ, бродяги и прочая «голытьба» обыкновенно заводили рѣчь о трудности своего житья-бытья, о тяжкой нищетѣ, о провинностяхъ, къ которымъ приводила эта же нищета, о томъ, что рано ли, поздно ли, безпаспортная жизнь доведетъ до острога, до тяжелыхъ наказаній, — что не легко выправлять эти паспорты бѣдному батраку, еслибъ онъ и хотѣлъ избавиться отъ бродяжничества; говорили и о томъ, что есть-де и богатые люди, которые не боятся остроговъ, во-время

ѣдятъ и пьютъ, во-время спятъ и веселятся, тепло одѣты, никѣмъ не обижены. Отсюда рѣчь заходила въ сторону; говорилось, напримѣръ, о томъ, что есть-де и такой народъ, что пьютъ-ѣдятъ некупленое, носятъ платье съ чужаго плеча, никого не боятся; что живутъ они середи степи, знаютъ одного атамана-батюшку, да и тотъ такой же, какъ они, простой бурлакъ, который слушается артели.... Вотъ такой кабацкій знакомый пріѣхалъ однажды и къ Шагалѣ. Пріѣзжаго звали Иваномъ Чернымъ («онъ же прозывается и Щербакъ, потому что у него нѣтъ во ртѣ одного передняго зуба»), и жилъ онъ, въ качествѣ батрака, у одного малороссіянина, по имени Островскаго, на Княжихъ или Костаревыхъ хуторахъ. Черный звалъ Шагалу на эти хутора въ гости къ малороссіянину Сумцову гулять, какъ онъ выражался, имѣя на самомъ дѣлѣ намѣреніе привлечь его въ шайку, которая собиралась у послѣдняго. Шагала поѣхалъ съ нимъ и нашелъ у Сумцова гостя, пріѣхавшаго изъ волжскаго войска, стараго отставнаго казака, Василья Колесникова съ сыномъ Иваномъ; хозяинъ и гости пьянствовали, а вмѣстѣ съ ними стали пить Шагала и Щербакъ и все семейство старика Сумцова; у Сумцова же, кромѣ того, былъ въ работникахъ бродяга «русскій человѣкъ», Иванъ Рыжій, который также пристalъ къ попойкѣ на правахъ разбойника. Между тѣмъ старики Сумцовъ и Колесниковъ заговорили о «разбойномъ дѣлѣ»; думали ѣхать въ волжское войско — разбивать богатыхъ людей. Составилась маленькая шайка: старый Сумцовъ съ двумя сыновьями, ихъ батракъ Рыжій, старый Колесниковъ съ сыномъ

и Шагала съ Щербакомъ, — всего семь человѣкъ. У каждаго была верховая лошадь, кромѣ молодаго Колесникова и Шагалы, у котораго конь не годился для разбоевъ и быстрыхъ переѣздовъ. Нужно было достать лошадей, и Шагала съ Колесниковымъ въ ту же ночь успѣли съѣздить въ сосѣдніе Барановскіе хутора, украли тамъ изъ табуна пару коней и воротились къ шайкѣ. Здѣсь произошло избраніе атамана и эсаула, и атаманская власть досталась на долю Ивана Рыжаго, волѣ котораго, вѣроятно, всѣмъ было безопасно покориться, да и удаль его, безъ сомнѣнія, была уже испытана, когда такіе старые люди, какъ Сумцовъ и Колесниковъ, признали надъ собой его голосъ. Эсауломъ шайки назначенъ былъ молодой Колесниковъ.

Прежде всего разбойники отправились въ предѣлы волжскаго войска, именно на Саламатины хутора, къ знакомому казаку Гусеву, который снабдилъ ихъ на дорогу хлѣбомъ и выпроводилъ въ путь. Въ осеннюю ночь (это было въ концѣ октября 1777 года), они выѣхали отъ Гусева, и атаманъ повелъ ихъ степью, прямо черезъ сыртъ, въ предѣлы войска донскаго. Всѣ разбойники были на коняхъ и вооружены, какъ походные ратники. Скоро они пріѣхали на рѣчку Тишанку, въ округъ Качалинской станицы, и напали на хуторъ донскаго полковника Дулимова: окруживъ его домъ, они схватили Дулимова, его маленькаго пасынка и бывшаго съ нимъ крестьянина, перевязали ихъ и начали грабить все, что было цѣннаго въ домѣ; брали деньги, лошадей, кафтаны и другое платье, казачьи арчаки (сѣдла); взяли ружья на погонѣ, *турку* (такъ на-

зывался особый родъ ружей) и сверхъ того захватили «масла коровьева пуда съ два». Ограбивъ Дулимова, они въ ту же ночь поворотили къ сѣверу, проскакали верстъ двадцать пять безъ роздыха и явились на Илавлѣ, въ Балыклейскихъ хуторахъ, гдѣ жилъ богатый казакъ Трофимъ Монацковъ, можетъ быть, потомокъ того «Сеньки Монацкова злодѣя», который

Крѣпкой думушки съ стариками не думывалъ,—
Думывалъ онъ крѣпкую думушку со ярыжками...
Перекинулся собака ко азовскому пашѣ [1]).

Въѣхавъ въ хуторъ, разбойники бросились къ усадьбѣ Монацкова, окружили его домъ, желая схватить самого хозяина. Но Монацковъ успѣлъ выскочить изъ дому, бросился бѣжать отъ разбойниковъ, которые замѣтили его и пустились въ погоню. Нѣсколько разъ молодой Колесниковъ, эсаулъ шайки, догонялъ Монацкова; нѣсколько разъ, настигнувъ бѣглеца, кололъ его («толкалъ») дротикомъ, но или тупа была пика, или невѣренъ былъ ударъ, только Монацковъ не падалъ; эсаулъ пустилъ ему, наконецъ, въ догонку пулю изъ своей винтовки,—но и пуля не убила его. Монацковъ скрылся, добѣжавъ до рѣки. Между тѣмъ другіе разбойники грабили его домъ: забирали деньги и платье, захватили

[1]) Этотъ Сенька Монацковъ измѣнилъ казакамъ и бѣжалъ въ Азовъ. Когда паша спрашивалъ его, «что думаютъ въ черкаскомъ городу», онъ отвѣчалъ, что старики пьютъ-гуляютъ, «по бесѣдушкамъ сидятъ, про Азовъ вашъ говорятъ». Тогда паша, чтобъ казаки не прошли въ море, протянулъ черезъ Каланчу-руку цѣпи, привязалъ къ нимъ струны и «подвелъ ихъ къ звонкимъ колоколамъ». Ни одна лодка не могла пройти, не задѣвъ за цѣпь: «тогда звонили колокола, и турки вооружались», но казаки обманули турокъ.

до шестидесяти аршинъ холста, одиннадцать паръ сапоговъ, тринадцать паръ рукавицъ бараньихъ, пятьдесятъ паръ подошвъ, «бешметъ китаишной синей одинъ, сарафанъ женской кумачной одинъ, двѣ женскія сорочки *съ подзатыльниками золотаго позументу*, шапокъ красныхъ двѣ, зеленую съ ушками одну, кушакъ полушелковой одинъ, рубахъ мужскихъ бѣлыхъ три, портъ тяжныхъ двои, два ружья, арчакъ съ прибором и сѣделкой одинъ, масла коровьева четыре пуда, меду полпуда» и т. д. Самъ атаманъ бросился съ огнемъ въ клѣть; анбаръ тотчасъ вспыхнулъ; за нимъ загорѣлся чуланъ, бывшій въ одной связи съ анбаромъ; въ то же мгновеніе пламя охватило избу, крытую соломой,— и огонь быстро распространился [1]). Въ домѣ, въ чуланѣ спали маленькіе дѣти, мальчикъ и дѣвочка. Когда пламя разлилось по всему строенію, разбойникъ Шагала бросился въ чуланъ спасать дѣтей и вынесъ ихъ на своихъ рукахъ со всѣмъ съ постелью [2]). Оставивъ дѣтей и видя, что хуторъ весь горитъ, разбойники бросились въ сторону, опасаясь погони. «Испугавшись, чтобъ на пожаръ не сбѣжались люди, поѣхали всѣ наскорѣ по рѣкѣ Илавлѣ, не доѣзжая Саламатиныхъ хуторовъ, въ сырту, пограбленное у Дулимова и Монацкова по себѣ раздуванили», говорилъ Шагала. На долю каждаго разбойника досталась довольно-цѣнная добыча; награб-

[1]) Послѣ разбойники говорили, что атаманъ нечаянно зажегъ хуторъ: доставая со стѣны ружья, онъ поджегъ висѣвшія тамъ конопли.

[2]) «И я едва успѣлъ изъ чулана вынесть спящихъ на постелѣ малолѣтнихъ мальчика и дѣвочку, коихъ и съ тою постелею отъ погорѣнія спасъ и оставили ихъ въ живыхъ», говорилъ впослѣдствіи Шагала на допросѣ.

лено было столько, что каждый могъ брать изъ вещей что угодно— «брать отъ товарищей было невозбранно».

Послѣ этого набѣга шайка на время разошлась, и каждый изъ разбойниковъ поѣхалъ въ свой домъ. Шагала съ Щербакомъ отправились на Саламатины хутора, къ пристанодержателю Гусеву, о которомъ мы упоминали выше, и отдали ему всю добычу на сохраненіе. Шагала, кромѣ того, предложилъ хозяйкѣ дома, женѣ Гусева, подарокъ отъ себя, именно кумачный сарафанъ, взятый у Монацкова. На другой день разбойники еще разъ собрались у стараго Сумцова и отпраздновали удачную экспедицію, — «цѣлой день пили магарычи». Шагала отправился потомъ домой, въ свою бѣдную землянку, пѣшкомъ, потому что не посмѣлъ ѣхать на краденой лошади и бросилъ ее въ Саламатинскихъ займищахъ. Мѣщанинъ Светышевъ, у котораго Шагала занималъ землянку, понялъ, что постоялецъ его не даромъ пропадалъ около десяти дней и воротился безъ лошади; что сосѣдство такого гостя, какъ Шагала, весьма опасно. Когда Светышевъ спросилъ его о причинѣ отлучки и потерѣ лошади, Шагала отвѣчалъ, что «пьянствовалъ на Илавлѣ у разныхъ знакомыхъ людей, а лошадь продалъ». — «Знать, ты не за добромъ отгуливаешь», говорилъ ему Светышевъ и велѣлъ оставить землянку: «выбирайся вонъ изъ моего дому, чтобъ мнѣ за тебя не нажить хлопотъ». Прогнанный Светышевымъ, Шагала опять началъ бродить съ мѣста на мѣсто, перетаскивая съ собой и жену, которая ни въ чемъ не была виновата: сначала онъ жилъ у тестя, но покойная жизнь не удовлетворяла его, а бѣдность вынуждала искать

средствъ для существованія. И вотъ онъ пригласилъ къ себѣ четырехъ товарищей, чтобы на слѣдующее лѣто отправиться на Елтонское озеро ломать соль; наняли себѣ за Волгой, въ Николаевской слободѣ, землянку и поселились въ ней. Но судьба какъ бы нарочно толкала бродягу на новыя приключенія, на новые переходы съ мѣста на мѣсто, на безконечное по бѣлу свѣту мыканье, въ которомъ вполнѣ выражается невеселая жизнь русскаго батрака. Во время этихъ переходовъ онъ посѣтилъ мѣста, гдѣ начались его первые разбои; исходилъ все волжское войско, батрачилъ по самымъ глухимъ захолустьямъ и, наконецъ, лѣтомъ 1778 года, услышалъ, что нѣкоторые изъ товарищей его по разбою взяты подъ караулъ и преданы суду. Опасно было возвращаться домой, и Шагала, забывъ жену и свое жалкое хозяйство, снова забирался въ глушь, пока не набрелъ на людей, которые узнали въ немъ разбойника, бывшаго въ шайкѣ Рыжаго. Его поймалъ казакъ Забурунновъ, которому впослѣдствіи Шагала заплатилъ разбоемъ за эту поимку. Войсковой старшина Савельевъ плетьми заставилъ Шагалу признаться въ своихъ преступленіяхъ, хотя не вынудилъ у него признанія въ томъ, кто онъ и откуда. Сначала Шагала говорилъ, что онъ бѣглый рекрутъ; но старые казаки уличали разбойника тѣмъ, что знали его еще маленькимъ, когда онъ жилъ въ волжскомъ войскѣ; доказывали, что онъ взросъ между ними. Савельевъ набилъ ему на ноги большія колодки и отправилъ въ Дубовку, гдѣ Шагалу и засадили въ тюрьму. Наконецъ, разбойникъ повинился во всемъ, и такъ какъ дѣло о шайкѣ

Рыжаго производилось въ Камышинѣ, то и Шагалу отправили туда съ двумя конвойными казаками. Ночью они выѣхали изъ Дубовки, заѣхавъ предварительно въ кабакъ, гдѣ Шагала напоилъ конвойныхъ до-пьяна и самъ напился; кромѣ того, онъ взялъ на дорогу, какъ самъ говорилъ, «хорошую бутылку вина», которая и спасла его въ дорогѣ. До перваго форпоста, что̀ стоитъ въ широкомъ буеракѣ, они доѣхали благополучно; а когда на другой день утромъ конвойные смѣнились, и Шагала приближался къ Балыклейскому форпосту, Шагала сталъ снова поить своихъ караульныхъ. Наконецъ, выбравъ удобную минуту, онъ снялъ съ ноги колодку и, «ударя кулакомъ того казака, что на телѣгѣ сидѣлъ, по затылку такъ больно, что онъ съ телѣги свалился заполумертва, ушелъ въ лѣсъ, и, хотя меня другой караульщикъ (верховой казакъ) и ловилъ, но не поймалъ».

Глухими дорогами Шагала пробрался на Липовы хутора, къ пристанодержателю Никольскому, бывшему яицкому казаку, перешедшему послѣ въ волжское войско. Подобно всѣмъ яицкимъ казакамъ, Никольскій мало подчинялся стѣснительному порядку и, если самъ не всегда ходилъ на разбой, то охотно принималъ понизовую вольницу, снабжалъ ее всѣмъ необходимымъ и снаряжалъ въ воровскіе походы. У Никольскаго Шагала опять встрѣтилъ извѣстнаго атамана Ивана Рыжаго, вся жизнь котораго отдана была сформированію шаекъ и безконечнымъ разбоямъ. Отданный въ рекруты еще въ 1771 г. по мірскому приговору государственныхъ крестьянъ села Кріушей, симбирскаго уѣзда, онъ вскорѣ, послѣ приведенія къ присягѣ, бѣжалъ изъ рекрутской

партіи и восемь лѣтъ бродилъ по всему поволжью, оставляя по себѣ память вездѣ, куда ни заносила его кочевая жизнь понизоваго бурлака: жилъ онъ и у нѣмецкихъ колонистовъ за Волгой, и ломалъ соль на Елтонскомъ озерѣ, вмѣстѣ съ прочей вольницей, и ходилъ по Волгѣ на судахъ, былъ и въ волжскомъ войскѣ, пробрался, наконецъ, на Терекъ. Но на одной покражѣ онъ былъ пойманъ отцемъ того казака Забурунnаго, который изловилъ Шагалу, былъ въ Царицынѣ подъ судомъ, получилъ 6,000 ударовъ шпицъ-рутенъ и отданъ въ царицынскій баталіонъ въ солдаты, откуда, по выздоровленіи, едва зажили на спинѣ кровавые слѣды наказанія, бѣжалъ на третій день по опредѣленіи въ службу и увелъ съ собой еще трехъ солдатъ, сдѣлавшихся подобными ему разбойниками. У Никольскаго же Шагала встрѣтилъ еще одного разбойника, который слылъ подъ именемъ *стародубскаго купца Якова* и былъ однимъ изъ лучшихъ пріятелей атамана Рыжаго. Естественно, что Рыжій не замедлилъ пригласить Шагалу въ свою шайку, говоря: *Есть у насъ добрые товарищи, не хочешь ли съ нами разбойничать?* Шагалѣ ничего больше не оставалось какъ принять предложеніе атамана, который вскорѣ и объявилъ воровской походъ въ окрестныя степи, на большія проѣзжія дороги. Шайка сошлась у Никольскаго, и Рыжій, котораго разбойники называли *предводителемъ*, повелъ товарищей прежде всего добывать лошадей: каждый взялъ узду, и шайка пѣшкомъ отправилась верстъ за тридцать, въ урочище Озерки, гдѣ ходилъ въ полѣ богатый табунъ войсковаго атамана волжскаго войска, Василія Персидскаго. Разбой-

ники выбрали для себя самыхъ лучшихъ коней, взяли нѣсколько казачьихъ арчаковъ съ приборомъ, ружье, дротикъ и къ ночи воротились къ Никольскому. Однако, вся шайка не въѣзжала въ хуторъ, чтобъ не обратить на себя вниманіе, а остановилась въ сосѣднемъ буеракѣ; разбойники отдали лошадей подъ присмотръ нѣкоторымъ изъ товарищей, отправились въ хуторъ и вскорѣ воротились съ полнымъ запасомъ оружія, съ винтовками, пистолетами, пиками, шашками, арчаками и прочей военной сбруей; они захватили въ путь съѣстныхъ припасовъ, дорожнаго платья, осѣдлали лошадей, «нарядились, точно какъ казаки», и въ ту же ночь шайка двинулась по направленію къ Волгѣ.

Рѣдко разбойники того времени избирали опредѣленное направленіе для своихъ походовъ, рѣдко имѣли въ виду лице или мѣсто, а шли куда глаза глядятъ, били того, кто попадался, и сторожили на большихъ дорогахъ пѣшаго и коннаго; иногда, впрочемъ, дѣлали набѣги на какого-нибудь извѣстнаго богатаго человѣка, а на пути брали все, что ни встрѣчалось. Рыжій повелъ свою шайку къ Караванской станицѣ, гдѣ у него были знакомые, съ которыми ему нужно было переговорить. Разбойники остановились въ степи, недалеко отъ станицы, а атаманъ съ однимъ изъ разбойниковъ, котораго называлъ Димитріемъ *Легіоннымъ*, потому что онъ служилъ когда-то въ московскомъ легіонѣ, заходилъ въ станицу на нѣсколько часовъ, откуда принесъ для шайки хлѣба и еще одинъ пистолетъ. Затѣмъ шайка направила путь къ Антиповской станицѣ; все въ ту же ночь и еще до разсвѣта, за полверсты отъ ста-

ницы, атаманъ приказалъ остановиться въ полѣ кормить лошадей, а самъ взялъ съ собою эсаула и Легіоннаго и отправился съ ними въ станицу, гдѣ у него и въ Караванкахъ были пріятели и становщики. На разсвѣтѣ Рыжій воротился и опять принесъ съ собой хлѣба и пару пистолетовъ. Онъ сообщилъ товарищамъ, что въ тотъ день одинъ изъ его недруговъ и врагъ Шагалы, подпоручикъ Забурунновъ, поѣдетъ въ Камышинъ. Положено было ограбить Забуруннова. Не медля ни минуты, шайка поскакала по направленію къ Камышину и остановилась въ Широкинскихъ вершинахъ, гдѣ намѣревалась встрѣтить Забуруннова. Разбойники вывели лошадей на опушку лѣса и, спутавъ ихъ, пустили на поляну пастись, а сами залегли по кустамъ. Легіонный назначенъ былъ часовымъ и, для наблюденія за проѣзжими, взлѣзъ на высокое дерево, откуда видна была вся окрестность. Разбойники недолго ждали: «ѣдетъ!» закричалъ караульный, и въ одно мгновеніе шайка была готова; всѣ сѣли на лошадей, поскакали на встрѣчу Забуруннову, сдѣлали кругъ около его кибитки и повели съ дороги въ лѣсъ, на ту поляну, гдѣ паслись ихъ лошади. Забурунновъ былъ не одинъ; съ нимъ была его жена; на нее сильно подѣйствовало появленіе разбойниковъ, которые, впрочемъ, какъ сами потомъ увѣряли, обошлись съ своими плѣнными очень великодушно и не произнесли даже ни одного «бранного слова». «И хотя Легіонный Дмитрій (одинъ изъ самыхъ буйныхъ и дѣятельныхъ разбойниковъ) и стращалъ его, Забуруннова, повѣсить или застрѣлить, прикладываясь нарочно изъ ружья, но какъ на то у насъ

условія не было и отъ атамана приказу не отдано, а онъ, Забурунновъ, ни въ чемъ не противился, жена ево и малолѣтной слуга плакали, то, взявъ у нево грабежомъ изъ кибитки денегъ двадцать одинъ рубль, саблю офицерскую съ мѣдною оправою одну, ружье одно, патронницу съ патронами, платокъ бумажной пестрой одинъ, да сняли съ одной лошади узду и со слуги ево шапку, не чиня никакова насилія, не только побой, ниже браннова слова, выпроводя на дорогу, отпустили» [1]). Ограбивъ Забуруннова, они тотчасъ же остановили еще двухъ проѣзжихъ, слѣдовавшихъ въ Камышинъ, и отняли у нихъ нѣсколько денегъ. Потомъ поскакали въ горы, въ такъ называемыя Сестренины вершины, гдѣ остановились для дувана пограбленнаго, и, раздѣливъ деньги и вещи, поскакали далѣе, по направленію къ Илавлѣ. Но едва разбойники переѣхали эту рѣчку, какъ увидѣли обозъ, подвигавшійся къ Саламатинымъ хуторамъ. Не медля нисколько, они поскакали на проѣзжихъ и по обыкновенію окликнули ихъ: «что̀ за люди?» «Камышинскіе!» отвѣчали проѣзжіе торговцы и безъ сопротивленія отдались въ руки шайки. Разбойники и этихъ ограбили. Взяли нѣсколько мѣшковъ мѣдныхъ денегъ, множество платья, товару, три ружья, пороху, два казачьихъ дротика и проч. Димитрій Легіонный, какъ послѣ оказалось, и здѣсь сдѣлалъ по-своему и ловко успѣлъ припрятать отъ товарищей одинъ мѣшокъ съ деньгами. Впрочемъ, и съ

---

[1]) Взятъ былъ также у Забуруннова слитокъ серебра, но кто-то изъ разбойниковъ утаилъ его.

этими ограбленными жертвами, какъ съ Забурунновымъ, разбойники обошлись ласково, «не дѣлая имъ никакова зла (!) и побой, потому что они не противились».

Послѣ этого нападенія шайка болѣе двухъ дней оставалась въ лѣсу, около рѣчки Песковатки, гдѣ произошелъ новый дуванъ денегъ и награбленной «пажити», и какъ добыча была очень богата, то въ дележъ шли только деньги, а всего прочаго дозволено было брать сколько душѣ угодно. Два старыхъ ружья бросили въ Песковатку, потому что въ хорошемъ оружіи уже никто не чувствовалъ недостатка, а съ лишнимъ неудобно было возиться въ быстрыхъ походахъ и въ постоянныхъ ожиданіяхъ погони. Разбойники потому оставались такъ долго на одномъ мѣстѣ, что двое сутокъ шелъ проливной дождь, да кромѣ того нужно было припрятать часть добычи, а иначе трудно было таскать съ собой и мѣшки съ деньгами, и лишнія вещи. Шайка разбрелась по лѣсу, и каждый пряталъ свои деньги и свою пажить отдѣльно, таясь отъ товарищей, потому что какъ ни дружна была шайка во всякомъ нападеніи, какъ ни строго таилась тайна ихъ общаго дѣла, однако, никто не рѣшался повѣрить своей доли другому: они прятали ее «кто куда разсудилъ, таясь одинъ отъ другова, зарывая въ землю, а иные по малому дѣлу оставляли и при себѣ». Только Шагала не зарылъ своихъ денегъ, тайно придумывая, какъ бы покинуть шайку и пробраться въ свою землянку, къ женѣ, которую онъ такъ давно бросилъ на произволъ судьбы. Для этого онъ передалъ артели, что ему необходимо побывать въ Камышинѣ, запастись

хорошей «сбруей» и порохомъ и просилъ товарищей отпустить его на время. Шагала былъ отпущенъ. Тогда Рыжій повелъ свою шайку за Илавлю, въ глухія медвѣдицкія и саратовскія степи, гдѣ лежала торговая дорога изъ верховыхъ городовъ къ поволжью, между тѣмъ и самая необходимость требовала немедленно удалиться отъ предѣловъ волжскаго войска, потому что слухи о шайкѣ Рыжаго начали переходить изъ устъ въ уста, и, какъ мы прежде видѣли, со всѣхъ сторонъ на Илавлю наряжены были разъѣздныя команды, по селамъ и хуторамъ разосланы были нарочные съ повѣстками, вездѣ читались приказы объ истребленіи разбойниковъ и каждая община обязана была ловить ихъ, указывать ихъ становщиковъ и выдавать тѣхъ и другихъ правительству. Но въ Красноярскомъ юрту, недалеко отъ Медвѣдицы, Рыжій снова напалъ на проѣзжихъ малороссіянъ и захватилъ богатую добычу деньгами. Недѣли двѣ онъ держалъ въ осадномъ положеніи всѣ красноярскіе хутора, бралъ съ нихъ поборъ баранами и хлѣбомъ; потомъ онъ заворотилъ свою шайку на югъ и привелъ ее къ своему становщику Никольскому, на Липовы хутора; снова произвелъ дѣлежъ награбленныхъ денегъ, арчаки велѣлъ побросать въ буеракъ, сбрую и оружіе раздать, лошадей снова пустить въ табунъ, а товарищей по домамъ, то-есть велѣлъ имъ идти, куда кто вздумаетъ, пока снова они ему не понадобятся.

Скоро мы увидимъ, что Рыжій опять встрѣтится съ своими товарищами.

II.

Мы оставили Шагалу на илавлинской степи, у рѣчки Песковатки, гдѣ разбойники шайки Рыжаго зарыли въ землю свои деньги. Получивъ согласіе артели на проходъ до Камышина. Шагала поѣхалъ вдоль Илавли, по направленію къ городу, однако, сознавая опасность своего положенія, не думалъ скоро возвращаться къ женѣ, а желалъ какимъ бы то ни было образомъ скрыть слѣды своихъ преступленій и рѣшился укрыться въ такихъ мѣстахъ и между такими людьми, которые его не знали. Не оставалось ничего болѣе, какъ бросить, хотя на время, ремесло разбойника и выждать, чѣмъ кончится дѣло всей шайки. У Петрушиныхъ хуторовъ, за 25 верстъ отъ Камышина, Шагала сошелъ съ своего коня, снялъ съ него сѣдло и пустилъ въ поле на свободу; свои разбойничьи доспѣхи,— ружье и пику, вмѣстѣ съ арчакомъ, спряталъ въ терновые кусты, чтобы оружіе не могло никому попасться на глаза и навести на слѣды преступленій. Мѣшокъ съ деньгами, доставшимися ему по дувану, онъ перекинулъ черезъ плечо, въ видѣ котомки, и опять, какъ бродяга перехожій, потащился пѣшкомъ по глухимъ проселкамъ, обошелъ стороной тѣ мѣста, гдѣ могли узнать въ немъ разбойника, оставилъ вправѣ Камышинъ и выбрался на саратовскую дорогу. Когда Камышинъ остался въ сторонѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и мѣста похожденій шайки Рыжаго, тогда, наконецъ, товарищи не могли уже нагнать его, еслибъ и вздумали.

Шагала рѣшился отдохнуть послѣ трудныхъ переходовъ: забравшись въ канаву, оставшуюся еще отъ шлюзныхъ работъ при Петрѣ I, когда думали соединить Волгу съ Дономъ, Шагала пролежалъ подъ земляным валомъ цѣлыя сутки. Около нѣмецкой колоніи Каменки онъ зарылъ въ землю свои деньги и снова сталъ такимъ же батракомъ, какъ былъ прежде, нанявшись къ колонистамъ косить сѣно. Затѣмъ онъ подрядился какого-то гусара, продававшаго по колоніямъ деготь, отвезти его въ Саратовъ: изъ Саратова онъ переправился за Волгу, жилъ въ Покровской слободѣ, косилъ траву и жалъ хлѣбъ у тамошнихъ малороссіянъ; затѣмъ сѣлъ на судно и поплылъ къ Царицыну, гдѣ жизнь все-таки была вольнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ понизовые бурлаки могли скрыть и пріютить своего товарища бездомнаго, гдѣ можно было день проводить за работой, а ночью грѣться на разбойничьемъ притонѣ, у горящаго костра. Потомъ судьба занесла его къ одному польскому переселенцу, Петру Полякову, жившему на рѣчкѣ Пичугѣ своимъ хуторомъ, недалеко отъ Царицына. Поляковъ хотѣлъ уже Шагалу записать въ «малороссійскій окладъ», въ число приписныхъ обывателей Царицына, и Шагала соглашался навсегда остаться въ этихъ мѣстахъ и, конечно, вызвалъ бы къ себѣ жену, — какъ появились изъ Царицына полицейскіе сыщики, разосланные по всѣмъ хуторамъ и селеніямъ, потому что разбойничьи шайки и безпаспортные наводнили всѣ окрестности города, все среднее и нижнее поволжье и, наконецъ, всѣ степныя равнины между Дономъ, Мѣдвѣдицей, Хопромъ,

Бузулукомъ и Илавлей. Шагала долженъ былъ снова покинуть это покойное мѣсто и снова бродить по бѣлу свѣту. «И сошелъ я въ Качалинскую станицу (говорилъ Шагала присутствующимъ, когда его допрашивали въ Камышинѣ) и тамъ работалъ поденно на пристани до самой глубокой осени, и какъ уже работы не стало, то сошелъ я оттуда донскаго жъ войска въ Лавлинскую станицу и побывъ тамъ съ недѣлю, видя, что наступать стала зима, а безъ пашпорта нигдѣ держать не станутъ, взялъ намѣреніе возвратиться въ домъ къ тестю своему бобылю Рускову и въ своихъ разбойныхъ дѣлахъ принесть повинную въ димитріевской гражданской канцеляріи, почему и шелъ, пробираясь Илавлею рѣкою, и сколь скоро пришелъ въ Княжіе хутора, то тѣхъ малороссійской десятникъ Прокофей Поташевъ, имѣя отъ канцеляріи и отъ полиціи о поимкѣ меня давно публикаціи, съ прочими мірскими людьми взялъ подъ караулъ и привезъ сюда въ городъ, въ малороссійское громацкое правленіе, а изъ онаго при рапортѣ атамана Ильи Косенка представленъ въ димитріевскую гражданскую канцелярію. Окромѣ вышезначущихъ разбоевъ, въ другихъ злодѣйствахъ нигдѣ и ни съ кѣмъ я не бывалъ, смертныхъ убивствъ и пожеговъ не чинилъ, воровъ, разбойниковъ и ихъ пристанодержателей, также бѣглыхъ солдатъ, матросовъ и рекрутъ не знаю, да и что я на значущихъ разбояхъ былъ, про то жена моя Анна, Алексѣева дочь, ея отецъ, а мой тесть, бобыль Алексѣй Русковъ, подлинно никакъ не вѣдаютъ, потому что я къ нимъ ничево изъ воровства не приносилъ и, бываючи въ отлучкахъ,

сказывалъ имъ, что находился въ работахъ, и въ семъ допросѣ объявляю самую истинную правду?»

Такъ заключилъ онъ свои показанія, не зная, что сказать объ атаманѣ Рыжемъ и о судьбѣ его шайки, хотя поимка Шагалы и Сумцова наводила начальство на слѣдъ прочихъ разбойниковъ. Впрочемъ, Рыжій и не думалъ измѣнять образа жизни, а составлялъ уже новые планы, ничего не зная объ участи Шагалы. Распустивъ свою шайку и простившись съ нею у пристанодержателя Никольскаго, Рыжій оставилъ при себѣ только Дмитрія Легіоннаго и стародубскаго купца Якова, которые всегда были самыми вѣрными его товарищами. Личность Легіоннаго сама по себѣ представляетъ очень интересное явленіе, какъ типъ разбойника прошлаго вѣка, и такъ какъ онъ еще не разъ встрѣтится намъ впослѣдствіи, то мы и скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

Настоящее имя этого человѣка Дмитрій Посконновъ. Родился онъ между яицкими казаками, въ яицкой крѣпости, и первыя впечатлѣнія, окружившія его дѣтство, были вѣчныя неурядицы и войсковые смуты, бунты и рѣзни на улицахъ, вольныя пѣсни и недовольство всѣмъ, что нѣсколько мѣшало и разгулу, и привычной свободѣ. Когда мальчику было десять лѣтъ, отецъ его оставилъ войско и перекочевалъ въ медвѣдицко-хоперскія степи, взявъ съ собой ребенка. Онъ поселился въ Баландинскомъ городкѣ, за Медвѣдицей, гдѣ черезъ девять лѣтъ умеръ, оставивъ сына круглымъ сиротой. Сынъ бродяги, дѣвятнадцатилѣтній Дмитрій не хотѣлъ оставаться на мѣстѣ, а пошелъ

искать счастья на-сторонѣ, потому что ему было все равно гдѣ ни жить, только бы никто не стѣснялъ его привычной воли. Молодой бродяга пошелъ въ поволжье, гдѣ такую завидную славу нажила себѣ понизовая вольница, и сталъ шататься между волжскими казаками, нанимаясь въ работу не надолго и не давая своей воли въ тяжкую кабалу. Нанялся потомъ въ казаки, въ военную службу, но не больше какъ на годъ и отправился въ Саратовъ. Въ то время черезъ Саратовъ проходилъ Пугачовъ съ своими оборванными полками, оборванными полковниками и бородатыми генералами, и Посконновъ взятъ былъ въ его армію вмѣстѣ съ другими. Недалеко отъ Царицына онъ оставилъ Пугачова за болѣзнію и воротился къ своимъ прежнимъ знакомымъ, къ волжскимъ казакамъ, гдѣ оставался недолго, переходя то къ Волгѣ, то на Медвѣдицу; былъ снова въ Баландинскомъ городкѣ, гдѣ жилъ прежде съ отцемъ, потомъ опять явился въ поволжьѣ, доходя собственнымъ опытомъ, что не такъ легка и весела жизнь понизовой вольницы, какъ ему казалось прежде. Одинъ казакъ предложилъ ему назваться своимъ сыномъ, съ тѣмъ чтобы, вмѣсто этого сына, подъ его именемъ записаться въ казаки въ московскій легіонъ; объ этомъ просилъ его и станичный атаманъ Ощепкинъ (тотъ самый, который былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ разбойничьимъ атаманомъ Наумомъ Филиповымъ),—и Посконновъ продалъ себя, лишь бы только имѣть какое-нибудь имя и не быть бродягой, котораго всякій можетъ и задерживать, и допрашивать, и пытать. Но и въ легіонѣ онъ оста-

вался недолго и, подговоривъ шестнадцать подобныхъ себѣ товарищей, захвативъ казацкихъ лошадей, бѣжалъ съ ними изъ легіона, когда отрядъ ихъ находился на рѣчкѣ Сарпѣ. Бѣжавъ изъ войска, они по какой-то странной прихоти, тогда же въѣхали въ Дубовку и добровольно явились къ начальнику волжскаго войска, старшинѣ Савельеву, который, разумѣется, немедлено отправилъ ихъ въ Царицынъ. Дезертёры отданы были подъ караулъ, но Посконновъ, взявъ съ собой нѣсколько человѣкъ арестантовъ и тѣхъ же лошадей, на которыхъ они ушли изъ легіона, снова вырвался на свободу и сталъ разбойникомъ. Красноярская степь, между Волгой и Медвѣдицей, глухая и ровная, перерѣзанная дорогами и усѣянная сторожевыми курганами, представляла удобное поприще для разбоевъ, и товарищи Посконнова отправились на эту степь, хотя самъ онъ почему-то не могъ ѣхать съ ними. Пошатавшись нѣсколько мѣсяцевъ на Илавлѣ и по берегу Волги, Посконновъ снова по какой-то непонятной прихоти, точно въ насмѣшку, добровольно явился къ старшинѣ Савельеву, въ Дубовку, и, само собою разумѣется, отправленъ былъ подъ карауломъ въ Царицынъ вмѣстѣ съ другими колодниками. Изъ Царицына онъ опять бѣжалъ изъ-подъ караула и уже не явился ни къ кому съ повинной. Въ это время онъ столкнулся съ атаманомъ Рыжимъ и разбойникомъ Шагалой, стародубскимъ купцомъ Яковомъ и прочею вольницей шайки Рыжаго. Стародубскій купецъ—это личность нѣсколько загадочная, хотя нѣтъ сомнѣнія, что имя это было вымышленное. Онъ такъ хорошо зналъ поволжье, всѣ входы и

выходы, что служилъ проводникомъ своей шайки, и Рыжій съ Легіоннымъ, послѣ разлуки съ товарищами, воспользовались его знаніемъ мѣстности.

Стародубскій купецъ провелъ атамана и Легіоннаго къ Волгѣ, гдѣ они выше Балыклейской станицы, переправились на луговую сторону, чтобы укрыться отъ преслѣдованіи. Двѣ недѣли они жили въ лѣсу, ничего не придпринимая, и потомъ отправились въ Верхній Погроменскій городокъ, что̀ на Ахтубѣ, и нашли пріютъ у одного цѣловальника. Скучая праздною жизнію, единственной цѣлію которой были разбои, они снова начали думать о томъ, какъ бы наполнить эту жизнь подвигами, сообразными съ ихъ наклонностями; снова начали сходиться и толковать о разбойныхъ дѣлахъ, о вербованіи новыхъ товарищей въ свою семью; снова являлись на нагорной сторонѣ Волги, заходили къ знакомымъ становщикамъ, узнавали о томъ, гдѣ и какъ устроились ихъ прежніе сподвижники. Особенно любили они собираться въ саду одного царицынскаго офицера, Носкова, на рѣчкѣ Пичугѣ, гдѣ ихъ радушно принималъ дворовой человѣкъ этого офицера, Сергѣй Гавриловъ, старый знакомый стародубскаго купца. Между тѣмъ этотъ послѣдній успѣлъ записаться въ число крестьянъ ахтубинскаго шелковичнаго завода «за взятокъ» начальствомъ его денегъ; другой разбойникъ изъ шайки Рыжаго, тоже перебравшійся за Волгу, въ Ахтубинскій городокъ, сблизился съ тамошнимъ священникомъ, нашелъ себѣ невѣсту и женился на ней. О разбояхъ стали было забывать; но въ концѣ 1778 года, на святкахъ, Рыжій пришелъ къ мнимому старо-

дубскому купцу и говорилъ: «Пичужинскіе робята зовутъ меня на разбои, разбивать обозы»... «А еще есть здѣсь бывшій съ нами Дмитрій Легіонный» сказалъ купецъ, — и пріятели порѣшили дѣло скоро. Легіонный успѣлъ отыскать еще двухъ товарищей, бывшихъ прежде въ шайкѣ Рыжаго, а самъ атаманъ, при помощи извѣстнаго уже намъ дворового человѣка офицера Носкова, жившаго въ саду, успѣлъ подговорить новыхъ разбойниковъ съ Пичужинскихъ хуторовъ, именно малороссіянъ Збойкова и Морошникова. Это тѣ именно «пичужинскіе робята», о которыхъ онъ говорилъ старородубскому купцу. 28 декабря разбойники собрались въ саду Носкова, запаслись оружіемъ, провизіей и въ тотъ же вечеръ выѣхали на разбой. «Поберегите себя и меня» — сказалъ имъ Сергѣй Гавриловъ, провожая изъ саду. Разбойники заѣхали въ Мечетинскіе хутора, гдѣ захватили съ собой другихъ товарищей, трехъ человѣкъ, которые имѣли при себѣ по пистолету и одинъ дротикъ. Утромъ 29 числа они направились къ Царицыну, встрѣтились на дорогѣ съ знакомымъ полякомъ Мукосѣевымъ (или Бугай), который снабжалъ ихъ порохомъ и сказалъ, подобно Сергѣю Гаврилову: «берегитесь сами и меня берегите!» Проѣзжая чрезъ Царицынъ, они взяли вина и отправились внизъ по Волгѣ.

Въ первый же день, къ ночи, нагнали на берегу рѣки обозъ, слѣдовавшій изъ Москвы въ Сарепту съ товарами, отправленными въ эту колонію членами сарептскаго евангелическаго братскаго общества. При обозѣ, кромѣ поставщиковъ, коломенскихъ крестьянъ

княгини Черкасской и графини Скавронской, находилось десять человѣкъ рабочихъ. «Съ чѣмъ и куда ѣдете?» спросили по обыкновенію разбойники, поровнявшись съ обозомъ. — «Съ котлами и краскою въ въ колонію», отвѣчали изъ обоза. Когда наступила ночь, разбойники напали на обозъ, «выпаля по нихъ, начали бить, разбивать и выпрягать изъ возовъ лошадей». Ограбили у нихъ деньги и продолжали неистовствовать, какъ вдругъ услышали вдали звяканье почтоваго колокольчика. Вскорѣ замѣтили, что скачетъ курьеръ, а за нимъ цѣлый рядъ экипажей. То ѣхалъ изъ Астрахани въ Петербургъ тогдашній астраханскій губернаторъ Иванъ Варѳоломѣевичъ Якобій. Надо замѣтить, что путешествіе знатныхъ особъ прошлаго вѣка совершалось огромными кортежами, въ сопровожденіи вооруженныхъ отрядовъ, курьеровъ, цѣлаго штата чиновниковъ и всякаго рода прислуги. Поѣздъ Якобія смутилъ разбойниковъ, такъ что они окончательно растерялись, особенно когда узнали, что ѣдетъ такая важная особа, какъ губернаторъ: «тѣ разбойники обробѣвъ и оставя выпряженныхъ у нихъ (у обозчиковъ) лошадей и еще одну свою съ двумя санями и въ оныхъ пироги, калачи, шапки, рукавицы и дротикъ, выстрѣля по обозѣ его превосходительства одинъ разъ, всѣ разбѣжались.» Дѣйствительно, не смутился одинъ только Дмитрій Легіонный, повидимому, никогда не унывавшій; онъ выстрѣлилъ въ поѣздъ Якобія, — и затѣмъ всѣ разбойники, безъ шапокъ, не смотря на морозную ночь, бросились въ горы. Вслѣдъ за ними поскакала погоня, но ни одного разбойника не поймали.

Это былъ первый неудачный разбой шайки, предводительствуемой атаманомъ Рыжимъ. Онъ былъ тѣмъ болѣе неудаченъ, что самъ атаманъ, вслѣдствіе этого несчастнаго происшествія, лишился свободы.

На другой день утромъ ограбленные извощики подали царицынскому коменданту объявленіе о ночномъ происшествіи; представлены были, по приказанію Якобія, покинутыя разбойниками сани, шапки и прочія вещи; схвачены были какіе-то подозрительные люди и приведенъ какой-то мальчикъ, показаніями котораго надѣялись открыть слѣды преступниковъ. Самъ Якобій допрашивалъ ихъ, но ничего не могли узнать [1]). Тогда Якобій лично приказалъ коменданту Цыплетеву изслѣдовать это дѣло особой коммиссіей и отыскать неизвѣстныхъ разбойниковъ. Началось самое дѣятельное слѣдствіе, какое когда-либо производилось надъ разбойниками.

Въ рукахъ слѣдователей находилась нить, по которой они могли дойти до раскрытія истины. Явилось подозрѣніе, что между неизвѣстными разбойниками и обывателями Пичужинскихъ хуторовъ, людьми довольно сомнительнаго поведенія, существовала связь, и это обстоятельство указало на слѣдъ преступниковъ. Въ день пріѣзда Якобія въ Царицынъ, 30 декабря, отправленъ былъ на Пичужинскіе хутора капитанъ

---

[1]) «По нѣкоторымъ уликамъ привезенныя вѣдомства царицынской воеводской канцеляріи бобыля Клима Васильева дѣти бывшимъ съ ними мальчикомъ были въ присутствіи его превосходительства доказываны и въ томъ разбоѣ не признались.» Сколько намъ извѣстно, никакихъ Васильевыхъ въ шайкѣ Рыжаго не было.

Дударь, которому поручалось вывѣдать что-либо о разбойникахъ. Прискакавъ на хуторъ, Дударь въѣхалъ на квартиру къ одному тамошнему малороссіянину и показалъ ему оставленныя разбойниками шапки, говоря, что нашелъ ихъ на дорогѣ. Въ одной изъ нихъ хозяинъ и его жена узнали шапку малороссіянина Збойкова. За нимъ послали. Оказалось, что Збойкова не было въ хуторѣ, а когда привели его жену, то она сказала, что 29 декабря мужъ ея съ самаго утра уѣхалъ въ Царицынъ и не возвращался оттуда; когда же показали ей шапку, то сначала она отказывалась отъ нея, а потомъ призналась, что шапка эта дѣйствительно принадлежала ея мужу. Дѣлая обыскъ по домамъ, Дударь нашелъ на дворѣ у одного поляка, именно у Мукосѣева, какое-то сѣдло съ уздою, и Мукосѣевъ говорилъ, что онъ не знаетъ, кому принадлежатъ эти вещи. Вслѣдствіе разныхъ подозрѣній, Дударь захватилъ болѣе десяти человѣкъ, которые казались ему сомнительными, и привезъ въ Царицынъ. Начались допросы, вывѣдыванья, очныя ставки. Всѣ единодушно показали, что шапка принадлежитъ Збойкову. Тогда явилась одна царицынская солдатка, Аксинья Драконова, и объявила, что 30 декабря, рано утромъ, еще на зарѣ, пріѣхалъ къ ней Збойковъ, верхомъ и безъ шапки; лошадь была въ хомутѣ и вся въ поту; на вопросы Драконовой онъ отвѣчалъ, что нанимался будто бы у верховыхъ ямщиковъ, за усталью ихъ лошадей, подвозить ихъ кладь къ Царицыну; что шапку потерялъ на Волгѣ, уснувъ въ саняхъ во время ѣзды. Потомъ онъ ушелъ на базаръ покупать себѣ новую шапку

и заходилъ къ подпоручику Носкову, откуда пришелъ уже въ шапкѣ и тотчасъ уѣхалъ со двора. Начались новыя посылки за подозрительными людьми, снова брали царицынскихъ жителей, обвиняемыхъ въ пристанодержательствѣ. Изъ-за какого-то несоблюденія пустой формальности едва не поссорились главныя начальственныя лица Царицына и едва не потеряны были слѣды разбойниковъ; изъ-за того, что комендантъ отнесся къ воеводѣ не «промеморіею», а ордеромъ, воевода не хотѣлъ оказывать содѣйствія коменданту въ розыскѣ разбойныхъ людей и писалъ этому послѣднему, что-де «по указамъ ея императорскаго величества, въ случаѣ какого воеводскихъ канцелярій съ комендантами сношенія, переписку по законамъ имѣть велѣно благопристойно сообщеніями, а не ордерами; и такъ-де царицынскою канцеляріею опредѣлено — присланный отъ него, коменданта, къ царицынскому воеводѣ ордеръ, съ прописаніемъ вышеписаннаго обстоятельства, отослать обратно,.... чтобъ онъ никогда впредь воеводу не ордировалъ, а присылалъ бы не на ево одно лицо, но въ воеводскую канцелярію сообщенія, ибо-де онъ никакого особаго присутствія, кромѣ воеводской канцеляріи не имѣетъ».

Но въ то время, когда возникъ этотъ забавный споръ между царицынскими властями, начальникъ волжскаго войска, войсковой старшина Савельевъ прислалъ въ Царицынъ трехъ разбойниковъ, пойманныхъ выше Дубовки, именно: самого атамана Рыжаго, Збойкова и Мирошникова. За Дмитріемъ Легіоннымъ, стародубскимъ купцомъ и еще однимъ разбойникомъ, какимъ-то

Николаемъ, посланъ былъ изъ Дубовки розыскъ за Волгу въ Погроменскій городокъ; партія посланныхъ имѣла при себѣ одного изъ пойманныхъ разбойниковъ, который долженъ былъ уличить своихъ товарищей. — Однако, погроменскіе крестьяне не допустили эту партію до розысковъ, и она воротилась въ Дубовку, не сдѣлавъ ровно ничего; точно также ровно ничего не сдѣлалъ офицеръ, отправленный главнымъ смотрителемъ ахтубинскихъ шелковыхъ заводовъ, надворнымъ совѣтникомъ Рычковымъ, хотя поиски были произведены по всѣмъ ахтубинскимъ селеніямъ. Тогда взяли къ допросу женъ, замѣшанныхъ въ дѣло обывателей, Збойкова и Мукосѣева, и онѣ уличили разбойниковъ въ томъ, въ чемъ тѣ не сомнѣвались, и навели на слѣдъ другихъ преступленій. Онѣ подробно разсказали, какъ разбойники собирались въ путь, какъ совѣтовались между собою и какое участіе принимали жены въ дѣлѣ своихъ мужей. Жена Збойкова говорила, что работникъ Мукосѣева, Иванъ Мирошниковъ, передъ походомъ на разбой, ночевалъ у нихъ въ домѣ съ 27 на 28 декабря, потомъ пробылъ съ ея мужемъ весь день и уже вечеромъ, послѣ ужина, ходилъ къ своему хозяину, откуда возвратился въ полночь; тутъ они говорили о предстоящихъ разбояхъ, снова ночевали вмѣстѣ, а рано утромъ, 28 декабря, Збойковъ взялъ у Мукосѣева сани, приготовилъ все къ поѣздкѣ, взялъ также два пистолета, которые принесла въ ихъ домъ жена Мукосѣева и вручила разбойникамъ. Черезъ два дня послѣ ихъ отъѣзда, пришелъ къ Збойковой садовникъ офицера Носкова, Сергѣй Гавриловъ, и сказалъ, что мужъ ея и разбойникъ

Мирошниковъ, послѣ неудачнаго погрома на Волгѣ, едва бѣжали отъ погони и теперь лежатъ у него въ саду; Гавриловъ принесъ ей муки и денегъ и обѣщалъ, что самъ Збойковъ будетъ къ ней черезъ два дня. Жена Збойкова вмѣстѣ съ тѣмъ призналась, что въ 1777 году, 26 октября (именно въ то время, когда атаманъ Рыжій вывелъ въ поле свою шайку), мужъ ея и еще два другіе малороссіянина ограбили въ Сарептѣ лавку съ красными товарами и привезли съ собой множество суконъ, бархату, полуплису, китайки, канифасу и проч.

Съ каждымъ днемъ число оговоренныхъ возрастало и съ каждымъ днемъ открывались новыя обстоятельства, показывавшія, какіе страшные безпорядки и какія темныя дѣла творились въ той части поволжья, съ исторіей котораго связано имя понизовой вольницы. Не было почти ни одного дома, въ которомъ не нашелся бы слѣдъ какого-нибудь запутаннаго происшествія, тайныхъ преступленій, участниками которыхъ были не одни понизовые бурлаки, но и другія лица, повидимому, неимѣющія съ ними ничего общаго.

Самыя мѣстныя власти являются далеко нечистыми отъ подозрѣній. Не станемъ раскрывать всѣхъ скучныхъ подробностей дѣла, связаннаго съ именами Рыжаго, Збойкова, Мирошникова, Шагалы и прочихъ, разбирать запутанныя отношенія властей къ подсудимымъ, какъ напр. офицера Носкова къ вору Збойкову, царицынскаго воеводы Фатьянова къ другимъ ворамъ, подобнымъ этому послѣднему. Довольно того, если мы скажемъ, что Носковъ, въ качествѣ слѣдователя, воруетъ у воровъ краденые товары, шьетъ себѣ изъ нихъ

казакины и плисовыя штаны, учитъ воровъ ложной присягѣ, потомъ безстыдно обманываетъ и ихъ, и своихъ главныхъ начальниковъ. Для насъ, конечно, важно и то, какъ подсудимые являются къ воеводѣ *съ поздравленіями*,—но все это не относится прямо къ исторіи понизовой вольницы, а характеризуетъ другія стороны русской жизни, которыхъ мы, до времени, не намѣрены касаться. Было бы весьма утомительно передавать здѣсь всѣ мелкія подробности безчисленнаго множества злодѣяній, открытыхъ по слѣдствію; каждый изъ взятыхъ въ судную коммиссію былъ виновенъ въ томъ или другомъ дѣлѣ; у каждаго былъ за душой хоть одинъ мелкій нечистый поступокъ и болѣе или менѣе тяжелый грѣхъ. Но лицъ этихъ такъ много, проступки каждаго такъ разнообразны, что нѣтъ никакой возможности все исчислить и привести въ порядокъ. Намъ остается только указать на нѣкоторые отдѣльные факты изъ жизни этихъ разбойниковъ и только на личности болѣе крупныя. Мы обходимъ молчаніемъ частныя дѣйствія такихъ лицъ, какъ Збойковъ, Гавриловъ, Мукосѣевъ или Бугай, офицеръ Носковъ со всей своей командой, старостами и разсыльными, потому что иначе пришлось бы заносить на страницы исторіи сотни и тысячи такихъ разбойниковъ, безъ которыхъ болѣе видныя личности сами по себѣ какъ-то блѣднѣютъ, стушевываются, теряютъ ту драматическую обстановку, которая сопровождаетъ каждый моментъ ихъ жизни. За атаманомъ Рыжимъ, Дмитріемъ Легіоннымъ и другими просятся на сцену историческихъ воспоминаній сотни второстепенныхъ атамановъ, у которыхъ были свои

шайки, свое поприще и свои жертвы. Вся сущность картины состоитъ въ подробностяхъ, въ мельчайшихъ эпизодахъ, такъ что нѣтъ никакой возможности обнять ее разомъ; чтобъ разомъ видѣть всю ея драматичность и жизненность, надо вглядываться близко въ отдѣльныя личности, которыхъ такъ много, что память не можетъ удержать ихъ, — и только такимъ образомъ историкъ и читатель могутъ составить понятіе о цѣлой эпохѣ, ея характерѣ и преобладающихъ стремленіяхъ общества. — Подобно огромной картинѣ, изображающей битву двухъ многочисленныхъ армій, когда войска смѣшались въ общемъ рукопашномъ бою и когда издали ничего не видно, кромѣ дыму, пыли, кое-гдѣ сверкающихъ оружій и крови, когда даже опытный глазъ полководца не можетъ угадать, на чьей сторонѣ побѣда,— значеніе изображеннаго понимается не въ общемъ видѣ, а въ отдѣльно-поставленныхъ группахъ...

Но возвратимся къ фактамъ. Показанія разбойничьихъ женъ навели коммиссію на слѣдъ другихъ преступленій, уже забытыхъ или искусно замаскированныхъ; они разоблачили поступки Збойкова, Мирошникова, Мукосѣева и нѣсколькихъ десятковъ другихъ воровскихъ людей, изъ коихъ мы остановимся лишь на личности Мирошникова, потому что впослѣдствіи, въ 1781 году, мы узнаемъ его, вмѣстѣ съ Дмитріемъ Легіоннымъ, въ шайкѣ атамана Дегтяренка, подъ другимъ уже именемъ. «Мирошниковъ родился въ землѣ войска донскаго, въ Михайловской станицѣ и тамо (говорилъ онъ о себѣ), по воспитаніи матерью Анисьею Васильевою, которая волею Божіею умре, остался послѣ

ея осьми лѣтъ и, будучи тамъ, жительство имѣлъ у разныхъ людей.» Это былъ такой же бездомный бродяга, сирота, безъ родныхъ и доброжелателей, какъ и Дмитрій Легіонный. Подобно Легіонному, онъ блуждалъ съ мѣста на мѣсто и нигдѣ не находилъ покоя: вѣчный батракъ, питавшійся поденной работой и голодавшій иногда по цѣлымъ днямъ, онъ не могъ даже выработать столько, чтобы купить себѣ землянку въ десятокъ рублей. Тяжелая жизнь выгоняла его на разбой, потому что терять ему было нечего, кромѣ жизни, которая была такъ некрасна, что онъ цѣнилъ ее очень дешево. Сначала бродяга началъ воровать; былъ пойманъ, отпущенъ изъ-подъ караула по доброжелательству часто-упоминаемаго офицера Носкова и, наконецъ, поступилъ въ шайку Рыжаго, съ которымъ и пойманъ послѣ неудачнаго разбоя на Волгѣ. Вмѣстѣ съ ними и по ихъ уликамъ перебывали въ судной коммиссіи десятки лицъ, которыхъ или судили въ коммиссіи, или отсылали въ воеводскую канцелярію, смотря по сословіямъ, къ которымъ принадлежали подсудимые. Главныхъ разбойниковъ и находившихся съ ними въ сношеніяхъ обывателей разсадили по разнымъ казематамъ: атаманъ Рыжій сидѣлъ у предтеченскихъ воротъ вмѣстѣ съ прочими колодниками; Сергѣй Гавриловъ, Мирошниковъ и другіе—на гауптвахтѣ, а Мукосѣевъ, Збойковъ и ихъ жены содержались у царицынскихъ воротъ. Шагала между тѣмъ сидѣлъ въ камышинской тюрьмѣ и скрывалъ свои отношенія къ атаману Рыжему. Случайно обличилась его связь съ этой шайкой. Офицеръ Забурунновъ, ограбленный Рыжимъ во время поѣздки

въ Камышинъ, въ половинѣ января 1779 года, пріѣхалъ за чѣмъ-то въ городъ и зашелъ на тамошнюю гауптвахту по знакомству съ караульнымъ офицеромъ. Находясь тамъ, онъ увидѣлъ, какъ изъ тюрьмы вели — «видно-де по тогдашнимъ морозамъ для обогрѣнія въ колодничью караулку — колодника», который находился въ шайкѣ Рыжаго и, вмѣстѣ съ прочими, грабилъ Забуруннова въ Широкинскихъ вершинахъ. Забурунновъ заявилъ объ этомъ кому слѣдуетъ, и Шагала разоблачилъ всѣ похожденія своихъ товарищей и въ томъ числѣ свои собственныя, такъ что для слѣдователей открылись новыя обстоятельства, о которыхъ они не знали.

Но въ самый разгаръ царицынскаго слѣдствія Рыжій бѣжалъ изъ каземата. Популярность этого человѣка, его слава какъ разбойника и прежніе искусные побѣги изъ рекрутской партіи и изъ баталіона, недаромъ заставляли царицынское начальство опасаться, чтобы Рыжій не ушелъ снова. Едва только атаманъ привезенъ былъ изъ Дубовки и посаженъ въ казематъ у предтеченскихъ воротъ, какъ изъ комендантской канцеляріи уже данъ былъ приказъ стоящему въ караулѣ старшему оберъ-офицеру, чтобы непремѣнно были осмотрѣны на разбойникахъ ножныя деревянныя колодки и желѣза и «буде окажутся не суть въ твердости (говорилось въ приказѣ), оныя подкрѣпить, а притомъ, дабы чрезъ злодѣйской ихъ вымыселъ не могли учинить побѣга, *черезъ часъ надсматривать* и никого изъ постороннихъ людей къ нимъ не подпускать и всегда содержать въ совершенной строгости, по законамъ; для чего и набить *на однихъ только*

мужиковъ наручни и каждое утро въ запискахъ особо объ нихъ показывать». На другой день отданъ былъ новый строжайшій приказъ всѣмъ караульнымъ офицерамъ, въ которомъ между прочимъ говорилось, что «по важности ихъ (разбойниковъ) преступленей, непремѣнно надлежитъ къ строгому за ними присмотру прикомандировать въ городовой караулъ одного офицера», кромѣ стоявшихъ уже тамъ; что офицеры эти должны содержать «важныхъ разбойниковъ подъ наистрожайшимъ карауломъ и притомъ никого къ нимъ для разговоровъ постороннихъ людей не допускать, дабы сіи злодѣи не могли какимъ случаемъ изъ-подъ караула учинить побѣга» и т. д. Потомъ сочли нужнымъ дать и третій приказъ, чтобы разбойники разсажены были вновь, по списку, «въ кордегаріи», и, кромѣ часовыхъ, стояли бы при нихъ постоянно «два притина» и проч. Однако, не смотря на всѣ эти предосторожности, Рыжій бѣжалъ, хотя этотъ послѣдній побѣгъ, какъ и послѣдній разбой, былъ для него вполнѣ несчастливъ:—не далѣе какъ черезъ два дня Рыжій былъ пойманъ за Волгой и снова присланъ въ Царицынъ. Онъ бѣжалъ 21 февраля, ровно въ полночь. Надо имѣть необыкновенное здоровье, чтобы вынести то, что вынесла натура этого человѣка, изнуреннаго двухмѣсячнымъ сидѣньемъ въ сыромъ казематѣ, на самой скудной пищѣ и при всѣхъ душевныхъ страданіяхъ, какія испытывалъ преступникъ. Онъ вырвался изъ-подъ караула въ холодную зимнюю ночь, совершенно раздѣтый, въ одной только рубашкѣ, и голыми ногами долженъ былъ бѣжать по снѣгу черезъ

Царицынъ, потомъ перебѣжать всю Волгу по льду, пока, наконецъ, уже на другомъ берегу рѣки, на луговой сторонѣ, онъ могъ надѣть сапоги, которые все время несъ въ рукахъ. Въ одной рубашкѣ онъ провелъ за Волгой всю ночь, продолжая идти по берегу, пока, наконецъ, къ утру не нашелъ стогъ сѣна, въ которомъ скрылся отъ преслѣдованій и пролежалъ цѣлыя сутки. Но мы перенесемъ въ примѣчаніе собственныя слова атамана объ этомъ побѣгѣ [1]).

---

[1]) «Сего февраля 21-го числа (говорилъ онъ на допросѣ), будучи въ ручной и ножной колодкахъ, попросился яко бы для испражненія на дворъ, съ намѣреніемъ тѣмъ, чтобъ бѣжать, ежели удастся, у часоваго, внутри караулни стоящаго, Ивана, а прозванья не знаю, въ которое время въ караулной сержантъ сидѣлъ впереди караулни, и тотъ часовой, выпустя меня. сказалъ и другому часовому жъ, стоящему у сѣней, Алексѣю, — прозванія также не знаю, который меня отпустилъ за караулню, а самъ ходилъ по крилцу и за мною не пошелъ, — коего видя слабость за мною несмотрѣнія, снявъ съ себя ручную такъ сильно, что у лѣвой руки съ кисти кожу задернулъ до крови, а потомъ и ножную (колодки), и зайдя за состоящую поблизости караулни избу и прямо къ мясному ряду чрезъ палисадникъ перелѣзъ и побѣжалъ за Волгу, въ одной рубашкѣ и босикомъ, имѣвъ сапоги въ рукахъ, кои при снятіи колодки съ ногъ скинулъ для лехчего чрезъ полисадъ перелазу, а, перешедъ за Волгу, обулъ и пошелъ по берегу до самаго свѣту, и какъ нашелъ стогъ сѣна, лежалъ цѣлыя сутки, а на другой день изъ стога вышедши, увидѣлъ мужика, дрова приготовляющаго, а какъ зовутъ и откуда, не знаю, попросилъ одежды, которой, видя меня въ одной рубашкѣ, и далъ съ себя старой суконной зипунъ и кусокъ хлѣба... Мужикъ остался на томъ мѣстѣ, а я пошелъ, вѣдомства ахтубинскихъ шелковыхъ заводовъ, въ Нижнее Погромное селеніе и по прежней знаемости пришелъ къ тамошнему крестьянину Петру Кремлеву на дворъ и, опасаясь, нѣтъ ли у него сторонихъ людей, залѣзъ къ нему въ сѣнницу и зарылся въ сѣно, пробывъ одну ночь, поутру присланными изъ ахтубинскаго городка казаками и того жительства крестьянами въ сѣнѣ найденъ.» Атаманъ говорилъ притомъ на допросѣ, что къ побѣгу его никто не подговаривалъ и самъ онъ не подкупалъ часовыхъ. «Здѣсь въ городѣ я ни къ кому не заходилъ, пищею и одеждою снабденъ никѣмъ не былъ, окромѣ одного мужика, какъ

Надъ караульными офицерами и часовыми солдатами, по случаю побѣга Рыжаго, наряженъ былъ судъ («Фергеръ и Криксрехтъ»), подробности котораго представляютъ много интереснаго для характеристики того времени; но такъ какъ онѣ не касаются прямо предмета нашей статьи, то мы и оставляемъ ихъ. Замѣтимъ только, что на основаніи «Воинскаго артикула» главы 4. арт. 40, главы 24, арт. 207, и «Уложенія» гл. 21, ст. 17 [1]), опредѣлено: «подпоручика Хомуцкова, «за нечиненіе, будучи на караулѣ у воротъ, повелѣннаго осмотра чрезъ часъ того времени, когда *важный разбойникъ Овчинниковъ* (такъ назывался Иванъ Рыжій въ баталіонѣ) бѣжалъ», сержанта Шумилина, «за неосторожность, будучи на караулѣ при такихъ важныхъ колодникахъ, употребляемой сонъ, такъ что во время вы-

---

выше сказано, изъ другихъ никто меня не видалъ, и какъ я, скинувъ колодки, бѣжалъ до самой Волги, погони не видалъ же и крику не слыхалъ, изъ помянутаго жъ селенія намѣреніе имѣлъ идти въ Соленой городокъ, что близъ Камышинки, и тамъ укрыватца въ имѣющихся близъ соленой пристани землянкахъ у бурлакъ, гдѣ прежде сего я, будучи въ бѣгахъ, укрывался.»

[1]) 1) «Каждый офицеръ, который въ крѣпости, лагерѣ, на валу, у воротъ или въ полѣ караулъ имѣетъ, долженъ въ томъ отвѣтъ дать. Ежели онъ то презритъ, что исправить долженъ, или на караулѣ своемъ неосмотрителенъ, и неостороженъ, и лѣнивъ будетъ, *оный имѣетъ живота лишонъ быть, аркибузированъ* (въ скобкахъ прибавлено: разстрѣлянъ).»— 2) «Когда злодѣй караулу или генералъ-гевалдигеру или профосамъ уже отданъ, и онымъ оного стеречь приказано будетъ, а злодѣй чрезъ небреженіе ихъ уйдетъ или отъ нихъ безъ указу отпуститца, тогда оные, которые въ семъ виновны, вмѣсто преступителя имѣютъ надлежащее наказаніе претерпѣть.»— 3) «А буде разбойника поймаютъ на разбоѣ вдругіе, и его потому же пытать и въ иныхъ разбояхъ, да будетъ онъ повинится только въ двухъ разбояхъ, а убивства хотя и не учинилъ и его за другой разбой казнить смертью, а животы его отдать въ выть истцамъ!

пуску того колодника черезъ не малое время спустя происхожденія отъ разговоровъ часовыхъ пробудиться не могъ... написать въ рядовые перваго на мѣсяцъ, а послѣдняго до выслуги», а двухъ часовыхъ солдатъ приговорено *казнить смертію.*

Когда все это происходило въ Царицынѣ, Шагала, сидя въ камышинскомъ острогѣ, искусно запутывалъ слѣдователей своими показаніями: то онъ говорилъ, что бѣжалъ когда-то изъ рекрутства и никогда не принадлежалъ къ тому званію, къ которому причислялъ себя въ прежнихъ допросахъ, то снова сводилъ на свои старыя признанія; путалъ въ свое дѣло всѣхъ, кого только зналъ и видѣлъ въ жизни. Выискался, наконецъ, въ Камышинѣ Троицкаго собора церковникъ, который говорилъ о Шагалѣ, что зналъ его когда-то, двадцать два года назадъ, когда Шагала жилъ въ Балыклейской станицѣ. «Мы съ нимъ вмѣстѣ съ робячества игрывали», говорилъ церковникъ, — «и ему въ то время было около пятнадцати лѣтъ, а кто его былъ отецъ и мать и какова онъ званія и отколь родиною, того я не знаю, да и съ того времени его не видывалъ, и гдѣ онъ имѣлъ жительство, о томъ я неизвѣстенъ.» А Шагала все наговаривалъ да сговаривалъ съ знакомыхъ и незнакомыхъ, съ друзей и недруговъ. Его требовали въ Царицынъ; камышинскія власти не хотѣли отпустить отъ себя разбойника, и только въ октябрѣ 1779 года Шагала былъ перевезенъ въ Царицынъ, гдѣ находился подъ арестомъ его атаманъ. Время шло, а разбойники сидѣли, и слѣдствіе все тянулось. Уже успѣли сформироваться

новыя шайки, новые атаманы вышли на сцену, по городамъ мѣнялись воеводы и коменданты, разбойничьи притоны переносились отъ Волги въ глубь степей, въ лѣсныя балки, грабежи начались на большихъ дорогахъ,—вездѣ былъ еще просторъ для понизовой вольницы,—а Рыжій и его товарищи все сидѣли по царицынскимъ казаматамъ и ждали рѣшенія своей участи. Черезъ полтора года послѣ поимки атамана пойманъ былъ, наконецъ, и его ближайшій товарищъ, Димитрій Легіонный, который еще прежде того былъ разлученъ съ стародубскимъ купцомъ, схваченнымъ за Волгою разъѣздными командами. Потерявъ послѣдняго стараго товарища и побродивъ за Волгой, Легіонный перебрался на нагорную сторону, прошелъ въ свои любимыя мѣста, на Илавлю, и самъ составилъ маленькую шайку. Шатаясь по дорогамъ, онъ напалъ на партію малороссіянъ, ѣхавшихъ въ Камышинъ, и ограбилъ ихъ, захвативъ, по обыкновенію, деньги и другія вещи, казавшіяся ему цѣнными; ограбилъ потомъ казака Караваинской станицы и уже собирался пройти черезъ Царицынъ въ Моздокъ, гдѣ въ то время, на моздокскихъ степяхъ, заводились новыя разбойничьи партіи, начинали раздаваться тѣ удалыя и грустныя пѣсни, которыя два столѣтія пѣлись на Волгѣ и по степямъ саратовскимъ, царицынскимъ и хоперскимъ. Понизовая вольница, въ восьмидесятыхъ годахъ, стала перебираться къ Кавказу, въ южныя равнины донскихъ земель — въ степь моздокскую. Туда-то велъ Легіонный своихъ товарищей, но по пріѣздѣ на рѣчку Мечетную, въ сельцо Никольское, набуянилъ и попался въ руки.

Оставивъ товарищей за селомъ, онъ поѣхалъ въ кабакъ, чтобъ запастись виномъ, напился пьянъ и сталъ показывать свою удаль собравшемуся народу: выстрѣливъ изъ пистолета въ кузницу, онъ возбудилъ ропотъ и навлекъ на себя подозрѣніе; одинъ гусаръ схватилъ подъ уздцы его лошадь, сталъ ругать разбойника, который, «будучи пьяной, осерчась изъ другаго пистолета, заряженнаго мокрымъ пыжомъ, выстрѣлилъ» и попалъ гусару въ голову.... Разбойника тотчасъ же схватили, забили въ колодки и привезли въ Царицынъ. Другіе его товарищи пропали безъ-вѣсти.

Атаманъ Дегтяренко.

Въ теченіе 1780 — 1782 годовъ положеніе дѣлъ въ поволжьѣ мало измѣнилось, хотя, повидимому, много произошло перемѣнъ въ колонизовавшихся тогда приволжскихъ провинціяхъ. Въ сущности перемѣны эти касались только наружной стороны жизни, тогда какъ самая жизнь шла своимъ чередомъ, по старой дорогѣ, представляя мало утѣшительнаго. Старое раздѣленіе Россіи на губерніи замѣнилось новымъ; новыя лица вступили въ управленіе провинціями. Верхняя часть средняго поволжья, вмѣстѣ съ Саратовомъ, Камышиномъ и Царицыномъ, вошла въ составъ вновь-открытаго саратовскаго намѣстничества, правителелемъ котораго назначенъ былъ генералъ-маіоръ Поливановъ; вмѣсто канцелярій явилась «верхняя» и «нижняя расправы»; по наружности измѣнилось многое, — хотя въ расправахъ засѣдали тѣ же лица, которыя были въ канцеляріяхъ, и руководствовались тѣми же правилами, оставались при тѣхъ же понятіяхъ, съ какими родились и воспитались. Жизнь не стала лучше, потому что при-

чины, дѣлавшія ее тяжкою, не были уничтожены съ перемѣною названій и формъ, а такія неблагопріятныя обстоятельства вызывали, конечно, и соотвѣтствующія имъ явленія. Правда, не такъ громко раздавались по Волгѣ разгульныя и въ то же время тоскливыя пѣсни понизовой вольницы, какъ прежде; опытъ научилъ осторожности и терпѣнію; рѣже плавали отъ притона до притона косныя лодки разбойниковъ; рѣже слышалось страшное *сарынь на кичку*; — однако, зло, не было уничтожено въ самомъ корнѣ. Только партіи вольницы сдѣлались не такъ многочисленны, атаманы менѣе популярны и могущественны; крупныя личности исчезаютъ со сцены и на мѣсто ихъ являются простые, робкіе, такъ сказать — мелочные разбойники, жалкіе воры и конокрады. Шайки разбойниковъ разбиваются на мелкіе кружки, удаляются отъ Волги и дѣйствуютъ въ разсыпную. Названіе атамановъ, съ эпитетами «важныхъ», «славныхъ», «продерзкихъ», переходитъ въ менѣе громкое названіе «душегубцевъ», «смертоубійцъ» и проч.

Въ этотъ послѣдній періодъ времени уничтожена была даже попытка на похищеніе царскаго имени; въ восьмидесятыхъ годахъ схваченъ послѣдній самозванецъ, воспользовавшійся для своихъ цѣлей именемъ покойнаго императора Петра III, слесарь и ружейникъ Максимъ Ханинъ [1]), заговоръ котораго задавленъ былъ при самомъ началѣ. Ханинъ и его соумышленники дѣйствовали въ одно время съ атаманомъ Рыжимъ и

[1]) См. томъ I, стр. 268.

въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ дѣйствовала шайка извѣстнаго разбойника. Они даже судились въ Царицынѣ въ одно и то же время, съ тою только разницей, что атаманъ еще сидѣлъ въ казаматѣ, когда самозванецъ былъ уже вывезенъ въ Саратовъ; гдѣ и рѣшилась его участь.

Преемникомъ Рыжаго былъ атаманъ Максимъ Дегтяренко, едва ли не послѣдній намъ извѣстный народный агитаторъ прошлаго вѣка. Въ его шайкѣ были лица, знавшія Рыжаго и дѣйствовавшія съ нимъ вмѣстѣ. Они почти одновременно и погибли. Дегтяренко, подобно прочимъ предводителямъ понизовой вольницы, былъ изъ военныхъ людей, и только горькая жизнь, испытанная имъ во время дезертированія, заставила его сдѣлаться разбойникомъ. Вольницу преимущественно составляли казаки и всякій сбродъ людей, вышедшихъ изъ верховыхъ городовъ, гдѣ жизнь была еще тяжеле, положеніе еще безвыходнѣе, чѣмъ въ поволжьѣ; ядро вольницы составляли собственно бурлаки и переселенцы — малороссіяне. Изъ малороссіянъ былъ и послѣдній поволжскій атаманъ, имя котораго сохранилось въ забытыхъ провинціальныхъ архивахъ, Максимъ Дегтяренко, и который родился въ «гетманщинѣ», въ острогожскомъ полку, въ слободѣ Отготяновой. Въ 1778 году онъ былъ отданъ въ «москали», то-есть взятъ въ рекруты и поступилъ въ гусары въ острогожскій гусарскій полкъ. Само собою разумѣется, что военная жизнь для посполитаго малоросса показалась тяжкою и невыносимою; воинскіе порядки, которымъ съ трудомъ подчинялся даже и «россійскій», привыкшій ко всему, людъ, были нестерпимы для малоросса, знавшаго, хотя

по наслышкѣ, о «звычаяхъ казаковъ запорожскихъ». Дегтяренко не могъ примириться съ военною жизнью и бѣжалъ. Онъ прошелъ въ землю донскихъ казаковъ и началъ шататься съ мѣста на мѣсто да пріискивать себѣ работы и пропитанія; жилъ онъ недолго у одного донскаго полковника, на рѣчкѣ Чирахъ, а оттуда вздумалъ пройти въ славное повольжье, гдѣ, какъ онъ слышалъ, легко жилось на волѣ всякой голытьбѣ, и гдѣ голытьба наживала немалыя деньги разбойными промыслами. Скоро Дегтяренко увидѣлъ и поволжье, и широкую Волгу, и понизовую вольницу, и нашелъ, что вольница — та же оборванная и бездомная голытьба, и что деньги и здѣсь наживаются нелегко, тѣмъ болѣе, что онъ пришелъ на Волгу, когда уже миновала пора поволжскихъ разбоевъ и о знаменитыхъ атаманахъ оставалась только память въ народѣ да слова въ пѣсняхъ, годъ отъ году искажавшихся. Дегтяренко, не останавливаясь долго ни въ одномъ селеніи и не приставая ни къ одной шайкѣ, которыя еще изрѣдка появлялись выше Камышина, прошелъ въ качествѣ бродяги до колоніи Верхней Добренки и поселился тамъ на время. Здѣсь онъ нашелъ одного малороссіянина, не имѣвшаго, подобно всей вольницѣ, ни кола, ни двора; малороссіянинъ этотъ рылъ для себя землянку и принялъ Дегтяренка къ себѣ въ товарищи. Эти землянки составляли обыкновенное жилище осѣдлой вольницы; перекочевывая съ мѣста на мѣсто, бурлаки на зиму вырывали себѣ въ землѣ ямы и, покрывъ ихъ хворостомъ и дерномъ, жили до свѣтлыхъ весеннихъ дней. Въ этихъ землянкахъ была страшная бѣдность; сюда

принимались всѣ безпаспортные и подозрительные люди, воры и атаманы, не успѣвшіе на зиму запастись хорошимъ притономъ и теплой избой. Такія землянки вырыты были по всему поволжью, около городовъ и селеній, вблизи торговыхъ пристаней и въ самой дикой глуши. Въ такой же ямѣ поселился и Дегтяренко, въ ожиданіи лучшей доли, которой онъ пришелъ искать въ поволжьѣ, назвавшись выходцемъ изъ Николаевской малороссійской слободы, что противъ Камышина.

Обманувшись на счетъ привольной жизни въ поволжьѣ, Дегтяренко не сталъ жить праздно и сдѣлался швецемъ и кожевникомъ, выдѣлывалъ овчины, шилъ шубы и кафтаны. Мѣстныя власти не обращали на него вниманія, потому что бродяги иногда были люди не безполезные, а въ случаѣ преслѣдованія ихъ становились страшными мстителями. Какой-то коммиссаръ, находившійся въ Добренкѣ, маіоръ Александръ Алферовичъ Пиль, взялъ даже Дегтяренка къ себѣ въ услуженіе, и будущій атаманъ находился у него полтора года въ качествѣ казака, пока зависимая жизнь деньщика не надоѣла бродягѣ, какъ и военная служба. Въ полтора года Дегтяренко могъ узнать обычаи поволжской вольницы, познакомиться съ краемъ и его обитателями, насколько это нужно было знать будущему вождю шайки. Въ 1780 году Дегтяренко сталъ думать о наборѣ партіи, открылъ свои планы неизвѣстному бродягѣ, бывшему въ Добренкѣ табунщикомъ, Ивану Губченко, малороссіянину же, и съ начала весны этого года они бѣжали изъ Добренки въ медвѣдицко-бузулуцкія степи. Не имѣя ни опредѣленнаго плана, ни то-

варищей, они должны были на время оставаться все еще батраками, выжидать охотниковъ, запасаться на подъемъ деньгами, лошадьми и оружіемъ. Вслѣдствіе этого они прошли на хутора Березовской станицы, къ казаку Каменному [1]), который, не смотря на то, что зналъ о ихъ намѣреніяхъ, охотно принялъ бродягъ къ себѣ въ работники. Цѣлое лѣто бѣглецы косили у него сѣно, отбывали всѣ другія работы, зимой плотничали, а на весну 1781 года уже готовы были, чтобъ идти въ разбой. У Каменнаго они сошлись съ старымъ разбойникомъ Алешкой Поповичемъ, или Бурыкинымъ, который говорилъ о себѣ, что онъ «*съ Дону, чинить разбои, гдѣ тамо случиться*», и притомъ оказался человѣкомъ грамотнымъ, могшимъ справлять должность секретаря и въ случаѣ надобности писать своей шайкѣ какіе угодно виды и паспорты. Дегтяренко подобралъ еще одного товарища, который шатался въ окрестностяхъ и готовъ былъ на всякое сомнительное дѣло. Разбойники добыли себѣ лошадей, которыхъ захватили въ первомъ попавшемся табунѣ, приготовили оружіе, съ которымъ и прежде того охотились въ свободное время. Каменный снабдилъ ихъ порядочнымъ количествомъ пороху, а Алешка Поповичъ написалъ паспорты, сообразно съ наружностью каждаго [2]). Прежде шайки вмѣ-

---

[1]) Это тѣ самые хутора, гдѣ нѣсколько лѣтъ передъ симъ скрывался разбойничій атаманъ Буковъ (въ «урочищѣ Черни», у монаха Льва).

[2]) Пули разбойниками не всегда употреблялись литыя, круглыя, но часто стрѣляли *жеребьями*,—продолговатыми и граненными пулями, грубо нарѣзанными изъ свинца, которыя, впрочемъ, на близкомъ разстояніи, били едва ли не удачнѣе овальныхъ. За неимѣніемъ пуль они употребляли въ дѣло и крупную дробь съ чѣмъ-нибудь смѣшанную. Одинъ

щали въ себѣ иногда десятки и сотни разбойниковъ; но съ тѣхъ поръ, какъ понизовая вольница обратила на себя всеобщее вниманіе, большія партіи были слишкомъ подозрительны, скоро волновали населеніе, привлекали вооруженную силу изъ мѣстныхъ полковъ и баталіоновъ, и потому атаманы уже не рѣшались выходить въ поле съ толпою бродягъ конныхъ и пѣшихъ, а начинали разбой ничтожными партіями, отъ пяти до десяти человѣкъ, и легко избѣгали преслѣдованій, потому что легко укрывались во всякомъ оврагѣ и во всякомъ болѣе или менѣе густомъ кустарникѣ. Въ этихъ видахъ и Дегтяренко взялъ съ собой столько товарищей, сколько казалось нужнымъ. Они прежде всего отправились на красноярскія степи, о которыхъ мы говорили выше, въ разсказѣ о разбояхъ шайки Рыжаго. Въ тридцати верстахъ отъ Краснаго Яру, за Медвѣдицей, находилось удобное мѣсто для притона, глубокія ложбины «разсыпнаго буерака», мимо котораго шли проѣзжіе тракты. Для своихъ временныхъ становъ разбойники обыкновенно избирали, когда производили степные разбои, ровныя и возвышенныя мѣста, съ ложбинами или балками, заросшими мелкимъ лѣсомъ; предпочитались большею частію степи проѣзжія, покрытыя высокими курганами, которые могли бы служить сторожевыми пикетами, и гдѣ бы проходили торговыя дороги. [1])

изъ шайки Дегтяренка, разбойникъ Мирошниковъ (бывшій прежде подъ начальствомъ атамана Рыжаго), стрѣлялъ дробью, смѣшанною съ *пуговицами*, вѣроятно, металлическими.

[1]) До настоящаго времени указываютъ въ поволжьѣ на такія мѣст-

Отъ времени до времени Дегтяренко выѣзжалъ изъ разсыпнаго буерака на степь и разбивалъ проѣзжихъ, а потомъ снова уходилъ въ свой безопасный станъ. Ограбивъ чумаковъ-малороссіянъ, ѣхавшихъ въ Камышинъ съ солью, и взявъ у нихъ деньги, разбойники снова поворотили къ югу искать болѣе удобныхъ для разбоя мѣстъ и пріѣхали въ землю донскихъ казаковъ, въ мѣста, знакомыя Алешкѣ Поповичу. Впрочемъ, они почти вездѣ находили радушный пріемъ, особенно у малороссіянъ и казаковъ, потому что за пріютъ платили щедро, а въ случаѣ отказа и сопротивленія мстили всѣми возможными средствами. Такой пріютъ они нашли и въ донскихъ земляхъ, близъ Медвѣдицы на Даниловскихъ хуторахъ, гдѣ и прожили у одного малороссіянина недѣли три, отдыхая послѣ продолжительныхъ переѣздовъ. Собравшись съ силами, они опять поѣхали къ сѣверу и, колеся по всѣмъ проѣзжимъ дорогамъ, успѣли въ короткое время совершить нѣсколько разбоевъ на рѣчкѣ Латрыкѣ, ниже колоніи Поповки, потомъ за Медвѣдицей у краснаго куста и недалеко отъ Рудни, куда въ то время народъ собирался на ярмарку. Но притонъ въ разсыпномъ буеракѣ предпочитался всѣмъ мѣстностямъ, и Дегтяренко отъ Рудни опять по-

---

ности, усѣянныя курганами, изъ которыхъ многіе и теперь носятъ названіе «разбойныхъ могилъ» или кургановъ. Со многими соединяются имена славныхъ разбойниковъ, или убитыхъ тамъ, или жившихъ тамъ постоянно, или, наконецъ, прославившихся какимъ-нибудь героическимъ или злодѣйскимъ поступкомъ. На курганахъ, говорятъ, разбойники ставили шесты съ соломою, зажигая которую, часовые извѣщали своихъ товарищей или о приближеніи разъѣздныхъ командъ, или о проѣздѣ обозовъ съ товарами.

велъ своихъ товарищей къ старому стану. На дорогѣ охотою присталъ къ нимъ еще одинъ разбойникъ, выѣзжалъ потомъ вмѣстѣ съ ними на разбой, когда грабили какихъ-то проѣзжихъ, жилъ нѣсколько дней въ станѣ разсыпнаго буерака и въ одну ночь, неизвѣстно по какой причинѣ, тайно скрылся отъ товарищей. Скучая однообразною жизнью въ станѣ, разбойники вновь покинули его, посѣтили своего прежняго хозяина, казака Каменнаго, отдохнули у него нѣсколько дней, вновь собрались и отправились на промыселъ. Въ эту поѣздку они успѣли перебывать во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только разсчитывали на удачный грабежъ и куда только могли донести ихъ кони, измученные безпрестанными странствованіями по степямъ съ одного тракта на другой. Теперь разбойники поѣхали по направленію къ Илавлѣ, гдѣ прежде была такая привольная жизнь для воровскихъ людей, и переѣхали Разщепной буеракъ, не менѣе Разсыпнаго удобный для розбойничьихъ притоновъ, ночлеговъ и дневокъ. Въ колоніи Грязнухѣ они посѣтили знакомаго нѣмца (которые замѣтимъ кстати, въ прошломъ вѣкѣ не отличались особыми гражданскими доблестями и водили иногда дружбу съ разбойниками, хотя сами не годились для разбоя, и, сколько намъ извѣстно, ни разу имя колониста не встрѣчается въ цѣлой сотнѣ именъ, принадлежавшихъ къ понизовой вольницѣ); пьянствовали у него въ гостяхъ, дарили его награбленными вещами и деньгами и совѣтовались съ нимъ о предстоящихъ разбояхъ, о мѣстахъ удобныхъ для притоновъ и проч. Колонистъ указалъ имъ станъ въ буе-

ракѣ, пріѣзжалъ потомъ самъ къ нимъ, снабжалъ ихъ хлѣбомъ, пьянствовалъ съ ними и вообще дѣлалъ все, что могъ бы только сдѣлать самый ловкій становщикъ. Неудивительно, что въ колоніи Верхней Добренкѣ, гдѣ два года прожилъ Дегтяренко батракомъ и куда теперь привелъ своихъ товарищей, какъ атаманъ шайки, онъ нашелъ пріютъ даже между нѣмцами, изъ которыхъ одинъ принялъ разбойниковъ въ своемъ домѣ, зарѣзалъ для нихъ барана, какъ для дорогихъ и опасныхъ гостей, и дозволилъ имъ переночевать у себя.

Но разбойникамъ не сидѣлось на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что самыя выгоды ихъ требовали постоянной перемѣны мѣста, постояннаго мыканья по свѣту. Волга не могла привлечь къ себѣ «полевыхъ» разбойниковъ; условія поволжскихъ разбоевъ были не тѣ, что полевыхъ; въ полѣ теперь было больше простора, — и они оставили Добренку для своихъ степей, отъ Волги повернули къ Медвѣдицѣ, переѣхали эту рѣку у Рудни, порыскали по бузулуцкимъ степямъ, гдѣ присталъ къ нимъ, «изъ своей воли», невѣдомый человѣкъ, такой же, какъ и они, разбойникъ, называвшійся бѣглымъ солдатомъ, и въ третій разъ пріѣхали на отдыхъ къ казаку Каменному. Они требовали отдыха, и лошади были изнурены не меньше своихъ наѣздниковъ, такъ, что нужно было или оставаться на хуторѣ у Каменнаго до ихъ поправленія, или взять свѣжихъ коней для новыхъ экспедицій. Каменный позволилъ имъ взять лошадей изъ своего табуна, потому что за все это разбойники платили щедро, и Дегтяренко, не покидая хутора, успѣлъ сдѣлать удачный набѣгъ

на проходившій тамъ изъ Малороссіи обозъ и ограбить его. Вѣроятно, подъ руководствомъ Алешки Поповича, они предприняли оттуда походъ въ глубь донскихъ земель и, доѣхавъ до Филиповской станицы, прожили съ мѣсяцъ у становщика Чоблова, но, дѣлали ли тамъ какіе-нибудь набѣги, — неизвѣстно. Знаемъ только, что, наградивъ становщика порядочной суммой денегъ, они оставили донскую землю и направились къ Саратову, не опасаясь войскъ и разъѣздовъ, которыхъ тамъ было достаточно. Впрочемъ, они скрывались у села Ахмата, въ безопасныхъ буеракахъ, гдѣ и въ настоящее время, во второй половинѣ XIX вѣка, часто скрывались шайки бродягъ и военныхъ дезертеровъ и по временамъ выѣзжали на дорогу для наблюденія за проѣзжими. Тамъ напали они на какого-то офицера, ѣхавшаго изъ Астрахани, и взяли у него, «безъ всякихъ побоевъ», порядочную сумму денегъ, платье и нѣсколько серебряныхъ вещей, раздѣлили все это между собой и лишнее спрятали недалеко отъ своего притона, въ стогѣ сѣна.

Выше мы говорили, что въ числѣ разбойниковъ шайки Рыжаго сидѣли въ царицынскихъ казаматахъ колодники Димитрій Легіонный и Иванъ Мирошниковъ. Во время послѣднихъ грабежей Дегтяренка разбойники эти успѣли обмануть стражу и бѣжать изъ Царицына. Впрочемъ, побѣгъ имъ удался только при помощи конвойнаго солдата, съ которымъ они заблаговременно условились объ этомъ. Въ одно время арестантовъ выслали на казенную работу — носить землю на крѣпостной валъ, и колодники вмѣстѣ съ конвойнымъ

пошли «выпить по чаркѣ вина». Тайно отъ капрала (признавался послѣ Мирошниковъ) они пробрались въ Спасскій питейный домъ, «выпили всѣ трое алтына на два вина; потомъ, взявъ на базарѣ хлѣба и калачей, всѣ, какъ согласились бѣжать, оставя солдатъ,... пошли вверхъ по Царицѣ-рѣчкѣ». Бѣглецы явились на знакомые имъ Пичужинскіе хутора и прямо пришли въ домъ къ поляку Мукосѣеву, который, какъ мы видѣли, судился вмѣстѣ съ прочими разбойниками шайки Рыжаго и, неизвѣстно по какой причинѣ, былъ выпущенъ изъ тюрьмы. Едва Мукосѣевъ увидѣлъ бѣглецевъ, какъ объявилъ, что ихъ уже ищутъ, и велѣлъ на время укрыться въ лѣсу. Скоро прискакалъ изъ Царицына офицеръ, посланный за Мирошниковымъ и Легіоннымъ, все высмотрѣлъ въ домѣ Мукосѣева, но бѣглыхъ не нашелъ и долженъ былъ воротиться въ городъ. Тогда они, сбивъ съ ногъ послѣдніе остатки желѣзъ, покинули хуторъ и вышли въ степь, гдѣ ихъ уже трудно было поймать самому многочисленному разъѣзду. У Сажина (конвойнаго) были свои планы и намѣренія, и потому онъ разстался съ разбойниками, думая пройти въ Москву, а Легіонный и Мирошниковъ пошли искать счастья въ старомъ, привычномъ ремеслѣ, тѣмъ болѣе, что о медвѣдицкихъ разбойникахъ ходили уже слухи въ поволжьѣ, а слѣдовательно, и можно было присоединиться къ одной изъ медвѣдицкихъ партій. Дѣйствительно, имъ недолго пришлось искать атамана, потому что Дегтяренко, послѣ разбоевъ у Ахмата, когда приставшій къ нему въ бузулукскихъ степяхъ неизвѣстный разбойникъ оставилъ его шайку, опять на-

правился къ Илавлѣ и самъ встрѣтился съ бѣглецами у Разщепнаго буерака. Легіонный и Мирошниковъ охотно пошли въ его шайку, и Дегтяренко повелъ ихъ въ свой станъ, гдѣ и оставилъ на время «за неисправностію», а самъ съ прочими товарищами, отдохнувъ въ станѣ только четыре часа, снова выѣхалъ въ поле и снова проѣзжалъ въ сутки сотни верстъ, навѣдывался во всѣ захолустья, рыскалъ по всѣмъ проѣзжимъ тропамъ и дорожкамъ, точно для его маленькой шайки и не существовало усталости. Насъ удивляетъ эта неутомимая подвижность шайки Дегтяренка и ея необыкновенная отвага, когда, въ числѣ четырехъ человѣкъ, разбойники никому не давали покоя, не пропускали ни одного проѣзжаго и прохожаго, ни одного чумацкаго и купеческаго обоза. Сегодня ихъ видѣли въ одномъ мѣстѣ, а на другое утро Дегтяренко появлялся уже за сто верстъ отъ него; въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ разбойники успѣли сдѣлать нѣсколько тысячъ верстъ, только не болѣе трехъ разъ перемѣняя усталыхъ коней свѣжими. Не смотря на однообразіе разсказа объ этихъ походахъ, записаннаго со словъ самого атамана и нѣкоторыхъ его товарищей, разсказъ этотъ, при всей простотѣ и краткости, живо характеризуетъ описываемую нами годину и, при всей видимой сухости, много говоритъ воображенію, переносящемуся въ эту любопытную эпоху, со времени которой прошло не болѣе восьмидесяти лѣтъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи съ Легіоннымъ и Мирошниковымъ, мы уже видимъ Дегтяренка на Волгѣ, въ Золотовской волости, издавна извѣстной

разбойничьими притонами. Въ Золотовской волости всего болѣе свирѣпствовали толпы пугачовской вольницы, къ которымъ присоединились крестьяне и разбойники этой волости, гористая и лѣсистая мѣстность которой всегда давала убѣжище многочисленнымъ партіямъ бродягъ. Около села Золотова Волга представляла самое опасное мѣсто для каравановъ; въ этой волости поволжскіе разбойники соединялись съ полевою вольницею и были непобѣдимы. Сюда же пріѣзжалъ на время и Дегтяренко, гдѣ оставался не болѣе двухъ сутокъ у становщика Дутика, въ Щербаковскомъ хуторѣ. Здѣсь же, недалеко отъ колоніи Моръ, партія Дегтяренка встрѣтилась на степи съ проѣзжавшими крестьянами какого-то помѣщика Салтыкова, которые, впрочемъ, смѣло отразили первое нападеніе разбойниковъ ружейными выстрѣлами. Но когда завязалась перестрѣлка, разбойники побѣдили проѣзжихъ и ограбили. Во время схватки раненъ былъ товарищъ Дегтяренка, Иванъ Губченко, въ горло и въ руку; со стороны проѣзжихъ раненъ одинъ мужикъ, которому разбойники прострѣлили ногу. «И послѣ, говорилъ Дегтяренко, отъ нихъ взявъ, *безъ всякихъ уже побоевъ*, денегъ ассигнаціями пятьдесятъ, мелкими двадцать пять рублевъ, одно ружье, два пистолета, тулупъ нагольной одинъ, рубашекъ мужскихъ три, поѣхали къ рѣчкѣ Горючкѣ.» На рѣчкѣ Горючкѣ находился становщикъ ихъ, табунщикъ Буровъ, у котораго разбойники имѣли притонъ, укрываясь въ буеракѣ. Здѣсь они рѣшились отдохнуть и съ помощью Бурова узнать, что̀ говоритъ о нихъ народная молва. Пустивъ лошадей въ табунъ Бурова,

разбойники залегли въ станѣ, а Буровъ отправился въ Саратовъ для развѣдыванія относительно слуховъ и для закупки пороху и вареныхъ кремней къ оружію; раненый Губченко лечилъ между тѣмъ свои увѣчья. Скоро воротился и Буровъ съ покупками и сказалъ разбойникамъ: «Слышно про васъ въ Саратовѣ». Тогда разбойники, побывъ въ станѣ нѣсколько дней и «чрезъ то поправя себя», пустились въ путь и тутъ же, на рѣчкѣ Горючкѣ, напали на партію татаръ, ѣхавшихъ изъ Саратова, отняли у нихъ деньги, восемь лошадей и потомъ поворотили къ Медвѣдицѣ. Въ селѣ Рыбушкѣ, на мельницѣ, они пьянствовали у знакомаго мельника; одаривъ его деньгами и вещами, поѣхали искать оставленныхъ ими Легіоннаго и Мирошникова, которые между тѣмъ пріобрѣли себѣ лошадей, успѣли вооружиться, запаслись порохомъ и другими необходимыми принадлежностями.

Но едва партія Дегтяренко съѣхалась съ Легіоннымъ и Мирошниковымъ, у Разщепнаго буерака, какъ была атакована вооруженными мужиками, высланными противъ разбойниковъ изъ ближайшихъ селеній, потому что молва о разбояхъ распространялась съ каждымъ днемъ, всѣ ожидали нападеній Дегтяренко и никто не былъ безопасенъ ни дома, ни въ полѣ. Между разбойниками и мужиками произошла жаркая схватка, во время которой, *между штурмою*, какъ говорилъ самъ Дегтяренко, разбойники убили четырехъ мужиковъ и окончательно отразили нападеніе, не давшись въ руки крестьянамъ. Можно вообразить, какъ отчаянно защищались разбойники, когда на мѣстѣ схватки оста-

лось четыре мертвыхъ тѣла и, безъ сомнѣнія, нѣсколько раненыхъ, а между тѣмъ какъ можно догадываться изъ словъ Дегтяренка, съ нимъ было только три товарища: Алешка Поповичъ, Легіонный и Мирошниковъ. Губченко, раненый еще прежде, до этой схватки, и послѣдній разбойникъ этой шайки, ѣздили къ Ахмату, чтобъ захватить серебро и другія вещи, награбленныя тамъ и спрятанныя въ стогѣ сѣна. Впрочемъ, если въ дѣлѣ были и всѣ шесть человѣкъ, то и въ такомъ случаѣ безъ особенной храбрости они не могли отбиться отъ вооруженной высылки, не поплатившись кѣмъ-либо изъ товарищей; а между тѣмъ «штурма» кончилась безъ всякой потери со стороны разбойниковъ, по крайней мѣрѣ, изъ документовъ не видно, чтобы кто-нибудь изъ нихъ былъ убитъ или раненъ. Однако, какъ ни счастливы были разбойники, слухи о нихъ дѣлались все громче и громче. Дегтяренко не могъ не понимать опасности своего положенія: но, при всемъ томъ, онъ какъ будто презиралъ опасностью и не покидалъ степей, можетъ быть, разсчитывая на малочисленность своей шайки, съ которой онъ могъ вездѣ быть незамѣтенъ, или на многочисленность становщиковъ, которые могли укрыть его въ самую критическую минуту. Какъ бы то ни было, но и послѣднее происшествіе не остановило его, а какъ будто прибавило въ немъ дерзости и безумной отваги. Онъ видитъ, что лошади его товарищей истомлены отъ частыхъ переѣздовъ, и немедленно нападаетъ на табунъ, разгоняетъ табунщиковъ и беретъ свѣжихъ коней; ему не удавалось до сихъ поръ произвести разбоя въ тѣхъ

мѣстахъ, гдѣ ходили шайки его предшественниковъ, и онъ проводитъ свою шайку по всему протяженію Илавли и выводитъ ее къ низовьямъ Медвѣдицы, на рѣчку Арчаду; смѣло онъ является въ хуторъ походнаго эсаула Маневскаго и даритъ ему, неизвѣстно за что, «отъ своей артели денегъ пятнадцать рублевъ да двѣ лошади», живетъ у него свободно нѣсколько дней и тутъ же вознаграждаетъ себя тѣмъ, что около самаго хутора беретъ изъ табуна четыре лошади. Онъ начинаетъ сорить деньгами и всѣмъ награбленнымъ имуществомъ; до сихъ поръ онъ щедро награждалъ становщиковъ и всѣхъ, у кого гостилъ, — такъ онъ платилъ довольно большія, по тому времени, деньги на Даниловскихъ хуторахъ, колонистамъ въ Грязнухѣ и и Верхней Добренкѣ, своему прежнему хозяину Каменному, становщику Филановской станицы Коблову, становщику на Щербаковскомъ хуторѣ, табунщику Бурову, его товарищу, потомъ мельнику въ селѣ Рыбушкѣ, наконецъ, походному эсаулу Маневскому; теперь онъ сталъ платить еще щедрѣе: направившись съ Арчады, вверхъ по Медвѣдицѣ, и пріѣхавъ къ Каменному, онъ даетъ ему лошадей, денегъ и тутъ же, отъѣхавъ нѣсколько верстъ вверхъ по Медвѣдицѣ и своротивъ въ сторону, грабитъ мужиковъ, которые ѣхали на Донъ, и самъ скачетъ къ Дону, является къ прежнему становщику Коблову и отдаетъ ему захваченныя у проѣзжихъ деньги; снова ѣдетъ въ предѣлы саратовскаго намѣстничества, грабитъ или «усильнымъ образомъ» беретъ, что ему нужно на мельницѣ, на рѣчкѣ Латрыкѣ; а черезъ нѣсколько времени мы ви-

димъ его уже у становщика Бурова, переносившаго разбойникамъ вѣсти о томъ, что говорилось и дѣлалось вокругъ и какіе слухи ходили о Дегтяренкѣ. — «За вами послана высылка», сказалъ имъ на этотъ разъ Буровъ, и разбойники должны были, наконецъ, подумать о своемъ спасеніи.

Но и послѣ этого Дегтяренко дѣйствуетъ такъ же странно, какъ и прежде. Вмѣсто того, чтобы спасаться, онъ ѣдетъ почти прямо къ Саратову, выводитъ свою партію на Волгу, поворачиваетъ на югъ, заходитъ на Буркину ватагу, чтобы запастись хлѣбомъ, скачетъ къ Камышину и на дорогѣ посѣщаетъ колонію Добренку, гоститъ у знакомаго колониста, даритъ его деньгами, снова возвращается вверхъ по Волгѣ, платитъ деньги на Щербаковскомъ хуторѣ и, наконецъ, опять является къ Бурову, въ свой давнишній притонъ. Видно, что онъ уже дѣйствуетъ безъ цѣли, бросается въ разныя мѣста и ищетъ исхода; его преслѣдуютъ слухи, говоръ; ему грозятъ высылки; степи становятся не безопасны, укрыться негдѣ, надо разстаться съ шайкой, или попасться въ руки разъѣзднымъ командамъ. Оставалось три дороги: броситься въ глубь Россіи, — но тамъ еще опаснѣе, чѣмъ въ поволжьѣ; пройти въ «гетманщину», какъ онъ и думалъ, — но это было не такъ легко; бѣжать за Волгу — это всего возможнѣе. Приходилось принять, хотя на время, послѣднее рѣшеніе. Дегтяренко, покинувъ въ своемъ станѣ товарищей, лошадей и оружіе и, простившись съ становщикомъ Буровымъ, взялъ съ собой одного Губченко, и вдвоемъ пошли по направленію къ Волгѣ. Выше села Синень-

каго они переѣхали на луговую сторону въ ловецкой лодкѣ и пришли въ колонокъ Козицкій, гдѣ и думали переждать самое опасное время поисковъ разъѣздныхъ командъ. Губченко имѣлъ съ собой два паспорта, и разбойники явились съ ними къ старостѣ, который и позволилъ имъ остаться въ колоніи. Но Дегтяренко не могъ ужиться покойно ни на одномъ мѣстѣ, потому что съ вольной жизнью привились къ нему такія привычки, которыя, рано или поздно, должны были погубить его. Нажитыя грабежемъ деньги доставляли ему свободный доступъ во всѣ кабаки, а въ кабакахъ заводились знакомства, и въ пьяномъ видѣ говорилось многое, что не легко сказалось бы при другихъ обстоятельствахъ. Кабакъ свелъ Дегтяренко съ такими людьми, которые выдали тайну его занятій и едва не погубили его. — Онъ поилъ всѣхъ безъ разбора и также безъ разбора сорилъ деньгами, привлекая тѣмъ вниманіе мѣстныхъ властей. Такъ, между прочимъ, «будучи въ питейномъ домѣ, говоритъ Дегтяренко, по знакомству свидѣлись мы Покровской малороссійской слободы атамана Степана Мартыненко съ племянникомъ, которой отъ насъ выпилъ чарку вина, на вопросъ сказалъ, что де скоро пріѣдетъ въ свои хутора дядя ево, атаманъ, а мы притомъ его просили, естли пріѣдетъ, то бъ онъ къ намъ побывалъ въ колонокъ, которой на четвертый день пріѣхавъ пилъ вмѣстѣ, а между тѣмъ я и Губченко дали ему, атаману Мартыненку, въ подарокъ четыре рубли денегъ». Вѣроятно, разбойники желали задобрить подаркомъ атамана, однако, напрасно. Черезъ нѣсколько дней

Мартыненко явился въ колонію съ вооруженными людьми и захватилъ разбойниковъ. Произошла страшная суматоха, крикъ пошелъ по всей колоніи, «сдѣлался великій шумъ и сбѣжалось много колонистовъ». По праву гостепріимства, колонисты отняли разбойниковъ у Мартыненко и повезли ихъ въ другую колонію, къ военному начальнику, для освидѣтельствованія паспортовъ. Но Дегтяренко спасся и въ этомъ случаѣ, потому что паспорты оказались неподозрительными, личности разбойниковъ не внушали никакого сомнѣнія на счетъ ихъ благонамѣренности, и разбойники были отпущены. Но послѣ того и за Волгой оставаться было не безопасно и разбойникамъ приходилось думать о гетманщинѣ, куда они прежде желали пробраться. Снова переѣхали они на горную сторону Волги и снова побрели къ стану, къ табунщику Бурову, гдѣ и нашли оставленныхъ товарищей. Не было другаго исхода, какъ покинуть саратовское намѣстничество, разстаться съ поволжьемъ, гдѣ окончательно погибала понизовая вольница, и искать новыхъ мѣстъ для удалыхъ похожденій. Притомъ время приближалось къ концу лѣта, всѣ поля были заняты народомъ, убиравшимъ хлѣбъ, жизнь у становщиковъ оказалась невозможною, и Дегтяренко рѣшился разстаться съ товарищами навсегда.

Въ сентябрѣ 1781 года Дегтяренко въ послѣдній разъ вывелъ въ поле свою шайку и, доведя ее до истоковъ рѣчки Бузулука, распустилъ товарищей въ разныя стороны. Съ нимъ остался только Мирошниковъ, да и тотъ, потерявъ всякую возможность остаться

въ поволжьѣ, гдѣ его знали еще со времени разбоевъ атамана Рыжаго, думалъ пройти на Терекъ, въ моздокскія степи, куда стала мало-по-малу перебираться понизовая вольница, и гдѣ еще можно было погулять и поголодать на свободѣ. Но Дегтяренко помнилъ свою далекую родину, «гетманщину», какъ онъ ее называлъ, и, разставаясь съ поволжьемъ, гдѣ шатался безпріютнымъ бродягой и голодалъ, и ходилъ въ лохмотьяхъ, и терпѣлъ униженіе, гдѣ, наконецъ, владствовалъ въ небольшомъ кругу, надѣлалъ шуму и тревоги, и хотѣлъ увести съ собой Мирошникова [1]). Однако, намѣренія ихъ не исполнились: Алешка Поповичъ, котораго они нашли потомъ на одномъ изъ Бузулуцкихъ хуторовъ и просили написать имъ паспорты для проѣзда въ Малороссію, былъ схваченъ казаками и предалъ товарищей. Хотя они и были пойманы безъ оружія; однако, скоро отыскалось и оружіе, которое они успѣли было скрыть [2]). Разбойниковъ сначала повезли на судъ въ

---

[1]) «Намѣренъ былъ (Мирошниковъ), отыскавъ билетъ проѣхать для празднаго жительства на Терекѣ, который (Дегтяренко) ему выговорилъ: «Поѣдемъ-де на Бузулукъ и тамъ сыщемъ себѣ подорожную. Обѣщался ево съ собой провесть въ гетманщину.»

[2]) «По доказательству казака Луки Минаева въ стогу вынуто ево, Кузнецова (такъ назывался Мирошниковъ послѣ побѣга изъ царицынской тюрьмы), снаряду два ружья, пистолетъ, казачья лядунка, да труска черепашья, егарская, охотничья красной кожи потронница и съ двадцатью тремя порохомъ наполненными патронами и вложенною въ нихъ смѣшанною съ пуговками дробью, одна казачья шашка, два дротика, полтора фунта въ мѣшкѣ пороху; снятъ съ него кафтанъ синей китайки, избита лѣвая пола пулею, а сзади дробью, да синей толстаго сукна азямъ, шапка жаркова сукна, что все значитца къ подозрѣнію реченнаго Кузнецова, кромѣ Дехтярева, коего разбойнической снарядъ взятъ особо въ куренѣ казака Кобтова,» знакомаго намъ становщика.

Черкаскъ, но съ дороги воротили въ Саратовъ, гдѣ Дегтяренко, послѣ «пристрастнаго» допроса, сознался въ своихъ преступленіяхъ. Но Алешка Поповичъ и Мирошниковъ, не смотря на допросъ подъ «пристрастіемъ батоговъ» и на увѣщанія судей и священника, не хотѣли открыть всего, въ чемъ были виновны.

Такъ какъ Мирошниковъ принадлежалъ нѣкогда къ шайкѣ атамана Рыжаго, а онъ до сихъ поръ сидѣлъ въ царицынской тюрьмѣ и судился вмѣстѣ съ прочими соучастниками своихъ похожденій, то и Мирошникова привезли въ Царицынъ, а Дегтяренка и Алешку Поповича отослали въ мѣста ихъ родины. Уже въ концѣ 1782 года кончился судъ надъ царицынскими арестантами, преступленія которыхъ подведены были подъ слѣдующія статьи законовъ.

По Соборному Уложенію, главы 2, ст. 4. «А будетъ кто умышленіемъ и измѣною городъ зажжетъ или дворы и въ то время или послѣ того зажигальщикъ изыманъ будетъ и сыщетца про то ево воровство допряма, и его самого зжечь безъ всякаго милосердія». Гл. 10, ст. 228. «А будетъ кто нѣкія ради вражды или разграбленія зажжетъ у кого дворъ и послѣ того онъ будетъ изыманъ и сыщется про него допряма, что пожаръ онъ учинилъ нарочнымъ дѣломъ, и такова зажигальщика казнити зжечь.

Гл. 21, ст. 16. «А будетъ приведутъ разбойника и его пытать, да будетъ онъ съ пытки повинитца, что онъ разбивалъ впервые, а убивства не учинилъ, и у того разбойника за первый разбой послѣ пытки отрѣзать правое ухо да въ тюрьмѣ сидѣть три года, а

животы его отдати въ выти исцамъ, а изъ тюрьмы выимая его, посылати въ кандалахъ работать всякое издѣлье, гдѣ государь укажетъ, а какъ онъ въ тюрьмѣ три года отсидитъ, послати въ украйные городы, гдѣ государь укажетъ, и велѣти ему въ украйныхъ городахъ быти въ какой чинъ пригодитца и дать ему по тому же письмо за дьячьею приписью, что онъ за свое воровство въ тюрьмѣ урочные годы отсидѣлъ и изъ тюрьмы выпущенъ.»

Ст. 12. «А которые разбойники говорятъ на себя въ распросѣ и съ пыткою, что они были на одномъ разбоѣ, да на томъ же разбоѣ учинили убивство или пожгли дворы или хлѣбъ, и тѣхъ разбойниковъ и за первый разбой казнити смертію.»

Къ этимъ статьямъ подведены были соотвѣтствующія мѣста воинскаго артикула, и положено было слѣдующее рѣшеніе: «*По сентенціи присутствующихъ приговорено, въ силу воинскихъ правъ, подпорутчика Носкова, капрала Архипова и солдата Горева повѣсить; Овчинникова, Гончарова и Журенкова колесовать и на колесо тѣла ихъ потомъ положить, а Старкова сжечь* [1]).

---

[1]) Подпоручикъ Носковъ обвинялся въ пріемѣ воровскихъ вещей и въ потворствѣ разбойникамъ; а прежде этого, 1777 года, «за непорядочное солдата Драконова наказаніе палками и за неучтивые и грубые передъ командиромъ ево, Носкова, отвѣты, написанные въ рапортѣ ево угрозы, арестованъ былъ на одну недѣлю на хлѣбъ и воду»; 1788 года, «за приходъ въ канцелярію въ ночное время пьянымъ образомъ, за битіе солдата Боброва обнаженнымъ тесакомъ и за порубленіе ему руки и за битье жъ стоящаго на часахъ солдата Карпова пинками и за посаженіе въ тюрьму въ цѣпь арестованъ былъ на три недѣли». Капралъ Архиповъ и солдатъ Горевъ — его соучастники въ перекражѣ у воровъ воровскихъ вещей. *Овчинниковъ* это настоящая фамилія атамана *Рыжаго; Гонча-*

Прочіе разбойники-становщики, знакомые Рыжаго, нѣсколько бабъ, какъ разбойничьихъ женъ, такъ и любовницъ, судились въ воеводской канцеляріи въ Царицынѣ, а соучастники Дегтяренка развезены были по другимъ городамъ и такимъ образомъ были уничтожены двѣ послѣднія поволжскія шайки.

Восемьдесятъ лѣтъ, протекшихъ со времени поимки послѣднихъ разбойничьихъ атамановъ, много измѣнили характеръ понизовой вольницы. Но съ восьмидесятыми годами прошедшаго столѣтія поволжская вольница не умерла окончательно, только разбойничьи шайки мельчали и рѣдѣли, и атаманы становились все жалче и безсильнѣе. Долго водились на Волгѣ небольшія партіи этихъ людей, разбойники «шалили» еще въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія у Самары, въ Жегулевскихъ горахъ, но теперь уже ничего не слышно. Года три тому назадъ уничтожены, наконецъ, гардкаютныя команды, нѣчто въ родѣ древнихъ «высылокъ» и «разъѣздовъ», наблюдавшія за спокойствіемъ на Волгѣ, — потому что понизовая вольница обратилась окончательно въ бурлаковъ.

Но народная память, равнодушная къ громкимъ историческимъ именамъ, къ славѣ преобразователей и великихъ администраторовъ, вѣрно сохраняетъ другія

ровъ — товарищъ Рыжаго, называвшійся *Стародубскимъ купцомъ; Журенковъ* тоже соучастникъ Рыжаго; *Старковъ* былъ не кто другой, какъ разбойникъ *Шагала*, что открыто было уже въ 1762 году, по безъимянному письму, поданному неизвѣстнымъ человѣкомъ саратовскому намѣстнику Поливанову въ пріѣздъ его въ Царицынъ. Старковъ воспользовался именемъ умершаго малороссіянина и скрывался съ его паспортомъ.

имена, не занесенныя на страницы исторіи. Народъ почти ничего не помнитъ изъ прошедшаго нашей родины, но хорошо знаетъ все, что имѣло отношеніе непосредственно къ нему и къ его спокойствію: у него своя исторія и свои громкія имена. Много полусказочнаго, полуправдиваго разскажетъ онъ и теперь про разбойника Быкова, дѣйствовавшаго около Казани въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія [1]), про разбойника Гусева, нѣсколько разъ бѣгавшаго изъ Сибири и нѣсколько лѣтъ тому назадъ ограбившаго соборъ въ Саратовѣ. Народъ не знаетъ гармоническихъ стиховъ Пушкина и не сочувствуетъ имъ, а между тѣмъ охотно разучилъ и поетъ, передавая по всему поволжью, нескладную и нелѣпую пѣсню, сочиненную этимъ разбойникомъ, Гусевымъ, въ саратовскомъ острогѣ. Замѣчательно, что самъ народъ говоритъ, что эту пѣсню сложилъ Гусевъ. Мы приведемъ ее здѣсь, какъ образчикъ новѣйшей народной поэзіи. Странный размѣръ и присутствіе риѳмы обнаруживаютъ знакомство разбойника съ новѣйшими риѳмованными пѣснями. Вотъ она:

Мы заочно, братцы, распростимся
Съ бѣлой, каменной тюрьмой,
Больше въ ней сидѣть не будемъ,
Скоро въ путь пойдемъ большой.
Скоро насъ въ Сибирь погонятъ,
Мы не будемъ унывать, —
Намъ въ Сибири не бывать,

---

[1]) Въ анатомическомъ кабинетѣ казанскаго университета находится бюстъ, или слѣпокъ съ головы этого разбойника и скелетъ изъ его костей, потому что онъ, кажется, умеръ въ Казани, во время наказанія. Тамъ же мы видѣли скелетъ и бюстъ разбойника Чайкина.

Въ глаза ее не видать:
Здѣсь дороженька большая,
И съ пути можно бѣжать;
Деревушка стоитъ къ пути близко
На краю — Самаръ-кабакъ,
Цаловальникъ намъ знакомый,
Онъ изъ насъ же, изъ бродягъ.
За полштофъ ему вина
Только деньги заплатить,
Кандалы съ насъ поснимаетъ,
Можно будетъ намъ бѣжать.

Ты зачѣмъ, бѣдный мальчишка,
Въ свою сторону бѣжалъ?
Никого ты не спросился,
Кромѣ сердца своего.
Прежде пилъ ты, веселился,
Какъ имѣлъ свой капиталъ,
Съ товарищами поводился,
Капиталъ свой промоталъ.
Капиталу не сыстало
Во неволю жить попалъ,
Во такую во неволю
Въ бѣлый каменный острогъ.
Во неволѣ сидѣть трудно,
Но кто знаетъ про нее?
Посадили насъ на недѣлю
Мы сидѣли круглый годъ.
За тремя мы за стѣнами
Не видали свѣтлый день;
Но небось, Господь творецъ съ нами.
Часты звѣзды намъ въ ночи сіяли,
Мы и тутъ зарю видали,
Мы и тутъ не пропадемъ!
Часты звѣзды потухали,
Заря бѣла занялась,
Какъ зоринька занялася,
Барабанъ зорю пробилъ.
Барабанушка пробивалъ.
Клюшникъ двери отпиралъ.
Клюшникъ двери отпираетъ,
Офицеръ съ требой идетъ,
Всѣхъ на имя насъ зоветъ:

Одѣвайтесь, ребятенки,
Въ свои сѣры чапаны,
Вы берите сумочки, котомки,
Вы сходите сверху внизъ,
Говорите всѣ одну рѣчь.
Что за шутова коляска
Проявилась въ городу?
Коней пару запрегаютъ,
Подаютъ ее сейчасъ;
Подаютъ эту коляску
Ко парадному крыльцу,
Сажаютъ бѣднаго мальчишку
Меня задомъ напередъ,
Подвозили бѣднаго мальчишку
Къ эшафотному столбу.
Палачъ Ѳедька разбѣжался,
Меня за руки беретъ,
Становитъ меня мальчишку,
У траурнаго столба,
Велятъ мнѣ, бѣдному мальчишкѣ,
На восходъ солнца молиться,
Со всѣмъ міромъ проститься
Палачъ Ѳедька разбѣжался,
Рубашенку разорвалъ,
На машину меня клалъ.
На машину меня клали,
Руки, ноги привязали
Сыромятнымъ ремнемъ.
Беретъ Ѳедька кнутья въ руки,
Закричалъ: братъ, берегись!
Онъ ударилъ въ первый разъ,
Полились слезы изъ глазъ;
Онъ ударилъ другой разъ,
Закричалъ я: помилуйте насъ!... [1])

---

[1]) Пѣсня эта, вѣроятно, сложена въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда Гусевъ, послѣ убійства соборнаго сторожа, былъ вторично (или въ третій разъ) пойманъ и сидѣлъ въ острогѣ. Въ пѣснѣ прощанье съ товарищами и описаніе позорнаго наказанія кнутовъ; «шутова коляска»— позорная колесница; палачъ Ѳедька—очень популярное лице. — Самаръ-кабакъ и цаловальникъ напоминаютъ «Бродягу» И. С. Аксакова.

Атаманъ Брагинъ и разбойникъ Зубакинъ.

«Наши историки (Карамзинъ, Соловьевъ и проч.) обратили преимущественное вниманіе такъ сказать на центростремительную силу нашей исторіи, почти вовсе опуская изъ виду значеніе силы центробѣжной... Эта центробѣжная сила нерѣдко представляетъ такихъ же *грозныхъ* дѣятелей, какъ и противоположная ей. Самыя дикія ея обнаруженія доказываютъ только, что въ русскомъ народѣ всегда жило, хоть и смутно, сознаніе необходимости существованія, помимо государства, — еще гражданскаго общества, — истина, которую вполнѣ ясно и опредѣленно выразить предоставлено было нашему времени. Нерѣдко страшныя проявленія этой центробѣжной силы въ нашей исторіи — не что иное, какъ протестъ ея противъ излишнихъ притязаній силы ей противоположной.»

В. Ламанскій.

(О славянахъ въ Малой Азіи и пр.)

Въ предлагаемомъ здѣсь небольшомъ очеркѣ на первый планъ выступаютъ не полководцы, не законодатели, а простые разбойники, которые заслужили право на вниманіе исторіи не личными качествами, не какими-либо особенными подвигами а, вопервыхъ, тѣмъ, что въ нихъ выразился характеръ эпохи, о которой

у насъ большею частью судятъ ошибочно; вовторыхъ, тѣмъ вліяніемъ, какое имѣли они на окружавшую ихъ среду (а эту среду составляли массы такихъ же сѣрыхъ людей, какъ и они сами), и, наконецъ, тѣмъ, что заставляли задумываться и тревожиться полководцевъ и законодателей.

Нельзя не пожалѣть, что исторія разбоевъ, происходившихъ въ нашемъ отечествѣ во второй половинѣ XVIII столѣтія, мало разработана. Никто изъ писателей даже прошлаго вѣка не счелъ нужнымъ обратить вниманіе на эти странныя корпораціи разбойниковъ, какъ будто ихъ не было вовсе. Только имя атамана Заметаева сохранилось въ одной иностранный монографіи, посвященной описанію походовъ Суворова. Ф. Антингъ, авторъ весьма пространнаго сочиненія: *Les campagnes du Feldmaréchal Comte de Souvoroff-Rumnikski*, — называетъ Заметаева «преемникомъ Пугачова» (successeur de Pugatschew), даетъ ему эпитетъ «умнаго и мужественнаго», прибавляетъ, что только быстро-принятыя мѣры помѣшали этому человѣку достаточно усилиться, и въ нѣсколькихъ словахъ разсказываетъ объ его подвигахъ на Каспійскомъ морѣ и объ его поимкѣ [1]). Впрочемъ, и о Заметаевѣ упомя-

---

[1]) Ф. Антингъ называетъ Заметаева *Semetriew* и *Sametriow*. Антингъ говоритъ, что этотъ разбойникъ — «un successeur de Pugatschew, nommé *Sametriow*, s'était montré sur les bords de la mer Caspienne. *Semetriow* avait exercé divers brigandages contre les Turcs, il s'était emparé de quelques vaisseaux marchands avec 4 canons, il faisait des incursions par eau et par terre et il s'approchait d'Astracan du coté du lac Aral. — On prit aussitôt contre lui les mesures necessaires. Le comte (Суворовъ) envoya 2 bataillons avec de l'artillerie et quelques escadrons de dragons

нулось только потому, что подошелъ случай. А между тѣмъ исторія лицъ, подобныхъ Заметаеву, весьма любопытна и объясняетъ многое въ исторіи прошлаго вѣка. Это былъ особеннаго рода протестъ слабаго противъ сильнаго, протестъ, при которомъ не разбиралось средствъ, именно вслѣдствіе увѣренности, что честными путями ни въ какомъ случаѣ выиграть его невозможно.

Почти въ одно время съ Заметаевымъ дѣйствовали еще атаманы Кулага, Брагинъ и разбойникъ Зубакинъ, каждый съ своею шайкой. Кулага, какъ и Заметаевъ, производилъ свои пиратскія экспедиціи на Каспійскомъ морѣ и на Волгѣ, на легкихъ лодочкахъ, тогда какъ послѣдніе дѣйствовали на сушѣ, предпринимая отдаленные походы въ глубь Россіи. Брагинъ и Зубакинъ не пользовались такою громкою популярностью въ Россіи, какъ Заметаевъ, который, какъ выражался о немъ

---

dont les uns s'embarquèrent et les autres descendirent le Wolga sur la rive. En même tems il fit part de cette nouvelle au gouverneur d'Astracan. *Semetriow* avait été simple soldat d'infanterie sous Tottleben en Géorgie, ensuite appointé, et il avait déserté. Il était homme d'esprit et de courage, mais il n'eût pas le tems de se procurer des moyens; son parti était d'environ 300 hommes avec lesquels il vint à Tschernoyar, d'où il se retira au travers des landes d'Astracan à peu pres vers la melieu du Don. Ses gens qui apprirent qu'on le poursuivait, l'abandonnèrent en route, et quand il arriva sur le Don, il lui restait tout au plus dix hommes. De là il en envoya quelques uns chercher du pain dans un village voisin. On les arrêta comme suspects. Ils indiquèrent l'endroit où il se trouvait à un demi-mille de là dans la plain. On y envoya des Casaques du Don qui le firent prisonier ainsi que les autres pendant qu'ils dormaient». (*Les campagnes* etc., par Frédéric Anthing. Trad. de l'Allemand par M. de Serionne, Membre de plus. académies. Avec des planches. Gotha. 1799. I vol. p. 170—171.) Ср. нашу статью о Заметаевѣ на стр. 48.

Суворовъ, «былъ оглашаемъ въ разныхъ странахъ»; но ихъ шайка имѣла соучастниковъ на Волгѣ, на Илавлѣ, на Медвѣдицѣ, Хопрѣ и Воронѣ-рѣкѣ. Товарищи Брагина и Зубакина принадлежали къ разнымъ сословіямъ: были между ними казаки, малороссіяне, русскіе рекруты и русскіе крестьяне; косвенно къ корпораціи ихъ принадлежали и помѣщики, и духовенство, и чиновники. Разбойничьи станы этой шайки находились не въ одномъ мѣстѣ: они собирались то въ одинъ притонъ, то въ другой; сегодня станъ ихъ на Медвѣдицѣ, на Илавлѣ, а черезъ мѣсяцъ они держатъ «воровской» совѣтъ гдѣ-нибудь за триста, за четыреста верстъ оттуда. Передъ отправленіемъ въ походъ, они сходились въ одномъ изъ становъ, совѣтовались, куда идти, вооружались, запасались иногда подводами для перевозки добычи и подъ предводительствомъ атамана, эсаула или одного изъ старшихъ и опытныхъ разбойниковъ, какимъ былъ Зубакинъ, шли на промыселъ. Послѣ удачнаго или неудачнаго похода, когда шумъ о разбояхъ распространится по городамъ и селамъ, и правительство поспѣшитъ принять противъ разбойниковъ мѣры, шайка разбредется въ разныя стороны: кто убитъ или пойманъ и попалъ въ острогъ, кто идетъ на Волгу, кто за Волгу, иной на Илавлю, на Каспійское взморье, кто въ лѣсъ и степи, и шатаются бѣглецы до новаго случая, до призыва атаманскаго, распѣвая старинныя пѣсни про свои станы да лѣса темные.

Лѣса ли вы, лѣсочки, лѣса темные!
Кусты ли вы, кусточки, кусты частые!

Ахъ, станы ли вы, станочки, станы теплые!
Еще всѣ-то вы кусточки ужъ повыжжены,
Еще всѣ наши станочки пораззорены,
Еще всѣ наши товарищи переиманы.
Какъ и первой-то товарищъ въ градѣ Кіевѣ,
А второй-то нашъ товарищъ въ каменной Москвѣ,
Какъ и третій-то товарищъ въ славномъ Питерѣ.
Я остался, добрый молодецъ, въ темныхъ лѣсахъ...
Закружилася моя головушка, закружилася!..

Объ одной изъ такихъ экспедицій шайки Брагина и Зубакина мы намѣрены разказать здѣсь по старымъ архивнымъ документамъ [1]). Какъ оказывается изъ дѣла, разбойники снарядились въ походъ на-скоро, и хотя шайка ихъ была многочисленна, однако, опасаясь ли возбудить подозрѣніе или разчитывая, что небольшими партіями удобнѣе дѣлать набѣги, Брагинъ собралъ въ поле лишь нѣсколько человѣкъ. Это было лѣтомъ 1775 года. Онъ снаряжался въ путь въ то самое время, когда Кулага пробирался отъ Астрахани вверхъ по Волгѣ, а Заметаевъ, покончивъ разбои на Каспійскомъ морѣ и простившись съ своимъ эсауломъ послѣ побѣды надъ высланнымъ противъ нихъ отрядомъ, пробирался на Донъ, уклоняясь отъ посланныхъ Суворовымъ драгунскихъ эскадроновъ.

Въ то время, когда Брагинъ собралъ въ одномъ изъ своихъ становъ нѣсколько человѣкъ изъ предводительствуемой имъ шайки, въ Камышинъ пріѣхалъ изъ верховыхъ городовъ купецъ, котораго въ городѣ знали подъ именемъ Бѣлевцова. Онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ тархана, хотя не торговалъ ничѣмъ; иногда являлся

[1]) Изъ числа полученныхъ нами отъ Н. П. Костомарова.

въ видѣ перекупщика старыхъ вещей, въ другой разъ пріѣзжалъ въ качествѣ хлѣбнаго торговца; былъ онъ и рыбникомъ и повѣреннымъ по дѣламъ; отъ чужаго имени продавалъ онъ даже и людей, которыхъ бралъ Богъ-вѣсть откуда. Однимъ словомъ, личность довольно подозрительнаго свойства, и видно было, что профессія торгаша маскировала что-то другое. На этотъ разъ Бѣлевцовъ пріѣзжалъ для покупки рыбы, но, неизвѣстно почему, рыбы не купилъ, а задумалъ какое-то новое дѣло. Наѣзжая въ Камышинъ, онъ останавливался обыкновенно у одного малороссіянина, камышинскаго бобыля, по прозванію Пучка. Слѣдуетъ замѣтить, что около того времени среднее поволжье стало заселяться выходцами изъ Украйны, которыхъ называли «черкасами». Стѣсняемые на родинѣ въ своихъ вольностяхъ посполитые люди, особенно изъ наиболѣе тѣснимыхъ мѣстностей, разбрелись по всей Россіи: кто шелъ въ Запорожскую Сѣчь, къ тогдашнему атаману Потемкину, кто на Донъ, иные пробирались на Волгу. Большія передвиженія начались особенно послѣ жестокаго усмиренія бунта гайдамаковъ: избавившись отъ кола и висѣлицы, бездомные и безпріютные гайдамаки разсыпались по всей южной Россіи, «съ ножомъ за голенищемъ», по выраженію народнаго поэта. Потянулись гайдамаки и къ привольному поволжью, пошелъ въ крестьяне, кто въ бурлаки на суда, подѣлались честными гражданами: кто въ бобыли; но при своихъ честныхъ занятіяхъ не забывали и гайдамацкихъ привычекъ, особенно когда трудъ не спасалъ отъ бѣдности. Оттого такъ часто и охотно приставали они къ разбойничь-

имъ шайкамъ; иные изъ нихъ сами дѣлались атаманами. Изъ числа такихъ переселенцевъ было и семейство бобыля Пучка. Бѣлевцовъ, будучи давно знакомъ съ бобылемъ, пригласилъ его отправиться съ нимъ въ Русь, для разныхъ торговыхъ дѣлъ, подговоривъ еще другаго малороссіянина, тоже давно ему знакомаго и пріятеля Пучка. Бѣлевцовъ звалъ ихъ на Медвѣдицу, въ село Кочетовку, для покупки, какъ онъ говорилъ, ржаной и пшеничной муки на продажу. Онъ обѣщалъ «не обидѣть» ихъ, когда отъ этой операціи получитъ прибыль. Малороссіяне согласились, и всѣ втроемъ отправились въ путь на двухъ телѣгахъ.

Но они ѣхали не долго. За рѣчкою Карамышемъ, за поселкомъ Топовкою, когда они проѣзжали по степи, изъ буерака, «на перехватъ ихъ», выѣхало нѣсколько вооруженныхъ всадниковъ.

— Что̀ за люди? закричали они ѣхавшимъ: — куда ѣдете?

Тѣ отвѣчали, что ѣдутъ изъ Камышина за покупкой хлѣба. Тогда непзвѣстные вооруженные люди велѣли имъ идти съ собой къ разбойничьему стану, приглашая также вступить въ шайку. Это были разбойники. Они тѣмъ болѣе хотѣли завербовать къ себѣ въ соучастники трехъ своихъ плѣнниковъ, что Бѣлевцовъ, по роду своей торговли долженъ былъ очень хорошо знать, гдѣ разбойники могутъ получить важную добычу, и могъ указать имъ на самыхъ богатыхъ людей въ тѣхъ губерніяхъ, по которымъ онъ разъѣзжалъ. Разбойники, кажется, знали что̀ за человѣкъ этотъ Бѣлевцовъ, хотя, быть можетъ, онъ и не принадлежалъ

къ ихъ шайкѣ. Но ни Бѣлевцовъ, ни товарищи его, разумѣется, не желали слѣдовать за разбойниками къ ихъ притону. Разбойники грозили имъ смертью, били ихъ и особенно Бѣлевцова, въ которомъ наиболѣе нуждались. Не имѣя силъ сопротивляться, пойманные торгаши должны были слѣдовать за разбойниками, которые и привели ихъ въ свой станъ.

Въ то время, когда нижнее поволжье было еще такъ мало заселено, когда отъ поселка къ поселку вели пустынныя степныя тропы или извилистыя лѣсныя дорожки, когда дремучіе лѣса, стоявшіе нетронутыми по отлогостямъ и вершинамъ волжскихъ горъ и по всѣмъ впадающимъ въ Волгу, Медвѣдицу и Хоперъ рѣчкамъ, представляли безопасное убѣжище всякой вольницѣ—разбойничьимъ притонамъ было много мѣста. Темный лѣсъ, высокіе камыши у рѣчекъ и глубокія степныя балки, буераки и яры покрывали днемъ все, что̀ дѣлалось ночью. Вновь заводимый гдѣ-нибудь на отшибѣ поселокъ, глухая, заросшая лѣсомъ деревенька, степные хутора и уметы, гумна, раскиданные по полямъ, вдали отъ жилья, и даже большія села и кабаки по городамъ служили притонами для разбойниковъ. Жить было тяжело, и потому надо было или жить на чужой счетъ и грабить, или принимать у себя награбленное. Вотъ отчего такъ много было въ то время пристанодержателей и такъ много было воровскихъ становъ. Тамъ же, гдѣ былъ встрѣченъ Бѣлевцовъ, мѣстность представляла и другія удобства: около Топовки разстилается ровная степь, усѣянная множествомъ кургановъ, которые слывутъ въ народѣ подъ именемъ «та-

тарскихъ могилъ». Степь эта представляетъ плоскую возвышенность, владычествующую надъ всею окрестностью, и между курганами замѣтнѣе прочихъ «Большой Курганъ», съ котораго глазъ видитъ все, что̀ дѣлается вокругъ, далеко въ степи. Разбойники умѣли выбрать эту мѣстность для своего стана: съ Большаго Кургана они наблюдали за каждымъ проѣзжимъ и прохожимъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь шла большая дорога, ведущая отъ поволжья въ «Русь». И при Пугачовѣ около Топовки было особенное движеніе.

Разбойники и ихъ плѣнные пробыли въ станѣ два дни. Это былъ притонъ Брагина и Зубакина. Самъ Брагинъ находился въ то время въ станѣ и правилъ имъ, какъ атаманъ. Брагинъ служилъ когда-то, какъ казакъ волжскаго войска, въ Московскомъ легіонѣ, и бѣжалъ оттуда. Это тотъ самый легіонъ, который формировался въ поволжьѣ за годъ до появленія Пугачова, и главнымъ командиромъ котораго былъ извѣстный князь Прозоровскій; въ этомъ легіонѣ служилъ предшественникъ Пугачова, молодой самозванецъ Богомоловъ, и часть этого самаго легіона, стоявшая у Дубовки, взбунтовалась въ 1772 году, защищая, въ лицѣ Богомолова, покойнаго императора Петра III и требуя, чтобы мнимый царь велъ бунтовщиковъ на Москву. Должно думать, что Брагинъ зналъ Богомолова. Во время пребыванія въ станѣ, въ продолженіе двухъ дней, Брагинъ, не разбиравшій средствъ для достиженія цѣли, успѣлъ сдѣлать все, что̀ ему было нужно: онъ жестоко мучилъ Бѣлевцова, принуждая вступить въ шайку и быть ея провожатымъ по русскимъ селамъ; взятымъ

съ Бѣлевцовымъ малороссіянамъ грозили смертью, еслибъ они не согласились слѣдовать за шайкой [1]). Бѣлевцовъ и малороссіяне должны были повиноваться. Брагинъ и другіе разбойники, находившіеся въ станѣ, изъ которыхъ одинъ былъ волжскій казакъ Кощеевъ, а другіе малоросіяне, вооружились передъ отъѣздомъ на разбой, точно шли на сраженіе: всѣ они сѣли на лошадей; каждый взялъ по ружью и по пикѣ съ дротикомъ; у каждаго была шашка и пистолетъ. Неизвѣстно, былъ ли тогда въ станѣ и Зубакинъ: изъ показаній этого не видно. Можетъ быть, личность Брагина, какъ атамана, стояла на первомъ планѣ и закрывала собой простаго, хоть и опытнаго разбойника; только послѣдующія обстоятельства показываютъ, что Зубакинъ участвовалъ въ этой экспедиціи и болѣе другихъ навлекъ на себя преслѣдованіе правительства. Очень можетъ быть, что онъ присталъ къ шайкѣ уже послѣ, подъ новымъ вымышленнымъ именемъ, которыхъ у него было такъ много.

Впереди этой, выступившей въ путь партіи, ѣхалъ Брагинъ съ разбойниками, а за ними слѣдовалъ Бѣлевцовъ съ товарищами на двухъ телѣгахъ. Поѣздъ имѣлъ видъ небольшаго казацкаго отряда, посланнаго съ какимъ-нибудь важнымъ порученіемъ, и дѣйствительно, когда въ селахъ и деревняхъ, черезъ которыя отряду приходилось проѣзжать, спрашивали разбойни-

---

[1]) «Тотъ Брагинъ съ Кощеевымъ, мучивши немилостиво Лукьяна Бѣлевцова, принуждали, чтобъ онъ, какъ изъ россійскихъ мѣстъ, указалъ и повелъ ихъ въ лучшія мѣста для разбою и воровства.» (Слова Пучка на допросѣ).

ковъ: куда и зачѣмъ они ѣдутъ? Брагинъ отвѣчалъ, что онъ снаряженъ изъ Дубовки «съ командою по дѣлу». Продовольствіе для маленькаго отряда покупалось на деньги, а для ночлега отрядъ останавливался гдѣ-нибудь въ полѣ или въ лѣсу, въ сторонѣ отъ жилья. Въ то смутное время, когда четверть населенія Россіи, бѣглые крестьяне, солдаты, раскольники и даже не бѣглые, но нищіе земледѣльцы всѣхъ наименованій, бродили по бѣлу свѣту, мыкаясь изъ конца въ конецъ и питаясь грабежомъ и воровствомъ, когда дубинка и ружье кормили сытнѣе, чѣмъ плугъ и соха, военные разъѣзды «для сыску воровъ и разбойниковъ» ходили по всѣмъ направленіямъ, по большимъ и малымъ дорогамъ, и потому разбойничій отрядъ Брагина не могъ никому внушить подозрѣнія; многіе, можетъ быть, думали, что онъ-то и спасетъ ихъ отъ оборванныхъ шаекъ, шатавшихся по проселкамъ.

По переправѣ черезъ рѣку Медвѣдицу, поѣздъ останавливался на-время, и атаманъ ѣздилъ зачѣмъ-то въ село Кочетовку, ко вдовѣ капитана Агишева, которая, по словамъ одного изъ разбойниковъ, «Брагину незнаемо почему называется своя». Есть причины думать, что между этою помѣщицей и атаманомъ разбойниковъ существовали какія-то странныя отношенія, можетъ быть даже родственныя, но всего скорѣй, что это было простое знакомство. Брагинъ могъ заѣзжать къ ней во всякое время, посѣщенія его не казались ни для кого странными и не считались предосудительными; въ отсутствіе помѣщицы, его принимали крестьяне и дворовые люди Агишевой, какъ знакомаго

ихъ госпожи. Можетъ быть, Агишева не знала о профессіи Брагина, хотя трудно было не догадаться, какимъ ремесломъ занимается этотъ странный гость. А можетъ быть, госпожа Агишева и посвящена была въ тайну имени и существованія атамана, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что разбойники, пріѣзжавшіе къ нему, отправлялись обыкновенно прямо къ Агишевой, когда не находили своего предводителя въ стану. На этотъ разъ Брагинъ не засталъ вдовы дома и потому, взявъ у дворовыхъ людей припасовъ на дорогу, скоро воротился къ товарищамъ, и шайка отправилась далѣе.

Такъ ѣхали они пять дней по направленію къ сѣверу, «въ Русь», какъ они говорили, въ верховые города. Доѣхали, наконецъ, почти до Вороны-рѣки.

Въ одну ночь, по указанію Бѣлевцова, Брагинъ подступилъ съ своею шайкой къ довольно-большой деревнѣ, гдѣ жилъ самъ помѣщикъ, поручикъ Исѣевъ. Думали вѣроятно найти у него большія деньги, или, быть можетъ, Бѣлевцовъ имѣлъ свои причины не любить Исѣева и желалъ его гибели. Какъ бы то ни было, разбойники въѣхали въ деревню и приблизились къ господской усадьбѣ. Разсчитавъ, что только быстрота и нечаянность нападенія помогутъ имъ исполнить свой замыселъ, и что ничтожной горсти разбойниковъ не устоять противъ цѣлой деревни, Брагинъ приказалъ верховымъ пустить лошадей во весь опоръ, и скакать прямо къ помѣщику на дворъ. Прискакавъ къ самому дому, разбойники сдѣлали залпъ изъ ружей прямо въ окна помѣщичьяго дома и потомъ закричали, чтобы помѣщикъ тотчасъ выходилъ. Несчастный вышелъ на

крыльцо, и Брагинъ потребовалъ отъ него денегъ. Исѣевъ говорилъ, что денегъ у него нѣтъ; разбойники требовали, и одинъ изъ нихъ, малороссіянинъ, повидимому, самый жестокій изъ всей шайки (мы догадываемся, что это и былъ самъ Зубакинъ), схватилъ несчастнаго Исѣева, стащилъ съ крыльца и тутъ же повѣсилъ его на воротахъ, на волосяномъ арканѣ. Въ то время ворота всегда замѣняли висѣлицу, особенно когда требовалось быстрое исполненіе приговора; сколько жертвъ погибло на воротахъ во время форсированнаго марша Пугачова къ Царицыну, на разстояніи тысячи верстъ!.. Напрасно Пучокъ съ товарищемъ, которые оставались за воротами у своихъ телѣгъ, увидя эту сцену съ бѣднымъ Исѣевымъ, просили разбойника не дѣлать убійства; напрасно они плакали передъ нимъ...

— Коли его не повѣсимъ, сдѣлаетъ за нами погоню, — сказалъ разбойникъ и поднялъ несчастнаго къ воротамъ.

«И какъ сталъ малороссіянинъ Степанъ (онъ же и Фролъ Зубакинъ) его, Исѣева, вѣшать, то мы его, чтобы не чинилъ смертнаго убійства, плакавши слезно просили; только онъ, сказавши, что-де когда не повѣсимъ, сдѣлаетъ погоню... не послушалъ», говорилъ послѣ Пучокъ, когда его допрашивали въ Камышинѣ.

Не медля ни минуты, разбойники вломились въ домъ и начали обыскъ, но, не смотря на всѣ усилія, нашли самую ничтожную сумму денегъ, которая даже не вознаграждала ихъ за ужасную смерть повѣшеннаго ими помѣщика: во всемъ домѣ отыскали только

около трехъ рублей да захватили платье, которое казалось поцѣннѣе. Жена несчастнаго и ея маленькія дѣти умоляли разбойниковъ оставить имъ жизнь, и Брагинъ, сжалившись надъ ихъ беззащитностью, тронутый просьбами дѣтей и бѣдной матери или не желая напрасно проливать кровь, сказалъ Исѣевой:

— Богъ, государь и мы тебя прощаемъ!

Въ деревнѣ услышали между тѣмъ, что на господскомъ дворѣ происходитъ что-то недоброе. Дворовые раньше поднялись на шумъ и выбѣжали. Стрѣльба разбудила и всю деревню. Собралась огромная толпа народа, и все вломилось на барскій дворъ. Тогда Брагинъ закричалъ сбѣжавшемуся народу:

— Кто станетъ мѣшать моему дѣлу, всѣхъ перестрѣляю и деревню выжгу!...

Двухъ изъ разбойниковъ онъ выслалъ за ворота на улицу, гдѣ въ то время, какъ мы сказали, находился Бѣлевцовъ съ товарищами, и они развели около самаго двора большой костеръ, угрожая сжечь деревню, если кто-нибудь изъ народа осмѣлится препятствовать имъ въ грабежѣ; они жгли холстъ и показывали видъ, что готовятъ растопку для деревни. Между тѣмъ самъ Брагинъ и другіе разбойники таскали изъ дому все, что̀ въ немъ было годнаго. Все награбленное они уложили въ телѣги, вывели изъ конюшни пару господскихъ лошадей и прежде, чѣмъ народъ могъ придти въ себя, ускакали изъ деревни.

Страннымъ можетъ показаться этотъ смѣлый набѣгъ ничтожной горсти разбойниковъ на большую населенную деревню. Но не забудемъ, что̀ это происхо-

дило въ 1775 году. Въ то время имя Пугачова было еще у всѣхъ въ памяти. Хотя народъ и слышалъ, что на Москвѣ казнили какого-то Пугачова; но онъ этимъ слухамъ вѣрилъ только на половину. Слухъ между тѣмъ ходилъ о какомъ-то Заметаевѣ, который долженъ былъ сдѣлаться освободителемъ народа; слухъ этотъ, какъ извѣстно, встревожилъ даже Суворова и графа Петра Панина, занимавшихся возстановленіемъ тишины въ поволжьѣ, потому, что имя Заметаева произносилось даже за границей, и ему придавали какое-то особенное значеніе. Не удивительно, что народъ постоянно находился въ какомъ-то напряженномъ состояніи, чего-то боясь и ожидая, съ надеждой перемѣны своей доли. Оттого онъ даже не зналъ, за кого принимать разбойниковъ — за враговъ ли, или за своихъ друзей, предшественниковъ таинственнаго освободителя. Этимъ состояніемъ умовъ пользовался и Брагинъ, а потому обращался къ народу съ такою фразой: «Богъ, государь и мы тебя прощаемъ!..»

По убійствѣ Исѣева, разбойники прододжали свой путь въ глубь Россіи, переѣхали Ворону и слѣдовали вдоль этой рѣки. Три дня они ѣхали такимъ образомъ, не встрѣчая ни военныхъ разъѣздовъ, ни другихъ высылокъ отъ командировъ, находившихся вездѣ «у сыску воровъ и разбойниковъ». Командиры вѣроятно предпочитали сидѣть въ городахъ и только доносили въ государственную военную коллегію о совершившихся преступленіяхъ или гонялись за шайками, на которыя имъ указывало мѣстное начальство, отправляясь на поиски уже тогда, когда разбойники уходили въ глубь

лѣсовъ или успѣвали прятаться въ станахъ, и когда искать уже было нечего. Иногда поиски ихъ возобновлялись съ большею силой, когда они нечаянно натыкались на мертвое тѣло, на ограбленный обозъ, на сожженное жилье, и, тщетно прождавъ прихода разбойниковъ, доносили, куда слѣдуетъ, что все обстоитъ благополучно, что они продолжаютъ наблюдать за спокойствіемъ страны «недреманнымъ окомъ». Чаще всего поиски начинались по взятіи въ кабакѣ какого-нибудь подозрительнаго бродяги, который и наводилъ командировъ на слѣды преступленій, утаивая въ показаніи девяносто девять процентовъ изъ всего, что̀ сдѣлано имъ самимъ и артелью, къ которой онъ принадлежалъ и для выгодъ которой не жалѣлъ своей руки.

Шайка Брагина ѣхала благополучно до новой встрѣчи. Встрѣча не замедлила порадовать разбойниковъ. Въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ Вороны, въ лѣсу, они нагнали какихъ-то путешественниковъ и рѣшились попытать счастья. Впереди ѣхалъ, какъ видно, барскій «берлинъ», а за нимъ слѣдовали три повозки съ людьми, какъ обыкновенно ѣздили богатые люди въ то время. Тогда знатные господа путешествовали по Россіи съ маленькими отрядами своей дворцовой конницы, вооруженной по всѣмъ правиламъ военнаго искусства; а менѣе знатные брали съ собой дворовыхъ людей, снабжали ихъ ружьями, пистолетами, кинжалами, дубинами и чѣмъ попало. Когда берлинъ остановился зачѣмъ-то на горѣ, а слѣдовавшіе за нимъ повозки стали спускаться подъ гору, къ Воронѣ рѣкѣ, разбойники рѣшились напасть на путешественниковъ и упо-

требляли тотъ же маневръ, какой имъ такъ хорошо удался въ имѣніи Исѣева. По командѣ Брагина, разбойники во весь опоръ пустились къ берлину, подскакали и сдѣлали по немъ залпъ изъ ружей. По счастью, никто изъ находившихся въ каретѣ не былъ убитъ, даже никто не былъ раненъ, можетъ быть, потому что пули, пущенныя изъ дурныхъ казацкихъ ружей, не могли пробить кузовъ экипажа. Это нечаянное нападеніе навело такой ужасъ на путешественниковъ, что никто не думалъ защищаться, и даже люди, испуганные выстрѣлами, не только не думали спасать господина, но, быть можетъ, не чаяли даже спасти и свою собственную жизнь.

Изъ берлина вышелъ какой-то господинъ съ дамой и небольшою дѣвочкой. Застигнутые врасплохъ, покинутые людьми (ихъ было семь человѣкъ, но испуганные, они не смѣли тронуться съ мѣста), путешественники не знали, что дѣлать. Они умоляли Брагина взять все, что у нихъ есть, только не лишать жизни. Для Брагина было уже достаточно того убійства, которое онъ сдѣлалъ три дня назадъ, и онъ не тронулъ этихъ новыхъ жертвъ. Но, собравъ всѣхъ тѣлохранителей путешественника въ кучу, онъ поставилъ тутъ же его самого съ дамой и дѣвочкой и велѣлъ прочимъ разбойникамъ выбирать все изъ возовъ и сундуковъ берлина. Они взяли у путешественника пятьсотъ рублей серебряною монетой, множество платья, серебряной посуды, ложекъ, стакановъ, чарокъ и немалое количество оловянной и мѣдной посуды; кромѣ того, взяли у нихъ четыре лошади. Путешественника и его при-

слугу Брагинъ не велѣлъ обижать и самъ никого не тронулъ. Если бы не свирѣпость Зубакина, атаманъ вѣроятно не погубилъ бы и Исѣева.

Послѣ открылось, что этотъ новый ограбленный былъ майоръ Зайцевъ съ женой и дочерью. Можетъ быть, послѣ казни Пугачова и по усмиреніи народнаго волненія, Зайцевъ возвращался теперь въ покинутое имѣніе, изъ Москвы или другаго безопаснаго города, гдѣ онъ жилъ, пока шайки бродили по всей юго-восточной половинѣ Россіи; можетъ быть, съ нимъ находилось теперь все его достояніе; какъ бы то ни было, но Брагинъ не оставилъ ему ничего цѣннаго.

Ограбивъ Зайцева, разбойники поворотили назадъ и снова переѣхали Ворону, принявъ направленіе къ югу. Можно думать, что дальнѣйшее ихъ слѣдованіе по направленію къ сѣверу и новые разбои могли быть уже не безопасны, тѣмъ болѣе, что разбойники заходили уже въ очень заселенныя мѣстности средней Россіи. Походъ ихъ могъ кончиться весьма трагически. Атаманъ зналъ это и потому рѣшился отступить заблаговременно. Зубакинъ на время исчезаетъ изъ виду, и объ немъ не слышно долго. Послѣ оказывается, что онъ опять перемѣнилъ имя и дѣйствовалъ въ пользу своей шайки.

Въ первую же ночь, проѣхавъ верстъ тридцать отъ мѣста разбоя, отрядъ Брагина, своротилъ въ лѣсъ, остановился отдохнуть и сдѣлалъ «дуванъ», то есть дѣлежъ всему награбленному. Бѣлевцову, какъ человѣку торговому, оффиціяльно называвшемуся купцомъ, отдали все отнятое у Исѣева и Зайцева имущество,

серебряную, мѣдную и оловянную посуду и пару лошадей; Пучку съ товарищемъ удѣлили часть денегъ, а все остальное взялъ себѣ Брагинъ по праву атамана шайки. Здѣсь же разбойники положили на совѣтѣ отпустить Пучка съ товарищемъ на родину, а Бѣлевцовъ долженъ былъ взять съ собой Кощеева и, подъ видомъ купца, ѣхать къ Волгѣ, именно въ Дубовку, для продажи награбленнаго имущества. Въ то время Дубовка была самымъ удобнымъ для этого мѣстомъ. Волжскіе казаки вообще никогда не пользовались репутаціей хорошихъ гражданъ и нижнее поволжье рѣдко было спокойно; къ Дубовкѣ шли выходцы («сходцы») изъ разныхъ мѣстъ, преимущественно изъ верховыхъ городовъ, и изъ Малороссіи; рѣка Илавля считалась притономъ разбойниковъ и бродягъ; туда шли съ Волги бѣглые бурлаки, если находили, что на Волгѣ имъ оставаться опасно; туда стремились бѣглые солдаты и рекруты, бѣглые донскіе и волжскіе казаки, потому что здѣсь былъ конецъ цивилизованной Россіи и начало Азіи, предѣлъ, гдѣ было легко дышать всякой вольницѣ. Тамъ находили притонъ знаменитые поволжскіе атаманы разбойниковъ; тамъ явился предшественникъ Пугачова, самозванецъ Богомоловъ; тамъ же думалъ привести въ исполненіе свой планъ несчастный послѣдователь Пугачова и Богомолова, самозванецъ Ланинъ, объявившій о своемъ высокомъ происхожденіи черезъ три года послѣ описываемыхъ нами событій и, можетъ быть, также какъ и Богомоловъ, лично знавшій Брагина съ товарищами. Отправляя Бѣлевцова съ Кощеевымъ въ Дубовку, Брагинъ снабдилъ ихъ деньгами и

велѣлъ имъ возвратиться къ нему опять и искать его за Медвѣдицей, у капитанши Агишевой; или же въ разбойничьемъ стану, за поселкомъ Топовкою, тамъ, гдѣ взятъ былъ Бѣлевцовъ и Пучокъ съ товарищами. Отпуская Пучка на родину, Брагинъ подтверждалъ подъ прещеніемъ смерти, чтобы про него и про его товарищей ни въ какомъ случаѣ не сказывали. Не зная дороги, Пучокъ просилъ, чтобы Брагинъ позволилъ ему ѣхать вмѣстѣ съ Бѣлевцовымъ и Кощеевымъ.

Простившись съ атаманомъ, они отправились въ поволжье «глухими дорогами», которыя такъ хорошо были извѣстны Бѣлевцову. Дорогой, въ селѣ Баклушахъ, Бѣлевцовъ напялъ себѣ въ работники одного экономическаго крестьянина, который скорѣе напоминалъ какого-нибудь коновода воровской партіи, чѣмъ простаго мужичка-работника; даже волосы носилъ по казацкому или по воровскому обычаю, подстригаясь «въ кругло» или въ кружало. Въ паспортѣ онъ назывался Васильемъ Михайловымъ. Послѣ мы узнаемъ, что настоящее имя этого работника было очень хорошо извѣстно Бѣлевцову и въ особенности Кощееву. Напявъ этого работника, Бѣлевцовъ вывелъ потомъ свою партію на Плавлю, къ Петрулиной мельницѣ. Съ этою мельницей связано много преданій и эпизодовъ изъ разбойничьихъ подвиговъ того времени: она была удобнѣйшимъ мѣстомъ для притоновъ и очень часто упоминается во всѣхъ показаніяхъ воровскихъ людей прошлаго вѣка. Здѣсь-то разбойники разстались: Бѣлевцовъ съ Кощеевымъ и нанятымъ работникомъ поѣхали въ Дубовку, а Пучокъ съ товарищемъ воз-

вратились въ Камышинъ; здѣсь они явились къ своему сотскому, и когда тотъ спросилъ ихъ, куда они ѣздили, они отвѣчали, что ѣздили было въ Русь покупать хлѣбъ, но не купили.

Между тѣмъ Бѣлевцовъ и панятой имъ работникъ явились въ Дубовку и стали продавать награбленное имущество. Только Кощеевъ зналъ, кто они такіе; онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ ними въ Дубовку, но, впрочемъ, не какъ товарищъ, а какъ будто лицо совершенно постороннее. Онъ разсказывалъ, что встрѣтилъ купца съ работникомъ на дорогѣ, согласился съ ними ѣхать въ Дубовку торговать рыбой, а потому помѣстилъ ихъ въ квартирѣ у своего родственника, эсаула волжскаго войска Щербакова. Купецъ, однако, возбудилъ подозрѣніе, сперва въ капитанѣ Московскаго легіона, ротмистрѣ Дьяченковѣ, которому онъ продавалъ нѣкоторыя вещи; а потомъ подозрительно взглянули на его торговлю и мѣстныя власти волжскаго войска: войсковой атаманъ Василій Персидскій, имя котораго такъ извѣстно и громко въ исторіи южнаго поволжья, войсковые старшины Ѳедоръ Персидскій и Дмитрій Савельевъ и войсковой дьякъ Кріулинъ. Мы не знаемъ, какими побужденіями руководствовались власти, только подозрительный купецъ и его работникъ были арестованы и продержаны подъ карауломъ болѣе мѣсяца. Товаръ ихъ также былъ задержанъ [1]). Въ

[1]) Въ имѣющихся у насъ бумагахъ находится подробная опись имущества, взятаго разбойниками у Исѣева и Зайцева. При чтеніи этой описи, будто живые встаютъ передъ нами покойники, жильцы «златаго на сѣверѣ вѣка», въ шелковыхъ красныхъ, алыхъ, бѣлыхъ съ разводами и

войсковой канцеляріи Бѣлевцовъ говорилъ, что пріѣхалъ торговать, и что у него есть законный билетъ: что онъ житель Московской губерніи, Переяславскаго уѣзда, пригородка Михайлова купецъ Лукьянъ *Малаховъ;* что товаръ купленъ имъ на Хопрѣ, въ селѣ Макаровѣ, у крестьянъ, которые признавались откровенно, что «имѣющаяся оная у нихъ пажить набрана ими во время бывшаго возмущенія», то есть въ смутную пору неурядицъ, произведенныхъ въ Россіи Пугачовымъ. Онъ представилъ при этомъ и билетъ свой, выданный изъ Михайловской ратуши. Для властей сомнительнаго не видѣлось, кажется, ничего, тѣмъ болѣе, что и купеческій работникъ имѣлъ законный видъ, выданный ему изъ села Баклушъ, Верхоломовскаго уѣзда, отъ сельскаго старосты, лучшихъ стариковъ и всего міра. Относительно формы, законность была на сторонѣ арестованныхъ. Нашлись, кажется, и другія обстоятельства, которыми власти были расположены въ ихъ пользу, поэтому нашлись въ законахъ подходящія къ дѣлу благопріятныя статейки. Статьи эти живо характеризуютъ эпоху, въ которую онѣ писались; это были приложенія къ манифесту, изданному по заключеніи вѣчнаго мира съ Оттоманскою Портой и по усмиреніи пугачовскаго бунта. Въ нихъ говорится:

съ прозументами» и даже въ ситцевыхъ камзолахъ, въ робронахъ цвѣтной тафты, въ лазоревыхъ, синихъ и набойчатыхъ шугаяхъ; тутъ есть и дѣтскія атласныя одѣяльца съ кружевами, и мантильи, и скатерти браныя, и шляпы съ «прозументами», и весь тогдашній дамскій костюмъ и пр.

«Всѣмъ тѣмъ городамъ, селамъ, селеніямъ, жилищамъ, мѣстамъ и людемъ въ оныхъ живущимъ и внѣ оныхъ находящимся, однимъ словомъ всѣмъ во внутреннемъ бунтѣ, возмущеніи и безпокойствѣ и неустройствѣ 1773 и 1774 годовъ участвовавшимъ, по большей части отъ ослѣпленія, глупости, невѣжества или суевѣрія, ея императорскаго величества всемилостивѣйшее общее и частное прощеніе, предая все прошедшее вѣчному забвенію и глубокому молчанію, и запрещаетъ ея императорское величество впредь чинить о сихъ дѣлахъ притязаніе и изысканіе» (пунктъ 38).

«Вслѣдствіе сего всемилостивѣйшаго прощенія повелѣваетъ производство слѣдствій и взысканіе вытей по вышеписанному случаю о происшедшихъ разграбленіяхъ и о поличеніи не только въ Оренбургской, Казанской и Нижегородской, но и во всѣхъ прочихъ губерніяхъ, въ которыхъ съ разграбленными и переходившими изъ рукъ въ руки пожитками и вещьми люди оказываться могутъ, оныя слѣдствія и взысканія уничтожить и оставить, ибо дѣла таковаго рода выходятъ изъ того общественнаго порядка, для котораго законы и ихъ теченіе устроены, прекращеніе же таковыхъ дѣлъ для народнаго спокойствія подлежитъ единственно самодержавной ея императорскаго величества власти, которая повелѣваетъ нынѣ предать вышеупомянутыя дѣла на вѣчное время забвенію и глубокому молчанію» (пунктъ 39).

Основываясь на этихъ двухъ пунктахъ, дубовское начальство освободило арестантовъ и возвратило имъ имущество. Послѣ мы увидимъ, какую неблагопріятную

тѣнь набросило это обстоятельство на имена Персидскихъ, Савельева и другихъ властей волжскаго войска, уже очернившаго свою репутацію предъ правительствомъ присягою на вѣрность Пугачову. (Что Волжское войско признало Пугачова государемъ, на это мы имѣемъ положительныя доказательства, которыя не были извѣстны ни Пушкину, ни другимъ историкамъ, касавшимся этой любопытной эпохи.)

Когда все это происходило въ Дубовкѣ, вѣсть объ убійствѣ Исѣева распространилась между тѣмъ въ окрестностяхъ и дошла до правительства. Слухи ходили, что шайки разбойниковъ наполняютъ Воронежскую и Астраханскую губерніи, безъ всякаго страха врываются въ деревни, обираютъ проѣзжихъ и держатъ страну въ постоянной опасности. Прошла вѣсть, что пойманы самые опасные разбойничьи атаманы Заметаевъ, Кулага; переловлены шайки атамановъ Сучкова, Тарелкина и другихъ; а между тѣмъ появились другія партіи и другіе атаманы, о которыхъ прежде не слышали. Тотчасъ донесли объ этихъ происшествіяхъ Григорію Александровичу Потемкину, въ то время еще графу вновь пожалованному, но который, однако, былъ уже сенаторомъ, вице-президентомъ военной коллегіи, командиромъ всѣхъ легкихъ и нерегулярныхъ войскъ и проч., и проч. Ни мало не медля, Потемкинъ поспѣшилъ командировать въ Верхнеломовскій и Нижнеломовскій уѣзды отрядъ драгунъ, подъ командою секундъ-маіора Смоленскаго драгунскаго полка Циммермана. Этому отряду поручено было дѣйствовать противъ разбойниковъ и, въ особенности, противъ извѣстной въ

окрестностяхъ шайки Брагина и Зубакина. Думали, что главные разбойники гдѣ-нибудь близко; начальственныя лица слышали, кажется, объ одномъ Зубакинѣ, а фамиліи самаго атамана не знали и потому распорядились поисками Зубакина съ шайкою. Но шайку его настигнуть было не легко, а еще труднѣе было поймать самаго Зубакина, не только Брагина, который точно пропалъ безъ вѣсти, хотя, быть можетъ, покойно жилъ у вдовы Агишевой, какъ самъ говорилъ когда-то своимъ товарищамъ. Вообще дѣло Циммермана было не легкое. Въ то время въ разбойники поступалъ всякій, кому тяжело было жить; а кому тогда не тяжело было? Въ разбой шелъ горемыка, не имѣвшій ни кола, ни двора, ни сохи, ни лошади; шелъ тотъ, кого томилъ голодъ и тяготило большое, не обутое и не одѣтое семейство, кому не подъ силу была барщина, оброкъ и судейское вымоганье посулъ и поклоновъ: шелъ и тотъ, въ комъ играла молодая кровь, кого мутило зелено вино. Ловить разбойниковъ было по тому не легко, что каждый, уходя въ разбой, бралъ свой паспортъ и добывалъ себѣ въ кабакѣ другой, а иногда запасался и тремя паспортами, чтобы, въ случаѣ поимки, предъявить тотъ, который сподручнѣе; въ одной воеводской канцеляріи онъ является Иваномъ, въ другой Петромъ, а въ третьей Карпомъ, а домой приходитъ съ собственнымъ именемъ и съ рублевиками въ кожаной мошнѣ. Зато уже и слѣдственныя коммиссіи вознаграждали себя за трудъ, съ какимъ сопряжена была поимка разбойниковъ: сыщики хватали праваго и виноватаго, забирали всякаго, кто давалъ разбойнику воды

напиться, не зная, что поитъ разбойника, или по тогдашнему выраженію, «незавѣдомо», водили къ пыткѣ бабъ, ни душой ни тѣломъ невиноватыхъ въ преступленіяхъ мужей и дѣтей. Циммерманъ успѣлъ, однако, захватить многихъ изъ шайки Брагина и Зубакина; но ни Зубакинъ, ни Брагинъ не давались ему въ руки; другіе коноводы шайки были также въ разбродѣ.

Во время такихъ трудныхъ и безполезныхъ поисковъ одинъ крестьянинъ изъ села Зубриловки (на Хопрѣ), Илья Андреевъ, между прочимъ разсказалъ Циммерману, что въ сентябрѣ этого года онъ видѣлъ въ Дубовкѣ у эсаула Щербакова, трехъ колодниковъ, и что одинъ изъ этихъ колодниковъ разсказывалъ ему о своей родинѣ, о знакомыхъ: почему-то показалось Циммерману, что арестантъ, о которомъ ему говорилъ Илья Андреевъ, былъ тотъ Зубакинъ, котораго онъ тщетно искалъ; по крайней мѣрѣ, наружность этого арестанта, какъ описывалъ ее Андреевъ, соотвѣствовала примѣтамъ Зубакина. Циммерманъ тотчасъ же командировалъ въ Дубовку квартирмейстра Кулаковскаго, нѣсколько драгунъ, и съ ними крестьянина Андреева и еще другаго мужика, который лично зналъ Зубакина; поручилъ имъ «опознать» арестанта и вытребовать его и его товарищей у дубовскаго начальства, въ случаѣ если это былъ въ самомъ дѣлѣ Зубакинъ.

Дѣйствительно, Андреевъ видѣлъ у эсаула Щербакова именно тѣхъ людей, которые нужны были Циммерману. Но, какъ мы сказали выше, люди эти были уже освобождены изъ-подъ ареста. Изъ войсковой кан-

целяріи выпустили ихъ еще въ началѣ октября, а Кулаковскій прибылъ въ Дубовку только 27-го ноября. Кулаковскій не нашелъ, кого искалъ. «Опознателю» Андрееву показаны были всѣ арестанты, находившіеся тогда въ Дубовкѣ, но онъ не нашелъ между ними того, съ которымъ встрѣтился у эсаула Щербакова. Тутъ только догадалось дубовское начальство (сомнительно, чтобъ оно не подозрѣвало чего-нибудь прежде), что выпущенные имъ арестарты подъ скромнымъ именемъ торгашей скрывали важныя преступленія, и что ихъ не слѣдовало освобождать даже и на основаніи манифеста. Тогда желая поправить дѣло, оно разослало въ тотъ же день войсковыя граматы ко всѣмъ станичнымъ атаманамъ, старшинамъ и казакамъ волжскаго войска, а также послало увѣдомленія и въ верховыя станицы. Въ граматахъ говорилось: «войсковая канцелярія, усумнясь, не изъ тѣхъ ли упущеныхъ людей будетъ тотъ злодѣй Зубакинъ, симъ вамъ, станичнымъ атаманамъ, повелѣваетъ предъоказанныхъ выпущенныхъ изъ-подъ караула купца Малахова и работника его Михайлова приказать казакамъ сыскивать и, есть ли объ нихъ, гдѣ они находятся, увѣдано будетъ, то старались бы, поймавъ, представить въ войсковую канцелярію неотмѣнно, и вамъ, станичнымъ атаманамъ, объ ономъ учинить по сей грамотѣ неотмѣнное исполненіе.» Тогда же разосланы были во всѣ мѣста нарочные съ публикаціями. Но не дальше какъ черезъ два дня въ Дубовкѣ узнали, что Малаховъ съ работникомъ пойманы въ Камышинѣ, гдѣ и содержатся подъ карауломъ. Они схвачены, какъ тогда выража-

лись, «съ продажными неприличными вещами». Въ Камышинѣ, кажется, не догадывались, кто такіе эти люди, хотя и подозрѣвали, что ихъ скромная профессія скрываетъ что-то недоброе. Тайну ихъ имени знали только два человѣка въ городѣ, которые и навѣщали ихъ въ тюрьмѣ, подъ видомъ простыхъ подавателей милостыни. Это были бобыль Пучокъ, участвовавшій въ послѣднемъ разбоѣ Брагина, и его пріятель.

Дубовское начальство отправило въ Камышинъ нарочнаго просить тамошнія власти, чтобъ арестанты отосланы были къ Циммерману. Но камышинскія власти не отдали арестантовъ нарочному, опасаясь, вѣроятно, чтобъ изъ Дубовки не выпустили ихъ опять подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, а прислали имъ только описаніе примѣтъ этихъ колодниковъ.

Здѣсь начинается вторая половина похожденій Зубакина и Брагина, изъ которой едва ли можно вывести положительное заключеніе, кто былъ болѣе виноватъ, разбойничья ли шайка, или лица, которымъ поручено было охраненіе спокойствія страны. Картина «златаго вѣка» рисуется здѣсь безъ прикрасъ, и, глядя на нее, невольно радуешься, что вѣкъ этотъ уже не повторится.

Имя Потемкина произвело магическое дѣйствіе на дубовское начальство. Когда тамъ узнали, что этотъ вельможа лично интересуется ходомъ поисковъ за Зубакинымъ и его шайкой, купецъ Малаховъ и его работникъ, бывшіе въ ихъ рукахъ, но ускользнувшіе по ихъ же оплошности, высоко поднялись въ мнѣніи ду-

бовскихъ старшинъ. Теперь они писали въ Камышинъ, чтобъ этихъ арестантовъ берегли, держали подъ крѣпкимъ карауломъ и проч. Притомъ, чувствуя свою вину болѣе, чѣмъ, можетъ быть, кто-нибудь могъ догадываться, начальники волжскаго войска видимо стали заискивать у Циммермана. Извѣщая его о поимкѣ Малахова съ работникомъ въ Камышинѣ, они распространяются и о своемъ личномъ усердіи, и о заслугахъ всего волжскаго войска. Они говорятъ, что «таковыхъ злодѣевъ (какъ Зубакинъ) стараніемъ войсковой канцеляріи въ нынѣшнемъ году до нѣсколька человѣкъ, въ томъ числѣ и *славный разбойникъ Кулагинъ* съ товарищи, переловлены и отосланы въ подлежащее мѣсто [1])». Они послали къ Циммерману описаніе примѣтъ Малахова съ работникомъ, отправили даже особаго нарочнаго, казацкаго старшину, для личныхъ объясненій. Вообще замѣтно, что въ Дубовкѣ очень суетились, да и было отчего.

Объяснившись съ нарочнымъ, Циммерманъ не остановился, однако, на этомъ объясненіи. Ему нужно было довести дѣло до конца. Онъ увѣдомлялъ дубовское начальство, что, считая за нужное довести до свѣдѣнія правительства «о усердіи, въ снисканіи тѣхъ злодѣевъ отъ оной станицы употребленномъ и употребляемомъ», желалъ бы знать подробнѣе о томъ третьемъ лицѣ, которое крестьянинъ Андреевъ видѣлъ у есаула Щербакова, не самъ ли то Зубакинъ, слѣдовъ котораго все

[1]) Атамана Кулагу во всѣхъ тогдашнихъ офиціяльныхъ бумагахъ называютъ *славнымъ разбойникомъ*, эпитетъ, котораго не удостоивался даже знаменитый Заметаевъ.

еще онъ нигдѣ не находилъ; онъ требовалъ поймать его какимъ бы то ни было способомъ, не смотря даже на то, если бы примѣты оказались несходными съ показаніемъ Андреева. Но изъ Дубовки извѣстили Циммермана, что, при арестованіи Малахова и его работника, не было третьяго лица, что, можетъ быть, Андреевъ видѣлъ тамъ казака Кощеева, который дѣйствительно вмѣстѣ съ ними пріѣхалъ въ Дубовку, но «только оной Кощеевъ подлинно здѣсь природной казакъ и реченному Щербакову шуринъ», какъ будто шуринъ Щербакова не могъ быть разбойникомъ.

Наконецъ, къ Циммерману привезли Малахова съ работникомъ. Допросивъ ихъ, Циммерманъ убѣдился, что нашелъ именно того, кого искалъ: подъ невинною наружностію работника, остриженнаго, впрочемъ, въ кружало, скрывался самъ знаменитый воръ Зубакинъ, о поимкѣ котораго такъ заботился Потемкинъ. Настоящее имя купца намъ уже давно извѣстно: это былъ Лукьянъ Бѣлевцовъ, постоянно ѣздившій въ Камышинъ по дѣламъ торговли и бывшій потомъ въ партіи Брагина и Зубакина. Циммерманъ узналъ и еще много подробностей, раскрытія которыхъ всего болѣе страшились войсковые старшины и атаманъ; онъ узналъ, что войсковой атаманъ Василій Персидскій и братъ его Ѳедоръ Персидскій, а также войсковой старшина Савельевъ и войсковой дьякъ Кріулинъ взяли у Зубакина и Бѣлевцова при арестованіи всѣ деньги и имущество, награбленное у маіора Зайцева и у повѣшеннаго Исѣева, и вынудили ихъ дать росписку такого содержанія, будто вещи эти проданы имъ по собствен-

ному желанію продавцовъ; что въ полученіи разбойниками денегъ и имущества росписался дубовскій соборный священникъ Николаевъ, тоже за извѣстную сумму вознагражденія. Циммерманъ узналъ имена всѣхъ, участвовавшихъ въ послѣдней разбойничьей экспедиціи на рѣку Ворону; отъ него не скрылось также и то, что когда онъ посылалъ изъ своего отряда поручика Куроша съ командой для поисковъ за Зубакинымъ, волжское войско не только не давало Курошу «ни за какіе прогоны» подводъ, но вообще не допускало его до розысковъ; и что Курошъ получилъ лошадей только тогда, когда сказалъ, что ѣдетъ назадъ къ Циммерману и т. д.

Обо всемъ этомъ Циммерманъ донесъ воронежскому губернатору Потапову. Замѣчательно, что по поводу этого обстоятельства онъ протестовалъ между прочимъ противъ откуповъ, которые, по его мнѣнію, болѣе чѣмъ что-либо способствовали усиленію разбоевъ. Начало каждаго злодѣйства, говоритъ онъ, скрывается въ кабакѣ; тамъ разбойники, въ пьянствѣ, «чинятъ свои договоры» и обдумываютъ воровскія экспедиціи; а огромные лѣса и степи Верхоломовскаго уѣзда помогали скрываться разбойникамъ. Какъ на одинъ изъ главныхъ притоновъ, Циммерманъ указываетъ на село Дмитріевское или Дуровщину, отдаленное отъ всѣхъ населенныхъ мѣстностей, и въ особенности на кабакъ, находившійся въ этомъ селѣ. Циммерманъ просилъ губернатора «куда бы то ни было свести питейный домъ». Съ своей стороны губернаторъ донесъ о продѣлкахъ волжскихъ властей военной коллегіи.

Но аккуратный Циммерманъ не остановился и на этомъ. Онъ написалъ обо всемъ Потемкину, не утаивъ ничего, что̀ дѣлалось въ Дубовкѣ. Въ кратковременное свое пребываніе на мѣстѣ разбоевъ, Циммерманъ успѣлъ захватить 86 человѣкъ «разныхъ злодѣевъ, смертоубивцовъ, разбойниковъ, пристанодержателей и, по оговору злодѣевъ, знавшихъ о ихъ злодѣйствахъ». Замѣчательно, что между захваченными преступниками, духовенство составляло 8-й или 9-й процентъ [1]): такъ незавидно было положеніе дѣлъ, повидимому, счастливаго государства! Но при всемъ томъ не поймано было еще много лицъ изъ шайки Брагина, а еще большее число разбойниковъ было вовсе неизвѣстно Циммерману и Потемкину даже по именамъ, хотя отряды Циммермана, его нарочные и курьеры, летали по всѣмъ направленіямъ. Отважныя шайки совершали экспедиціи на тысячу верстъ, и часто одно и то же страшное имя раздавалось или въ низовьяхъ Волги, или на Каспійскомъ морѣ у самыхъ персидскихъ границъ, или на берегахъ Оки и Урала. Вотъ какова въ сущности была жизнь въ государствѣ, наружнымъ блескомъ котораго очаровывался Дидро!

Пойманныхъ разбойниковъ повезли на судъ къ верхоломовскому воеводѣ, а надъ дѣйствіями начальниковъ волжскаго войска Потемкинъ, въ то время уже князь [2]),

---

[1]) «Поповъ 3, церковниковъ 3, рекрутъ 4, однодворцевъ 10, крестьянъ 65, дьяконъ 1».

[2]) Вотъ въ какихъ выраженіяхъ относились тогда официяльно къ Потемкину такія лица, какъ губернаторы (воронежскій) и имъ равные: «Высокопревосходительному господину генералъ-аншефу, командующему легкою конницей, всѣми нерегулярными войсками и санктпетербургскою ди-

велѣлъ нарядить слѣдственную коммиссію. Онъ, между прочимъ, писалъ воронежскому губернатору: «касательно же до вреднаго поступка Дубовской станицы начальниковъ, то предписалъ я волскаго войска атаману, чтобъ онъ ко изысканію истины, по требованіямъ вашимъ, прислалъ обстоятельной отвѣтъ, по которому и благоволите меня увѣдомить, подлинно ли описываемой поступокъ въ Дубовской станицѣ и отъ кого именно учиненъ, дабы виновные въ страхъ другимъ наказаны были.» Вмѣсто Циммермана и его драгунъ, для истребленія разбойниковъ назначены были казацкіе отряды, и начальникомъ надъ ними командированъ полковникъ Платовъ, одинъ изъ любимѣйшихъ героевъ войска Донскаго, впослѣдствіи гроза французовъ.

На щекотливые запросы воронежскаго губернатора войсковой атаманъ Персидскій отвѣчалъ:

«Пажити и денегъ за выпускъ ихъ (т. е. Зубакина

визіей, сенатору, государственной военной коллегіи вице-президенту, Новороссійской, Азовской и Астраханской губерній государеву намѣстнику (или генералъ-губернатору), войскъ тамъ поселенныхъ и Днѣпровской линіи главному командиру, ея императорскаго величества генералъ-адъютанту, дѣйствительному каммергеру, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подполковнику, кавалергардскаго корпуса поручику, кирасирскаго Новотроицкаго полка шефу, мастеровой и оружейной палаты верховному начальнику и разныхъ орденовъ кавалеру, свѣтлѣйшему князю Григорію Александровичу Потемкину — всепокорнѣйшій рапортъ». Замѣчательно, что все это безконечно-длинное перечисленіе оттѣнковъ въ титулѣ соблюдалось строжайшимъ образомъ, хотя часто случалось, что самый рапортъ, то есть сущность дѣла выходила короче титула Потемкина. Но такъ было принято. Потемкинъ пожалованъ княземъ Римской Имперіи 27 февр. 1776.

и Бѣлевцова) изъ-за карауала я во взятокъ никогда не бирывалъ.»

Атаманъ при этомъ оправдывался, что освободилъ ихъ изъ-подъ ареста «съ пажитью» и съ деньгами; что еще до ареста и послѣ освобожденія изъ-подъ караула разбойники продавали имѣвшіяся у нихъ вещи «несравненною цѣною», то есть дороже того (добавлялъ онъ), «какъ послѣ разбитія злодѣя Пугачова въ здѣшнихъ мѣстахъ многіе люди такія-жъ вещи продавали»; что освободилъ онъ ихъ на основаніи манифеста; что послѣ освобожденія дѣйствительно купилъ у Малахова лошадь, но заплатилъ за нее всѣ деньги сполна и т. д. «Показаніе-жъ ихъ ложное на меня не изъ чего другова происходитъ, какъ изъ одной злости, потому что чрезъ стараніе войсковой канцеляріи они сысканы и въ коммиссію взяты, и тѣмъ ихъ злодѣйство утаиться не могло.» Такъ заключалъ Персидскій свое оправданіе, забывая, что разбойники пойманы не ихъ стараніемъ.

То же самое отвѣчалъ братъ атамана, войсковой старшина Ѳедоръ Персидскій, говоря, что ни пажити, ни денегъ «во взятокъ я никогда не бирывалъ и не знаю и подъ видомъ покупки ничево я у себя не оставлялъ и не покупалъ» и т. д.

«А по освожденіи ихъ (добавлялъ Персидскій) чрезъ нѣсколько время, по просьбѣ, у купца Малахова я размѣнялъ червонныхъ имперіаловъ сто рублевъ на мелкія деньги, вмѣсто которыхъ онъ получилъ отъ меня мѣдныя и серебреныя, а послѣднія получилъ у чумака (цѣловальника) моего въ кабакѣ при людяхъ.»

По примѣру брата, онъ утверждалъ, что разбойники ложно показали на него по злобѣ.

Въ такихъ точно выраженіяхъ оправдывались и войсковой старшина Савельевъ, и войсковой дьякъ Кріулинъ.

Священникъ Николаевъ, котораго разбойники уличали въ стачкѣ съ дубовскими властями и въ томъ, что онъ бралъ ихъ на поруки, — отвѣчалъ, что на поруки онъ ихъ никогда не бралъ, а въ день освобожденія ихъ изъ-подъ караула зашелъ въ канцелярію по собственному дѣлу, совершенно случайно, и только росписался за нихъ въ полученіи имущества. «А послѣ того (признавался священникъ) они ко мнѣ на квартиру выпросились и были нѣсколько время, продавали разнымъ людямъ пажить; а во время-то ихъ у меня бытности довольствовалъ я ихъ своимъ хлѣбомъ и разною харчью, почему по счетѣ и оказалось за то издержанныхъ денегъ десять рублевъ, въ уплату которыхъ мнѣ оной купецъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Дубовки, отдалъ деньгами-жъ пять рублевъ, а за остальные изъ рухледи ветхой. А во взятокъ денегъ десяти рублевъ и никакой пажити не бирывалъ, что̀ и показываютъ они на меня ложно.»

Наконецъ, Зубакинъ увѣрялъ Циммермана, что, при освобожденіи его изъ-подъ ареста въ Дубовкѣ, онъ долженъ былъ дать взятку даже канцелярскому сторожу.

Въ такомъ-то неблагопріятномъ свѣтѣ выказывались поступки всего офиціяльнаго міра въ волжскомъ войскѣ. Дѣйствія дубовскихъ властей въ самомъ дѣлѣ

казались очень подозрительными: показаніе Зубакина было слишкомъ правдоподобно. Въ Дубовкѣ понимали это и потому представили воронежскому губернатору пространнѣйшее объясненіе и просили его «отъ напраснаго нареканія милостиво защитить и представить его свѣтлости, чтобы понапрасну за невѣдѣніе не могли понести какова отвѣта.» Но дѣло постановлено было такъ, что его трудно уже было поворотить назадъ. Все опрокинулось на представителей волжскаго войска: и члены военной коллегіи, и князь Потемкинъ, и воронежскій губернаторъ Потаповъ, и астраханскій губернаторъ Якобій, всѣ требовали строжайшаго суда надъ обвиненными, — и полетѣли ордеры по инстанціямъ, отъ высшей къ низшей, отъ военной коллегіи къ Потемкину, отъ Потемкина къ Потапову и Якобію, отъ Якобія къ астраханскому оберъ-коменданту генералу Левину, отъ него къ царицынскому коменданту полковнику Цыплетеву и т. д. Поступокъ дубовскихъ властей называется уже «гнуснымъ и не соотвѣтствующимъ званію ихъ поступкомъ». Цыплетевъ не стѣсняется бросать имъ въ лицо оскорбительное названіе «продерзателей». По приказанію Потемкина, Якобія и Левина, Цыплетевъ назначаетъ слѣдствіе и посылаетъ въ Дубовку секундъ-маіора Венцеля; ему велѣно, «какъ наивозможно яснѣе и доказательнѣе изслѣдовать, буде окажутся притчинниками по тому гнусному поступку объявленные старшины, привести ихъ въ Астрахань».

9 августа (1776 г.) обвиняемые призваны были въ коммиссію. Достойно особаго замѣчанія, что ду-

бовскія власти, когда пріѣхалъ къ нимъ Венцель, тотчасъ отвели ему квартиру, прислали на производство дѣла бумаги, сургучу, нитокъ, свѣчъ, чернильницъ, перьевъ и даже коробку для песку, дали въ караулъ казаковъ, а формально отвѣчать на вопросы не хотѣли... Они ссылались на то, что послали отъ себя объясненіе къ воронежскому губернатору, который представилъ ихъ отвѣты Потемкину; они просили Венцеля отложить слѣдствіе до другаго дня, чтобъ успѣть донести обо всемъ Цыплетеву. Дѣйствительно, они отправили Цыплетеву копіи съ отвѣтовъ, которые были посланы воронежскому губернатору, и «нижайше» просили Цыплетева объяснить все это Якобію. Но Цыплетевъ не уважилъ ихъ просьбы и въ жесткихъ выраженіяхъ относился о нихъ въ своемъ рапортѣ къ астраханскому оберъ-коменданту, говоря, что «оные отвѣты писаны единственно отъ самихъ тѣхъ написанныхъ продерзателей въ ихъ пользу и оправданіе», и даетъ этимъ отвѣтамъ эпитетъ «самопроизвольныхъ».

Но какъ бы то ни было, а слѣдствіе пока пріостановилось на время, и Венцель долженъ былъ уѣхать изъ Дубовки; тѣмъ не менѣе обвиняемые черезъ это ничего не выиграли, а только раздражили Якобія. Прочитавъ ихъ оправданія, онъ не перемѣнилъ своего мнѣнія и между прочимъ писалъ Цыплетеву: «рекомендую, не смотря ни на какіе ихъ отвѣты, произвесть... настоящее и какъ возможно непродолжительное слѣдствіе, ибо по силѣ повелѣнія его свѣтлости не только слѣдовать, но и судить ихъ довлѣетъ: но пока первое совершится, послѣднее до того времени

остается,—въ чемъ не оставьте дойтить до самой дѣла того истины, я же буду ожидать поспѣшнѣйшаго въ томъ содѣйствія.» Тогда наряжена была новая коммиссія, презусомъ въ которую командировали секундъ-маіора Титова съ другими офицерами. Прибывъ на мѣсто слѣдствія, Титовъ тотчасъ отправился къ атаману Персидскому, а на слѣдующій день разослалъ нарочныхъ казаковъ съ требованіемъ, чтобы всѣ лица, подлежащія слѣдствію, явились въ коммиссію. Это было 22 октября. Но войсковой атаманъ «отозвался тогда слабымъ» и не явился въ коммиссію. Титовъ назначилъ сборъ на 24 число, на понедѣльникъ, къ девятому часу утра; обвиняемые отвѣчали, что они готовы и будутъ въ коммиссіи. Но въ понедѣльникъ, на разсвѣтѣ, вѣстовой солдатъ доложилъ Титову, что войсковой атаманъ отправляется въ путь, а куда — неизвѣстно. Тогда Титовъ послалъ къ Персидскому находившагося при немъ офицера Кирсанова съ требованіемъ отложить этотъ «невременной» отъѣздъ и явиться въ коммиссію для отвѣтовъ. Кирсановъ засталъ атамана уже выѣхавшимъ со двора въ дорожной колескѣ и подойдя объяснилъ, зачѣмъ посланъ отъ Титова.

— Я отвѣты учинилъ отъ себя и самъ своеручно подписалъ,—отвѣчалъ Персидскій:—почему уже и не принадлежу къ нынѣшнему слѣдствію... А каковъ отвѣтъ состоялся, будетъ прислано къ маіору за извѣстіе, теперь же ѣду и ничего не опасаюсь.

Кирсановъ говорилъ, что атаманъ рискуетъ навлечь на себя гнѣвъ правительства «за ослушаніе

высокой команды повелѣнія»; что его могутъ задержать...

— Ничего не трушу! сказалъ Персидскій и уѣхалъ.

Черезъ часъ къ Титову принесли письменное объясненіе Персидскаго, которое онъ оставилъ, уѣзжая изъ Дубовки. Въ немъ было то же, что̀ и въ прежнихъ отвѣтахъ атамана; въ добавокъ только онъ обвиняетъ здѣсь Циммермана въ намѣренномъ умолчаніи о нѣкоторыхъ фактахъ, говорящихъ будто бы въ пользу волжскаго войска; онъ увѣряетъ, будто Циммерманъ вовсе не посылалъ къ нимъ поручика Куроша для отысканія разбойниковъ и проч. Относительно же самовольнаго отъѣзда изъ Дубовки онъ говоритъ, что получилъ на это приказаніе отъ Потемкина и Якобія и отправляется въ Петербургъ «къ его свѣтлости для самонужнѣйшихъ надобностей и испрошенія не полученнаго на войско денежнаго жалованья, какъ оное войску нынѣ весьма нужно для исправленія къ веснѣ къ переселенію на Терекъ въ силу имяннаго ея императорскаго величества повелѣнія». [1]) Донося обо всемъ этомъ Цыплетеву, Титовъ добавлялъ, что силой удержать Персидскаго онъ не могъ «по неимѣнію команды», и началъ производить слѣдствіе надъ остальными обвиняемыми; вытребовалъ изъ Камышина Пучка съ товарищемъ; потребовалъ отъ станичнаго начальства казака Кощеева, Брагина (о которомъ только теперь

[1]) Извѣстно, что послѣ усмиренія народнаго волненія 1773—75 годовъ, волжское войско переселено было на Терекъ за признаніе Пугачова государемъ и за подачу ему помощи.

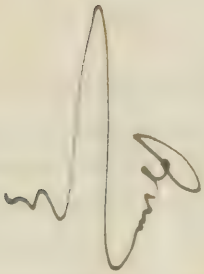
вспомнили) и другихъ. Пучка съ товарищемъ переслали, но о прочихъ полученъ отвѣтъ, что Кощеевъ находился въ Моздокскомъ казачьемъ полку, только оттуда бѣжалъ, а гдѣ самъ Брагинъ и другіе—никому неизвѣстно.

Не будемъ вдаваться въ утомительныя подробности этого дѣла: скажемъ только, что чѣмъ дальше изслѣдовалось оно, тѣмъ болѣе падало подозрѣнія на войсковаго атамана и его сослуживцевъ. Пучокъ съ товарищемъ на допросахъ показали, что знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ о томъ, что происходило въ Дубовкѣ. Между тѣмъ, по пріѣздѣ войсковаго атамана изъ Петербурга, назначенъ былъ вмѣсто Титова новый слѣдователь, капитанъ Масленниковъ. Время шло, а дѣло все запутывалось и запутывалось. Даны были очныя ставки атаману съ другими обвиняемыми. Взятъ и Кощеевъ уже въ 1778 году; — появились новыя шайки разбойниковъ; въ народѣ началъ, наконецъ, ходить слухъ и говоръ о новомъ появленіи того страннаго призрака, возмущавшаго народное спокойствіе въ продолженіе десятковъ лѣтъ, того вѣчно выходившаго изъ гроба государя Петра Ѳедоровича, имя котораго принимали на себя столько смѣльчаковъ, однимъ словомъ, заговорили о новомъ самозванцѣ, Ханинѣ; переселили, наконецъ, все волжское войско на Терекъ, а дѣло о Зубакинѣ и подозрительныхъ поступкахъ дубовскихъ начальниковъ не кончалось. Въ коммиссіи перебывало много лицъ, имена которыхъ замѣшаны были въ дѣло или со стороны разбойниковъ, или со стороны дубовскихъ властей; призывались въ

судъ и женщины, безъ которыхъ едва ли обходилось хоть одно дѣло въ ту смутную пору. Но какъ ни путали слѣдствіе, все-таки доходили до того заключенія, что волжское войско было виновато; что люди, подобные Зубакину, дѣйствовали бы осторожнѣе при лучшихъ органахъ администраціи; одинъ изъ слѣдователей прямо выразился о Персидскомъ, что манифестъ о преданіи забытію преступленій пугачовщины «у него (т. е. у Персидскаго), какъ видно, еще на цѣлой вѣкъ останется.»

1778 годомъ кончаются свѣдѣнія о Зубакинѣ и о Персидскомъ. А Брагинъ какъ въ воду канулъ. Можетъ быть, судьба его тогда же рѣшилась въ Верхоломовской воеводской карцеляріи, а можетъ быть, онъ сформировалъ новую шайку и еще долго навѣщалъ госпожу Агишеву: ничего объ этомъ неизвѣстно. По всей вѣроятности, участь Зубакина съ Брагинымъ окончательно рѣшилась точно такъ, какъ и всѣхъ подобныхъ людей: — сначала простой допросъ, потомъ «пристрастный» съ увѣщаніями духовника, или, по тогдашнему канцелярскому выраженію, «допросъ подъ пристрастіемъ плетей и батожьевъ», затѣмъ кнутъ, висѣлица или Сибирь — все какъ водится. Но интереснѣе всего здѣсь то, что послѣ разгрома шайки Брагина и Зубакина, въ томъ же году пришлось громить нѣсколько новыхъ скопищъ: вмѣсто Брагина на сцену являются новыя лица, новые атаманы и эсаулы и дѣлаютъ то же, что дѣлали ихъ предшественники.

КОНЕЦЪ.



СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Атаманъ Ивановъ и эсаулъ Юдинъ	1
Атаманъ Кулага	27
Атаманъ Заметаевъ	48
Атаманъ Филиповъ и разбойникъ Сучковъ	71
Атаманъ Буковъ и Тимофѣевъ	104
Атаманъ Шагала и Рыжій	125
Атаманъ Дегтяренко	166
Атаманъ Брагинъ и разбойникъ Зубакинъ	193

Rue de Poste

App Glavany N 11 - 13.

N 2

Biletzky.

DK
183
M6

Mordovtsev, Daniil Lukich
Samozvantsy.

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 12 12 05 012 4